DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

Digitized by the Internet Archive
in 2019 with funding from
Duke University Libraries

https://archive.org/details/gosudarstvovgosu01piat

Виктору Петровичу
Буренину
На добрую память
от

Piatkovskii, A. P.

ГОСУДАРСТВО

ВЪ

ГОСУДАРСТВѢ.

(Къ исторіи еврейскаго вопроса въ Россіи и въ Западной Европѣ)

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

А. П. Пятковскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, № 40.
1901.

296.J941
P582

Отъ автора.

«Ложью весь свѣтъ пройдешь, только назадъ не воротишься»!

Народная пословица.

Еврейскій вопросъ и въ Западной Европѣ, и у насъ въ Россіи, достигъ такой рѣзкой остроты, такого серьезнаго политическаго значенія, что онъ несомнѣнно требуетъ къ себѣ и особеннаго, неослабнаго вниманія со стороны всѣхъ народовъ и правительствъ, заинтересованныхъ въ его правильномъ разрѣшеніи.

Долгое время евреи тщательно скрывали *настоящій человѣконенавистническій смыслъ* своихъ религіозно-политическихъ кодексовъ, угрожая даже смертною казнью всѣмъ разоблачителямъ этого національнаго секрета. Но съ тѣхъ поръ какъ первая французская революція неосторожно провозгласила,— не познакомившись съ талмудомъ, — гражданскую терпимость этого антисоціальнаго ученія съ отпечаткомъ варварства вавилонско-халдейскихъ временъ, коноводы еврейства, чтобы сколько нибудь оправдать такую терпимость, придумали, путемъ умолчаній и подтасовокъ, *приблизить* свое ученіе къ «декларацiи правъ человѣка». Отсюда — ихъ стремленіе прикрываться флагомъ «либерализма», «гуманности», «прогресса» и т. д., хотя подъ этимъ обманнымъ корсарскимъ флагомъ проходитъ грузъ жесточайшаго деспотизма, ретроградства и лютой ненависти ко всему человѣчеству, кромѣ еврейскаго племени, предназначеннаго, якобы по волѣ самого Божества. разъигрывать на свѣтѣ роль какой-то «прирожденной всемірной аристократіи».

Всѣ, слишкомъ уже извѣстныя, послѣдствія «еврейской равноправности» давно заставили усомниться въ справедливости отожествленія племенныхъ затѣй израиля съ задачами общечеловѣческой цивилизаціи и культуры. Уже Наполеонъ I, усомнившись въ честности намѣреній талмудистовъ, потребовалъ отъ еврейскаго синедріона изложить въ особой программѣ мало знакомыя во Франціи основы этого ученія, и синедріонъ въ 1807 г., куря ѳиміамъ императору, поспѣшилъ увѣрить его, что новые французскіе граждане будутъ-де считать Францію *своимъ отечествомъ*, а французовъ—*братьями*, хотя въ то же время полноправные жиды совсѣмъ не по-братски разорили и обезземелили несчастныхъ крестьянъ въ Эльзасѣ и

Лотарингіи [1]) Впрочемъ, лукавыя постановленія этого синедріона, предназначенныя только для отвода глазъ «гоямъ», никогда не считались обязательными для правовѣрныхъ евреевъ.

Пользуясь равноправностью во Франціи только для успѣшнѣйшаго достиженія своихъ узко-племенныхъ интересовъ, жиды въ пресловутомъ процессѣ Дрейфуса наглядно показали уже, насколько они сроднились съ гостепріимнымъ народомъ и какъ отблагодарили его за довѣрчивое гостепріимство...

Русскіе жиды также усиленно, и съ такими же точно цѣлями, добиваются этой «равноправности», въ чемъ ихъ дружно поддерживаетъ вся—по имени русская, а по стремленіямъ чисто жидовская—періодическая печать.

Въ предлагаемой книгѣ я собралъ цѣлый рядъ статей, посвященныхъ мною въ разное время разсмотрѣнію еврейскаго вопроса, какъ въ его исторіи, такъ и въ современномъ положеніи. Чтобы не говорить голословно объ истинномъ характерѣ еврейскихъ религіозно-политическихъ кодексовъ, я помѣстилъ въ этомъ сборникѣ переводъ любопытнѣйшихъ постановленій шулханъ-аруха,—этого резонированнаго и обязательнаго для всѣхъ евреевъ экстракта изъ талмуда, — переводъ, сдѣланный со всею точностью однимъ изъ бывшихъ цензоровъ по еврейской литературѣ. Въ этихъ цитатахъ еврейскій кодексъ говоритъ *самъ за себя*, и по нимъ можно вполнѣ безпристрастно судить о его мнимомъ сродствѣ съ «либерализмомъ», «прогрессомъ» и прочими однородными понятіями, возросшими на совершенно другой—христіанской—почвѣ и при другихъ историческихъ условіяхъ.

Россія, въ рѣшеніи еврейскаго вопроса, имѣетъ то громадное преимущество предъ западно-европейскими государствами, что наши мудрѣйшіе цари, держась прогрессивно-національнаго направленія, никогда не признавали фарисейскаго талмудизма тожественнымъ не только съ съ евангельскимъ ученіемъ, но и съ моисеевымъ закономъ; никогда не давали талмудистамъ,—какъ отъявленнымъ врагамъ всякаго «гоимскаго» государства и народа,—полныхъ гражданскихъ правъ, и если дѣлали нѣкоторыя нежелательныя исключенія изъ общаго правила, то послѣдствія уже блистательно доказали, насколько эти исключенія послужили во благо русскому народу...

А. Пятковскій.

---

[1]) Исторія созванія синедріона и того обмана, къ которому прибѣгли еврейскіе раввины, чтобы не лишиться во Франціи своихъ гражданскихъ правъ, подробно и безпристрастно разсказана въ „Исторіи русскаго законодательства о евреяхъ“ кн. Н. Н. Голицына (Спб. 1886 г. изд. мин. вн. дѣлъ, гл. II, стр. 491—543). Обращая вниманіе государственнаго совѣта на вредъ, приносимый евреями, Наполеонъ говорилъ между прочимъ:... „Не жалуются ни на протестантовъ, ни на католиковъ такъ, какъ жалуются на евреевъ; это отъ того, что *зло, дѣлаемое евреями, идетъ не отъ личностей, но отъ самаго склада этого народа: это червяки, саранча, которые опустошаютъ Францію*“.

Евреи въ Россіи.

(Отъ древнихъ временъ до конца царствованія Екатерины II-ой).

I.

Толки въ нашей прессѣ о необходимости окончательнаго разрѣшенія «еврейскаго вопроса».—Доброжелатели, указывающіе на якобы «правильный» путь къ его разрѣшенію.—Слухи, попавшіе и въ печать, объ учрежденіи «еврейскаго отдѣла» въ составѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. — Противорѣчивость разныхъ постановленій и необходимость ихъ согласованія между собою.—Усиливающееся вліяніе еврейства на современное движеніе экономической и государственной жизни въ Западной Европѣ. — Еврейскія притязанія на *міровую гегемонію* и еврейская этика.—Жидовскіе захваты въ нашемъ отечествѣ, оправдываемые «либеральными» и «гуманными» мотивами.—Жиды въ качествѣ опекуновъ надъ христіанами. — Натискъ жидовъ въ дворянство, въ администрацію, въ судебное вѣдомство и въ адвокатуру. — Еврейскіе банки и банкирскія конторы.—Попытки русскихъ жидовъ прорваться въ деревню и поработить ее.—Фабрикація «общественнаго мнѣнія» путемъ продажной и запуганной прессы.—Фальшивый парламентаризмъ, какъ наиболѣе удобная форма для господства евреевъ. — Ретроспективный взглядъ на прошлое еврейскаго вопроса въ Россіи.

Уже много лѣтъ въ нашей прессѣ идутъ оживленные толки о необходимости окончательнаго разрѣшенія «еврейскаго вопроса», а въ офиціальныхъ вѣдомствахъ учреждаются съ этою цѣлью комитеты и комисіи, все таки не приводящіе къ какому нибудь опредѣленному концу, въ томъ или другомъ смыслѣ... Появились даже охотники утверждать, что еврейскій вопросъ «неразрѣшимъ» и что его нужно оставить въ томъ же смутномъ положеніи, въ которомъ онъ находится понынѣ,—убѣжденіе, приходящееся какъ нельзя болѣе на руку самимъ сынамъ «избраннаго народа», хотя оно и вы-

сказывалось иногда лицами, не причислявшими себя къ юдофильской партіи...

Но въ то время, когда колеблющіеся и плохо убѣжденные противники еврейской гегемоніи идутъ на жалкіе компромиссы и сами усиливаютъ тягость современнаго двойственнаго положенія, признавая въ немъ какую-то фатальную неизбѣжность, — противная сторона дѣйствуетъ дружно и смѣло, рекомендуя, какъ единственно-правильный путь къ разрѣшенію этого вопроса, снятіе черты еврейской осѣдлости и *безпрепятственное разселеніе жидовъ* по всему лицу земли русской... Наши юдофилы только и ждутъ этого счастливаго для нихъ момента, чтобы провозгласить окончательное торжество еврейскаго элемента въ Россіи!

Такого рода мѣра, однако, возбуждаетъ естественную оппозицію—не столько въ печати, почти сплошь попавшей подъ жидовское иго, сколько въ массѣ народа и въ благоразумнѣйшей части русскаго общества, знакомаго не по наслышкѣ съ существомъ еврейскаго міровоззрѣнія и съ практикою еврейскихъ захватовъ. «Осуществленіе подобнаго совѣта «либераловъ» (т. е. точнѣе: людей, прикрывающихъ либеральною кличкою деспотическія стремленія кагала)—говоритъ авторъ статьи, напечатанной въ нашемъ журналѣ,—было бы равносильно не только отсутствію вѣры въ самостоятельное свѣтлое будущее наиболѣе обширнаго и даровитаго славянскаго племени, но и совершенію надъ нимъ самаго ужаснаго изъ всѣхъ насилій, ибо такого рода актъ несомнѣнно явился бы *матеріальнымъ и политическимъ убійствомъ русскаго народа* и окончательнымъ торжествомъ многовѣковыхъ еврейскихъ вожделѣній» [1]).

Также недружелюбно отнесся, 20 лѣтъ тому назадъ, къ злосчастной мысли о еврейской равноправности и другой нашъ сотрудникъ, проф. Ѳ. И. Леонтовичъ, въ прекрасной, глубоко обдуманной статьѣ: «Что̀ намъ дѣлать съ еврейскимъ вопросомъ»? [2]).

«Кто рѣшится утверждать,—въ справедливомъ недоумѣніи спрашивалъ авторъ,—что путемъ законодательныхъ мѣръ «уравненія въ правахъ» степной киргизъ сразу оставитъ свою хищническую

---

[1]) См. «Наблюдатель» 1899 г. № 11, «Еврейство и либерализмъ», стр. 201, статья Е. Орловскаго.

[2]) См. «Наблюдатель» 1882 г., №№ 5 и 6. Статья эта была доставлена мнѣ лично покойнымъ профессоромъ и академикомъ В. Г. Васильевскимъ, который не могъ помѣстить ее въ редактируемомъ имъ «Журналѣ Министерства Нар. Просвѣщенія» только потому, что она имѣла слишкомъ животрепещущій политическій характеръ, — неудобный для офиціальнаго изданія, — хотя самъ и раздѣлялъ вполнѣ взгляды автора.

культуру, перестанетъ съ отвращеніемъ относиться къ мирному труду земледѣльца и свободно усвоитъ цивилизацію осѣдлаго люда? *Для хищника понятно и желательно только одно уравненіе въ правахъ — право на свободное и безграничное хищничество*: — въ этомъ, и только въ этомъ одномъ, и заключается для него весь смыслъ теоріи невмѣшательства. *Для него совершенно недоступно и непонятно то, отрѣшенное отъ условій времени и мѣста, ученіе о «правахъ человѣка», которое лежитъ въ основѣ упомянутой теоріи.* То же нужно сказать и въ данномъ случаѣ: для еврея, взросшаго *въ сложившейся вѣками общественной обстановкѣ еврейства*, обязаннаго строго исполнять талмудическое ученіе о разныхъ «хазакахъ» и «меропіе» [1]) и пр., теорія невмѣшательства и уравненія въ правахъ будетъ значить не больше, какъ *право на нестѣсняемую никѣмъ и ничѣмъ эксплуатацію и господство надъ фактически зависимымъ отъ него крестьянскимъ людомъ*... Можно ли довѣрять универсальной силѣ политики невмѣшательства, если явленія самой жизни неопровержимо доказываютъ, что, при данныхъ конкретныхъ условіяхъ соціальнаго и экономическаго быта народа, осуществить всѣ требованія политики невмѣшательства— значило бы просто *раскрыть широкій абсолютный просторъ не для умиротворенія, но прямо для открытой борьбы на жизнь и смерть* между враждебными и замкнутыми въ себѣ элементами жизни?! Говорить и настаивать на политикѣ невмѣшательства или—что̀ одно и то же—требовать установленія полнаго и безусловнаго «равноправія» для всей еврейской массы съ отмѣной всяческихъ ограниченій, существующихъ нынѣ по еврейскому вопросу, — значитъ, по нашему разумѣнію, *закрывать глаза передъ*

---

[1]) Меропіе—значитъ въ буквальномъ смыслѣ, *затменіе* на христіанина. И «хазака» (въ просторѣчіи: «хайзувка»), и «меропіе» — узаконены талмудомъ, какъ способы эксплуатированія евреемъ имущества и личности христіанина. По талмуду, «богъ предалъ всѣ народы въ распоряженіе іудеевъ» (Вава-Катта, 38); «весь Израиль — *дѣти царей*; оскорбляющіе іудея оскорбляютъ самого бога (Sihab, 67, 1) и «подлежатъ смертной казни, какъ за оскорбленіе величества» (Sanh., 58, 2); благочестивые люди другихъ народовъ, удостоенные участія въ царствованіи мессіи, *займутъ роль рабовъ у евреевъ* (Sanh., 91, 21, 1051). Съ этой точки зрѣнія, весьма послѣдовательно и со звѣрскою жестокостью проведенной въ талмудѣ, вся собственность въ мірѣ принадлежитъ жидамъ и владѣющіе ею христіане являются только узурпаторами, у которыхъ эта собственность будетъ отнята раньше или позже. Когда еврейскій народъ будетъ превышать численностью всѣ остальные народы (что̀ весьма возможно, мѣстами, при необычайной физіологической плодливости этого племени), то богъ отдастъ жидамъ всѣ народы *на окончательное истребленіе.* («Матеріалы комиссіи по устройству быта евреевъ». Спб. 1879 г. «Записка по еврейскому вопросу» сѣдлецкаго губернатора С. С. Громеки, стр. 415).

фактами дѣйствительной жизни. Послѣдняя яркими фактами неопровержимо доказываетъ, что если въ статьяхъ закона еврей является «неравноправнымъ» гражданиномъ своей страны, то *на дѣлѣ, въ самой жизни, замѣчается нѣчто иное*: «неравноправный» по закону еврей, всегда и вездѣ опирающійся на организованную силу и мощь своей общины, является «властнымъ господиномъ» и нерѣдко заправляетъ всей судьбой приниженной и недисциплинированной массы крестьянскаго населенія».

Переходя къ обычной уловкѣ юдофиловъ—увѣрять, что вторженіе еврейства въ крестьянскую жизнь парализуетъ въ ней вредное вліяніе русскаго кулачества, внесетъ-де капиталы, предпріимчивость и пр.,—г. Леонтовичъ разрушаетъ эту лукавую иллюзію очень вѣскими соображеніями:

«Повѣримъ всему, что̀ говорятъ о русскомъ людѣ, у котораго будто бы сидитъ кулакъ на кулакѣ и кулакомъ погоняетъ: «честному человѣку нельзя-де удержаться въ этой сферѣ» и т. п. Но нужно вѣрить и отзывамъ компетентныхъ знатоковъ еврейства, хоть отзывамъ покойнаго Оршанскаго, констатировавшаго наслѣдственныя черты еврейства:—«умѣнье извлекать изо всего пользу», изворотливость. предпріимчивость и т. п. («Русское законодательство о евреяхъ» стр. 239). Оставимъ другія «напраслины» о еврейской эксплуатаціи. Еврей *ищетъ вездѣ пользы*, т. е. что̀ это значитъ?—*не стремится ли онъ къ тому же самому, что и русскій кулакъ-монополистъ*, всегда ищущій только «своей пользы»? Но здѣсь, въ направленіи и обстановкѣ дѣятельности обоихъ, есть большая разница: *русскій кулакъ всегда дѣйствуетъ въ одиночку*, не знаетъ никакой солидарности съ другими подобными ему кулаками; ловкій же и изворотливый промышленникъ-еврей *боится одиночества, всегда и вездѣ дѣйствуетъ en masse, окруженный и поддерживаемый крѣпкой организаціей своей общины, съ ея стачками* и пр. Думаемъ, что пустить предпріимчиваго организатора-еврея въ конкурренцію съ русскимъ кулакомъ *значило бы пустить въ одну берлогу двухъ медвѣдей*,—значило бы къ одному народному злу, русскому кулачеству, привить искусственно новое, далеко горшее зло, возведенное на степень высшаго искусства, науки. У насъ большинство инородцевъ недаромъ выдѣляется въ свои «гетто»: впустить внутрь Россіи киргиза или калмыка со всей кочевой и хищнической обстановкой ихъ жизни — можно только подъ условіемъ коренной перемѣны всей ихъ, вѣками слагавшейся, застарѣлой культуры, а такая перемѣна не во власти одного поколѣнія, тѣмъ менѣе законодателя. То же самое нужно сказать и о южномъ хищномъ горцѣ, то же и объ евреяхъ: *пусть оставятъ они своеобраз-*

ную національную культуру, идущую вразрѣзъ и враждебную съ бытомъ тѣхъ народностей, въ «равноправные» сосѣди къ которымъ ихъ желаютъ допустить; но это вѣдь дѣлается не въ день и годъ, а цѣлыми вѣками».

При этомъ авторъ статьи приводитъ мнѣніе честнаго и талантливаго знатока еврейскаго вопроса, профессора Дюринга, сказавшаго, что этотъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ въ корнѣ только усиліями и культурными средствами не одного, а многихъ вѣковъ,—усиліями, хорошо направленными къ одной опредѣленной цѣли: *обезвредить племя*, «грозящее опасностью всѣмъ современнымъ народамъ». («Die Judenfrage»). Чтобы скорѣе и надежнѣе достигнуть этой цѣли: дезинфецировать зараженную вѣковыми міазмами еврейскую среду, г. Леонтовичъ рекомендуетъ, кромѣ охранительной — для эксплуатируемаго народонаселенія — силы и авторитетности государственнаго закона, еще и положительныя культурныя воздѣйствія на народную массу, не только христіанскую, но и еврейскую, разыгрывающую очень жалкую роль въ рукахъ своихъ деспотическихъ главарей и вожаковъ. Въ народной массѣ,—по его мнѣнію,—выносящей на своихъ плечахъ всю тяжесть еврейскаго вопроса, необходимо вызвать умиротворяющія культурныя силы путемъ развитія и поднятія ея на уровень общаго народнаго образованія. Одно лишь человѣческое образованіе, доступное для всѣхъ и каждаго, можетъ не только дать нашему простолюдину средства и возможность подняться на одинъ культурный уровень съ организованной еврейской средой, но и вызвать въ послѣдней возможность мирныхъ, солидарныхъ отношеній къ коренному населенію, *безъ замкнутости и отчужденности*,—этихъ печальныхъ послѣдствій всей прошлой исторіи еврейскаго племени.

Если подвести краткіе итоги всему высказанному проф. Леонтовичемъ по части еврейскаго вопроса, то мы придемъ къ слѣдующимъ положеніямъ: 1) всѣмъ правительствамъ, подъ вѣдѣніемъ которыхъ находится хоть одна часть неудобнаго въ соціологическомъ смыслѣ еврейскаго племени, надлежитъ всѣми мѣрами заботиться *о возвышеніи образовательнаго и культурнаго уровня кореннаго народонаселенія*, а съ тѣмъ вмѣстѣ о разрушеніи замкнутости и отчужденности племени пришлаго; 2) до возвышенія же этого уровня и до перевоспитанія пришлецовъ въ духѣ гуманной цивилизаціи, чуждой талмудическаго человѣконенавистничества, невозможно и думать о предоставленіи пришлецамъ-кочевникамъ такого «полноправія», которое только отращало бы у нихъ когти, предназначенные для растерзанія человѣческихъ жертвъ.

Въ теченіе 20 лѣтъ своего существованія, «Наблюдатель» по-

святилъ еврейскому вопросу цѣлую серію статей и изслѣдованій, въ которыхъ стремился выяснить, съ одной стороны, истинную сущность талмудическаго ученія, исказившаго лучшія стороны моисеева законодательства (причемъ приводились въ точномъ переводѣ подлинныя цитаты изъ талмуда и шулханъ-аруха) [1]); а съ другой — указывалъ тѣ мѣры предосторожности, которыя должны быть приняты у насъ, прежде чѣмъ поднимать, — къ ужасу всей Россіи,—шлагбаумъ «черты еврейской осѣдлости»...

Тѣмъ временемъ практическая жизнь шла своимъ чередомъ, мало сообразуясь съ желаніями и интересами большинства русскаго народа и общества, а еврейскіе захваты во всѣхъ областяхъ шли все дальше и дальше, добираясь до самыхъ глубокихъ основъ нашего государственнаго и національнаго бытія. Понятно, что эти захваты, для которыхъ не было никакого оправданія,—ни историческаго, ни логическаго, — и которыя объяснялись только отсутствіемъ твердой политики по отношенію къ еврейскому вопросу,— законнымъ образомъ волновали русское общество, оскорбляя въ немъ чувство національнаго самосознанія, и возбуждали множество разныхъ толковъ по поводу совершившихся фактовъ.

Слухи о признанной необходимости обезпечить еврейскому вопросу правильное разрѣшеніе въ государственной практикѣ возобновились съ особенною силою въ послѣднее время, и мы читаемъ уже въ газетахъ извѣстіе объ учрежденіи въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ *особаго отдѣла, въ которомъ будутъ сосредоточены еврейскія дѣла*, нынѣ разбросанныя по всѣмъ вѣдомствамъ и разрѣшаемыя, такъ или иначе, безъ общей связи и послѣдовательности.

Новая еврейская газета «Будущность» дала себѣ даже трудъ формулировать тѣ мотивы, которые побудили наше правительство къ учрежденію этого новаго отдѣла.

«Главное неудобство—по свѣдѣніямъ этой, очевидно, инспирированной газеты — заключалось въ невозможности для каждаго отдѣльнаго вѣдомства разсмотрѣть вопросы еврейскаго быта достаточно разносторонне, *въ связи съ общимъ духомъ законодательства о евреяхъ и съ рѣшеніями другихъ вѣдомствъ по аналогическимъ*

---

[1]) См. статью г. Тембе (Н. Туганъ-Барановскаго): «Народъ по еврейскому законодательству, древнему и новому» («Наблюдатель» 1893 г., № 5); его же: «Галаха и Агада» (1893 г. № 11); статьи «Талмудъ вавилонскій» 1891 г., №№ 4 и 5); «Шулханъ Арухъ» (1891 г. № 6) и пр., и пр. Нѣкоторая часть этихъ статей поименована въ «Указателѣ» къ журналу за 12 лѣтъ изданія (съ 1882 по 1894 г.), но и послѣ 1894 г. журналъ много разъ касался этого вопроса въ разныхъ своихъ отдѣлахъ.

дѣламъ. Тутъ почти неизбѣжны извѣстная непослѣдовательность, противорѣчивость, обусловливаемая различіемъ матеріала, находящагося въ распоряженіи отдѣльныхъ учрежденій, *различіемъ въ теоретическихъ взглядахъ* (?) и, наконецъ, *индивидуальными свойствами* (?!) лицъ и учрежденій, играющими немаловажную роль. Опытъ показываетъ, что мѣропріятія и рѣшенія по еврейскимъ дѣламъ, исходящія изъ различныхъ вѣдомствъ, часто не находятся въ строгомъ соотвѣтствіи ни между собою, ни съ общимъ духомъ законодательства, — и заинтересованнымъ лицамъ приходится обращаться съ жалобами *въ первый департаментъ правительствующаго сената, призванный блюсти за тѣмъ, чтобы административныя учрежденія въ частныхъ вопросахъ не уклонялись отъ общаго направленія* законодательства. Сенатская практика— по мнѣнію газеты—много содѣйствуетъ распространенію правильнаго толкованія законовъ о евреяхъ; но, какъ извѣстно, сенатскія опредѣленія, до исполненія ихъ, передаются на предварительное разсмотрѣніе въ соотвѣтствующія вѣдомства, которыя, въ случаѣ несогласія, задерживаютъ окончательное разрѣшеніе дѣла. Отдѣльныя вѣдомства отстаиваютъ свои спеціальные взгляды на дѣло, а отсюда возникаетъ устойчивость существующаго разномыслія и въ лучшемъ случаѣ—промедленіе въ надлежащемъ осуществленіи правильнаго (?) рѣшенія».

Откуда бы ни получила свои свѣдѣнія завѣдомо-еврейская газета, но указанный мотивъ къ пересмотру законодательства о евреяхъ весьма вѣроятенъ и если онъ, дѣйствительно, руководитъ задачами предполагаемаго «отдѣла», то мы находимся, значитъ, *наканунѣ* окончательнаго рѣшенія еврейскаго вопроса въ томъ или другомъ смыслѣ. Только напрасно еврейская газета, осуждая въ противорѣчіяхъ всѣ вѣдомства, рѣшающіяся еврейскія дѣла, поетъ гимны одному сенату, который, будто бы, только и блюдетъ чистоту «общаго направленія» законодательства... Напротивъ, эта противорѣчивость также свойственна сенатскимъ указамъ, какъ и министерскимъ распоряженіямъ. Еврейской газетѣ можетъ, конечно, нравиться сенатскій указъ, разрѣшающій еврейскимъ торговцамъ *не писать* на вывѣскахъ своихъ подлинныхъ именъ, обличающихъ ихъ происхожденіе,—въ отмѣну распоряженія бывшаго с.-петербургскаго градоначальника Грессера, но весьма сомнительно, чтобы эта отмѣна вполнѣ резоннаго административнаго требованія совпадала съ «общимъ направленіемъ» нашего законодательства о евреяхъ. Вѣдь наше законодательство, не взирая на частныя льготы и исключенія, *въ общемъ* совсѣмъ не питаетъ довѣрія къ еврейскому племени, не даетъ ему и полноправія, ограничивая для него

русскую территорію «чертою осѣдлости», а нерѣдко даже высылаетъ гуртомъ жидовъ изъ незаконно засиженныхъ ими мѣстъ. Если даже признать, что обязательное выставленіе на вывѣскѣ настоящаго еврейскаго, а не фальсифицированнаго, имени торговца есть предохранительное указаніе для покупателя, не желающаго попадать въ жидовскую ловушку (какъ, можетъ быть, и имѣлъ въ виду генералъ Грессеръ), то и такое распоряженіе отнюдь не противорѣчило бы *общему духу недовѣрія къ еврейству.* Но въ данномъ случаѣ дѣло обстоитъ еще проще и безобиднѣе, и только одни евреи, имѣющіе особыя причины скрывать свое происхожденіе, даже стыдиться его и укорять другихъ въ родствѣ съ израилемъ (пріемъ, много разъ употреблявшійся ими противъ враговъ, не смотря на его очевидную безтактность)—только они одни, *по своей же собственной винѣ*, должны прибѣгать къ маскировкѣ и утаивать свою волчью голову подъ «красной шапочкой» доброй бабушки... Почему же это христіанинъ-торговецъ не имѣетъ права утаивать свое имя на вывѣскѣ, да и самъ не подумаетъ даже замѣнять его жидовскимъ, а еврей или совсѣмъ скрываетъ имя, или обращаетъ его въ псевдонимъ?!

Немалое удивленіе въ русскомъ обществѣ произвело и постановленіе сената о матрикулированіи въ дворянскія родословныя книги евреевъ-талмудистовъ, дослужившихся до владимірскаго креста или генеральскаго чина, въ прямое нарушеніе статьи 1106, т. IX, по которой категорически воспрещено причислять къ дворянству лицъ еврейскаго происхожденія, хотя бы даже принявшихъ христіанство. По справедливому замѣчанію бывшаго предводителя дворянства г. А. де-Плансона [1]), смыслъ новаго сенатскаго постановленія по департаменту герольдіи (прежнія постановленія, какъ извѣстно, не имѣли такого юдофильскаго характера) резюмируется такимъ образомъ: «Евреи-талмудисты, ихъ сыновья и потомки, *если они тоже талмудисты*, имѣютъ право на дворянское достоинство, а дворянскія общества обязаны принимать ихъ дѣтей на дворянскій счетъ, баллотировать ихъ на всякія должности (между прочимъ, и дворянскихъ предводителей) и т. д., *но еврей, принявшій христіанскую вѣру, и всѣ его потомки-христіане, на основаніи статьи 1106-й, лишаются этихъ правъ и уже никогда не могутъ стать дворянами*». Вышла какая-то особая дворянская привилегія еврейству за неуклонное сохраненіе талмудическаго правовѣрія!.. Это ли называется послѣдовательностью въ духѣ «общаго направленія» нашего законодательства о евреяхъ?

---

[1]) «Наблюдатель» 1900 г., № 2.

Только въ самое послѣднее время сенатъ (*кассаціонный*, а не старый) оживилъ подавленный духъ русскихъ людей, признавъ въ шкловскомъ избіеніи русскихъ солдатъ жидами признаки *племенной и религіозной вражды къ христіанамъ*, тогда какъ въ совершенно однородномъ дѣлѣ избитаго минскаго патруля судебная палата нашла только простую уличную драку! Теперь остріе закона, направлявшееся исключительно противъ христіанъ,—будто бы зараженныхъ слѣпою ненавистью къ «гонимымъ» евреямъ,—повернулось, къ счастію, противъ талмудистовъ, страдающихъ этимъ грѣхомъ гораздо больше...

Но, отбросивъ въ сторону якобы прямолинейную вѣрность сената основному духу нашего законодательства о евреяхъ, несовсѣмъ точно рекламируемую названной газетой,—противорѣчій въ дѣлѣ рѣшенія еврейскаго вопроса у насъ, дѣйствительно, не оберешься. Въ самой основѣ нашихъ законовъ о евреяхъ, начиная съ Екатерины II и до настоящаго времени, лежитъ цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ, часто противоположныхъ и взаимно отрицающихъ себя мотивовъ: *вѣроисповѣдно-національныхъ* («различія закона и народа»), *монопольно-экономическихъ* (отрицаніе экономической свободы), *утилитарно-покровительственныхъ* («извлеченіе изъ еврейскаго племени пользы для государства»), *нравственно-воспитательныхъ* («перевоспитаніе» и улучшеніе евреевъ) охранительно-общественныхъ (обереганіе народа отъ вредныхъ экономическихъ и общественныхъ вліяній). Конечныя цѣли этихъ законодательныхъ мѣръ объясняются тѣмъ, что 1) наше правительство искренно стремилось сдѣлать изъ евреевъ полезныхъ гражданъ русской земли, и 2) соблюсти по возможности интересы цѣлаго государства и отдѣльныхъ его сословій, преимущественно крестьянскаго, тамъ, гдѣ по особымъ историческимъ условіямъ интересы эти настоятельно требовали защиты и покровительства закона. Въ этихъ видахъ, русскій законъ поперемѣнно прибѣгалъ то къ политикѣ стѣсненій и ограниченій еврейскихъ правъ, то къ системѣ покровительственной, не отступая, однако, ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ отъ правительственной опеки надъ всѣмъ строемъ жизни еврейскаго населенія.

Достигъ ли русскій законъ тѣхъ цѣлей, къ какимъ стремился въ теченіе цѣлаго столѣтія? Исчезла ли старая замкнутость и обособленность евреевъ отъ всего остальнаго населенія, создавшая изъ нихъ (по признанію многихъ членовъ правительственныхъ еврейскихъ комисій и самого департамента законовъ Государственнаго Совѣта) особое «государство въ государствѣ», «какую-то *религіозно-политическую касту*», которая вызываетъ на бой и даже борется

успѣшно съ хорошо-организованными правительствами, отнюдь не подчиняясь общегосударственнымъ цѣлямъ и сохраняя вполнѣ свои сепаративныя національныя стремленія, свой религіозно-политическій кодексъ, противорѣчащій, отъ перваго до послѣдняго пункта, всѣмъ основнымъ началамъ европейской цивилизаціи и государственнаго строя? Не парализовались ли у насъ всѣ благія по цѣлямъ узаконенія, направленныя къ сокрушенію твердынь еврейскаго фанатизма и обскурантизма, къ усвоенію евреями общепризнанныхъ правилъ соціальной этики, — рядомъ другихъ мѣропріятій, поддерживавшихъ тѣ же самыя учрежденія и нравы, противъ которыхъ воевалъ законъ недостаточно крѣпкою рукою?

«Къ сожалѣнію, — говоритъ г. Леонтовичъ, — рѣзкіе отвѣты на всѣ эти вопросы даетъ сама жизнь. Результаты вѣковой борьбы закона у всѣхъ теперь на виду, *бьютъ всѣмъ въ глаза*. Слишкомъ конкретныя явленія жизни говорятъ намъ, что лучшія цѣли закона не достигнуты; достигнуто же и упрочено то именно, противъ чего ратовалъ законъ. Мы всѣ видимъ воочію, что дѣло, надъ которымъ трудилось немало поколѣній, стоитъ и теперь почти на той же точкѣ замерзанія, какъ и сто лѣтъ тому назадъ, когда въ нашемъ законодательствѣ впервые зашла рѣчь объ «огражденіи» правъ евреевъ въ Россіи. *Еврейскій вопросъ не только весьма далекъ отъ своего разрѣшенія, но еще обострился въ послѣднее время* и грозитъ, повидимому, сдѣлаться хронически-опаснымъ недугомъ нашей общественной жизни, *когда приходится думать объ «огражденіи» не однихъ ужс евреевъ,—какъ было при императрицѣ Екатеринѣ II,— но и кореннаго населенія страны*».

Много лѣтъ тому назадъ написаны эти строки; но во сколько же разъ увеличилась ихъ сила и правдивость теперь, когда во Франціи «равноправный» еврей по прежнему считаетъ себя *всемірнымъ аристократомъ*, предназначеннымъ природою только къ заполненію высшихъ ступеней общественной іерархіи, и систематически чурается всякаго физическаго тяжелаго труда (въ особенности земледѣльческаго, считающагося, по талмуду, глупымъ и невыгоднымъ занятіемъ); когда мѣстные еврейскіе кагалы, уже невозбранно объединились во «Всемірный израильскій союзъ», существованіе и функціи котораго многократно подтверждались членами нашихъ правительственныхъ комитетовъ и комисій?! Такъ напримѣръ, бывшій членъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ В. Я. Фуксъ открыто заявлялъ въ еврейской комисіи 70 годовъ, что предсѣдатель этого союза Адольфъ Кремье (бывшій одно время во Франціи *министромъ юстиціи*!)— «входилъ по еврейскимъ дѣламъ въ непосредственныя сношенія съ государями и министрами иностранныхъ дѣлъ; обращался и къ на-

шему правительству. Не далѣе какъ въ 1869 г. генералъ-губернатору юго-западнаго края сообщенъ былъ протестъ (?!!) этого общества, за подписью предсѣдателя, противъ дѣйствій становаго пристава (всемірный кагалъ, замѣтимъ въ скобкахъ, бдительно наблюдая за ходомъ общеевропейской политики, не оставляетъ безъ вниманія и мелкую чиновную сошку), принявшаго энергическія мѣры по случаю уклоненія пограничныхъ съ Австріею евреевъ *отъ отбыванія рекрутской повинности.* Точно также другой выдающійся членъ союза и главный дѣятель неудавшейся продажи евреямъ Палестины, Мозесъ Монтефіоре, въ 1845 году обращался къ кавказскому намѣстнику въ защиту евреевъ, обвинявшихся *въ закланіи христіанскаго младенца въ окрестностяхъ Тифлиса.* (Эти обвиненія противъ евреевъ не перестаютъ раздаваться и до сихъ поръ, что̀ видно изъ недавняго процесса въ Чехіи, окончившагося осужденіемъ обвиненныхъ. Конечно, всѣ эти обвиненія съ неистовою наглостью отвергаются жидами). Кромѣ того, въ минувшемъ (1872 году) этотъ союзъ настаивалъ въ своемъ органѣ «Univers israélite» на дипломатическомъ вмѣшательствѣ европейскихъ кабинетовъ во внутреннія дѣла Румыніи по поводу возникшихъ въ ней столкновеній христіанъ съ евреями; когда же эта комбинація, вслѣдствіе паденія главнаго покровителя евреевъ Наполеона III, не удалась, то собранъ былъ особый по тому же вопросу еврейскій конгрессъ въ Брюсселѣ. Наконецъ, всѣ помнятъ послѣдній пріѣздъ Мозеса Монтефіоре въ Петербургъ и пріемъ, который онъ здѣсь встрѣтилъ со стороны своихъ единовѣрцевъ. Многимъ показалось необъяснимымъ это странствованіе 90-лѣтняго старца на дальній сѣверъ, но на стр. 530—532 издававшагося въ Вильнѣ еврейскаго журнала Гакармель (1872 г.) оглашена была еврейскому міру цѣль этой поѣздки:—ревнитель іудейства прибылъ въ Петербургъ для *представленія Государю Императору адреса по дѣламъ еврейскимъ*».

«Такимъ образомъ, единовѣріе и единоплеменность евреевъ—дѣлаетъ правильный выводъ г. Фуксъ изъ сообщаемыхъ имъ фактовъ—*имѣютъ безусловно и повсемѣстно политическій характеръ.* Не обладая собственною территоріею, не имѣя національнаго правительства, евреи, со времени окончательнаго паденія Іерусалима, облекли свое политическое единство фикціею, доселѣ непоколебимо ими сохраняемою: *они вездѣ живутъ и умираютъ, какъ иностранцы* [1]); но истинное ихъ отечество—все та же Палестина, ихъ

[1]) Въ уставѣ «Всемірнаго израильскаго союза» съ откровенной дерзостью говорится, что, «вопреки своимъ показнымъ національностямъ», изральтяне «повсюду образуютъ лишь *одинъ и тотъ же народъ*», и что только «іудаизмъ представляетъ собою религіозную и политическую (sic!) истину».

столица — тотъ же Іерусалимъ, въ пользу коего, со времени добровольнаго разсѣянія евреевъ до Рождества Христова, производится и до нашего времени *правильно организованный денежный сборъ»* [1]).

Подтверждая мысль В. Я. Фукса о чисто политическомъ характерѣ еврейской національной обособленности, тогдашній генералъ-губернаторъ югозападнаго края князь А. М. Дондуковъ-Корсаковъ (первый организаторъ освобожденной нами Болгаріи), испытавшій на себѣ самомъ безцеремонное вмѣшательство всемірнаго кагала въ наши внутреннія дѣла, заявлялъ категорически той же самой комисіи: «Евреи, *будучи космополитами* (замѣтимъ: для всѣхъ другихъ національностей, кромѣ своей), населяя всѣ возможныя страны и государства, *нигдѣ искренно не подчиняются государственнымъ законамъ*, а живутъ своею отдѣльною жизнью, *признавая только свои еврейскіе законы*, обнимающіе всю ихъ жизнь и устанавливающіе малѣйшія подробности всей ихъ дѣятельности, ка́къ гражданской, такъ и религіозной. Если съ этой стороны взглянуть на еврейство, на его исключительность, то нельзя не признать, что ка́къ еврейство вообще, такъ и отдѣльныя его общества имѣютъ важное политическое значеніе. Да и можно ли сомнѣваться въ этомъ значеніи, когда, очевидно,—особенно у насъ въ Россіи,—*ежедневно увеличивается торговое и финансовое преобладаніе евреевъ, въ ущербъ всему русскому населенію*. Нельзя не признавать вреднымъ скопленіе богатствъ и силы въ такой средѣ, *которая не раздѣляетъ интересовъ всего государства, не живетъ его общею жизнью, а всецѣло принадлежитъ только себѣ—только одному еврейству*».

Четверть вѣка прошло съ того времени, когда были высказаны у насъ компетентными государственными людьми правильные взгляды на быстро распространяющуюся еврейскую гангрену,—а сколько новыхъ, свѣжихъ данныхъ накопилось теперь для доказательства неопровержимой справедливости этихъ взглядовъ?! Приходится уже прямо сказать, что не видѣть всѣхъ грозныхъ послѣдствій *всемірно-израильскаго заговора* можетъ только тотъ, кто за свою умышленную слѣпоту получаетъ хорошую мзду отъ «заговорщиковъ» противъ нравственнаго и экономическаго благосостоянія

---

[1]) Въ составленіи записки В. Я. Фукса, внесенной въ комисію подъ названіемъ «По вопросу объ отношеніи правительства къ внѣшнимъ проявленіямъ религіозной жизни евреевъ», принималъ дѣятельное участіе другой членъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ и глубокій знатокъ еврейскаго вопроса, извѣстный оріенталистъ *В. В. Григорьевъ*, бывшій впослѣдствіи начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати. («Матеріалы Комисіи по устройству быта евреевъ», Спб. 1879 г.).

всѣхъ народовъ (даже и не арійской только расы, такъ какъ, напр., алжирскіе арабы, жестоко эксплуатирумые евреями, принадлежатъ къ одному съ ними расовому корню), или же страдаетъ отъ природы полнымъ отсутствіемъ органа для пониманія...

Въ самомъ дѣлѣ, стóитъ только пристально вглядѣться въ результаты, достигнутые этими *заговорщиками* подъ эгидою устарѣвшей либеральной теоріи: «laissez faire, laissez passer», при постыдномъ невниманіи или попустительствѣ европейскихъ правительствъ, чтобы прійти къ самымъ плачевнымъ выводамъ. Во Франціи,— какъ мы сказали уже,—подъ прикрытіемъ фальшивыхъ флаговъ, эти «корсары» либерализма и гуманности (употребляемъ счастливое выраженіе кн. В. Ѳ. Одоевскаго) благополучно провезли весь свой талмудическій грузъ дикаго фанатизма и канибальскаго человѣконенавистничества; въ мозаической австрійской имперіи цѣлые куски этой мозаики (какъ напримѣръ, Венгрія и Галиція) уже источены еврейскимъ москитомъ; въ Румыніи и Сербіи все громче раздаются стоны эксплуатируемаго жидами народа; въ Пруссіи, уже достаточно наводненной еврейскимъ племенемъ, сильная государственная власть, не обязанная считаться съ подтасованнымъ «парламентскимъ большинствомъ», еще обуздываетъ плотоядные инстинкты этого племени, въ союзѣ съ охранительными національными элементами; въ Англіи торговая изворотливость и себялюбивая этика евреевъ наткнулись (также какъ и въ Сѣверной Америкѣ) на высокую культурность и національное упорство англо-саксонской расы въ преслѣдованіи тѣхъ же матеріальныхъ выгодъ, за которыми такъ усердно гоняются и палестинскіе выходцы.

Славянскіе народы даютъ наименѣе препятствій для развитія еврейской эксплуатаціи, благодаря, отчасти, своему природному добродушію и довѣрчивости, а также и по отсутствію у нихъ (кромѣ русскаго народа) могущественной центральной власти, имѣющей всю возможность оградить кровные интересы народной массы.

Но и въ Россіи евреи, еще не сваливъ съ ногъ упрямаго «сѣвернаго медвѣдя», уже мечтаютъ подѣлить его теплую шкуру, по правиламъ *хазаки* и *меропіе*... Въ Кіевѣ талмудисты уже назначаются въ опекуны къ христіанскимъ дѣтямъ, въ то время, когда еще ничего не слышно о назначеніи христіанскаго опекунства надъ еврейскими чадами (хотя бы для того, чтобы не очень обидно было христіанамъ отъ такого неравенства правъ); попавшіе на государственную службу жиды, сохраняя свой антигосударственный талмудизмъ, наполняютъ ряды нашей администраціи, юстиціи, полиціи и адвокатуры; жиды составляютъ уже господствующій элементъ въ высшемъ купечествѣ и усердно лѣзутъ матрикулироваться въ дво-

рянскія родословныя книги, не смотря на категорическое запрещеніе основнаго закона имперіи и на энергическіе протесты нѣсколькихъ дворянскихъ собраній... Финансовыя силы страны уже находятся подъ ихъ сильнѣйшимъ давленіемъ черезъ посредство биржъ, банковъ и банкирскихъ конторъ. До самаго послѣдняго времени, еврейскіе банки, для производства своихъ финансовыхъ операцій, направленныхъ къ достиженію общихъ кагальныхъ цѣлей, даже пользовались почти неограниченнымъ кредитомъ государственнаго банка, приходившаго къ нимъ на помощь въ критическія минуты, посредствомъ переучета векселей и выдачи ссудъ подъ онкольные счеты...

Только русская *армія* и русская *деревня* еще ограждены отъ еврейскаго нашествія и, благодаря этому, у насъ невозможны ни гнусныя исторіи, подобно дрейфусовской, ни повальное обезземеленіе крестьянъ, какъ это произошло при Наполеонѣ I въ Эльзасѣ и Лотарингіи, еще въ «медовый періодъ» еврейской равноправности.

Впрочемъ, жиды уже направили свои усилія—пробить бреши и въ этихъ, преграждающихъ имъ дорогу, стѣнахъ. Многія якобы русскія газеты горько плачутся на то, что правовѣрный талмудистъ лишенъ возможности «защищать отечество»... конечно, не въ званіи простаго солдата (отъ этого почетнаго званія евреи благоразумно уклоняются!) но въ офицерскихъ и генеральскихъ чинахъ,—и готовы даже ходатайствовать о производствѣ евреевъ прямо въ эти чины, помимо тяжелой солдатской лямки, лишь по удостовѣреніи достаточныхъ познаній въ талмудѣ... Деревня тоже не избѣгла ихъ «культурныхъ» попеченій. Раскинувъ сѣть своихъ земельныхъ банковъ, жиды, не имѣющіе права владѣть землею *въ натурѣ*, владѣютъ ею, однако, въ видѣ анонимныхъ закладныхъ листовъ и ростовщическихъ векселей, держа въ своей уздѣ большинство заложенныхъ помѣстій и доводя самихъ помѣщиковъ до рабскаго состоянія Бутми де-Кацмана въ извѣстномъ инцидентѣ съ ростовщикомъ Димантомъ. Въ своемъ упорномъ походѣ на русское дворянство кагалъ также гонится не столько за мундирами и почестями, сколько за правомъ держать въ своихъ рукахъ земское и крестьянское самоуправленіе. Всѣмъ извѣстно, какую вліятельную роль играютъ предводители дворянства въ экономической и правовой жизни нашей деревни—и вотъ именно эту-то роль и желаютъ узурпировать новоявленные «дворане якобы—моисеева закона»...

Въ нашей прессѣ,—какъ мы уже неоднократно говорили объ этомъ,—«черта еврейской осѣдлости» давно уже виситъ на воздухѣ, и сыны израиля неустанно и невозбранно фабрикуютъ псевдо-русское «общественное мнѣніе», защищая въ потѣ лица пресловутаго шпіона

Дрейфуса, утаивая отъ гласности всѣ возмутительные факты еврейскаго грабежа и развращенія, и воспѣвая на всѣ лады фальшивое народное представительство, «представляющее» только искусственныя вожделѣнія политическихъ фокусниковъ и ренегатовъ, жадныхъ кулаковъ и биржевой плутократіи. Понятно, что жиды, понаторѣвшіе цѣлыми тысячелѣтіями въ наукѣ обмана и эксплуатированія «гоевъ», видятъ идеалъ государственнаго правленія въ анонимной компаніи какихъ-то своихъ безотвѣтственныхъ прикащиковъ, повинующихся подтасованному «парламентскому большинству»—сегодня одному, завтра другому — и интересующихся гораздо болѣе биржевою котировкою, чѣмъ насущными интересами цѣлой страны и ея кореннаго народонаселенія. Франція всѣми силами борется теперь съ этою международною гидрою, намѣревающейся задушить, въ пользу израиля, всѣ проблески честнаго патріотизма и чувства національнаго самосохраненія...

Наше отечество, при разрѣшеніи еврейскаго вопроса, стоитъ на болѣе выгодной почвѣ, чѣмъ всѣ иностранныя государства, уже зараженныя фальшивымъ парламентаризмомъ, отлично приноровленнымъ къ еврейскимъ стремленіямъ и вкусамъ. У насъ еще жиды не пользуются ни равноправіемъ, ни повсемѣстнымъ жительствомъ и мы всегда можемъ *возстановить силу закона*, ловко обойденнаго или нагло нарушеннаго неправильнымъ его толкованіемъ. Наши государственные устои не поколеблены никакою «жидовскою конституціей» и никакое парламентское большинство не обязательно для нашей центральной власти. Если въ нашей административной и судебной машинѣ имѣются негодные винты и приводы, то они могутъ быть свободно замѣнены другими, безъ одобренія всемірнаго кагала...

Поэтому наше правительство никогда не примирялось ни съ обособленнымъ, привилегированнымъ положеніемъ еврейства, ни съ его постоянными затѣями — расширять предѣлы своего вліянія въ государствѣ. Древняя Россія просто-на-просто изгоняла зловредныхъ жидовъ со своей территоріи, да и новая Россія (со времени присоединенія польскихъ провинцій),—поняньчившись такъ или иначе съ жидами и даже переименовавъ ихъ, въ офиціальныхъ актахъ при Екатеринѣ II-ой, въ «евреевъ»,—въ концѣ концовъ, неизмѣнно вынуждалась прибѣгать къ репрессивнымъ или предохранительнымъ мѣрамъ противъ нихъ, прислушавшись къ жалобамъ и воплямъ угнетаемаго ими народа. Начавъ съ объявленія покровительства своимъ новымъ подданнымъ, Екатерина II постепенно проникалась предубѣжденіемъ противъ нихъ и возвращалась къ недружелюбнымъ взглядамъ Петра Великаго и вѣрной его завѣтамъ Елизаветы Пе-

тровны. Такой же эволюціи подвергалась и «либеральная» политика Александра I, замѣнившаяся уже прямо *враждебнымъ* отношеніемъ къ евреямъ со стороны Николая Павловича.

Какъ ни старались наши—даже высокопоставленные—пособники и защитники еврейства ослабить или переиначить и исказить настоящія стремленія русскихъ государей, имъ никогда не удавалось это въ полной мѣрѣ, и черта недовѣрія къ политической и экономической роли кочеваго племени,—черта, отмѣченная глубокимъ государственнымъ смысломъ великорусскаго племени,—до сихъ поръ не изгладилась, по счастію, изъ нашего законодательства.

Тѣмъ не менѣе, эти корыстные или обмороченные пособники еврейства съумѣли оттереть отъ рѣшенія жгучаго вопроса даже такого честнаго и энергичнаго реформатора, какимъ былъ Г. Р. Державинъ, впервые провозгласившій, что *«нельзя ничего сдѣлать въ преобразованіи жидовъ, если не за всѣхъ вдругъ приняться»* [1]).

«Если—справедливо говоритъ составитель офиціальной записки по исторіи еврейскаго вопроса въ Россіи — сравнить собранныя Державинымъ свѣдѣнія съ тѣми, которыя имѣются въ виду теперь (въ 70-хъ годахъ), то оказывается, что семдесятъ лѣтъ тому назадъ *правительство стояло уже на почвѣ бытоваго изученія еврейства* и что начинавшаяся подготовка уже тогда разоблачала такія стороны общественныхъ учрежденій этой національности, которыя едва ли могутъ быть терпимы при какомъ бы то ни было государственномъ устройствѣ; но сколько разъ послѣ того ни принимались въ высшихъ административныхъ сферахъ за реформу, всякій разъ какой-то магическій тормозъ задерживалъ окончаніе дѣла» [2]).

Но противъ такого «магическаго тормоза» можетъ найтись и болѣе сильный магическій *двигатель*—къ скорѣйшему разрѣшенію умышленно запутываемаго вопроса. Такой двигатель уже и началъ было дѣйствовать въ національномъ направленіи при императорѣ Александрѣ III...

---

[1]) «Матеріалы Комисіи по устройству быта евреевъ». Ч. I. «Краткое обозрѣніе» и пр. стр. 5.

[2]) Ibid. стр. 4.

II.

«Калейдоскопъ» русскаго законодательства о евреяхъ.—Обиліе законовъ и ихъ противорѣчивость, требующая частыхъ пересмотровъ и дополненій. — Евреи въ древней Россіи.—Судъ скорый, но не милостивый. — Изгнаніе жидовъ отовсюду, гдѣ бы они ни появлялись.—Владиміръ Мономахъ, очищающій отъ нихъ Кіевъ. — Политическое предательство евреевъ, принявшихъ христіанство. — Загадочное убійство Андрея Боголюбскаго.—Вѣрный слуга и злой предатель.— Предохранительныя мѣры противъ евреевъ въ допетровскій періодъ нашей исторіи.—Одинъ ли религіозный фанатизмъ внушалъ эти мѣры?—Экономическій и государственный вредъ отъ евреевъ.—Ходататайство Сигизмунда-Августа за евреевъ и отвѣтъ Іоанна Грознаго.—Вторженіе къ намъ евреевъ чрезъ Малороссію и польскую границу.—«Уложеніе» царя Алексѣя Михайловича и враждебный взглядъ на еврейство. — Еврейскій прозелитизмъ и его обузданіе. — Сожженіе огнемъ за обрѣзаніе христіанъ. — Отвращеніе Петра Великаго къ жидамъ и мѣры противъ ихъ водворенія въ Россіи.—Ходатайство голландцевъ и *подкупъ* приближенныхъ къ Петру лицъ. — Продолжающаяся традиція нерасположенія къ евреямъ въ послѣдующія царствованія.—Высылка жидовъ изъ Россіи при Екатеринѣ I-й.—Сожженіе при Аннѣ Іоанновнѣ еврея-совратителя, вмѣстѣ съ совращеннымъ имъ христіаниномъ.—Наглость Боруха Лейбы въ дѣлѣ еврейской пропаганды.—Избіеніе православнаго священника.—Новая гуртовая высылка и заступники евреевъ.—Характерная резолюція Елизаветы Петровны о нежелательности прибылей отъ «враговъ Христова имени».

Въ исторіи русскаго законодательства о евреяхъ, — какъ мы сказали уже въ первой главѣ, замѣчается нѣсколько противоположныхъ теченій, которыя и до сихъ поръ еще не нашли себѣ одного широкаго русла, направляясь въ разныя стороны и взаимно сталкиваясь ко вреду общегосударственныхъ интересовъ. Наша территорія, за тысячелѣтній ходъ историческихъ событій, обогатилась привлеченіемъ многихъ народовъ и племенъ, чуждыхъ и русской, и славянской національности вообще, — многочисленныхъ «инородцевъ» и «иновѣрцевъ». Но ни одна чуждая намъ національность и ни единая вѣра не требовали, для урегулированія своего существованія, такого обилія и многообразія законовъ, какъ національность и вѣра еврейскаго племени, въ теченіе одного только столѣтія русской исторіи!

«Самые разнообразные факты,—говоритъ князь Н. Голицынъ,— органическія начала и впечатлѣнія минуты, личныя воззрѣнія, иногда симпатіи или антипатіи къ еврейству, широко обдуманные планы и излишняя осторожность, пріемы практическіе или только поверхностные и слабые—чередовались постоянно, въ теченіе болѣе ста лѣтъ, въ мѣропріятіяхъ правительства относительно еврейскаго племени. Русское законодательство о евреяхъ имѣетъ, дѣйствительно,

свою «исторію», но исторію сложную, запутанную, въ которой трудно доискаться всѣхъ нитей, всѣхъ причинъ и послѣдствій, всѣхъ «почему» и «зачѣмъ», всѣхъ мотивовъ закона и тѣхъ фактовъ, которые дали поводъ къ появленію его, не говоря уже о весьма недостаточной, до сихъ поръ, разработкѣ матеріала» [1]).

Въ то время, какъ всѣ другіе законы объ «инородцахъ» въ Россіи далеко не сложны и не подвергались никакимъ сильнымъ колебаніямъ,—только одно законодательство объ «избранномъ племени» до такой степени обильно и запутанно у насъ, какъ нигдѣ, ни въ какомъ другомъ государствѣ, и князь Голицынъ не безъ основанія называетъ его «калейдоскопомъ». Между тѣмъ какъ по отношенію къ другимъ національностямъ вполнѣ осѣдлаго характера законъ ограничивался только спеціальными уставами съ небольшимъ числомъ параграфовъ, — евреи-кочевники управлялись въ Россіи (до 1 января 1885 г.) **626-ю статьями закона**, весьма пространными и съ неточною редакціею, требующей многочисленныхъ коментарій и толкованій. А съ 1 января 1885 г. этихъ статей прибавилось еще нѣсколько десятковъ... Если обиліе ихъ, съ одной стороны, обусловливалось часто мѣнявшимися взглядами правительства и отдѣльныхъ администраторовъ, то, съ другой стороны, постоянное стремленіе евреевъ къ обходу закона тоже въ значительной степени порождало обиліе законодательныхъ мѣропріятій по отношенію къ нимъ. Но «въ теченіе ста лѣтъ — иронически замѣчаетъ авторъ — *русскіе законы не перевоспитали евреевъ* и не ослабили интенсивности еврейскихъ силъ; напротивъ, *онѣ окрѣпли одновременно съ юдаизмомъ всей Европы*», хотя — прибавимъ къ этому—русскіе жиды неустанно жалуются на свое «неполноправіе», не помѣшавшее имъ, однако, забрать такую противогосударственную и противообщественную роль...

Но, не смотря на всѣ противорѣчія и уклоненія отъ прямаго пути, обусловленныя иногда личными качествами правителей и ихъ далеко не корректными отношеніями къ зловредному племени, исторія нашего законодательства о евреяхъ,—по вѣрному замѣча-

---

[1]) Правильному изученію этого матеріала весьма много воспрепятствовалъ пожаръ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ (1862 г.), истребившій богатый его запасъ, вмѣстѣ со старымъ архивомъ департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, въ которомъ находились всѣ реформаторскіе проэкты эпохи Александра I-го, дѣла еврейскихъ комитетовъ и пр. Впрочемъ, эти пробѣлы восполнялись отчасти для кн. Голицына разрѣшеніемъ заниматься въ другихъ архивахъ нашихъ высшихъ государственныхъ учрежденій, откуда онъ и почерпнулъ нѣкоторые законодательные и административные акты, даже не попавшіе въ «Полное собраніе законовъ».

нію кн. Голицына,—«является въ формѣ постоянной борьбы правительства съ еврействомъ, его практикою, его ученіемъ и его пороками. На страницахъ этой исторіи лишь *весьма рѣдко законъ являлся съ поощреніемъ добраго и хорошаго и съ воздаяніемъ за заслуги, такъ часто встрѣчавшимся по отношенію къ инымъ народностямъ, населяющимъ Россію.* Исторія этого законодательства имѣла свои начала, свои теченія и направленія; жизнь часто перемѣняла свое русло; но въ общихъ чертахъ оно носило, до конца 1850-хъ годовъ, исключительно характеръ ограничительный, охранительный и карательный, какъ законодательство для племени строптиваго и непокорнаго, вреднаго и непроизводительнаго. Евреи признавались за зло, за нѣчто вредное, за нѣчто, *отъ чего должно было остерегать и охранять русскій народъ и государство*».

Царствованіе Екатерины II-й долго держалось общаго уравнительнаго взгляда на евреевъ, какъ гражданъ и подданныхъ, «безъ различія закона и состоянія»; но и при этой гуманной и либеральной императрицѣ, подъ конецъ ея царствованія, — когда еврейскія доблести слишкомъ чувствительно дали себя знать, — появились уже мѣропріятія суровыя, направленныя къ обузданію дикихъ наклонностей паразитнаго племени, не желающаго жить тѣми видами труда, которыми живетъ вся масса кореннаго населенія государства. Императоръ Павелъ не отмѣнялъ началъ, которыми руководствовались до того времени, но призналъ ихъ недостаточными, и правительство виервые начало при немъ подробное изученіе еврейскаго вопроса. Первый прочный фундаментъ этому изученію положилъ Г. Р. Державинъ своимъ извѣстнымъ мнѣніемъ, за которое, между прочимъ, императоръ выразилъ ему свое монаршее благоволеніе, пожаловавъ чинъ дѣйств. тайн. совѣтника и орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго. Но это мнѣніе пришлось уже обсуждать при Александрѣ I-мъ, и многія черты его вошли, въ 1894 г., въ «Положеніе о евреяхъ», Державинъ первый поставилъ у насъ на очередь «еврейскій вопросъ», первый раскрылъ многія еврейскія «тайны», первый заговорилъ о «хазакахъ» («коварный вымыселъ и родъ самой вѣрнѣйшей монополіи»), о «херемахъ» («непроницаемый святотатственный покровъ самыхъ ужаснѣйшихъ злодѣяній»), о «кагалахъ» (которыхъ «благоустроенное политическое тѣло терпѣть не должно», какъ status in statu). Онъ же первый начерталъ и стройную, цѣльную *программу* для рѣшенія вопроса въ русскомъ государственномъ духѣ, имѣя въ виду объединеніе на общей почвѣ всѣхъ русскихъ подданныхъ, и эта программа,—не смотря на свои слабыя стороны, на нѣкоторые промахи и неточности, легко объяснимые тѣмъ густымъ мракомъ, въ которомъ скрывались талмуди-

ческія козни,—до сихъ поръ не потеряла своей исторической драгоцѣнности. «Матеріалъ, предложенный «мнѣніемъ» (Державина)—справедливо говоритъ князь Голицынъ—дорогъ и безцѣненъ для законодательной дѣятельности всего послѣдующаго времени». Онъ былъ «дѣйствительно, обиленъ, неожиданъ и любопытенъ», и по сообщаемымъ фактамъ, и по предложеннымъ мѣрамъ. Едва ли можно сомнѣваться, что еслибы это правдивое «мнѣніе» попало на глаза Екатеринѣ II-й, то она, со своимъ глубокимъ государственнымъ и практическимъ смысломъ, съумѣла бы извлечь изъ него и болѣе полезные выводы...

При Александрѣ I-мъ насталъ часъ реформы на общихъ, благожелательныхъ къ евреямъ, началахъ; но при исполненіи ихъ на практикѣ пришлось снова прибѣгнуть къ сильнымъ репрессивнымъ мѣрамъ. Царствованіе императора Николая I-го задалось цѣлью *привлечь евреевъ къ отправленію всѣхъ государственныхъ повинностей*, отъ которыхъ они тщательно уклонялись, и потому многія мѣры правительства постепенно принимали характеръ суровости и полнаго недовѣрія къ еврейству. Въ противовѣсъ ему, царствованіе императора Александра II-го старательно упраздняло всѣ строгія ограниченія предшествовавшей эпохи; но «постоянная дѣятельность въ этомъ направленіи — по замѣчанію кн. Голицына — показала, наконецъ, что евреямъ было дано, можетъ быть, *слишкомъ много*, и что все законодательство о нихъ *подлежитъ новому пересмотру*». Вопіющіе факты легальныхъ и нелегальныхъ еврейскихъ грабежей, безстыдной деморализаціи народа и всяческаго надувательства не оставлены безъ вниманія правительствомъ, и государственной машинѣ,—стремившейся на всѣхъ парахъ къ обѣтованной землѣ еврейской «равноправности»,—снова данъ задній ходъ...

Въ противоположность «калейдоскопическому характеру» новаго русскаго законодательства о евреяхъ, его непослѣдовательности, противорѣчивости и даже утопичности нѣкоторыхъ поставленныхъ имъ себѣ цѣлей, — наше старое законодательство, почти вплоть до присоединенія къ намъ польскихъ провинцій, населенныхъ жидами (въ 1772 г.), не знало иного отношенія къ еврейству, кромѣ открыто враждебнаго и ограничительнаго. Суровый взглядъ на евреевъ проявлялся уже издавна на русской землѣ, еще въ кіевской великокняжеской Руси въ XI-омъ вѣкѣ [1]). Польская хроника Длугоша,

[1]) Всѣхъ спеціальныхъ законовъ о евреяхъ, хотя бы и касающихся до нихъ только косвенно, насчитывается въ «Полномъ собраніи законовъ», съ 1649 до 1882 года—до 1093. Всего менѣе этихъ законовъ было издано при царяхъ Ѳедорѣ, Іоаннѣ и Петрѣ Алексѣевичахъ, всего болѣе при императорахъ Александрѣ I (75), Николаѣ I (604) и Александрѣ II (354) причемъ узаконенія Николая I носили исключительно-репресивный характеръ.

подъ 1074-ымъ годомъ, полагаетъ, что первоначальная община евреевъ въ Кіевѣ образовалась изъ крымскихъ, а не западныхъ переселенцевъ. Въ XII-омъ вѣкѣ ихъ набралось такое значительное количество, что при Владимірѣ Мономахѣ они успѣли уже заполонить цѣлую улицу. Но мудрый князь, уже замышлявшій собрать всю разрозненную Русь въ одно крѣпкое государство и, вѣроятно, замѣтившій разлагающее дѣйствіе жидовъ на государственный составъ, относился къ нимъ безъ всякой сантиментальности и поблажекъ, и преспокойно изгонялъ ихъ оттуда съ такою рѣшительностью, какой не хватаетъ уже въ наши дни, когда жидовъ-талмудистовъ назначаютъ въ опекуны къ христіанскимъ дѣтямъ... Впрочемъ, юркіе евреи попадали уже и въ древней Руси въ ряды княжеской дружины, которая первоначально была сборною, вполнѣ свободною и даже разновѣрною, не обусловливаясь въ то же время никакою національностью [1]). Впослѣдствіи, съ усиленіемъ христіанства,— не только въ конфессіональномъ, но и нравственномъ смыслѣ,— въ дружину могли попадать только евреи, принявшіе христіанскую вѣру, т. е. хотя наружно отрѣшившіеся отъ своего талмудическаго человѣконенавистничества.

Нѣкоторые изслѣдователи (въ томъ числѣ, отчасти, и князь Голицынъ), не закрывая себѣ глазъ на антигосударственный и антисоціальный смыслъ еврейскаго—болѣе политическаго, чѣмъ религіознаго—ученія, склонны объяснять преслѣдованія евреевъ въ древней Руси исключительно религіозною нетерпимостью, которая-де «зажигала въ средневѣковой Европѣ костры инквизиціи». Но эти «жупельныя слова», обыкновенно гипнотизирующія у насъ слабые умы, маскируютъ цѣлую половину вопроса—именно *политическую* и *общественную* его сторону. Хотя христіане въ средніе вѣка, дѣйствительно, преслѣдовали евреевъ во имя религіозныхъ мотивовъ, но не слѣдуетъ забывать, что и евреи, въ первые вѣка христіанской вѣры, возбуждали, по тѣмъ же мотивамъ, гоненія язычниковъ противъ христіанъ, а равно и то, что средневѣковыя преслѣдованія евреевъ были вызываемы *далеко не одною религіозною враждою христіанъ, но и нарушеніемъ самими евреями насущныхъ, жизненныхъ интересовъ кореннаго населенія.* Такъ напр., въ V и VI вѣкѣ по Р. Х., евреевъ преслѣдовали въ Испаніи за то, что **они торговали христіанскими невольниками**; въ XV-мъ вѣкѣ они были гонимы тамъ же за свою политическую дружбу съ маврами. Во Франціи и Германіи народныя массы преслѣдовали жидовъ за **ростовщичество** (неотъемлемая привилегія жидовъ!), а въ Бѣлоруссіи и Малороссіи

[1]) См. *Погодина*: «Изслѣдованія, лекціи и замѣтки», VII, стр. 124—125, и *Бестужева-Рюмина*: «Исторія Россіи», I, отд. 2, стр. 114, 124—125.

они были ненавистны, какъ агенты самаго тяжелаго иноземнаго владычества. Очевидно, что и въ самыя тяжкія времена якобы исключительно-религіознаго преслѣдованія жидовъ, тутъ не было *преслѣдованія односторонняго*, но была лишь *взаимная борьба* общественнаго и этическаго характера. Весь смыслъ не только христіанскаго вѣроученія, но и гуманной христіанской цивилизаціи,— которою жиды пользуются только какъ ширмою для прикрытія своихъ узко-племенныхъ эгоистическихъ интересовъ, — весь этотъ добрый смыслъ возмущался и встарь, какъ нынѣ, противъ враждебнаго наплыва расовой ненависти и дикаго фанатизма, воспитаннаго не столько религіозными преслѣдованіями евреевъ, сколько прирожденными качествами этой soi-disant «всемірной аристократіи». Христіане древнихъ и среднихъ вѣковъ не могли еще знать съ точностью и въ подлинникѣ всѣхъ варварскихъ притязаній талмудическаго еврейства (эти притязанія и донынѣ держатся въ строжайшемъ секретѣ), но безошибочный *народный инстинктъ*, въ соединеніи *съ повсемѣстными практическими послѣдствіями еврейскаго водворенія* среди «гоимской» массы, невольно наталкивалъ на предохранительныя мѣры противъ этого вражескаго нашествія. Народное благо — suprema lex. Эта борьба христіанъ съ евреями была осложняема, конечно, религіозными страстями, но и въ этомъ случаѣ, говоря о вѣроисповѣдной нетерпимости христіанскаго большинства, отнюдь не слѣдуетъ упускать изъ виду, что такая нетерпимость возбуждалась очень часто острымъ фанатизмомъ самихъ евреевъ, такъ рѣзко проявляющимся и у насъ въ самое послѣднее время, въ «чертѣ еврейской осѣдлости», по отношенію къ загнанному христіанскому населенію...

Фантастическая *мартирологія* евреевъ,—подмалеванная черными красками или просто-на-просто сочиняемая ихъ бытописателями въ якобы-русскихъ книгахъ и періодическихъ изданіяхъ,—эта мартирологія, даже по еврейскимъ источникамъ и по отзывамъ сочувственнаго евреямъ сочиненія Деминга, оказывается или прямо вымышленной, или до-нельзя преувеличенной, и далеко не представляетъ картинъ въ родѣ, напримѣръ, мученія христіанъ въ римской имперіи (гдѣ жиды имѣли большую силу, по свидѣтельству историковъ), войны съ альбигойцами, варѳоломеевской ночи и т. п. Вообще, упоминая о гоненіяхъ противъ жидовъ, не слѣдуетъ забывать, что если еврейское племя отъ времени до времени подвергалось гоненіямъ, то въ остальное время оно въ тѣхъ же самыхъ странахъ *пользовалось очень часто и привилегированнымъ положеніемъ* [1]).

[1]) «Матеріалы комисіи по устройству быта евреевъ». Докладъ В. Я. Фукса, стр. 14—15.

Такъ было въ Италіи, гдѣ они долго находились при дворѣ и на государственной службѣ; такъ было и во Франціи, гдѣ они имѣли особыхъ «коронныхъ защитниковъ», или прокуроровъ, и въ германской имперіи, гдѣ они состояли подъ защитою особыхъ «охранныхъ грамотъ», и въ папскихъ владѣніяхъ, гдѣ римскіе первосвященники не все жгли ихъ на кострахъ, но нерѣдко покровительствовали имъ и защищали ихъ талмудъ отъ истребленія огнемъ, и въ Польшѣ, гдѣ они имѣли самостоятельное управленіе, и, наконецъ, въ самой Россіи, гдѣ они, съ возсоединеніемъ западной окраины съ коренными частями государства, не только не преслѣдовались огнемъ и мечемъ, но доселѣ сохраняютъ свое отдѣльное и въ извѣстной степени привилегированное устройство. Такъ напр., кромѣ неприкосновенности «вѣры», они имѣютъ у насъ свои *финансы* (коробочный сборъ и другіе чисто политическіе налоги на евреевъ, въ родѣ особой складчины на увольненіе Державина, на оправданіе Дрейфуса и пр., и пр.), свою собственную *юстицію* («бет-дины», не останавливающіеся провозглашать «херемы» не только противъ жидовъ, но и противъ русскихъ сановниковъ, какъ напримѣръ, того же Державина и, вѣроятно, многихъ другихъ), *свое народное просвѣщеніе* («хедеры», или начальныя школы для евреевъ, не желающія знать ни государственнаго языка, ни русскаго правительства), свое *министерство внутреннихъ дѣлъ* (казенный *раввинатъ*, исполняющій совсѣмъ не религіозныя функціи, которыхъ у еврейской — такъ сказать, свѣтской— религіи совсѣмъ не имѣется, а занимающійся внутренними политическими и экономическими дѣлами своей многомилліонной общины) и, наконецъ, свою особую *преторіанскую стражу*, которая иногда (какъ напримѣръ, въ Шкловѣ) соединяется съ извощичьимъ ремесломъ по виду, а иногда (какъ напримѣръ, въ Радомѣ) даже носитъ форму общей государственной полиціи, причемъ попадаетъ in corpore подъ судъ... Еслибы преслѣдованія жидовъ въ Европѣ были ужь такъ жестоки, всеобщи и постоянны, какъ намъ глаголятъ еврейскіе баснописцы, то отъ еврейства давно бы и слѣда не осталось, и оно, конечно, не занимало бы—ни по численности, ни по связямъ, ни по капиталамъ—того положенія, которое досталось ему на долю и въ западной Европѣ, и у насъ. Создать себѣ вдругъ такое положеніе, феерическимъ способомъ, было бы совершенно невозможно. Отсюда слѣдуетъ, что жидовская ненависть къ христіанамъ, подразумѣваемымъ то подъ именемъ *язычниковъ* (какъ видно изъ рѣчи, произнесенной ліонскимъ раввиномъ въ 1842 г.), то подъ кличками

---

[1]) Ibid., стр. 16.

гоевъ, *нухри* и *акимовъ*, имѣетъ свое основаніе вовсе не въ религіозной борьбѣ, но *логически истекаетъ изъ самаго существа талмудическаго міросозерцанія*. Считая себя «избраннымъ народомъ» Ягве, евреи не могутъ не относиться враждебно ко всѣмъ не-евреямъ, а такъ какъ послѣдніе съ давнихъ поръ представляютъ большинство и силу обитаемыхъ евреями странъ, то и являются для талмудистовъ не только предметомъ презрѣнія, но и тайной, и явной злобы, что̀ неоднократно и категорически подтверждается въ самомъ талмудѣ, даже «очищеннаго» изданія г. Переферковича... Вѣковая борьба евреевъ съ христіанами не только на религіозной, но—повторяемъ—на политической и финансовой почвѣ, не могла не подливать свѣжаго масла въ этотъ огонь. Конечно, до размноженія христіанъ, еврейская враждебность имѣла въ виду настоящихъ «язычниковъ», но, съ замѣною въ Европѣ язычества христіанствомъ, теорія талмуда объ истребленіи язычниковъ и отнятіи ихъ имущества была *перенесена цѣликомъ на христіанъ*. «Знаменитый у евреевъ Маймонидъ въ XII-мъ вѣкѣ (т. е. въ то время, когда они могли еще жаловаться на религіозныя преслѣдованія) великодушно позволяетъ *обманывать и истреблять еретиковъ*, дабы отвратить опасность, грозящую «истинной вѣрѣ», и вовсе не выдѣляетъ христіанъ изъ массы враговъ талмудическаго ученія, столь упорно коренящагося въ современныхъ почитателяхъ этого самаго реббе Маймонида. Систематическое уклоненіе отъ соблюденія законовъ страны и отъ исполненія общихъ для всѣхъ гражданъ обязанностей есть неизбѣжное послѣдствіе варварскаго отношенія евреевъ къ ненавистнымъ гоямъ, и когда жиды сами все еще притворяются гонимыми, то они—по справедливому замѣчанію Бёрне — только играютъ роль «трусливыхъ солдатъ, прикидывающихся мертвыми на полѣ брани». Не связанные съ христіанами солидарностью ни нравственныхъ, ни матеріальныхъ интересовъ, жиды, въ своемъ соприкосновеніи съ нееврейскимъ племенемъ, *преслѣдуютъ исключительно вещественныя выгоды*. Ветхій завѣтъ уже установилъ правило о ростѣ, по которому евреямъ воспрещается взыскивать *только со своихъ единоплеменниковъ*, чѣмъ и дозволялось, отъ лица закона, брать проценты со всѣхъ прочихъ народовъ. Пока евреи жили осѣдлымъ образомъ на своей территоріи и, *въ качествѣ народа земледѣльческаго и трудолюбиваго*, не отличались особымъ корыстолюбіемъ, это правило не представляло собою,—особенно съ точки зрѣнія господствовавшей тогда національной исключительности,—ничего предосудительнаго. Но только что евреи, получивъ *всѣ свойства кочеваго, бродяжническаго племени*, стали расходиться по всѣмъ странамъ міра и заниматься тамъ «гешефтами», — это

самое правило породило традиціонную и самую ненавистную черту еврейства—ростовщичество,—а затѣмъ и безграничное стремленіе къ обогащенію *не производительнымъ трудомъ, а спекуляціею и легкою наживою*, что̀ и имѣло послѣдствіемъ, съ одной стороны, паразитство неразвитой еврейской массы, а съ другой—то безпримѣрное въ наше время скопленіе капиталовъ въ рукахъ еврейскихъ банкировъ, которое сдѣлало ихъ хозяевами всемірной биржи. Голландскіе капиталы, скопленные многовѣковою торговлею въ разныхъ частяхъ свѣта, уступили уже на нашихъ глазахъ свое старинное первенство капиталамъ еврейскимъ, быстрое развитіе которыхъ, даже и въ Россіи, составляетъ развѣ... secret de polichinelle. Ка́къ жиды-банкиры давятъ европейскія биржи, такъ точно весь остальной еврейскій людъ—мелкая тля израиля,—по мѣрѣ своихъ силъ, производила въ средніе вѣка, производитъ и теперь, самое тягостное давленіе на все христіанское населеніе. Такое же точко явленіе замѣчается, въ усиливающейся прогрессіи, и у насъ. Это стремленіе къ легкой наживѣ (еврей тщательно избѣгаетъ всякаго тяжелаго труда!) и къ высокому проценту съ оборотнаго капитала, эта шейлоковская неумолимость взысканій; умѣнье ловко вовлекать должниковъ въ крайнія нужды; искусство соблюдать формальную сторону закона и прикрывать самыя позорныя сдѣлки флагомъ «благонамѣренности»—всѣ эти пріемы солидарныхъ между собою личностей изъ еврейской среды не только обезсиливали всегда и вездѣ экономическую производительность туземныхъ жителей, но и производили такія явленія, какъ напр., принадлежность евреямъ въ XII-омъ вѣкѣ почти половины Парижа, въ XVI-омъ вѣкѣ—арендованіе православныхъ церквей въ Малороссіи, въ XVIII-омъ вѣкѣ сосредоточеніе почти всей движимой и недвижимой собственности эльзасскихъ христіанъ въ залогѣ у евреевъ, а въ началѣ нынѣшняго столѣтія—значительной части помѣщичьихъ земель ковенской губерніи. Къ этой же категоріи *легальнаго грабежа* слѣдуетъ отнести: переходъ къ евреямъ огромной части поземельной собственности въ Румыніи въ послѣднее полустолѣтіе; соединеніе въ еврейскихъ рукахъ всей мелочной и винной торговли не только въ Западномъ краѣ, но (до введенія казенной монополіи) даже въ такихъ мѣстностяхъ Малороссіи и Новороссіи, гдѣ число евреевъ сравнительно незначительно. Слѣдуетъ замѣтить, что всепожирающая эксплуатація евреевъ ведется не въ одиночку, *а всею кагальною силою*, при звѣрской талмудической дисциплинѣ, регулирующей до послѣднихъ мелочей всѣ взаимныя отношенія евреевъ въ дѣлѣ эксплуатаціи чуждой имъ территоріи и иноплеменныхъ народовъ. Эта регламентація выразилась въ установленіи упомянутыхъ нами

«хазаки» и «меропіе», развивающихся уже на европейской почвѣ и охраняемыхъ угрозою самаго безпощаднаго проклятія («херема») въ случаѣ нарушенія. Если существованіе такого скопища *внутреннихъ враговъ и народнаго благосостоянія*, и всѣхъ моральныхъ основъ европейскаго правопорядка не есть беззаконнѣйшее и возмутительнѣйшее «государство въ государствѣ», — то что̀ же можетъ быть названо этимъ ходячимъ терминомъ?! Вѣдь такое скопище, — по *размѣру* приносимаго имъ зла и по той *безнаказанности*, которой оно открыто хвастается,—и въ сравненье идти не можетъ съ тѣми мелкими и слабосильными политическими организаціями, которыя подъ разными именами появлялись во всемірной исторіи... Если ужь гдѣ нибудь требуется вся энергія законнаго преслѣдованія и строжайшаго обузданія надменнаго зла, смѣющагося въ лицо государственной власти,—то именно въ данномъ случаѣ коварнаго подтачиванія всѣхъ государственныхъ и національныхъ устоевъ. Законъ, превращаемый, хитрыми манипуляціями въ постыдное беззаконіе (summum jus—summa injuriae); беззаконіе, носящее личину закона; деспотизмъ подъ маскою гуманности и либеральныхъ началъ (этотъ еврейскій маскарадъ много разъ изобличался честной русской печатью); ограбленіе и нравственное приниженіе иноплеменника, возведенное въ религіозную догму—вотъ съ какой многоголовой гидрой мы имѣемъ дѣло въ такъ называемомъ «еврейскомъ вопросѣ»!.. Мудрено ли, что бурный протестъ противъ подобнаго захвата пришлымъ племенемъ всѣхъ мѣстныхъ экономическихъ силъ, ка̀къ прежде, такъ и теперь выражался въ «погромахъ» евреевъ христіанскими обездоленными массами, покуда плодливое еврейское племя не разрослось до такого количества (въ мѣстахъ осѣдлости), что оно уже само стало нападать массою на *гонимыхъ христіанъ?* Такъ было въ средніе вѣка на Западѣ; также, въ XVI и XVII вѣкахъ, казаки преслѣдовали евреевъ въ Малороссіи; такъ преслѣдовало ихъ городское населеніе Одессы въ 1870 г.; по той же самой причинѣ румыны и понынѣ враждуютъ съ евреями. Евреевъ иногда грабили и изгоняли, но тѣ же самые евреи, снѣдаемые жаждой корысти, вскорѣ появлялись на прежнихъ мѣстахъ и принимались за прежнее ремесло («повадился кувшинъ по воду ходить»!), благодаря сильной защитѣ, которую они всегда умѣли находить на другой же день послѣ погрома...

Замѣчательно, однако, что страсть къ наживѣ не обогатила en masse еврейской національности. «Пѣнкоснимателями» являлись только одни еврейскіе банкиры и еврейскіе негоціанты покрупнѣе. Они съумѣли пріобрѣсти себѣ колоссальныя богатства; но народная масса евреевъ—ихъ «быдло», или плебсъ—вездѣ отличалась и отли-

чается вопіющею бѣдностью. Причина этого по виду страннаго явленія, впрочемъ, вполнѣ понятна: эксплуатація христіанъ мелкими еврейскими ростовщиками и факторами не можетъ много обогащать послѣднихъ, такъ какъ *они, въ свою очередь, безпомощно эксплуатируются своими старѣйшинами.* Всѣ труды, всѣ извороты бѣднаго еврея, мечущагося «тýды, сюды, навприсюды», обогащаютъ не его: — чистая выручка едва даетъ ему средства для скуднаго пропитанія,—*вся же крупная выгода идетъ въ карманы его кагальныхъ патроновъ.* Рѣдкій еврей не находится въ зависимости отъ подобнаго патрона. «Но и этого мало — говоритъ В. Я. Фуксъ:— *каждый еврей подавленъ произвольными и безконтрольными сборами, установленными кагаломъ,* — сборами, почти всегда имѣющими религіозный характеръ. (Мы уже говорили выше, что этотъ мнимо-религіозный характеръ всегда имѣетъ чисто-политическую подкладку, т. е. сохраненіе обособленности и господства «избраннаго племени»). Такимъ образомъ, наши евреи, уклоняясь отъ податей государственныхъ, въ дѣйствительности несутъ гораздо больше денежныхъ (кагальныхъ) повинностей, нежели христіане». Вотъ въ этой-то самой—дикой и фанатической—еврейской массѣ, воспитанной даже не офиціальными, а такъ называемыми «духовными» (тайными) раввинами, или цадиками, во всѣхъ крайностяхъ талмудическаго человѣконенавистничества, и господствуетъ до самаго послѣдняго времени чисто канибальскій ритуализмъ, въ родѣ употребленія христіанской крови во славу израиля. Если христіанство, въ лицѣ своихъ фанатиковъ, не было чуждо самаго безобразнаго суевѣрія, то подобныя суевѣрія у жидовъ, на почвѣ вавилонско-халдейской, естественно должны были выразиться въ наиболѣе грубой, преступной формѣ, и дольше удержаться на практикѣ. Родственная талмуду «магія» и связанная съ нею «каббала» проникли даже, по заимствованію, и въ христіанское общество, но въ ученіи талмуда и шулханъ-аруха (резонированный экстрактъ, или обязательная христоматія избранныхъ талмудическихъ сентенцій) всѣ эти заимствованія изъ халдейскаго міра почувствовали себя вполнѣ какъ дома. Вѣра въ злыхъ духовъ, въ талисманы и гаданія—все это гораздо чаще и повсемѣстнѣе, чѣмъ у христіанъ, входитъ доселѣ въ моральный обиходъ правовѣрныхъ талмудистовъ. Связь фанатизма съ человѣконенавистничествомъ и невѣжественными предразсудками привела къ возникновенію и укорененію среди евреевъ самыхъ превратныхъ воззрѣній и даже преступныхъ дѣйствій. «Такимъ образомъ—по мнѣнію г. Фукса—возникло и *уродливое ученіе, дозволявшее убивать и обкрадывать не-евреевъ.* Наконецъ, историческими свидѣтельствами въ періодъ среднихъ вѣковъ на Западѣ, слѣдствен-

ными дѣлами въ Витебскѣ, на Кавказѣ и въ Саратовѣ [1]), и формальнымъ слѣдствіемъ, произведеннымъ при участіи еврейскихъ консуловъ въ Дамаскѣ, въ началѣ сороковыхъ годовъ, обнаружено, что въ грубыхъ слояхъ еврейской массы бываютъ случаи закланія христіанскихъ младенцевъ и даже взрослыхъ христіанъ, съ цѣлью добычи христіанской крови для изготовленія пасхальныхъ хлѣбовъ и для другихъ суевѣрныхъ обрядовъ. Другими свидѣтельствами доказано, что евреи въ средніе вѣка на Западѣ *добывали черезъ христіанъ церковные дары для кощунства надъ ними*, а равно старались всячески пріобрѣтать церковно-христіанскіе сосуды и другія богослужебныя принадлежности, легко обходя постановленіе талмуда, который дозволяетъ этотъ промыселъ лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы означенные предметы были предварительно повреждены рукою не-іудея».

Такъ какъ вопросъ о ритуальномъ употребленіи евреями христіанской крови до сихъ поръ не сходитъ со столбцовъ нашихъ газетъ, и «обрѣзанные публицисты» честятъ всякими бранными кличками людей, дающихъ вѣру существованію этого обряда, — то мы считаемъ не лишнимъ привести цѣликомъ и дальнѣйшую аргументацію безпристрастнаго и вполнѣ компетентнаго члена нашей правительственной комисіи.

«Всѣ эти факты—продолжаетъ г. Фуксъ—*упорно отвергаются еврейскими писателями, хотя аргументація послѣднихъ не выдерживаетъ критики ни въ частностяхъ, ни въ общемъ взглядѣ на этотъ вопросъ.* Приведенные факты вовсе не составляютъ поголовнаго и вѣчнаго обвиненія еврейской націи. Эти крайнія выраженія дикаго фанатизма,—какъ напримѣръ, закланіе христіанъ,—являлись несомнѣнно, но довольно рѣдко; они рисуютъ не обиходное міросозерцаніе еврея (?) но лишь тѣ предѣлы, до которыхъ, при неразвитости фанатическихъ массъ, можетъ доводить ученіе талмуда. Въ западной Европѣ, гдѣ евреевъ меньше и гдѣ они образованнѣе, эти факты давно не повторяются [2]); они весьма рѣдки у насъ (?) и въ настоящее время всего болѣе возможны на нецивилизованномъ Востокѣ. Подобные факты въ еврейской сферѣ равнозначительны случаямъ святотатства, самосожиганія и убіенія новорожденныхъ дѣтей, столь частымъ въ жизни нашихъ раскольниковъ. Религіозная замкнутость, столь безвозвратно осужденная христіанствомъ, всегда возбуждала въ массахъ невѣжественный фанатизмъ, который въ

[1]) Прибавимъ къ этому знаменитое тисса-эсларское дѣло въ Венгріи и недавній процессъ о ритуальномъ убійствѣ въ Чехіи, окончившійся тѣмъ, что присяжные обвинили подсудимыхъ.

[2]) Въ Чехіи они только что повторились, съ обыкновеннымъ «отводомъ глазъ» у христіанскихъ правителей.

свою очередь вездѣ доводилъ отдѣльныхъ лицъ до изувѣрства, прикрываемаго преступною таинственностью. *Употребленіе же крови человѣческой лежитъ въ основаніи всѣхъ восточныхъ религій*, а, по мнѣнію Дёллингера, и еврейской, такъ часто уклонявшейся отъ заповѣдей Моисея и склонявшейся къ заблужденіямъ халдейскаго и персидскаго вѣроученій. Сохранившееся до сихъ поръ (у евреевъ) обрѣзаніе, по мнѣнію Деллингера, есть лишь отголосокъ древнихъ человѣческихъ жертвоприношеній. Съ другой стороны, не слѣдуетъ забывать, что ветхій завѣтъ узаконилъ приношеніе въ жертву животныхъ и ихъ крови; эта жертва, безусловно отмѣненная евангеліемъ, вовсе не отмѣнена догматически у евреевъ; *она только пріостановлена на время отсутствія жертвенника и храма.* Далеко ли отсюда до принесенія въ жертву крови врага въ моментъ фанатическаго экстаза, какъ это дѣлали и римляне, даже въ самый разгаръ своей гуманной философіи, въ I-омъ вѣкѣ нашей эры, передъ глазами самихъ евреевъ? Наконецъ, пролитіе человѣческой крови, но въ иной формѣ, существуетъ доселѣ *между русскими скопцами, которые, по ихъ невѣжеству, фанатизму и замкнутости, представляютъ нѣкоторыя черты, свойственныя еврейскимъ массамъ*».

Приступая къ оцѣнкѣ и объясненію того крайне низкаго уровня развитія, на которомъ всегда стояла (и теперь стоитъ) масса еврейскаго населенія, г. Фуксъ справедливо находитъ, что этотъ низменный уровень является «естественнымъ послѣдствіемъ» религіозно-талмудическаго настроенія. Было бы, конечно, натяжкой доказывать, что племенныя свойства евреевъ преграждаютъ имъ совершенно путь къ достиженію высшихъ знаній и общественныхъ положеній:—между ними иногда пріобрѣтали заслуженную извѣстность ученые, врачи, литераторы и артисты,—но подобные примѣры далеко не такъ многочисленны, какъ стараются насъ увѣрить очень «вумныя» дѣти израиля. «Эти способности,—по мнѣнію г. Фукса, подтверждаемому статистикою немногихъ еврейскихъ «дарованій» среди поглощающей ихъ толпы ростовщиковъ, контробандистовъ, торговцевъ «живымъ товаромъ», фальсификаторовъ и гешефтмахеровъ всякаго сорта и калибра, — достигаютъ въ еврейской средѣ своего естественнаго развитія *только при исключительныхъ обстоятельствахъ;* масса же, *особенно въ Россіи*, коснѣетъ въ теченіе вѣковъ въ фанатизмѣ и мелкомъ паразитствѣ. Еврейскіе писатели напрасно отожествляютъ эти исключительныя обстоятельства съ отсутствіемъ гоненій противъ евреевъ со стороны христіанъ. Крупные представители этого племени являлись даже во время самыхъ сильныхъ противъ него гоненій. Но бо̀льшая часть крупныхъ лич-

ностей изъ евреевъ или примыкали къ христіанству, вызывая противъ себя презрѣніе, проклятія и преслѣдованія со стороны своихъ прежнихъ единовѣрцевъ, или же, оставаясь въ еврейской сферѣ, платили ей печальную дань». Таковъ былъ и знаменитый Маймонидъ, который, не смотря на всѣ свои ученыя заслуги, проповѣдывалъ все таки грубѣйшій талмудическій фанатизмъ. Только Моисей Мендельсонъ, пытавшійся въ прошломъ столѣтіи «гуманизировать» евреевъ, не захотѣлъ покинуть вѣры своихъ предковъ. Страдалецъ въ своей жизни, онъ успѣлъ положить основаніе сектѣ реформистовъ (съ его ученіемъ былъ знакомъ и нашъ Державинъ); но это относительно-прогрессивное ученіе было рѣшительно отвергнуто въ свое время талмудическимъ большинствомъ и значительно искажено уступчивостью и лицемѣріемъ собственныхъ послѣдователей реформатора. «Сила солому ломитъ» по русской пословицѣ, а кагальная сила,—не только терпимая, но неразумно поощряемая европейскими правительствами,—во всеоружіи безжалостной нетерпимости и лютаго деспотизма (примѣры такой нетерпимости происходятъ на нашихъ глазахъ въ чертѣ еврейской осѣдлости и даже внѣ ея), ломитъ далеко не одну «солому»... Другіе же якобы передовые евреи, въ родѣ Кремьё, — этого достойнаго отца «Всемірнаго израильскаго союза», вмѣшивавшагося даже во внутреннія дѣла европейскихъ государствъ ради интересовъ «гонимаго племени», — не только не думали разрывать связей съ талмудистами, но нагло провозглашали свою вавилонско-халдейскую догму достойной побѣдить и поработить весь міръ...

Причина такого явленія (т. е. трудности бороться съ кагаломъ) очевидна. Подавленный каторжною дисциплиною кагала, властію бет-дина, гнетомъ безчисленныхъ еврейскихъ братствъ, имѣющихъ въ виду якобы филантропическія цѣли (да и то исключительно жидовскія) и полнѣйшей экономической зависимостью отъ своихъ старѣйшинъ, еврей имѣетъ передъ собою два крайнихъ исхода: или склониться передъ деспотическимъ авторитетомъ своихъ руководителей,—что̀ и составляетъ обыкновенно удѣлъ невѣжественной массы,—или грудью пробить себѣ доступъ къ собственной диктатурѣ, что̀ удается, конечно, только исключительно-даровитымъ личностямъ, а не шаблонно «вумнымъ» жидамъ, отлично прилаживающимся къ своей тѣсной раковинѣ. Средняго пути нѣтъ, и всякая попытка еврея серьезно эмансипироваться отъ кагальныхъ путъ встрѣчаетъ отпоръ не по силамъ. Такимъ образомъ, народныя массы евреевъ—по словамъ г. Фукса — «безъ всякаго преувеличенія, *находятся въ крѣпостномъ состояніи*».

«Это именно міросозерцаніе—такъ заканчиваетъ г. Фуксъ свою

блестящую и правдивую характеристику талмудизма — и дѣлаетъ изъ евреевъ, по выраженію департамента законовъ (Государственнаго Совѣта) «религіозно-политическую касту». *Евреи не признаютъ себя и не могутъ быть признаваемы гражданами обитаемыхъ ими странъ;* но, не будучи подданными иностраннаго государства, не могутъ быть признаваемы и иностранцами. Они—«государство въ государствѣ», а потому не только все прошедшее, но и интересъ настоящаго времени побуждаетъ ихъ *не къ сліянію съ гражданами страны, но лишь къ пріобрѣтенію предоставленныхъ этимъ гражданамъ преимуществъ, съ полнымъ, однако, сохраненіемъ своего внутренняго — національнаго и религіозно-политическаго—самоуправленія,* этого могучаго орудія той *дисциплины, которая связываетъ и направляетъ силы евреевъ* къ главной внѣшней цѣли ихъ настоящаго разсѣянія между иноплеменниками — *къ вещественной эксплуатаціи.* Степень *упорности этого настроенія* зависитъ, конечно, отъ условій мѣста и времени: въ Англіи и Франціи, гдѣ еврейскій элементъ, при ничтожной численности, растворяется въ далеко преобладающей массѣ болѣе цивилизованнаго мѣстнаго населенія, это настроеніе гораздо слабѣе [1]); то же можно сказать о средней Германіи; но, по мѣрѣ приближенія къ восточнымъ предѣламъ Пруссіи и Австріи, описанныя бытовыя черты становятся ощутительнѣе, а въ Россіи, среди неразвитаго, разрозненнаго и подавленнаго населенія западной окраины (губерніи западныя и привислинскія) еврейское населеніе, составляющее почти 10% [2]) представляетъ доселѣ, подобно тому, какъ и въ Румыніи, столь же сильное развитіе бытовыхъ своихъ началъ, какъ это, наприм., было въ западной Европѣ въ средніе вѣка, съ тою лишь разницею, что евреи не подвергаются здѣсь вовсе какимъ либо гоненіямъ».

Изъ приведенныхъ мною словъ глубокаго знатока истинной сути «еврейскаго вопроса» возможно устанавить на незыблемомъ основаніи нижеслѣдующія положенія: 1) еврейское населеніе всегда и вездѣ, начиная съ древнѣйшихъ временъ, представляетъ собою *строго-организованное «государство въ государствѣ»*,—со своею племенною

---

[1]) Недавнія событія во Франціи, сопровождавшія судъ надъ Дрейфусомъ и его осужденіе, показали до-нельзя ясно, до какой степени «французы моисеева закона» *претворились* въ настоящихъ французовъ. Кромѣ того, не мѣшаетъ замѣтить, что еврейскій элементъ во Франціи, прежде не достигавшій и 300 тысячъ душъ, возросъ уже въ послѣднее время до цѣлаго милліона, а вмѣстѣ съ тѣмъ усилилось и его зловредное вліяніе въ странѣ, подъ покровительствомъ анонимнаго «парламентскаго большинства».

[2]) Въ настоящее время, этотъ процентъ еврейскаго населенія увеличился у насъ навѣрное до 15-ти, если не больше, процентовъ.

обособленностью, со своею внутреннюю и внѣшнею политикою, со своими финансами, юстиціею и полицейской властью,—государство, отнюдь не желающее «сливаться» съ гражданами обитаемой страны (что̀ бы ни пѣли на эту тему лживые еврейскіе голоса); 2) *основной политико-религіозный складъ талмудическаго ученія составляетъ нѣчто вполнѣ противорѣчащее прогрессивному строю современныхъ христіанскихъ государствъ*, какой-то уродливый обломокъ тщательно сохраняемаго *варварства*; 3) между самими евреями существуетъ такое классовое дѣленіе (на богачей и бѣдняковъ), которое не наблюдается съ такою рѣзкостью нигдѣ въ цивилизованномъ христіанскомъ мірѣ, причемъ бѣдняки продолжаютъ пребывать,—не смотря на всѣ политическія и общественныя эволюціи новѣйшаго времени, — въ совершенно дикомъ, рабскомъ состояніи, подъ властью богатаго класса, и 4) предохранительныя мѣры противъ вторженія еврейскаго элемента только отчасти, и то больше по виду, опирались на религіозные мотивы, а въ сущности вызывались нетерпимою общественною и—преимущественно—экономическою дѣятельностью еврейскаго племени; кромѣ того, и якобы религіозныя гоненія на жидовъ (конечно, проклинаемыя съ «либеральной» и «толерантной» точки зрѣнія) далеко не имѣли такого всеобщаго и безпощаднаго характера, какой приписываютъ ему еврейскія мартирологіи въ исторіи и какой несомнѣнно имѣется на лицо въ нашемъ Сѣверозападномъ краѣ, въ настоящей неподкрашенной мартирологіи тамошняго христіанскаго населенія, прячущагося отъ жидовъ, «какъ мухи въ щели», по свидѣтельству судебныхъ актовъ...

Если приложить всю эту правильно-установленную мѣрку къ исторіи такъ называемыхъ «религіозныхъ гоненій» на евреевъ, то ихъ надлежащее объясненіе будетъ носить уже совсѣмъ другой характеръ. *Религіознымъ покровомъ тутъ защищались чисто-національные, бытовые и государственные интересы*, которые сплетались въ то время въ одинъ клубокъ съ вѣроисповѣдными мотивами. Чувство національнаго самосохраненія и христіанская этика, лежащая въ основѣ европейскаго государственнаго и общественнаго быта, одинаково возмущались вторженіемъ въ народную среду сплоченнаго кочеваго племени, повинующагося своему особому религіозно-политическому кодексу, не имѣющему никакихъ точекъ соприкосновенія ни съ гуманной христіанскою моралью, ни съ коренными условіями народнаго благосостоянія. Эта односторонне-мотивированная, но законная въ своемъ источникѣ, вражда къ пришлецамъ совсѣмъ инаго моральнаго типа сказывалась и съ первыхъ же страницъ древней русской исторіи,—сказывалась скорѣе въ безошибоч-

номъ національномъ инстинктѣ, чѣмъ въ логически-построенныхъ аргументахъ. Еврейскіе подвиги на разныхъ поприщахъ жизни, вѣроятно, говорили сами за себя, помимо всякихъ конфессіональныхъ различій, и хотя у насъ тогда не было печатной гласности, но «слухомъ земля полнится», и молва о вредѣ, приносимомъ евреями, могла распространяться и другими болѣе примитивными путями.

Съ очень давняго времени началось у насъ и вмѣшательство евреевъ въ политическую жизнь,—какъ это несомнѣнно явствуетъ изъ загадочнаго, плохо разъясненнаго лѣтописями, убійства даровитаго князя Андрея Боголюбскаго, положившаго первый камень въ основу нашего государственнаго и національнаго единства (1174 г.). Въ дружину князя были допущены новообращенные христіане изъ болгаръ и евреевъ [1]), и вотъ эта-то самая дружина подняла на него свою предательскую руку. Въ числѣ заговорщиковъ находился, между прочимъ, и довѣренный князя—ключникъ *Анбалъ*, разъигравшій въ этомъ убійствѣ самую гнусную и безсердечную роль. Лишивъ жизни своего довѣрчиваго князя, убійцы наругались и надъ трупомъ, выбросивъ его, даже безъ прикрытія, въ огородъ. Тутъ-то и произошла трогательная сцена, сохраненная въ лѣтописи. «И нача плакати (надъ трупомъ) Кузьмище [2]): «Господине мой. Како еси не очютился (не отгадалъ) скверныхъ вороговъ своихъ? Или како еси не помыслилъ побѣдити ихъ, иногда побѣжая полкы поганыхъ болгаръ»? И такъ плакася; и пріиде Анбалъ-ключникъ, *ясинъ родомъ* (повидимому, кавказскій еврей, приписавшійся къ осетинамъ)—тотъ бо ключъ держаще ото всего дома княжескаго и надо всѣмъ ему волю далъ бяше. И рече, воззрѣвъ нань (на Анбала) Кузьмище: Анбале-воро́же, сверзи коверъ или что либо подослати или чѣмъ прикрыти господина нашего». И рече Анбалъ: «Иди прочь! *Мы хочемъ выверзти псомъ*». И рече Кузьмище: «О, еретиче! *Помнишь ли, жидовине, въ которыхъ портехъ пришелъ бяше?* Ты нынѣ въ оксамитѣ стоиши, а князь лежитъ нагъ; но молю тя: сверзи ми что либо». И сверже къверъ и корзно, и обвилъ его и несе въ церковь».

Любопытно, что въ этомъ таинственномъ заговорѣ,—кромѣ кавказскаго жида, пришедшаго «въ порткахъ» и нарядившагося, по милости князя, въ драгоцѣнныя одежды, — принималъ участіе и другой «жидовинъ», Ефремъ *Мойзовичъ*, отчество котораго несомнѣнно указываетъ на его происхожденіе. Молва объ этомъ коварномъ участіи евреевъ въ убійствѣ любимаго народомъ князя, конечно, распространялась въ свое время по всей Руси, и только

[1]) *Карамзинъ*. «Исторія государства Россійскаго», III.

[2]) Кузьма-кіевлянинъ, вѣрный слуга княжескій.

разжигала справедливую народную ненависть къ этому племени. Въ княженіе Василія III, Павелъ Іовій, посѣтившій Россію, свидѣтельствуетъ, что въ его время русскіе ненавидѣли евреевъ, *содрогались даже при одномъ имени ихъ* и не впускали въ свои предѣлы, какъ людей презрѣнныхъ и вредныхъ. Тѣмъ не менѣе, уже съ давнихъ временъ, жиды всячески пробовали забираться въ Россію для пополненія своихъ гешефтовъ, и такъ какъ дѣлать это имъ было всего сподручнѣе черезъ сосѣднюю Польшу,—уже изнывавшую отъ обилія паразитнаго племени,—то они и старались оказывать съ этою цѣлью давленіе на польское правительство. Такимъ пособникомъ евреевъ явился въ 1550 г. польскій король Сигизмундъ-Августъ, отправившій особаго посла (Станислава Едровскаго) къ Ивану Грозному съ ходатайствомъ за польскихъ купцовъ «моисеева закона». Польскій король формально жаловался русскому царю: «*докучаютъ* намъ подданные наши, жиды-купцы государства нашего, что при предкахъ твоихъ *вольно было всѣмъ купцамъ нашимъ въ Москву и по всей землѣ твоей съ товарами ходить и торговать* (очевидно, что жиды проникали уже и тогда къ намъ, скрывая свое еврейское происхожденіе, тѣмъ или другимъ способомъ); а теперь ты жидамъ не позволяешь съ товарами въ государство твое въѣзжать».

Но Иванъ Грозный, продолжавшій, какъ извѣстно, тенденцію Андрея Боголюбскаго—объединить и сплотить Россію подъ твердою властью—и, безъ сомнѣнія знавшій громкую въ свое время исторію участія евреевъ въ убійствѣ энергическаго князя, отвѣчалъ польскому ходатаю формальнымъ отказомъ: «мы къ тебѣ, король, писали о *лихихъ дѣлахъ отъ жидовъ* (очевидно, что подъ «лихими дѣлами» никакъ нельзя было разумѣть одного конфессіональнаго различія), ка́къ они нашихъ людей отъ христіанства отводили, *отравныя зелья къ намъ привозили...* такъ тебѣ бы, брату нашему, *не годилось и писать объ нихъ много,* слыша такія ихъ злыя дѣла». Отвѣчая нѣкоторымъ образомъ на покушенія еврейскаго прозелитизма (имѣвшія уже мѣсто въ зарожденіи секты «жидовствующихъ»), Иванъ Грозный не поцеремонился, при взятіи Полоцка, крестить всѣхъ евреевъ, а непокорныхъ топить въ Двинѣ, о чемъ Псковская лѣтопись и сообщаетъ подъ 1563-мъ годомъ. Еще раньше (въ 1528 г.) тотъ же грозный царь изгналъ жидовъ изъ Новгорода, гдѣ они успѣли уже свить себѣ гнѣздо подъ фирмою торговыхъ дѣлъ. Опасенія Ивана Грознаго оправдались въ смутное время, когда цѣлая масса польскихъ жидовъ прорвалась черезъ нашу границу, и когда, подъ именемъ третьяго самозванца, фигурировалъ «едва ли не жидъ», по основательному предположенію Карамзина. Слѣды этого еврейскаго вторженія сказались и при избраніи на царство польскаго короле-

вича Владислава, когда напуганные русскіе постановили условіе— что «жидамъ въ россійское государство съ торгомъ *ни которыми дѣлы не ѣздити*». («Акты историческіе», II, 165).

При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, — отъ традицій котораго не отходилъ въ данномъ случаѣ и его великій сынъ, — жиды часто подвергались изгнанію изъ Москвы (въ особенности пріѣзжіе изъ Литвы), а въ 1654 г. онъ велѣлъ выслать ихъ изъ Могилева, причемъ «жидовскіе дворы» отдалъ на половину въ ратушу, въ пользу города, а другую отобралъ въ казну. Въ «Уложеніи» этого царя,— многія статьи котораго сохранили свою силу до настоящаго времени,—евреи не были забыты подъ общимъ именемъ «бусурманъ», и за совращеніе ими христіанъ назначалось или «сожженіе огнемъ», или «отсѣкновеніе главы». Эта статья подтверждена много позже (въ 1730 году) при императорѣ Петрѣ II-мъ, въ «Наказѣ губернаторамъ и воеводамъ», а, сто лѣтъ спустя по изданіи «Уложенія», была примѣнена съ крайней суровостью при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ. Во время кратковременнаго нахожденія Вильны подъ властію Алексѣя Михайловича, «тишайшій царь», питавшій къ евреямъ не меньшую антипатію, чѣмъ и «царь грозный», снизошелъ къ просьбѣ горожанъ — выслать всѣхъ жидовъ вонъ изъ города. Въ 1686 г., при двоевластіи Ивана и Петра Алексѣевичей, въ «Трактатѣ» съ Польшею проскользнуло было нѣкоторое смягченіе закона относительно пропуска въ Россію евреевъ-купцовъ, но затѣмъ, въ теченіе 35-лѣтняго царствованія Великаго Преобразователя, никакихъ послабленій въ пользу ихъ не дѣлалось. Петръ Великій, вполнѣ чуждый, какъ извѣстно, всякой націоналистической исключительности, но вѣрный крѣпкому и здоровому національному чувству; вполнѣ свободный и отъ религіозной нетерпимости, совсѣмъ не мирволилъ, однако, жидамъ и,—по терминологіи юдофильской литературы,—относился къ нимъ, какъ завзятый «обскурантъ» и «фанатикъ», хотя и имѣлъ для своего нерасположенія отнюдь не вѣроисповѣдные и не реакціонные, а прогрессивно-государственные мотивы. Петръ не только не привлекалъ въ Россію жидовъ, не пользовался ни ихъ услугами, ни совѣтами, но прямо захлопывалъ передъ ними дверь, видя въ нихъ людей порочныхъ и вредныхъ въ общегражданскомъ и политическомъ смыслѣ. Долговременное пребываніе въ Голландіи,—служившей въ то время прибѣжищемъ для наиболѣе интеллигентныхъ евреевъ, бѣжавшихъ съ юга Европы, — дало возможность Петру познакомиться съ лучшими элементами этой среды, но и такое знакомство отнюдь не измѣнило его общаго мнѣнія о характерѣ еврейскаго племени. На попытку амстердамскаго бургомистра Витсена вступиться за голландскихъ промышленниковъ и мастеровыхъ изъ

евреевъ и открыть имъ путь въ Петербургъ, — Петръ отвѣчалъ иронически, не желая обидѣть любимаго человѣка рѣзкимъ отказомъ: «Другъ мой, ты знаешь жидовъ и образъ мыслей моихъ подданныхъ, и *я также знаю и тѣхъ, и другихъ*. Не время еще дозволить жидамъ пріѣзжать и жить въ моемъ государствѣ. Скажи имъ моимъ именемъ, что я благодарю ихъ за предложеніе и сожалѣю, что они желаютъ селиться въ Россіи, — ибо хотя *они почитаются за весьма искусныхъ обманывать весь свѣтъ*, однако же, я думаю, у *моихъ русаковъ они немного выторгуютъ*».

Послѣдствія показали, что русскій кулакъ,—на профессіональную стойкость котораго иронически разсчитывалъ Петръ Великій, — не въ силахъ бороться въ одиночку съ коллективнымъ кулачествомъ цѣлаго племеннаго кагала; слѣдовательно, и эта надежда должна быть оставлена. Но нетрудно замѣтить, что подъ иронической похвалой русскому кулаку,—которою Петръ хотѣлъ позолотить пилюлю отказа, стращая самихъ евреевъ опасною конкурренціей,—скрывалось совсѣмъ уже не похвальное мнѣніе о племенныхъ качествахъ самого израиля. Въ другихъ случаяхъ, у себя дома, Петръ выражался гораздо откровеннѣе и категоричнѣе: «*я хочу видѣть у себя лучше народы магометанской и языческой вѣры, нежели жидовъ: они—плуты и обманщики. Я искореняю зло, а не распложаю его*. Не будетъ для нихъ въ Россіи ни жилища, ни торговли, сколько о семъ ни стараются и *какъ ближнихъ ко мнѣ ни подкупаютъ*». Сохранилось вообще преданіе, что Петръ постоянно выражался о жидахъ съ порицаніемъ, и С. М. Соловьевъ, въ своей «Исторіи Россіи» (т. 19), прямо заявляетъ, что онъ «не любилъ и не терпѣлъ ихъ».

Подъ «ближними» къ Петру лицами, на которыхъ евреи старались дѣйствовать своимъ излюбленнымъ средствомъ—подкупомъ,—историки подозрѣваютъ, между прочимъ, барона П. П. Шафирова, внука крещенаго еврея (по нѣкоторымъ показаніямъ), котораго Скорняковъ-Писаревъ, при спорѣ въ сенатѣ, прямо попрекалъ «жидовствомъ» и который, при всемъ покровительствѣ царя, имъ же былъ отдаваемъ подъ судъ за растрату суммъ, т. е. проявлялъ въ себѣ отличительное свойство еврейской расы... Какъ ни сторонился Петръ отъ этого непріятнаго сосѣдства, но Шафировъ и состоявшій съ нимъ въ родствѣ Авраамъ Веселовскій (впослѣдствіи сбѣжавшій въ Швейцарію съ резидентскаго поста въ Вѣнѣ) успѣли таки, со свойственной имъ ловкостью, подобраться и къ великому реформатору Россіи. Затѣмъ, кромѣ Лакосты и Педрилло (итальянскаго и португальскаго евреевъ), начавшихъ при Петрѣ свою «шутовскую» карьеру, никто изъ жидовъ не игралъ въ то время никакой роли

при дворѣ. Своимъ ближайшимъ преемникамъ Петръ Великій завѣщалъ и свой недружелюбный взглядъ на еврейство. Въ царствованіе Екатерины I-ой, — при которой фактическимъ правителемъ Россіи являлся князь А. Д. Меншиковъ, вознесенный Петромъ на высшую государственную ступень и вполнѣ усвоившій его взглядъ на еврейскій вопросъ, — изданъ былъ указъ Верховнаго тайнаго совѣта, отнимавшій у еврея Боруха Лейбы съ товарищами въ смоленскомъ уѣздѣ отданные имъ на откупъ, въ 1725 г., таможенные и кабацкіе сборы, а ихъ самихъ выслать не медля «за рубежъ», причемъ предписывалось передать этотъ откупъ другимъ лицамъ, «кромѣ жидовъ». Указъ этотъ свидѣтельствуетъ о томъ, что, вопреки прямымъ запрещеніямъ закона, юркіе евреи не только разселялись по Россіи, но и были допускаемы даже къ заключенію контрактовъ съ правительствомъ. Въ текстѣ этого указа видна уже значительная суровость, но въ томъ же (1727) году она выразилась еще рѣзче въ законѣ отъ 26 апрѣля. Этотъ законъ уже прямо повелѣвалъ: «жидовъ какъ мужеска, такъ и женска пола, которые обрѣтаются на Украйнѣ и въ другихъ городахъ,—*тѣхъ всѣхъ выслать вонъ изъ Россіи за рубежъ немедленно* и впредь ихъ ни подъ какимъ образы въ Россію не впускать и того предостерегать во всѣхъ мѣстахъ на-крѣпко». Предписывалось также, чтобы жиды ни въ какомъ случаѣ *не вывозили серебряной и золотой монеты* (обыкновенная замашка всемірныхъ торговцевъ денежною валютою), а вмѣсто драгоцѣнныхъ металловъ велѣно заплатить имъ мѣдью [1]).

Слѣдуетъ предположить, однако, что изгнаніе жидовъ по указу 1727 г. производилось не особенно энергично, натыкаясь на жидовскія взятки и запугиваніе «сильными міра», ибо въ слѣдующемъ году (уже въ царствованіе Петра II-го) Верховный тайный совѣтъ, по прошенію малороссійскаго гетмана Даніила Апостола, разрѣшилъ евреямъ въѣздъ въ Малороссію спеціально на ярмарки, для «купеческаго промысла», причемъ имъ позволялось продавать товары только *оптомъ*, а не въ розницу (на локти и фунты); на вырученныя за товары деньги покупать товары же, а золота и серебра въ монетѣ отнюдь не вывозить изъ Малороссіи за границу. Такимъ образомъ, наше правительство допускало или — лучше сказать— терпѣло, скрѣпя сердце, въ интересахъ торговли, участіе крупныхъ еврейскихъ капиталистовъ, не дозволяя особенно вреднаго мелкаго торгашества, и притомъ терпѣло исключительно въ одной Украйнѣ, но не во всей Россіи.

---

[1]) «Полное собраніе законовъ» 1827 г., апрѣля 26, № 5063. Впослѣдствіи, при изгнаніи жидовъ, къ уплатѣ имъ мѣдью присоединилась еще и уплата векселями.

Кромѣ того, въ 1728 г. послѣдовало и первое исключеніе изъ общаго правила ad personam; впослѣдствіи же почти каждая ограничительная мѣра противъ евреевъ вела за собою и разныя личныя исключенія... На этотъ разъ исключеніе сдѣлано было ради «казеннаго интереса». Бергъ-коллегія вошла съ представленіемъ о необходимости отсрочить пребываніе въ Россіи «жидамъ Зунделю Гиршу съ сыновьями», которые обязались доставить подрядчикамъ монетнаго двора 2000 пудовъ серебра «изъ-за моря» къ маю 1728 г., но не успѣли еще доставить послѣднихъ 110-ти пудовъ. Едва ли можно сомнѣваться, — судя по общему характеру еврейскихъ махинацій, — что этотъ предлогъ для отсрочки понадобился жидамъ ради успѣшнаго окончанія какихъ нибудь другихъ совмѣстныхъ дѣлъ противозаконнаго свойства... Тѣмъ не менѣе, отсрочка была имъ дана. Тутъ мы встрѣчаемся уже съ евреями, прикосновенными къ нашимъ *государственнымъ финансамъ*, которые всегда и особенно дразнили ихъ лакомое воображеніе.

Царствованіе Анны Іоанновны, съ ея излюбленнымъ клевретомъ Бирономъ, весьма суровое относительно внутреннихъ дѣлъ въ Россіи, было снисходительнѣе къ евреямъ Малороссіи и Курляндіи. Ходатайства изъ Малороссіи и Смоленска, въ смыслѣ смягченія установленныхъ строгостей, встрѣчали снисходительный пріемъ въ Петербургѣ, а въ Курляндіи «придворный еврей» Леви Липманъ, заручившись покровительствомъ суроваго временщика, овладѣлъ всею финансовою частью управленія, пользовался различными торговыми монополіями и дѣлился барышами съ Бирономъ. Но поблажки, оказанныя евреямъ, не привели ихъ самихъ къ добру и, въ концѣ царствованія Анны Іоанновны, Борухъ-Лейба, сначала позволявшій себѣ формальное гоненіе на православнаго священника, а потомъ даже совратившій въ еврейскую вѣру флотскаго капитанъ-лейтенанта Возницына, былъ сожженъ, по Уложенію царя Алексѣя Михайловича, вмѣстѣ съ жертвою совращенія. Исторія этого смоленскаго откупщика, давно подлежавшаго высылкѣ «за рубежъ», но благополучно остававшагося на мѣстѣ,—весьма любопытна именно по той наглости, которую позволяютъ себѣ жиды, чуть только ослабѣетъ правительственный надзоръ за ихъ происками. Дѣло Боруха Лейбы началось еще въ 1722 г., при Петрѣ Великомъ. Двое смоленскихъ мѣщанъ (Шила и Паскинъ), въ жалобѣ на имя святѣйшаго синода, писали, что со времени присоединенія Смоленска къ Россіи «благочестивая вѣра» утверждена была вездѣ, а «жидовская поганая вѣра искоренена была безъ остатку». Но бывшій смоленскій вице-губернаторъ, князь Василій Гагаринъ (очевидно, не надо быть жидомъ, чтобы плясать подъ ихъ дудку, и на это амплуа

идутъ даже родовитые князья) допустилъ жидовъ, пришедшихъ изъ-за литовскаго рубежа, въ кабацкіе и таможенные откупа и во всякіе торги въ смоленской провинціи. Размножившись въ смоленской палестинѣ, евреи, по словамъ жалобщиковъ, «старозаконіемъ своимъ чинятъ въ простомъ народѣ смуты и прельщенія», выхваляя свою вѣру и порицая православіе, а также «привращая въ жидовство». При этомъ, евреи заставляли жителей чествовать свои субботы и относились пренебрежительно къ христіанскимъ праздникамъ, принуждая своихъ наемниковъ работать и въ эти дни. Мало того: Борухъ Лейба построилъ въ дворцовомъ селѣ Звѣровичахъ синагогу, близь церкви Николая Чудотворца, и когда священникъ того села, Авраамъ, сталъ «басурманской вѣрѣ укоризны чинить», то обнаглѣвшій жидъ «билъ смертно» этого священника и «голову испроломилъ, и, оковавъ, держалъ въ желѣзахъ». Отъ жидовскаго «мученія» священникъ заболѣлъ и умеръ [1]). Получивъ такую необычайную по тому времени жалобу (нынѣ, пожалуй, никто бы особенно ей не удивился!) синодъ постановилъ: 1) построенную Борухомъ синагогу, «противную христіанской вѣрѣ», разорить до основанія, а обрѣтающіяся въ ней «книги прелестнаго (соблазняющаго) ученія, собравъ, сжечь безъ остатку»; 2) о вице-губернаторѣ князѣ Гагаринѣ и о жидѣ Борухѣ, который священника Авраама [2]) «безчеловѣчно билъ»,—отъ чего послѣдній и умеръ,—«дабы изслѣдовать и надлежащую о томъ сатисфакцію учинить ко изгнанію изъ оной смоленской провинціи всѣхъ тамо обрѣтающихся жидовъ за границы россійскія», сообщить вѣдѣніе въ правительствующій «сенатъ», причемъ требовать, чтобы всѣ жиды отъ торговъ и откуповъ, и отъ сношеній съ православными «весьма были отлучены и никогда бы въ тѣхъ странахъ, гдѣ жительство православныхъ имѣется, никакого имъ пристанища и жительства не было». При этомъ синодъ требовалъ дать знать въ камеръ-коллегію, «дабы оные кабацкіе и прочіе сборы отъ жидовъ отняты и россійскимъ благочестивымъ жителямъ вручены были».

«А какія—говорилось въ заключеніе синодскаго указа—сверхъ означенныхъ въ доношеніи, противныя благочестію, *отъ оныхъ жидовъ пакости происходили*, о томъ со всякимъ прилежаніемъ и истинно разыскать смоленскому архіерею», которому и предписано

---

[1]) Въ наши дни,—какъ это видно изъ многихъ корреспонденцій, — жиды снова ховяйничаютъ въ Смоленскѣ и захватили тамъ лучшія улицы.

[2]) Исторія умалчиваетъ, не былъ ли этотъ священникъ перекрещенцемъ или, можетъ быть, имѣлъ еврейскихъ предковъ? Въ такомъ случаѣ, надъ нимъ была совершена прямо «кагальная казнь».

было прислать донесеніе въ святѣйшій синодъ «въ какой возможно скорости».

Очевидно, что въ данномъ случаѣ синодъ, подъ покровомъ религіи, входилъ уже въ дѣла внутренняго управленія, въ экономическую и финансовую сторону народной жизни, видимо страдавшей отъ наплыва хищнаго и прожорливаго паразитизма. Камеръ-коллегія не ослушалась распоряженія синода и немедленно распорядилась отнять у жидовъ кабацкіе и разные другіе сборы, передавъ ихъ православнымъ. Но Борухъ Лейба, имѣвшій какую-то особенно сильную протекцію, опять таки добился отдачи ему таможенныхъ и кабацкихъ сборовъ, на что и послѣдовалъ спеціальный указъ отъ 26 января 1725 г. (за два дня до кончины Петра II-го); только уже позднѣе, вслѣдствіе сенатскаго донесенія, послѣдовало вторичное отнятіе откуповъ у Боруха въ 1727 г., по указу, объявленному изъ Верховнаго тайнаго совѣта.

Стоитъ замѣтить, что слѣдствіе, произведенное по указанію синода подъ наблюденіемъ смоленскаго архіерея Филофея, подтвердило, что священникъ села Звѣрковичей, дѣйствительно, былъ безчеловѣчно мучимъ Борухомъ, и что этотъ Борухъ со своею женою «совершали и многія другія пакости». Въ числѣ этихъ *пакостей* упоминались одна, имѣющая весьма близкое сходство съ тѣми ритуальными убійствами, въ которыхъ евреи обвиняются и донынѣ. Такъ напр., супруги Борухи, наканунѣ Богоявленія Господня, въ субботу, повѣсили «за переводный брусъ» служившую у нихъ деревенскую дѣвушку Матрену Емельянову и, держа ее въ такомъ положеніи «съ вечера до утренняго звона» съ завѣшенною головою, «*булавками и иглами испущали изъ нея руду*» и освободили ее только тогда, когда на крикъ ея пришелъ мѣщанинъ Никифоръ Петровъ и, своимъ появленіемъ, повидимому, избавилъ ее отъ смерти [1]). Кромѣ того, жиды продавали народу всякую мертвечину и мясо издохшихъ коровъ вмѣсто здоровой пищи. Почуявъ бѣду, зарвавшійся въ «пакостяхъ», Борухъ началъ оговаривать слѣдователей и подавать на нихъ извѣты въ смоленскую губернскую канцелярію и камеръ-коллегію. Въ этихъ извѣтахъ онъ жаловался на пристрастное производство слѣдствія, отрицая смерть священника Авраама отъ побоевъ и приписывая ее пьянству (какъ будто бы трудно было слѣдователю различить эти два вида смерти), жаловался на причиненные ему *убытки* (ultima ratio еврея) и просилъ

---

[1]) Нѣчто подобное произошло въ наши дни въ Вильнѣ, гдѣ цирульникъ-жидъ собирался уже принести ритуальное жертвоприношеніе, но былъ удержанъ отъ этого только неожиданнымъ появленіемъ извощика подъ окнами. («*Наблюд.*», № 4, «Отголоски», стр. 41).

о назначеніи новаго слѣдствія. Въ это время Борухъ даже самъ находился въ Петербургѣ, а не въ смоленскомъ острогѣ, какъ бы слѣдовало по общему порядку. Синодъ не повѣрилъ его извѣту, но все таки приказалъ произвести новое слѣдствіе, а Боруха—отправить подъ карауломъ въ смоленскій надворный судъ, возложивъ на арестанта всѣ путевыя издержки и за себя, и за караульнаго солдата. Но Борухъ увернулся отъ принудительнаго путешествія, ссылаясь на необходимость ожидать рѣшенія его дѣла въ Рекетмейстерской канцеляріи (тогдашняя комисія прошеній на высочайшее имя). Новое слѣдствіе двигалось очень медленно, и дѣло Боруха показывалось неоконченнымъ по синоду еще въ 1734 году (т. е. въ теченіе 12-ти лѣтъ)!

Между тѣмъ, во время этой «канцелярской волокиты», за Борухомъ оказалось новое небывалое преступленіе, доказывавшее, что предпріимчивый жидъ, полагаясь на свою безнаказанность, не только не складываетъ рукъ, но, напротивъ, раздвигаетъ локти все шире и шире... Изъ вѣдомства духовнаго дѣло это перешло уже въ судъ гражданскій. Оно состояло въ томъ, что Борухъ обвинялся въ «привращеніи въ жидовскую вѣру и въ обрѣзаніи» отставнаго капитанъ-лейтенанта флота Александра Возницына; къ этому дѣлу привлекался и зять Боруха, Шмерль, подобно тому, какъ къ прежнему дѣлу привлечена была и жена обвиняемаго. Однимъ словомъ, мы встрѣчаемся уже тутъ съ цѣлымъ гнѣздомъ пауковъ, далеко раскинувшихъ свою паутину... Дѣло дошло до рѣшенія юстицъ-коллегіи (тогдашнее министерство юстиціи) въ 1738 г. и живое участіе въ немъ принималъ грозный въ то время начальникъ «Канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ» Андрей Ивановичъ Ушаковъ. На это дѣло обращено было вниманіе и самой императрицы, предписавшей именнымъ указомъ, 18 апрѣля 1738 г., препроводить слѣдственное производство въ сенатъ для разсмотрѣнія. Дѣло повелось очень быстро: 20 апрѣля сенатъ получилъ его и на другой же день препроводилъ въ юстицъ-коллегію, съ тѣмъ чтобы рѣшеніе ея было подано «для апробаціи» въ сенатъ. Но и юстицъ-коллегія, и сенатъ остались недовольны неполнотой слѣдствія и разнорѣчіемъ главныхъ обвиняемыхъ, причемъ требовали новыхъ «розысковъ», прежде чѣмъ постановить окончательное рѣшеніе. Не смотря на эту неполноту и противорѣчіе показаній, данныхъ «съ дыбы» (Возницынымъ) и «въ виду ея» (Борухомъ), слѣдствіе установило, однако, что Борухъ затѣялъ цѣлую *пропаганду обрѣзанія*, которому подвергались, можетъ быть, и другія лица, кромѣ Возницина, оставшіяся непривлеченными къ слѣдствію. Такъ напр., Возницына возили въ Польшу для «лучшаго

познанія жидовскаго закона», окружали раввинами «для увѣщаній и наставленій», и эти наставленія были настолько успѣшны, что Возницынъ,—не отличавшійся, повидимому, ни умомъ, ни образованіемъ,—немедленно началъ съ чужихъ словъ поносить имя Христа и его ученіе. Этотъ фактъ обращенія въ еврейскую вѣру русскаго офицера,—составлявшаго, можетъ быть, и не единственную жертву соблазна,—показался въ свое время настолько серьезнымъ и опаснымъ, — что безъ вниманія оставлены были всѣ другія важныя обвиненія, тяготѣвшія надъ Борухомъ (какъ напр., истязаніе священника, повлекшее за собою смерть, употребленіе христіанской крови съ ритуальной цѣлью и пр.), и императрица, боясь, что дѣло это, путемъ новыхъ розысковъ и новыхъ противорѣчій, затянется безъ конца, поспѣшила прикончить его самою сильною мѣрою наказанія, какой подвергались очень рѣдко и въ до-петровское время. Оставлена была безъ уголовной кары цѣлая шайка приспѣшниковъ Боруха, и самъ онъ не испыталъ, почему-то, удовольствія повисѣть на дыбѣ вмѣстѣ съ Возницынымъ. Ему только «показали дыбу» для острастки, такъ что *совратитель пострадалъ меньше совращеннаго*... Увидавши твердое намѣреніе императрицы—положить суровый предѣлъ развитію еврейскаго прозелитизма,—сенатъ немедленно положилъ резолюцію на основаніи неотмѣненной статьи «Уложенія» Алексѣя Михайловича: — «обоихъ (виновниковъ) *казнить смертью, сжечь*, чтобы другіе, смотря на то, невѣжды и богопротивники отъ христіанскаго закона отступить не могли, и таковые прелестники, какъ и оный жидъ Борухъ, изъ христіанскаго закона прельщать и въ свои законы привращать не дерзали». Казнь эта, послѣдовавшая во второй половинѣ 1738 г., была четвертою—и послѣднею—«огненною казнью» на Руси (предшественниками Возницына на этомъ скорбномъ пути были: извѣстный расколоучитель протопопъ Аввакумъ, еретикъ-мистикъ Квиринъ Кульманъ и татаринъ Тойгильда, сожженный въ томъ же 1738 г. въ Екатеринбургѣ за то, что, принявъ христіанство, снова возвратился къ исламу) [1]).

Царствованіе императрицы Елизаветы Петровны было еще послѣдовательнѣе предъидущаго въ государственномъ смыслѣ, по отношенію ко вреду, приносимому еврействомъ, и ея законодательство по этому вопросу могло бы назваться вполнѣ прямолинейнымъ, хотя, вслѣдствіе смягчившихся нравовъ, ей и не приходилось уже прибѣгать къ «огненнымъ казнямъ». Въ періодъ ея двадцатилѣтняго управленія, наша законодательная лѣтопись упоминаетъ только о

---

[1]) «Исторія русскаго законодательства о евреяхъ». Т. I, стр. 28—41.

трехъ правительственныхъ актахъ по этому вопросу, и всѣ они имѣютъ предметомъ—систематическое удаленіе евреевъ изъ предѣловъ государства. На этомъ пунктѣ императрица вполнѣ раздѣляла взглядъ своего отца и, хотя прикрывала его религіозными соображеніями, но — какъ мы сказали уже выше — подъ религіозными мотивами и здѣсь нетрудно было усмотрѣть чисто государственную и національную цѣль: охранить коренное осѣдлое населеніе отъ безграничной экономической эксплуатаціи и нравственнаго развращенія со стороны пришлаго кочеваго племени. Въ первомъ же именномъ указѣ сенату, отъ 2 декабря 1740 г., императрица предписывала *поголовное изгнаніе евреевъ*, незаконно водворившихся въ Россіи, «*подъ разными видами*, яко то: торгами и содержаніемъ корчемъ и шинковъ», вопреки повелѣнію императрицы Екатерины I-й, отъ 26 апрѣля 1727 г. «А понеже—продолжала въ своемъ указѣ дочь Петра Великаго—наше всемилостивѣйшее матернее намѣреніе есть—*отъ всѣхъ чаемыхъ нашимъ вѣрноподданнымъ и всей нашей имперіи случиться могущихъ худыхъ слѣдствій крайне охранять и отвращать*; того для, и сего въ забвеніи оставить мы не хотя, всемилостивѣйше повелѣваемъ: *изъ всей нашей имперіи, какъ изъ великороссійскихъ, такъ и изъ малороссійскихъ городовъ, селъ и деревень всѣхъ мужеска и женска пола жидовъ*, какого бы кто званія и достоинства ни былъ, съ объявленія сего нашего высочайшаго указа, со всѣмъ ихъ имѣніемъ *немедленно выслать за границу, и впредь оныхъ ни подъ какимъ видомъ въ нашу имперію ни для чего не впускать*... При выпускѣ же ихъ чрезъ наши границы... предостерегать и смотрѣть накрѣпко, чтобы они изъ Россіи за рубежъ *никакихъ золотыхъ червонныхъ и никакой же россійской серебряной монеты и ефимковъ отнюдь не вывозили*. А ежели у кого изъ нихъ такія золотыя и серебряныя монеты найдутся, оныя у нихъ отбирая, платить россійскими мѣдными деньгами... которыя могутъ они въ нашей же имперіи отдать, и куда кому надобно, векселя взять».

Хотя авторъ «Исторіи русскаго законодательства о евреяхъ» и продолжаетъ утверждать, что мотивировка этого замѣчательнаго указа «стоитъ все таки *исключительно* на религіозной почвѣ»,— но это только поверхностный взглядъ на дѣло. Въ самомъ указѣ категорически высказано, что жиды вредятъ экономической жизни страны «*подъ разными видами*» (преимущественно, недобросовѣстною торговлею, и если они названы «ненавистниками имени Христова», то этотъ религіозный попрекъ далеко не составляетъ един-

---

[1]) «Полн. собр. зак.», 1742 г., № 8673.

ственнаго мотива для предохранительныхъ мѣръ противъ талмудистовъ, но долженъ быть принимаемъ въ связи съ общею зловредною дѣятельностью еврейства). Усиленный вывозъ русскаго драгоцѣннаго металла за границу составлялъ уже и въ то время обычный пріемъ жидовскаго давленія на наши государственные финансы. Что же касается до ненависти къ Христу,—а отсюда и ко всему христіанскому строю жизни,—то евреи, дѣйствительно, никогда не знали ни мѣры, ни границъ въ этомъ отношеніи и, чуть только представлялось для нихъ возможнымъ, изрыгали въ своемъ слѣпомъ безуміи самыя дикія хулы на имя Христово, обучая тому же (какъ это видно изъ дѣла Возницына) и своихъ усердныхъ прозелитовъ...

Энергическій указъ Елизаветы Петровны, чуявшей своимъ русскимъ сердцемъ все глубочайшее зло отъ жидовскаго нашествія, всполошилъ всѣхъ еврейскихъ прислужниковъ, — тѣмъ болѣе, что за неисполненіе его императрица угрожала «тягчайшими истязаніями». Евреи, разумѣется, стали прятаться по своимъ норамъ, что въ то время, при малой населенности, пустынныхъ мѣстахъ и непроходимыхъ дебряхъ, представлялось весьма удобнымъ. Появились и сильныя офиціальныя ходатайства за гонимаго израиля: — одно съ юга изъ Малороссіи, другое съ сѣвера — изъ Риги. Эти ходатайства были, конечно, поставлены на утилитарную почву и упирали преимущественно на «интересы» торговли, на «немалые ущербы» отъ удаленія жидовъ изъ купеческой среды и пр., и пр.; но, само собою разумѣется, ни словомъ не упоминали о томъ, что эти интересы были всего важнѣе для самихъ евреевъ, а ущербы отъ жидовской комерціи несло коренное населеніе государства...

Императрица Елизавета, унаслѣдовавшая твердую волю своего отца, не вняла, однако, этимъ лицемѣрнымъ и—конечно—не безкорыстнымъ ходатайствамъ, и на докладѣ сената, отъ 17 декабря 1743 г., положила исторически-достопамятную резолюцію: **«отъ враговъ Христовыхъ не желаю интересной прибыли»**. Іудино лобзаніе было рѣшительно устранено ею. Подозрѣвая въ іудействѣ своего приближеннаго, доктора Саншеса, Елизавета пожертвовала и имъ.

Выселеніе евреевъ началось энергически: по иностраннымъ источникамъ 35,000 душъ вынуждены были оставить Россію, едва ли возбуждая по себѣ много слезъ и сожалѣній въ русскихъ жителяхъ. Но сами евреи, конечно, горевали и плакались много, когда у нихъ вырвали изъ рукъ кусокъ жирной добычи. Ненависть ихъ къ русской императрицѣ проявилась вскорѣ демонстративнымъ образомъ въ кенигсбергской синагогѣ. По случаю ея кончины, кенигсбергскій раввинъ допустилъ даже нѣкоторыя отступленія отъ

обычнаго молитвеннаго ритуала и выбралъ для торжественнаго пѣнія 49-ый псаломъ, исполненный не только порицаній, но даже проклятій по адресу почившей императрицы [1]). Неприличіе такого пѣнія отмѣтилъ въ свое время даже инспекторъ кенигсбергской синагоги и профессоръ восточныхъ языковъ въ мѣстномъ университетѣ г. Кипкэ, хотя онъ и самъ не могъ питать особенно нѣжныхъ чувствъ къ Елизаветѣ Петровнѣ послѣ изгнанія ею евреевъ и недавняго занятія Берлина русскими войсками.

Царствованію Екатерины II-й Россія досталась *безъ евреевъ*,— по крайней мѣрѣ, законножительствующихъ, — за исключеніемъ лишь нѣсколькихъ, терпимыхъ въ Ригѣ, Schutzjuden.

III.

Приливъ евреевъ-подданныхъ въ русскія владѣнія и необходимость считаться съ ними.—Бѣглый взглядъ на положеніе евреевъ въ Рѣчи Посполитой.—Болеславъ Калишскій и Казимиръ Третій, какъ покровители евреевъ.—Очаровательная жидовка, забравшая въ руки польскаго короля.—Зародыши государственнаго разложенія въ Польшѣ. — Два медвѣдя въ одной берлогѣ: *талмудизмъ* и *іезуитизмъ*.—Ихъ духовное родство между собою.—Безгрѣшный раввинъ и непогрѣшимый папа.—Цѣль оправдываетъ средства.—Позднѣйшія ограниченія еврейскихъ правъ въ Польшѣ.—Борьба съ еврейской эксплуатаціей и съ деморализующимъ вліяніемъ талмудизма.—Внѣшняя регламентація и сохраненіе внутренней обособленности. — Счастливый моментъ, пропущенный польскимъ правительствомъ для избавленія страны отъ жидовъ.—Кагалъ, какъ беззаконное «государство въ государствѣ».—Его обширная юрисдикція, направленная на всѣ стороны еврейской жизни.—Религіозный покровъ, маскирующій чисто-житейскіе замыслы.—Деспотизмъ и звѣрская дисциплина, какъ орудія кагальнаго господства.—Неудачная попытка Сигизмунда I-го обуздать кагальную узурпацію правительственной власти.

Изъ нашего предъидущаго изложенія читатели видѣли уже, что еврейскій вопросъ не только въ древней Россіи, но и въ новой, вплоть до самаго конца царствованія Елизаветы Петровны,—державшейся традицій своего великаго отца, — разрѣшался вполнѣ яснымъ и категорическимъ образомъ:—евреи признавались элементомъ, *враждебнымъ народу и государству*, и доступъ въ наши предѣлы, замаскированный какими бы то ни было видами, формально воспрещался имъ, подъ страхомъ высылки и конфискаціи имущества. И Владиміръ Мономахъ, и Андрей Боголюбскій, и Іоаннъ III, и Грозный царь, и Алексѣй Михайловичъ, и Петръ Великій,— заимствовавшій изъ Европы все, что̀ считалъ онъ пригоднымъ

[1]) Псаломъ 48 по нашему церковному счисленію, стихи 13—15 и 21.

для нашего возрождающагося государства, — одинаково отрицали пригодность еврейства для развитія нашей государственной и общественной жизни. Причины этого отрицанія, хотя и. облекались, отчасти, въ древнее время религіозною оболочкою, но всегда имѣли въ глубинѣ своей признаніе коренной, непримиримой противоположности христіанскаго и талмудическаго міровоззрѣній не только въ сферѣ конфессіональныхъ различій, но и въ политическихъ идеалахъ, и въ нравственномъ быту, и въ экономическихъ отношеніяхъ. Даже Иванъ Грозный, подъ «лихими дѣлами» евреевъ, разумѣлъ далеко не одно совращеніе христіанъ въ талмудизмъ, но и привозъ «отравныхъ зельевъ», и многое другое, о чемъ онъ даже не хотѣлъ и писать польскому королю, — желавшему сплавить къ намъ излишекъ еврейскаго населенія,—какъ о фактахъ общеизвѣстныхъ и въ самой Польшѣ. Этими фактами и были, конечно, недобросовѣстныя дѣйствія евреевъ по части экономической эксплуатаціи и нравственнаго развращенія всего христіанскаго люда, подлежащаго систематическому ограбленію и закабаленію во славу израиля. Петръ Великій, — котораго даже еврейскіе «либералы» едва ли упрекнутъ въ религіозной нетерпимости,—безъ сомнѣнія, имѣлъ въ виду только эти нравственныя и соціальныя причины, когда заявлялъ: «я хочу видѣть у себя *лучше народы магометанской и языческой вѣры, нежели жидовъ*: — они *плуты и обманщики*. Я искореняю зло, а не распложаю его». Да и относительно религіозной нетерпимости со стороны христіанъ, на которую такъ любятъ ссылаться «гонимые» евреи, они, по точнымъ свѣдѣніямъ, оказываются далеко не правы. Ихъ мартирологіи,—по мнѣнію В. Я. Фукса, — до-нельзя преувеличены, и если христіане стремились иногда къ обращенію евреевъ въ свою вѣру, то послѣдніе отвѣчали имъ, даже въ древней Россіи, разными «жидовствующими» сектами. И въ новой Россіи, въ царствованіе Анны Іоанновны, жиды,—какъ мы видѣли,—не только строили синагоги, вопреки запрещенію закона, но и обрѣзали флотскихъ офицеровъ, и били на̀ смерть православныхъ священниковъ, и «испущали руду» изъ христіанокъ съ ритуальною цѣлью. Словомъ, даже при существованіи на бумагѣ суровыхъ законовъ, пользуясь корыстною поблажкою властей предержащихъ (въ родѣ смоленскаго вице-губернатора кн. Гагарина), евреи немедленно давали волю своему религіозному прозелитизму, причемъ совратители пользовались даже нѣкоторыми привилегіями сравнительно съ совращенными. Такъ напр., когда «совращенный» Возницынъ висѣлъ на дыбѣ и ему выворачивали суставы рукъ и ногъ,—«совратителю» Боруху только *показывали дыбу* для устрашенія... Присоединеніе къ русскому государству Смоленской обла-

сти и части Малороссіи, заселенныхъ евреями, нисколько не измѣнило враждебныхъ къ нимъ отношеній закона, и маловажныя бреши, которыя удавалось дѣлать въ немъ еврейскимъ прихлебателямъ, немедленно задѣлывались опять болѣе сильною рукою. Елизавета Петровна рѣшилась даже на гуртовую высылку евреевъ изъ всей Россіи, въ количествѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ по самому скромному исчисленію, и эту мѣру только напомнило, въ слабой степени, частичное изгнаніе жидовъ изъ Москвы при императорѣ Александрѣ III-ьемъ, когда первопрестольной столицѣ пришлось уже невтерпежъ отъ еврейскихъ псевдо-ремесленниковъ, псевдо-купцовъ, псевдо-прикащиковъ и пр., и пр.

Политическія обстоятельства рѣзко измѣнились съ тѣхъ поръ, какъ начались раздѣлы Польши между сосѣдними государствами: Россіею, Австріей и Пруссіей. Волею-неволею и русскому правительству приходилось сообразоваться съ новымъ положеніемъ дѣлъ: въ предѣлы государства входила, на правахъ новыхъ подданныхъ, цѣлая масса обособленнаго племени, со своей религіей, законами и нравами,—масса, отнюдь не желавшая ассимилироваться съ кореннымъ населеніемъ Литвы и Польши и даже относившаяся къ нему съ высоты своей національной «маніи величія». «Дѣти царей»,—оскорбленіе которыхъ трактуется, по талмуду, какъ «оскорбленіе величества»,—никогда, даже и въ то время, когда они находились на нижнихъ ступеняхъ общественной лѣстницы, не хотѣли себя смѣшивать съ презрѣнными гоями, только носившими, по внѣшности, человѣческій образъ, данный имъ Создателемъ единственно для того, чтобы «царскимъ дѣтямъ» не очень противно было принимать отъ нихъ рабскія услуги. Эти пришельцы, вѣками проживавшіе въ Польшѣ и высасывавшіе изъ довѣрчивой страны всѣ ея жизненные соки, нисколько не сроднились съ нею нравственно и политически, всегда преслѣдовали лишь свои узкіе племенные интересы, завладѣвъ всѣми экономическими отраслями и денежными оборотами, и съ такимъ же точно обособленнымъ характеромъ перешли въ русское подданство. Со стороны погибавшей Польши, это было, по истинѣ, лобзаніе Конрада Валенрода, съ которымъ онъ, подъ личиной раболѣпнаго смиренія, передалъ чуму непріятельскому вождю... Или, по русской пословицѣ:—«на те, небоже, что̀ мнѣ не гоже»! И, дѣйствительно, Россіи пришлось немало биться съ этими «поляками моисеева закона», то ослабляя, то вновь подтягивая бразды правленія. Пришлое племя, еле терпимое въ самой Польшѣ—по крайней мѣрѣ, de jure,—не удовольствовалось сравнительно бо̀льшими льготами, данными ему Россіей въ предѣлахъ прежней осѣдлости, но постаралось открыть для своей эксплуатаціи новую, болѣе обширную

территорію. Чтобы составить себѣ точное понятіе о томъ, чѣмъ были евреи въ польскомъ королевствѣ и съ какими «правами» перешли они подъ русскій скипетръ, мы должны бросить бѣглый взглядъ на прошлую исторію евреевъ въ этой странѣ.

Первое извѣстіе о переселеніи евреевъ въ Польшу относится еще къ IX столѣтію по Рождествѣ Христовѣ. Въ эти именно времена германскіе евреи, несовсѣмъ довольные нѣмецкимъ гостепріимствомъ, отправили посольство къ польскому князю Лешку съ просьбою: разрѣшить имъ переселеніе въ его земли, назначивъ для этой цѣли извѣстныя мѣстности, и дозволить имъ заниматься науками (?) и ремеслами по своему выбору. Лешекъ весьма благосклонно принялъ посольство, состоявшее изъ еврейскихъ раввиновъ и ученыхъ, и, повѣривъ на́ слово этимъ ученымъ мужамъ, что вѣра ихъ отличается «крайнею терпимостью относительно другихъ исповѣданій» (!) далъ имъ разрѣшеніе селиться по всей Польшѣ безъ всякаго стѣсненія въ выборѣ мѣстъ. Этимъ милостивымъ дозволеніемъ жиды, конечно, воспользовались вплотную и стали быстро переселяться въ Польшу не только изъ Германіи, но и изъ другихъ сосѣднихъ странъ. Уже въ 905-мъ году въ Польшѣ изданы были особыя правила, спеціально опредѣлявшія положеніе въ государствѣ пришлаго народа. Кромѣ права свободнаго исповѣданія своей, такъ сказать, «свѣтской религіи», имѣющей исключительнымъ предметомъ только блага міра сего, евреи получили свой собственный судъ, свободу повсемѣстной торговли и промысловъ, независимость отъ рыцарства и защиту отъ всякихъ «несправедливыхъ» притѣсненій со стороны мѣстныхъ жителей. Подъ охраною этихъ гарантій, еврейское населеніе въ Польшѣ стало возрастать съ необыкновенною силою и особенно увеличилось во время перваго крестоваго похода, когда преслѣдованія, возбужденныя крестоносцами противъ евреевъ, побудили многихъ изъ нихъ искать убѣжища въ болѣе снисходительной къ нимъ Польшѣ. Въ первой половинѣ XIII-го столѣтія, число евреевъ въ Польшѣ равнялось уже 8-й части всего населенія, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, особенно осчастливленныхъ еврейскимъ переселеніемъ, доходило даже *до 4-й части*. Къ этому времени относится изданный императоромъ Фридрихомъ II-мъ уставъ, который въ теченіе многихъ вѣковъ опредѣлялъ главнымъ образомъ общественное и правовое положеніе евреевъ въ Германіи. Руководствуясь этимъ уставомъ, калишскій князь Болеславъ издалъ извѣстную «привилегію евреямъ», состоящую изъ 36 статей, въ которыхъ опредѣлены отношенія этого народа къ другимъ сословіямъ кореннаго населенія. Этимъ актомъ подтверждены права, прежде дарованныя евреямъ; затѣмъ узаконено, что въ случаѣ

споровъ между евреями и христіанами дѣло подлежитъ разбирательству воеводскаго суда, причемъ свидѣтелями могутъ быть не одни только христіане, но вмѣстѣ съ ними и евреи. За оскорбленіе еврея, за нанесеніе ему ударовъ, а также за похищеніе еврейскихъ дѣтей (?) назначались суровыя наказанія — тѣлесныя и денежныя. Запрещено даже обвинять евреевъ въ поддѣлкѣ монеты (чѣмъ они всегда охотно занимались), въ употребленіи при своихъ обрядахъ христіанской крови (что́ продолжаютъ они дѣлать и до сихъ поръ) и взводить на нихъ другія якобы «ложныя» обвиненія. Но бо́льшая часть статей въ «привилегіи» Болеслава касается опредѣленія отношеній между христіанами и евреями по долговымъ обязательствамъ. Очевидно, что евреи уже съ самаго древняго времени сосредоточили на ростовщичествѣ всѣ свои «культурныя» способности, пренебрегая другими видами труда, особенно земледѣльческимъ. Хотя и есть нѣкоторыя указанія на то, что въ XIII-мъ вѣкѣ существовали и евреи-земледѣльцы, особенно въ западныхъ провинціяхъ Польши (въ нынѣшней Силезіи), но примѣры эти представляются совершенно исключительными. Зато въ «привилегіи» точно обозначено, какія вещи и на какіе сроки евреи могутъ принимать въ залогъ; исчислены способы доказательствъ по денежнымъ искамъ и указаны размѣры процентовъ, которые въ извѣстныхъ случаяхъ разрѣшалось взыскивать—даже въ количествѣ, равняющемся полной суммѣ займа. Однимъ словомъ, «жидовскіе проценты» имѣютъ свою длинную исторію...

При внимательномъ разсмотрѣніи этой «привилегіи», нетрудно усмотрѣть ту особенность, которою одинаково отличаются ка̀къ первоначальныя, такъ и позднѣйшія узаконенія польскаго правительства о евреяхъ. «Избранный народъ» никогда не смѣшивался съ другими сословіями, а составлялъ всегда особую группу («религіозно-политическую касту», по вѣрному выраженію департамента законовъ нашего Государственнаго Совѣта), populus in populo, пользуясь своими особенными прерогативами и неся свои особыя обязанности. Всего замѣчательнѣе, что, брошенные судьбою въ среду чуждаго народа, евреи никогда не сливались съ нимъ, не ассимилировались (не смотря на свои лживыя увѣренія въ противномъ), но имѣли свою отдѣльную организацію, свои суды, свои финансы, свою внутреннюю и внѣшнюю политику,—и все это европейскія правительства имѣли неосторожность признавать, воюя въ то же время «крѣпкою рукою» со всѣми другими организаціями политическаго характера, гораздо болѣе слабыми и далеко не столь зловредными... Эта разница въ религіи, въ обычаяхъ, въ профессіональныхъ занятіяхъ и въ юридическомъ положеніи повела къ

тому, что глубокая пропасть, отдѣлявшая евреевъ отъ кореннаго населенія, оказалась ничѣмъ не заполненною до послѣднихъ дней существованія Рѣчи Посполитой. Земледѣльческія занятія не возбранялись для евреевъ, но талмудъ издавна уже считалъ земледѣльческій трудъ самымъ презрѣннымъ и невыгоднымъ для еврея; къ тому же, записавшись въ крестьянское сословіе, еврей долженъ былъ бы подчиняться власти рыцарей, вмѣстѣ съ туземнымъ населеніемъ. А «дѣти царей» всегда и вездѣ хотѣли занимать привилегированное положеніе. Положеніе ремесленниковъ также заставляло бы евреевъ приписываться къ одному изъ существующихъ цеховъ, что́ и въ то время было уже для нихъ затруднительно, а впослѣдствіи, по магдебургскому праву, совсѣмъ невозможно. И вотъ, вмѣсто того чтобы прикрѣпляться къ землѣ или цеху, евреи предпочли прикрѣпить къ себѣ «золотаго тельца», а черезъ него держать въ своихъ рукахъ всѣ другія свободныя и несвободныя сословія. Такимъ образомъ, во всѣхъ статьяхъ «привилегіи» 1264 г. о евреяхъ говорится, какъ о *цѣломъ народѣ*, занимающемся,—вопреки всѣмъ обычнымъ законамъ народной экономіи,—исключительно торговлею и, по преимуществу, денежными аферами...

Въ такихъ счастливыхъ условіяхъ жиды находились уже въ Польшѣ до второй четверти XIV-го вѣка, т. е. до царствованія Казимира III-го, послѣдняго короля изъ рода Пястовъ. Не смотря на притѣсненія, которымъ подвергались иногда талмудисты,—самозванно величавшіе себя послѣдователями «закона моисеева»,—ихъ число, богатство и вліяніе на всѣ политическія и общественныя дѣла росло непомѣрно, такъ что во время Казимира евреи являются уже главными банкирами въ Краковѣ, Познани, Гнѣзнѣ и другихъ крупныхъ городахъ, въ которыхъ сосредоточивалась тогда вся заграничная,—правда, не особенно значительная,—торговля и производились большія денежныя операціи; они же играютъ неизмѣнно роль «посредниковъ» при всѣхъ займахъ, которые были заключаемы польскими магнатами и даже самимъ польскимъ правительствомъ. Короче, при всякой денежной нуждѣ жидъ является неизбѣжнымъ факторомъ, и недаромъ же у польскихъ пановъ сложилась пословица: «якъ бѣда, то до жида»! На благосклонность Казимира къ «избранному племени» немало повліяла и новѣйшая Далила, нѣкая Эстерка изъ Кракова, съумѣвшая отлично загипнотизировать своими ласками влюбленнаго короля. Эта роль еврейскихъ женщинъ въ достиженіи политическихъ цѣлей «принесеніемъ себя въ жертву», достаточно извѣстна и изъ ветхозавѣтной исторіи. Не одна Далила, усыпившая Самсона, отняла у него физическую силу и тѣмъ предала въ руки враговъ: Юдифь, воспользовавшись сномъ Олоферна,

по принесеніи своей «жертвы», сняла даже и голову съ его плечъ... Весьма часто нуждаясь въ деньгахъ для веденія заграничныхъ войнъ, Казимиръ и попалъ всецѣло въ руки жидовъ - банкировъ. Въ 1334 г. онъ подтвердилъ льготы, широко дарованныя жидамъ Болеславомъ Калишскимъ, даже распространилъ ихъ дѣйствіе на всѣ, безъ исключенія, провинціи своего злосчастнаго королевства и строго слѣдилъ за точнымъ соблюденіемъ данныхъ привилегій. Тринадцать лѣтъ спустя (въ 1347 г.), при изданіи Великаго статута, Казимиръ посвятилъ въ немъ евреямъ особую главу, въ которой дополнилъ и разъяснилъ прежде изданныя о нихъ узаконенія. Это время и можно назвать «золотымъ вѣкомъ» для польскихъ евреевъ; но то, что̀ можно назвать счастьемъ для жидовъ, лишенныхъ отечества, явилось величайшимъ историческимъ несчастіемъ для всей страны, довѣрчиво открывшей имъ свои гостепріимныя объятія. Явно покровительствуемые королемъ, свободные не только отъ всякихъ «притѣсненій» и якобы «ложныхъ» извѣтовъ, но и отъ всякаго государственнаго надзора, привилегированные жиды безпрепятственно наводняли всѣ города, парализовали всякое правильное развитіе экономической жизни въ народѣ, подмѣнили собой «среднее сословіе» въ государствѣ, богатѣли путемъ безбожной эксплуатаціи народа, при помощи крѣпостнаго права,—которое въ Польшѣ было невпримѣръ жесточе и безчеловѣчнѣе, чѣмъ въ Россіи,—и, не довольствуясь однѣми денежными операціями, пріобрѣтали въ собственность значительныя недвижимыя имущества въ городахъ и мѣстечкахъ. Кромѣ того, посредствомъ долговыхъ обязательствъ, они держали въ своей кабалѣ и польскихъ помѣщиковъ вмѣстѣ съ ихъ обездоленнымъ «быдломъ». Жиды настолько успѣли отвести глаза королю, что когда въ Краковѣ найденъ былъ въ лѣсу трупъ христіанскаго ребенка, убитаго, очевидно, съ ритуальною цѣлью, и народъ враждебно отнесся къ евреямъ, Казимиръ нарядилъ судебное слѣдствіе, которое и обнаружило,—конечно, подъ давленіемъ короля,—полную невиновность заподозрѣнныхъ злодѣевъ... Не ограничиваясь этимъ оправданіемъ, король приказалъ повсемѣстно опубликовать результаты слѣдствія и подтвердить статьи устава 1334 г., назначавшія строгое наказаніе за «клеветы», возводимыя на жидовъ!!

Привилегированное положеніе евреевъ продолжалось, впрочемъ, не особенно долго: оно покончилось почти одновременно со смертью ихъ главнаго покровителя—Казимира. Уже съ самаго начала XV-го столѣтія, стало замѣтно въ Польшѣ глухое, но всеобщее стремленіе къ обузданію безчинствъ, творимыхъ обнаглѣвшею еврейскою ратью. Существенныя причины этого общенароднаго негодованія

состояли, какъ и всегда, въ той гнусной роли, которую играли жиды-банкиры, жиды-ростовщики и жиды-факторы во всѣхъ сферахъ экономической и общественной жизни; но такъ какъ всѣ классы польскаго народа (и интеллигентные, и не интеллигентные) болѣе или менѣе были порабощены жидовствомъ,—то вся сила протеста получила исключительно религіозную форму и выразилась со стороны наиболѣе независимаго отъ жидовъ сословія — католическаго духовенства, въ средѣ котораго іезуитизмъ сдѣлалъ уже огромные успѣхи. Великое несчастіе Польши состоитъ въ томъ, что съ однимъ интернаціональнымъ врагомъ, не знающимъ отечества, ей пришлось бороться руками другаго — тоже интернаціональнаго врага, имѣющаго свою штабъ-квартиру, внѣ всякой народности, у подножія престола непогрѣшимаго папы. Лукавство отъ жидовъ оказалось не лучше самой болѣзни. Уже давно замѣчено духовное, принципіальное сродство между *талмудизмомъ* и *іезуитизмомъ*, выросшими на одной общей почвѣ нетерпимости, фанатизма и предательства. Безгрѣшный (по талмуду) раввинъ, который «благословляетъ» самого Бога, обязаннаго только исполнять его велѣнія, стоитъ непогрѣшимаго папы, который старается упразднить Бога на небѣ и замѣнить его собою на землѣ, — т. е. достичь того же, чего добился благополучно раввинъ. Основное нравственное ученіе іезуитизма:—«цѣль оправдываетъ средства»—давно уже практикуется талмудистами; только въ первомъ случаѣ всеоправдывающею цѣлью является деспотическое главенство папы надъ всѣми государствами и народами; во второмъ же—главою міра является коллективная личность израиля. Въ отношеніи къ библіи, талмудизмъ представляетъ такую же точно фальсификацію, приспособленную къ самымъ низменнымъ инстинктамъ еврейскаго племени, какъ іезуитизмъ — по отношенію къ человѣколюбивымъ завѣтамъ евангелія, совершенно улетучившимся изъ позорнаго іезуитскаго статута. Не слѣдуетъ удивляться, что іезуиты, видя въ талмудистахъ-фарисеяхъ своихъ *двойниковъ* по нравственному складу и опасныхъ соперниковъ, преслѣдующихъ тѣми же средствами противоположныя цѣли, всячески оберегали свой орденъ отъ вторженія въ него перекрещенныхъ евреевъ, которые могли заставить эту мельницу молоть свою талмудическую муку...

Понятно, что эти два медвѣдя никакъ не могли ужиться въ одной берлогѣ, и іезуиты, видя возрастающее могущество талмудистовъ, объявили имъ войну не на животъ, а на смерть; страна же, въ этой ожесточенной борьбѣ двухъ одинаково губительныхъ элементовъ, очутилась въ злосчастномъ положеніи—«между молотомъ и наковальней». Іезуитскій молотъ, собираясь ударить по жидамъ,

билъ по живому тѣлу польскаго народа, изъѣденному этими паразитами. Всѣ соборы католической церкви, а въ осебенности базельскій, усердно занимаются еврейскимъ вопросомъ и приходятъ къ единогласному заключенію, что совмѣстное жительство евреевъ съ христіанами весьма соблазнительно для послѣднихъ и что евреевъ слѣдуетъ всѣми способами побуждать къ принятію христіанства. Хотя эти рѣшенія соборовъ соблюдались въ Польшѣ менѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, однако, они вызывали и здѣсь довольно серьезныя преслѣдованія, продолжавшіяся въ теченіе всей первой половины XV-го вѣка. Особенно сильны были преслѣдованія въ большихъ городахъ: въ Краковѣ, въ Познани и Варшавѣ; въ маленькихъ же мѣстечкахъ и въ деревняхъ евреи, по незначительной ихъ численности, успѣвали укрываться отъ нападеній разъяреннаго народа, подстрекаемаго католическимъ духовенствомъ. Вообще вся вторая половина XV-го столѣтія и почти весь XVI-й вѣкъ, во время царствованія польскихъ королей изъ дома Ягеллоновъ, были тяжелымъ наказаніемъ для еврейскихъ эксплуататоровъ. Единственнымъ орудіемъ въ борьбѣ противъ репрессалій служилъ евреямъ ихъ, набитый всяческими правдами и неправдами, толстый карманъ. Благодаря денежнымъ подачкамъ, имъ удавалось смягчать сердца воеводъ и чиновниковъ. Причины, вызвавшія эти репрессаліи, были двоякаго рода, какъ и всегда въ исторіи «гоненій» на евреевъ. Первая--и самая главная—причина состояла въ томъ, что евреи, владѣя огромными богатствами и отдавая пріобрѣтенныя всякими средствами деньги въ ростовщическіе займы, опутывали невылазными тенетами своихъ ограбленныхъ должниковъ и доводили ихъ до понятнаго неистовства. Когда человѣку нечего терять въ борьбѣ съ опутывающимъ его эксплуататоромъ, онъ естественно рискуетъ на самыя отчаянныя мѣры отмщенія, чтобы только насолить врагу и отвести себѣ душу. Злоба разгорается еще болѣе отъ той возмутительной надменности, съ которой иноплеменный вампиръ относится къ высосанному имъ «гою»,—къ его семейному и общественному положенію, наконецъ, къ его религіознымъ убѣжденіямъ и совѣсти. Далеко не всегда христіане утѣсняли религіозную совѣсть евреевъ: богатые жиды, чуть только представлялась имъ возможность, всегда любили доставлять себѣ злобное удовольствіе поруганія — не только надъ именемъ Христа, надъ христіанскими догматами и религіозными обрядами, но даже надъ личностями самихъ священниковъ и ихъ прихожанъ. Мы видѣли, что даже въ царствованіе Анны Іоанновны, подъ угрозою «дыбы» и «виски», богатый жидъ Борухъ Лейба, едва оперившись подъ покровительствомъ продажныхъ властей, немедленно началъ бить

православнаго священника и «испущать руду» изъ невинной христіанской женщины, для цѣлей своего канибальскаго ритуализма. Въ Малороссіи, когда она находилась во владѣніи Польши, жиды имѣли и не такую еще возможность глумиться надъ православною вѣрою, находившейся въ гораздо болѣе загнанномъ положеніи, чѣмъ талмудъ. Отпаденіе Малороссіи, — не вынесшей ни экономическаго гнета, ни жидовскаго издѣвательства надъ православными церквями, отдаваемыми на откупъ, — и дало первую громадную трещину въ величественномъ на видъ фасадѣ Рѣчи Посполитой... Преслѣдованія евреевъ являлись какъ бы историческимъ возмездіемъ имъ по ветхозавѣтному правилу: «коею мѣрою мѣрите, возмѣрится и вамъ».

Обузданіе еврейскаго племени,—послужившаго для Польши самымъ дѣйствительнымъ ферментомъ государственнаго разложенія,— повело въ концѣ концовъ къ значительному стѣсненію его политическихъ и гражданскихъ правъ. Но это обузданіе, ограничивавшееся только одною внѣшнею репрессіею безъ соотвѣтствующаго оздоровленія всей гражданско-политической жизни Польши (въ родѣ, напримѣръ, отмѣны крѣпостнаго права, пересмотра нелѣпой рабовладѣльческой конституціи и усиленія центральной власти, отданной на растерзаніе сеймовъ и сеймиковъ) пришло слишкомъ поздно, когда бо́льшая часть разрушительнаго дѣла была уже сдѣлана. Въ 1538 году, въ исторіи Польши былъ счастливый моментъ, когда она могла бы свободно избавиться, если не отъ всей тучи набравшихся въ нее паразитовъ, то, по крайней мѣрѣ, отъ значительной ихъ части, и злополучное государство, можетъ быть, не такъ скоро пришло бы къ извѣстной ликвидаціи. Евреи, въ отместку за ограничительныя мѣры, принятыя противъ нихъ, намѣревались было совершить огульное переселеніе въ Палестину, предупредивъ на нѣсколько столѣтій нынѣшнихъ «сіонистовъ»; но польскій король Сигизмундъ I, вмѣсто того чтобы поощрять ихъ въ этомъ направленіи и даже оказать государственную помощь, вздумалъ насильственно удерживать ихъ на гибель своего отечества. Евреи, конечно, не заставили себя долго просить и, проклиная «жестокости» гоевъ, остались все таки на старомъ мѣстѣ, превративъ всю польскую храмину въ зданіе, изъѣденное москитами и готовое повалиться при первомъ порывѣ вѣтра...

Политическія права евреевъ были уже ограничены торунскимъ статутомъ 1520 г., по которому талмудисты не могли занимать никакихъ должностей въ государственной службѣ. Это постановленіе статута повторяется впослѣдствіи на сеймахъ въ Петроковѣ, въ 1532 и 1538 гг.. и дѣлается съ того времени постояннымъ прави-

ломъ. Подражая порядку, уже принятому въ Германіи, гдѣ едва «терпимые» евреи облагались спеціальными налогами,—въ Польшѣ также стали созидать для нихъ особую податную систему. За освобожденіе отъ воинской повинности (которую особенно не жалуютъ «дѣти царей») въ 1529 г. назначенъ ежегодный денежный сборъ съ евреевъ, который черезъ 15 лѣтъ былъ значительно увеличенъ. Кромѣ общественныхъ и частныхъ сборовъ, платимыхъ евреями городамъ, разнымъ обществамъ и частнымъ лицамъ, на земляхъ которыхъ они жили, въ 1538 г., на петроковскомъ сеймѣ установлена была общая для всѣхъ евреевъ государственная повинность, подъ названіемъ midia sexagina, вносившаяся два раза въ годъ, весною и осенью. Въ 1549 г. назначена новая подать подъ названіемъ «общей жидовской повинности». Подать эта была довольно высока (около $1^1/_2$ рубля съ души) и взималась, безъ различія пола, съ мужчинъ и женщинъ. Исправное поступленіе этой подати гарантировалось круговою порукою всего еврейскаго общества и отъ нея освобождались лишь тѣ, которые впадали въ бѣдность вслѣдствіе какихъ либо непредвидимыхъ несчастій. Въ 1565 г. поголовная подать распространена и на евреевъ, поселившихся въ подуховныхъ имѣніяхъ. Поголовное обложеніе евреевъ государственнымъ сборомъ давало поводъ къ постояннымъ пререканіямъ между еврейскими общинами и администраціею. Желая избавиться отъ тягости этого налога, евреи старались показывать въ своихъ спискахъ меньшее количество податныхъ единицъ, и обнаруженіе подобныхъ обмановъ влекло за собою строгіе штрафы. Кромѣ исчисленныхъ податей, долгое время существовалъ еще въ Польшѣ особый, спеціально установленный для жидовъ, налогъ — сборъ въ пользу казны извѣстнаго процента (6 грошей съ гривны) со всего имущества и товаровъ. «Тѣмъ болѣе надо удивляться *энергіи и предпріимчивости* этого народа—наивно прибавляетъ авторъ цитируемаго нами очерка, — что, не смотря на всѣ стѣсненія, евреи успѣли сдѣлаться самымъ богатымъ сословіемъ во всемъ государствѣ» [1]). Но еще болѣе надо удивляться долготерпѣнію и несообразительности того народа, который систематически эксплуатировался евреями и насчетъ котораго они *богатѣли* всяческими способами, закабаляя его все крѣпче и крѣпче въ своихъ цѣпяхъ, доводя до политическаго и экономическаго банкротства... Упустивъ случай отдѣлаться, по крайней мѣрѣ, отъ значительной части тунеяднаго племени по примѣру древнихъ египтянъ, Польша вынуждена была прибѣгать къ мало дѣйствительнымъ пальятивамъ, извлекая у па-

[1]) «Матеріалы комисіи по устройству быта евреевъ». См. «Очеркъ правоваго и общественнаго положенія польскихъ евреевъ».

фазитовъ, путемъ спеціальныхъ налоговъ, хоть нѣкоторую долю награбленнаго ими народнаго богатства. Но эти мѣры, конечно, не приводили къ цѣли. Сплоченное воедино своимъ кагальнымъ управленіемъ съ его азіатскимъ деспотизмомъ, еврейское «государство въ государствѣ» совершенно игнорировало интересы эксплуатируемаго имъ народа и всѣ эти, спеціально придуманные для него, налоги спокойно перекладывало на самихъ взимателей... Не догадавшись изгнать жидовъ изъ своихъ предѣловъ,—какъ элементъ вредоносный для государства и народа,—польское правительство совершило и другую ошибку, допустивъ существованіе въ странѣ завѣдомаго *иноплеменнаго правительства*, имѣющаго свой собственный политическій, гражданскій и моральный кодексъ, во всемъ расходящійся съ основными требованіями христіанской морали и новѣйшей цивилизаціи.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о происхожденіи кагала, его цѣляхъ и средствахъ, и объ отношеніи къ тѣмъ правительствамъ и народамъ, среди которыхъ онъ агитируетъ. «Кагалъ»—такой же древній институтъ, какъ и сама библія; но съ теченіемъ времени учрежденіе это выросло до формъ уродливыхъ и даже прямо противоестественныхъ. Постепенно въ этомъ національномъ институтѣ сосредоточивались всѣ дѣла, распоряженія и постановленія по внутреннему управленію еврейскихъ общинъ. Послѣ разсѣянія евреевъ по всему земному шару, кагалы стали даже принимать офиціальный оттѣнокъ въ глазахъ правительствъ, допустившихъ ихъ въ свою страну, и играли роль отвѣтственныхъ за свое племя учрежденій. Кагалы замыкали въ себѣ всѣ внутреннія силы еврейства, ограждали до крайнихъ предѣловъ свою неприкосновенность, религіозную, бытовую и обрядовую, облекая все это непроницаемою таинственностью. Отсюда издавна появились нареканія на это варварское общинное управленіе, не только со стороны христіанскаго, но иногда и еврейскаго общества. Такъ, напримѣръ, Брафманъ въ своей извѣстной «Книгѣ кагала» (Спб., 2 изд. 1881 г., 2 части), собралъ цѣлую коллекцію подлинныхъ постановленій кагала, изъ которыхъ видно, что кагалъ опутывалъ своими сѣтями и законное правительство (посредствомъ подкупа чиновниковъ), и еврейскихъ рабовъ, обязанныхъ исполнять его волю подъ страхомъ лишенія огня и воды, по приговору бет-дина (племеннаго талмудическаго судилища). Въ числѣ доходовъ виленскаго кагала, въ 1786 году, значился и доходъ съ права *хазаки*, т. е. права эксплуатированія христіанскаго имущества евреями [1]). По присоединеніи Бѣлорус-

---

[1]) *Бершадскій*: «Литовскіе евреи», стр. 54.

сіи, гр. З. Г. Чернышевъ нашелъ уже этотъ институтъ въ установившихся формахъ и воспользовался имъ для интересовъ правительственныхъ, между тѣмъ какъ въ Польшѣ кагалъ только тяготѣлъ надъ личностью еврея, вполнѣ подчиняя ее своей юрисдикціи. Вообще подъ русскихъ владычествомъ кагалъ уже утрачивалъ свою прежнюю сакраментальную силу, и если наше правительство не рѣшилось сразу покончить съ кагальной организаціей, — какъ это сдѣлалъ Фридрихъ II по присоединеніи къ Пруссіи польскихъ владѣній, — то все же, хотя и поздно (въ 1822 г.). Александръ I уничтожилъ ихъ de jure въ царствѣ польскомъ.

Кромѣ бет-дина, изрекающаго противъ кагальныхъ подданныхъ жестокіе *херемы*, власть кагала поддерживается и безчисленными еврейскими ассоціаціями, преслѣдующими якобы научныя и совершенно невинныя цѣли. Еще въ глубокой древности сложилась еврейская ассоціація ученыхъ подъ названіемъ: «хибура» (союзъ). Названіе это и теперь служитъ нарицательнымъ именемъ всякаго рода братствъ. Подъ религіозною маскою такіе союзы всегда преслѣдуютъ виды чисто политическіе. Вступая въ союзъ подъ условіемъ *безпрекословнаго повиновенія* (дисциплина у жидовъ звѣрская!) членъ союза исключается изъ него за малѣйшее нарушеніе правилъ. При наденіи Іерусалима, уклонившись отъ защиты города, эти храбрые члены якобы «ученаго братства» заручились сейчасъ же расположеніемъ римскаго правительства и стали подъ его защиту, затаивъ про себя, какъ всегда, свои племенныя сепаратистскія стремленія. Въ виду революціоннаго настроенія еврейскаго народа, правительство неосторожно довѣрилось этимъ «ученымъ», какъ людямъ «благонадежнымъ», и опрометчиво вручило имъ управленіе всею внутреннею жизнью евреевъ, даровавъ имъ право сложиться въ форму ученой школы. Ставъ во главѣ народа силою самого закона, «хибура» со временемъ, подъ руководствомъ своихъ раввиновъ, и преобразовалась въ *національное правленіе*—или status in statu — извѣстное теперь подъ названіемъ кагала. Эта «ученая» компанія постоянно опутывала и общественную, и частную жизнь евреевъ талмудическими постановленіями, находя для нихъ основу въ буквѣ ветхаго завѣта. Эти постановленія, направленныя будто бы къ охраненію «чистоты религіи», поставили народную массу въ рабскую зависимость отъ ученыхъ, владѣющихъ таинственнымъ ключемъ къ уразумѣнію талмуда. Ученая школа, завладѣвъ всѣми проявленіями жизни еврея, обратилась въ форму прежняго синедріона и хотя сохраняла видъ ученой комисіи, украшая даже своихъ членовъ степенями «мудреца», «книжника» и пр., но въ сущности преслѣдовала цѣли чисто политическія и успѣла сложиться въ своего рода

олигархическій парламентъ. Еврейскія братства—проводники кагало-бет-динской власти—распадаются, по кругу своей дѣятельности, на мѣстныя и всемірныя. Мѣстныя дѣлятся на 4 класса: собственно ученыя, благотворительныя, ремесленныя и религіозныя братства. Ученыхъ братствъ особенно много, именно: для чтенія талмуда, для чтенія мишны, книгъ ветхаго завѣта, талмудическихъ законовъ и пр., и пр. Во всѣхъ этихъ братствахъ, не смотря на ихъ религіозныя клички, исходный пунктъ одинъ и тотъ же: честолюбіе и, въ то же время, разсчетъ на *пріобрѣтеніе кредита*—альфа и омега еврейскаго существованія! Желая блеснуть благочестіемъ, талмудистъ легко вербуетъ братчиковъ, а въ кагалѣ находитъ сочувствіе и поддержку, потому что братства, поддерживая талмудическую «науку», очевидно укрѣпляютъ самый кагалъ и въ совокупности съ нимъ составляютъ ту огромную организацію, которая опутываетъ забитую еврейскую массу и не даетъ въ ней хода истинному просвѣщенію. Исключеніе изъ братства—особенно въ маленькихъ городахъ, гдѣ всѣ жиды знаютъ другъ друга,—*буквально равняется медленной смерти*, лишая виновнаго всякаго нравственнаго и матеріальнаго кредита, объявляя его внѣ закона. Изъ этихъ благотворительныхъ обществъ заслуживаютъ особеннаго вниманія два братства: для выкупа плѣнныхъ и погребальное. Въ старину такое братство, дѣйствительно, кыкупало евреевъ изъ турецкаго и крымскаго плѣна, а въ новѣйшее время (до нашихъ дней) выкупаетъ рекрутъ, освобождаетъ арестованныхъ («гонмскимъ» правительствомъ) и пр., и пр. Если братство не можетъ само удовлетворить просителя по недостатку средствъ, то обращается къ содѣйствію кагала, съ которымъ всегда находится въ тѣснѣйшей связи. У этихъ братствъ рѣдко имѣются постоянные источники,—и средства, требуемыя для даннаго случая, собираются добровольными приношеніями членовъ братства и прочихъ жителей города, или же посредствомъ особыхъ налоговъ. Эти налоги и сборы практикуются и нынѣ у евреевъ, не смотря на запрещенія и преслѣдованія русскаго правительства. Такъ напримѣръ, въ г. Сѣдльцѣ въ 1867 г. открыты незаконные еврейскіе поборы (на 1300 р.), сдѣланные по распоряженію раввина, во имя кагала. Тутъ кстати будетъ сказать, что никакого *духовенства*, въ собственномъ смыслѣ этого слова, у евреевъ не имѣется, и ихъ раввины являются только свѣтскими представителями самозваннаго еврейскаго правительства. Еврейскій богъ для раввина — это пустая внутри статуя, въ которую онъ забирается для того, чтобы кощунственно говорить отъ имени божества по вопросамъ вполнѣ житейскаго характера.

«Погребальныя братства» появились у евреевъ вслѣдствіе мои-

сеева запрещенія духовенству заниматься похоронами (въ то время, т. е. до разрушенія іерусалимскаго храма, духовенство еще было у евреевъ) и отсутствія всякой духовной санкціи при совершеніи этого обряда. Братства эти скоро обратились, однако, изъ благотворительныхъ въ злотворительныя, въ страшнѣйшій бичъ еврейской общины, въ безцеремонную эксплуатацію бѣдняковъ жидами-толстосумами,—денежными аристократами, заправляющими погребальнымъ братствомъ. Въ рукахъ этихъ братствъ, приготовленіе трупа къ погребенію, снабженіе гробомъ и саваномъ и отвозъ на кладбище опредѣляются чистѣйшимъ произволомъ старшинъ братства. Эти же братства служатъ *орудіемъ мести кагала* всѣмъ «инако мыслящимъ» евреямъ. Надъ трупами ослушниковъ кагала братчики совершаютъ отвратительныя неистовства, осыпая покойника бранью, пинками и оплеухами!..

Заключая обзоръ еврейскаго кагальнаго самоуправленія,—какъ оно сложилось еще во времена Рѣчи Посполитой,—знатокъ еврейскаго вопроса въ царствѣ польскомъ утверждаетъ, что, не смотря на воспрещенія русскаго правительства, «*оно существуетъ и понынѣ, окруженное такою непроницаемостью, что мѣстная власть не въ состояніи прорвать ея покрова* при настоящемъ строѣ еврейскаго быта» (!).

«Если—продолжаетъ развивать свою мысль г. Преображенскій, авторъ цитируемой нами записки—проявляются отдѣльные случаи, указывающіе на *живучесть еврейскаго самоуправленія*, то они, при слѣдственныхъ дѣйствіяхъ, безъ которыхъ не можетъ быть формулировано обвиненіе, *стушевываются* (?) и зло остается безнаказаннымъ. *Безнаказанность придаетъ самоуправленію большую силу въ глазахъ еврейскаго народа* и ведетъ къ еще бо́льшему обособленію евреевъ и разъединенію съ окружающимъ кореннымъ населеніемъ. *Евреи принимали всѣ благодѣянія правительства, клонившіяся къ уравненію правъ, и не исполняли ни одного приказанія и запрещенія закона, направленныхъ противъ обособленія и другихъ вредныхъ дѣйствій еврейской общины.* Власть положительно убѣждалась, что *раввины разбираютъ контробандныя дѣла* (!!), устанавливаютъ сдѣлки между контробандистами и сами принимаютъ въ ней участіе [1]); что *раввины нарушаютъ законы о бракахъ и присвоиваютъ себѣ власть гражданскихъ трибуналовъ*».

---

[1]) Въ самое послѣднее время, въ минской синагогѣ, находящейся подъ наблюденіемъ мѣстнаго раввината, обнаруженъ цѣлый складъ необандероленной водки. Если раввины издревле занимались гешефтмахерствомъ, а вовсе не священнослуженіемъ, то ихъ пристанища — синагоги — давно обратились въ торжища изъ мѣстъ молитвы и душевнаго очищенія.

Такова сила еврейскаго самоуправленія, неразумно допущеннаго въ царствѣ польскомъ и не разрушеннаго до нашихъ дней. Крѣпость этой организаціи зиждется на деспотической власти еврейскихъ толстосумовъ (морейнэ) и на глубокомъ невѣжествѣ плебейской массы, дресируемой въ своихъ спеціально-еврейскихъ школахъ, основанныхъ на началахъ талмудизма, враждебнаго всякому государственному строю.

«Раввины и старѣйшины общества — говоритъ г. Преображенскій — легко заправляютъ массою, подготовленною согласно ихъ цѣлямъ, и еслибы выдался изъ массы ослушникъ, то противъ него найдется много средствъ сильныхъ и дѣйствительныхъ. Раввину со старшинами, съ кагаломъ и бет-диномъ, *стòитъ только изречь херемъ* (т. е. произнести проклятіе и отлученіе отъ общества)—и *масса задавитъ своего злосчастнаго собрата, а власть законная не въ силахъ охранить угнетеннаго* (любопытное признаніе въ устахъ совѣтника сѣдлецкаго губернскаго правленія во времена губернаторства С. С. Громеки, не благоволившаго къ жидамъ! Чтò же дѣлалось тамъ, гдѣ губернаторы держали явно еврейскую сторону?) **Въ крайнемъ случаѣ, у кагала есть ходатаи, вооруженные сильными аргументами, хотя бы и сотнями тысячъ рублей** (для сверженія Державина, для оправданія Дрейфуса кагалъ двигалъ даже милліонами):— кагалу это ничего не стòитъ и **масса даетъ ему золото, не подозрѣвая, что покупаетъ для себя же кандалы** (sic). Еврейская полиція зорко слѣдитъ за членами братствъ и не допускаетъ ни малѣйшаго послабленія талмудическихъ законовъ».

Въ польскихъ источникахъ прежняго времени трудно найти подобныя откровенныя свидѣтельства о злодѣяніяхъ кагала, но что всѣ они имѣли мѣсто въ польской исторіи (если сохранились даже до нашего времени), — въ этомъ едва ли возможно сомнѣваться. Такъ напр., въ журналахъ виленскаго кагала, найденныхъ Брафманомъ, значатся подъ 1779—1798 г.г. расходы на *подкупъ чиновниковъ*, на поздравленіе начальства съ праздникомъ, на *устройство попойки для судей* по еврейскому дѣлу и пр., и пр. (все это—дѣла «вѣры»!). Если появится со временемъ новый Брафманъ, то онъ, вѣроятно, разыщетъ въ позднѣйшихъ кагальныхъ лѣтописяхъ и расходы на содержаніе якобы-русской пресмыкающейся журналистики...

Борясь противъ этихъ удушающихъ объятій кагальнаго удава, охватившаго своими кольцами всю страну, польское правительство вынуждено было, наконецъ, принять мѣры самосохраненія. Эти мѣры,—какъ мы сказали уже,—получивъ поверхностную религіозную окраску, вызывались въ сущности разлагающимъ соціальнымъ и политическимъ вліяніемъ еврейства. Устраняя это вліяніе, поль-

ское законодательство, начиная уже съ XVI-го столѣтія, прибѣгло къ серьезнымъ ограниченіямъ политическихъ и гражданскихъ правъ еврейства.

Въ торунскомъ статутѣ 1520 г. опредѣлено, что талмудисты (ошибочно называемые «послѣдователями моисеева закона») не могутъ занимать никакихъ должностей въ государственной службѣ, ибо — «противно законамъ Бога и людей, чтобы невѣрный имѣлъ какую бы то ни было власть надъ христіаниномъ». Постановленіе это повторяется впослѣдствіи на разныхъ сеймахъ и становится всеобщимъ правиломъ. Свобода повсемѣстнаго разселенія въ Польшѣ, данная евреямъ Казимиромъ [1]), подвергалась значительнымъ урѣзкамъ. Польскіе города въ XV и XVI вѣкахъ раздѣлялись главнымъ образомъ на три разряда: королевскіе, частные и основанные на земляхъ духовенства. Въ королевскихъ городахъ постепенно вводилось «магдебургское городовое право», по которому одни лишь христіане могли жить въ городѣ, пользоваться правами и записываться въ цехи. Нехристіане, въ томъ числѣ и евреи, не могли быть терпимы въ чертѣ городской осѣдлости. Допущеніе жидовъ на жительство въ городахъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ и духовенству, зависѣло отъ владѣльцевъ, которые, въ виду всеобщаго раздраженія противъ израиля, часто отказывали ему въ дозволеніи селиться въ ихъ городахъ. Съ первой же половины XV-го столѣтія сами горожане начинаютъ ходатайствовать объ освобожденіи ихъ отъ еврейскаго нашествія. Короли иногда (подъ вліяніемъ прекрасныхъ Эстерокъ и ясновельможныхъ пановъ, попавшихъ въ долги къ евреямъ) отказывали горожанамъ въ этихъ ходатайствахъ, но большею частію исполняли ихъ справедливыя просьбы, причемъ или совершенно изгоняли алчныхъ кочевниковъ, надѣляя горожанъ привилегіею—«не терпѣть жидовъ» (de non tolerandis Judaeis), или предоставляли имъ право селиться лишь въ извѣстной части города (гетто), или же, наконецъ, позволяли входить съ горожанами въ особыя соглашенія, которыя обыкновенно вели къ денежному пожертвованію со стороны кагала. Изгнанные изъ городовъ, евреи придумали селиться близь городской черты на свободной землѣ (какъ это практикуется нынѣ подъ Кіевомъ и въ другихъ мѣстахъ), чтобы легче нарушать запретную границу. Рядомъ съ ограниченіемъ свободы разселенія, шли и весьма чувствительныя ограниченія сво-

[1]) Въ одномъ стихотвореніи Я. П. Полонскаго, прекрасномъ по своей поэтической формѣ, Казимиръ III изображенъ симпатичными красками, какъ заступникъ крестьянъ («хлопскій круль»). Но правдивая исторія не можетъ согласиться съ такою характеристикою, въ виду того, что и бѣдные хлопы немало пострадали отъ еврейскаго нашествія, покровительствуемаго королемъ.

боды торговли, касавшіяся не только мѣстъ для производства торговаго промысла, но и самыхъ предметовъ торга. Въ 1521 г. состоялось сеймовое постановленіе, по которому въ южныхъ провинціяхъ Польши, и въ особенности въ г. Львовѣ, евреямъ разрѣшалось заниматься торговлею только по договорамъ съ горожанами, причемъ предметами торговли могли быть лишь воскъ, кожи, сукна и волы, да и эти предметы евреи могли покупать не иначе, какъ въ извѣстное время, на ярмаркахъ, и сбывать въ опредѣленныя же мѣстности. Правила эти постоянно нарушались, по еврейскому обычаю, и вели къ преслѣдованіямъ и штрафамъ. Въ 1565 г. евреямъ запрещено держать въ арендѣ казенныя оброчныя статьи или брать на откупъ налоги, въ виду тѣхъ жестокихъ злоупотребленій, которыя они себѣ позволяли при собираніи оброковъ и налоговъ. (Въ Малороссіи, какъ извѣстно, жиды брали на откупъ даже и православные храмы, взимая неукоснительно мзду съ каждой церковной службы). Въ особенности тяжело пришлись для евреевъ: царствованіе королей изъ шведскаго дома, время казацкихъ войнъ, царствованіе Владислава IV и Михаила Вишневецкаго и, наконецъ, весь XVIII вѣкъ—время саксонскихъ королей.

Но, разсматривая этотъ періодъ, нельзя не замѣтить, что польскіе законодатели, стремясь регламентировать *съ внѣшней стороны* бытъ евреевъ, установить ихъ отношенія къ государству и другимъ сословіямъ, совсѣмъ не коснулись *самаго источника заразы*, смертоносно распространявшейся по всѣмъ артеріямъ государственнаго организма. Они оставили безъ всякаго вниманія и антисоціальный смыслъ талмудическаго ученія, и всю внутреннюю законопротивную организацію еврейскихъ общинъ. Въ сферѣ именно этой организаціи, враждебно направленной противъ коренныхъ устоевъ государства, евреи, съ самаго переселенія своего въ Польшу и до перехода въ русское подданство, пользовались почти неограниченною свободою. Религіозныя дѣла (поскольку было въ нихъ «религіи»), браки и разводы, общинные сборы, судъ надъ евреями не только въ дѣлахъ гражданскихъ, но и уголовныхъ, забота объ образованіи юношества (въ кагальномъ духѣ), учрежденіе новыхъ талмудическихъ школъ—всѣ эти вопросы, имѣвшіе по большей части чисто гражданскій и даже политическій характеръ, предоставлялись автономному рѣшенію кагала, съ весьма слабымъ участіемъ настоящаго правительства, уступавшаго свои прерогативы какой-то—на половину подпольной и на половину открытой — враждебной силѣ. Считаясь номинально королевскими рабами (servi regii) евреи совсѣмъ не подчинялись общей администраціи, а находились подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ воеводъ. Въ уголовныхъ дѣлахъ осо-

бенной важности, которыя опредѣлялись въ такъ называемыхъ «воеводскихъ правилахъ», апелляція на рѣшенія общинныхъ судовъ восходила прямо къ воеводамъ, а иногда и къ самому королю. «Царскія дѣти», превратившіяся волею судебъ въ «королевскихъ рабовъ», умѣли наквитывать всегда и вездѣ свое юридическое неполноправіе фактическимъ господствомъ, при помощи самыхъ разнообразныхъ интригъ, связей, денежнаго могущества и наглой терроризаціи...

Кагальное устройство, судя по историческимъ памятникамъ, существовало уже въ Польшѣ въ XV-омъ вѣкѣ, но за это время, къ сожалѣнію, нѣтъ точныхъ и полныхъ свѣдѣній, касающихся организаціи кагаловъ, порядка и круга ихъ дѣйствій, и вообще правилъ, которыми нормировалась дѣятельность этихъ своеобразныхъ представителей еврейскихъ общинъ. Поэтому приходится довольствоваться аналогіею дѣяній кагала того времени съ ихъ позднѣйшею дѣятельностью, болѣе рельефно выступившей наружу, хотя и съ сохраненіемъ въ строжайшемъ секретѣ самыхъ предосудительныхъ подвиговъ. Но теперь, по крайней мѣрѣ, намъ извѣстны, въ дословномъ переводѣ, избраннѣйшія мѣста изъ талмуда и шулханъ-аруха,—этихъ дѣйствующихъ кодексовъ еврейскаго законодательства [1],—а въ прежнее время кагалъ держалъ подъ спудомъ всѣ эти нравственныя сокровища и за обнаруженіе ихъ *угрожалъ смертью нескромнымъ талмудистамъ*. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что и прежде, въ средѣ самихъ евреевъ, возникали неудовольствія по поводу варварскаго самоуправства и деспотическихъ замашекъ подпольнаго правительства; недовольные дерзали жаловаться властямъ предержащимъ, но протесты ихъ оставались безъ всякихъ послѣдствій, чѣмъ и обусловливалось полное порабощеніе еврейскаго «быдла» безконтрольной власти кагальныхъ заправилъ. Въ 1541 г. Сигизмундъ I, желая обуздать хоть сколько нибудь кагальныя безобразія, учредилъ должность «еврейскаго сеньора», возложивъ на него обязанность слѣдить за всѣми постановленіями этихъ новѣйшихъ «ассасиновъ» и служить посредни-

[1]) Шулханъ-арухъ составляетъ, какъ извѣстно, экстрактъ наиболѣе существенныхъ и обязательныхъ для правовѣрнаго еврея талмудическихъ правилъ. Этотъ экстрактъ, — поскольку онъ касается отношеній еврейства къ другимъ народамъ,—поражаетъ своей безчеловѣчностью и какой-то, доведенной до максимальныхъ предѣловъ безумія, маніей племеннаго величія. Любопытныя извлеченія изъ этого кодекса,—прекрасно характеризующія истинные взгляды евреевъ по отношенію ко всѣмъ «гоимскимъ» народамъ и правительствамъ,—были напечатаны въ «Наблюдателѣ» 1891 г. (№ 6) и помѣщены въ концѣ этой книги. Переводъ ихъ сдѣланъ со всею точностью однимъ изъ бывшихъ цензоровъ Спб. цензурнаго комитета по еврейской литературѣ.

комъ между еврейскимъ населеніемъ и законнымъ правительствомъ. Нововведеніе это, однако, сильно не понравилось еврейскимъ главарямъ, такъ какъ оно до нѣкоторой степени раскрѣпощало закабаленный ими народъ или, по крайней мѣрѣ, подавало ему надежду на выходъ изъ безправнаго положенія и угрожало виновникамъ страхомъ отвѣтственности: — они стали оказывать всякое (открытое и тайное) сопротивленіе вмѣшательству властей въ ихъ «домашнія дѣла», и должность сеньора скоро упразднилась, какъ совершенно безполезная. Херемы и даже физическія истязанія и потаенныя убійства, вѣроятно, были пущены въ ходъ, чтобы отбить у свободномыслящихъ или угнетенныхъ крайними притѣсненіями евереевъ охоту обращаться съ жалобами къ законному правительству...

Съ такою организаціею и съ такими глубоко-укоренившимися племенными свойствами еврейское населеніе и досталось намъ въ наслѣдіе отъ Польши.

IV.

Гуманизмъ и либерализмъ Екатерины II-ой въ столкновеніи съ талмудическою моралью и фактами дѣйствительной жизни.—Князь И. В. Одоевскій, остановившій въ сенатѣ императрицу отъ неосмотрительнаго рѣшенія.—Новая терминологія: *еврей* вмѣсто *жида*.—Вольтеръ, какъ ожесточенный врагъ еврейства, и его вліяніе на императрицу.—Недостаточное знакомство нашихъ государственныхъ людей съ еврейскимъ вопросомъ.—Перемѣна взглядовъ Екатерины II-й, отразившаяся и на ея приближенныхъ.—Благосклонность сената къ евреямъ и запретительныя мѣры П. Б. Пассека. — Основательная записка ген. Каховскаго.—Сдѣланныя имъ неожиданныя открытія.—Государство въ государствѣ, еврейскіе «шемякины суды» и узаконенное кагаломъ ограбленіе христіанъ.—Мендельсоновскій расколъ въ еврействѣ и его адепты въ Россіи. — Свободномыслящій еврей, осуждающій талмудическое «дурачество».—Различіе, сдѣланное Екатериною между *караимами*, какъ истинными послѣдователями моисеева закона, и *талмудистами*.

Послѣ кратковременнаго царствованія Петра III, который не успѣлъ издать никакихъ новыхъ законоположеній о евреяхъ, на престолъ взошла наиболѣе знаменитая изъ всѣхъ русскихъ императрицъ: Екатерина II-ая, Великая. Намъ нечего распространяться о томъ, съ какими гуманными и либеральными взглядами императрица вступала на престолъ, какими широкими государственными задачами увлекалась она, сколько добра желала принести своимъ старымъ и новымъ подданнымъ. Ея близкая дружба съ знамени-

тыми учеными и публицистами XVIII-го вѣка; написанный подъ ихъ вліяніемъ, ея «Наказъ» о составленіи новаго уложенія законовъ опредѣленно свидѣтельствуютъ объ этомъ, и если разныя политическія обстоятельства и другія личныя вліянія заставляли ее отступать отъ этихъ взглядовъ или осуществлять ихъ не вполнѣ, а съ различными уступками въ пользу исторически сложившейся обстановки, — то она всегда сознавала это отступленіе отъ идеала и, съ оттѣнкомъ грустной ироніи, заявляла своимъ друзьямъ-философамъ, что она, «бѣдная императрица», должна писать свои законы «не на простой бумагѣ, а на кожѣ человѣческой» («sur la peau humaine»).

Вообще она никогда не была упрямой *доктринеркой* и, замѣтивъ несоотвѣтствіе идеальнаго представленія съ суровыми указаніями дѣйствительности, видоизмѣняла свои взгляды, не отвѣчавшіе ближайшимъ потребностямъ жизни. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ она подчинялась требованіямъ чисто-государственнаго роста, нашей страны, отодвигая на второй планъ народно-экономическія нужды; въ другихъ (какъ напр., въ крѣпостномъ правѣ) колебалась передъ возможностью сильной и опасной оппозиціи; въ третьихъ, убѣждалась, путемъ практическихъ указаній, въ неприложимости соціальной равноправности къ тѣмъ дико сложившимся инородческимъ организаціямъ, которыя воспользовались бы своимъ гражданскимъ и политическимъ «полноправіемъ» *не для блага обитаемой ими страны, а для своей лишь узкой племенной выгоды и для вящаго угнетенія кореннаго народа.*

Къ числу этихъ послѣднихъ, трудно разрѣшимыхъ, проблемъ принадлежалъ, при Екатеринѣ II-й, и вопросъ еврейскій, переданный ей *раздѣломъ* Рѣчи Посполитой, противъ котораго не безъ основанія протестовалъ въ овое время гр. Никита Ивановичъ Панинъ (другъ Д. И. Фонъ-Визина), быть можетъ, предчувствовавшій заразное вліяніе нѣкоторой части присоединяемыхъ областей на жизнь самой метрополіи...

Внутреннее устройство еврейской общины, ея *племенной эгоизмъ, обоснованный на якобы-религіозныхъ началахъ и ими же застрахованный отъ воздѣйствія государственной власти*; чисто мірской, а совсѣмъ не религіозный характеръ цѣлей, преслѣдуемыхъ кагаломъ, раввинатомъ и различными «братствами»; полное отсутствіе «духовнаго сословія», замѣняемаго какими-то маклерами между призрачнымъ божествомъ, играющимъ роль маріонетки въ ихъ рукахъ, и запуганными рабами—«ампгаресами»; невыносимый деспотическій характеръ кагальнаго правительства съ обузданіемъ малѣйшаго неповиновенія и свободомыслія въ еврейской средѣ:—всѣ эти

отталкивающія черты, только теперь обнаруженныя, не смотря на систематическое утаиванье ихъ заправилами талмудизма, были недостаточно извѣстны или, по крайней мѣрѣ, не получили должнаго освѣщенія и оцѣнки въ самой Польшѣ, уже страдавшей вѣками отъ этого зла и ограждавшейся отъ него только внѣшними репрессивными мѣрами.

Понятно, что едва только вступившая на престолъ Екатерина II-ая была совсѣмъ незнакома съ настоящимъ *антигосударственнымъ* и *антинаціональнымъ* (по отношенію ко всѣмъ другимъ народамъ, кромѣ еврейскаго) характеромъ талмудизма, исказившаго наилучшія стороны моисеева ученія и только прикрывавшагося, какъ фальшивымъ флагомъ, именемъ великаго законодателя. Понятно, что и евреи, уже пронюхавшіе о гуманныхъ и либеральныхъ стремленіяхъ императрицы, немедленно принялись играть на этой струнѣ, подводя зловредное снисхожденіе къ беззаконному и варварскому еврейскому самоуправленію подъ этикеты «человѣколюбія» и «религіозной терпимости». У жидовъ, конечно, явилась и масса пособниковъ на самыхъ высокихъ ступеняхъ нашей чиновничьей іерархіи, которые были не прочь обмануть на первыхъ же порахъ молодую государыню и толкнуть ее на ложный путь «еврейской равноправности»...

«На пятый или на шестой день по вступленіи на престолъ Екатерины II-й (разсказываетъ императрица сама о себѣ въ собственноручной автобіографической замѣткѣ на французскомъ языкѣ) она прибыла въ сенатъ... Такъ какъ всѣ дѣла въ сенатѣ производятся по журналу, за исключеніемъ дѣлъ крайне спѣшныхъ (indispensables),—*какъ нарочно* оказалось, что въ это засѣданіе проэктъ разрѣшенія евреямъ пріѣзда въ Россію находился первымъ въ спискѣ. Покамѣстъ записывали рѣшеніе по предъидущему дѣлу, Екатерина, будучи въ затрудненіи, *въ виду обстоятельствъ*, дать свое согласіе этому предположенію, признанному единогласно полезнымъ, была выведена изъ этого положенія сенаторомъ княземъ И. В. Одоевскимъ [1]), который всталъ и сказалъ ей: «не угодно ли вашему величеству,—прежде чѣмъ рѣшиться,—посмотрѣть то, что́ императрица Елизавета собственноручно начертала на поляхъ подобнаго предложенія»? Екатерина приказала принести себѣ доклады (les registres) и нашла, что Елизавета, по набожности, написала на поляхъ: «отъ враговъ Христовыхъ не желаю прибыли».

«Не прошло еще недѣли, какъ Екатерина II-ая вступила на

---

[1]) Князь Иванъ Васильевичъ былъ дѣдомъ *князя Владиміра Ѳедоровича Одоевскаго*, который также относился отрицательно къ еврейскимъ претензіямъ внѣдриться въ коренную Россію.

престолъ (считаетъ нужнымъ императрица объяснить свое дальнѣйшее поведеніе въ сенатѣ); она возведена была на него, чтобы *защищать православную вѣру*, она имѣла дѣло съ набожнымъ народомъ, съ духовенствомъ, которому не возвратили еще его имѣній и которое нуждалось въ необходимомъ, благодаря этой дурно направленной мѣрѣ; умы были въ сильномъ возбужденіи, какъ это всегда бываетъ послѣ столь важнаго событія. Начать царствованіе (débuter) такимъ проэктомъ—не могло быть средствомъ успокоенія; признать его (проэктъ) *вреднымъ*—было невозможно (?). Екатерина просто повернулась къ генералъ-прокурору, когда онъ, послѣ отобранія голосовъ, подошелъ принять ея рѣшеніе, и сказала ему: «*Я желаю, чтобы это дѣло было отложено до другаго времени*». И вотъ какъ часто недостаточно быть просвѣщеннымъ, имѣть наилучшія намѣренія и власть привести ихъ въ исполненіе! И, однако, часто выражаютъ смѣлыя сужденія о разумномъ поведеніи (conduite sage)».

Изъ этихъ откровенныхъ строкъ очевидно, что Екатерина уже готова была сдѣлаться жертвой самаго гнуснаго жидовскаго обмана, введенная въ заблужденіе крайне подозрительнымъ «единогласіемъ» сената и его канцеляріи... Она уже была не прочь—раскрыть настежъ двери въ Россію для алчнаго еврейскаго кагала, который и въ самомъ присутствіи сената, и за его дверями несомнѣнно имѣлъ своихъ агентовъ для наблюденія за исходомъ задуманнаго роковаго *гешефта*. Еслибы только не политическія обстоятельства, мѣшавшія вторженію еврейства; не «набожный народъ», не обиженное духовенство, не антипатія къ евреямъ всего неподкупленнаго ими общества, Екатерина могла бы *смѣшать требованія человѣколюбія* съ *хищническими затѣями самоуправляющагося паразитнаго племени*—и впустила бы жидовъ опустошать наши внутреннія губерніи. Впустить ихъ было бы даже актомъ, доказывающимъ «наилучшія намѣренія» и «просвѣщенный взглядъ»...

Слава богу, что въ томъ же сенатѣ,—уже сильно проникнутомъ юдофильскими тенденціями, — раздался честный и неподкупный голосъ кн. И. В. Одоевскаго, остановившаго недоброе колебаніе Екатерины ссылкою на категорическое рѣшеніе ея предмѣстницы.

Впрочемъ, есть основаніе думать, что въ геніальномъ государственномъ умѣ Екатерины уже зароненъ былъ червь сомнѣнія въ тожествѣ жидовскихъ затѣй съ завѣтами истиннаго человѣколюбія и широко понимаемаго либерализма. Во главѣ европейскаго «освободительнаго движенія» стоялъ, какъ извѣстно, Вольтеръ; а онъ, не смотря на всю свою ненависть къ религіозному фанатизму вообще («ecrasez l'infame»!), не считалъ, конечно, фанатическимъ поступкомъ—

относиться къ жидамъ съ заслуженнымъ ими сарказмомъ и видѣть въ нихъ враговъ разумнаго человѣческаго общежитія. Наконецъ, если сначала «политическія обстоятельства» помѣшали Екатеринѣ II-й сдѣлать ложный и трудно поправимый шагъ въ своей государственной дѣятельности, то впослѣдствіи ближайшее знакомство съ жидами, попавшими en masse въ русское подданство (въ Бѣлоруссіи, на Волыни и въ Подоліи), могло уже практически научить проницательную императрицу и остановить направленіе ея мыслей въ сторону еврейской равноправности. По крайней мѣрѣ, какъ только расширилось ея личное знакомство съ этою *прирожденною человѣческой аристократіей*, — для отвода глазъ именующей себя «гонимымъ племенемъ», — она сейчасъ же сокращала свои псевдо-гуманные замыслы и весьма скупо раздвигала черту еврейской осѣдлости въ предѣлахъ русскаго государства. При этомъ она направляла жидовскую колонизацію, вмѣсто внутреннихъ губерній Россіи,—гдѣ такъ хотѣлось бы угнѣздиться израилю,—въ широкія, безлюдныя степи недавно пріобрѣтенной Новороссіи и Тавриды. Еслибы островъ Сахалинъ былъ уже тогда въ нашемъ владѣніи, то, вѣроятно, она открыла бы и его для «культурныхъ» подвиговъ кочеваго племени...

Десять лѣтъ спустя по восшествія на престолъ, Екатерина, уже полюбовавшаяся на «просвѣтительную» дѣятельность жидовъ въ Бѣлоруссіи, совершенно измѣнила свой не въ мѣру оптимистическій взглядъ и въ своемъ отвѣтѣ любопытствующему Дидро вводила уже ноты прямо враждебнаго настроенія къ израилю, возвращаясь такимъ образомъ къ предохранительной тенденціи Петра Великаго и Елизаветы Петровны.

«То пламенный деистъ, то скептикъ, то безбожникъ» (какъ метко характеризуетъ его Пушкинъ) Дидро, склонный видѣть въ евреяхъ гонимое племя, — такъ какъ, по счастію, не видалъ еще ихъ въ *полноправномъ* сосѣдствѣ съ собою во Франціи,—поставилъ, между прочимъ, русской императрицѣ слѣдующій вопросъ: «Въѣздъ евреевъ въ Россію былъ воспрещенъ; потомъ это запрещеніе было отмѣнено. Есть ли евреи въ Россіи? Если они есть, то на какихъ условіяхъ? Относятся ли къ нимъ, какъ къ остальнымъ иностранцамъ, и сколько, приблизительно, находится евреевъ»?

На этотъ вопросъ, заданный не безъ намѣренія отожествить жидовъ съ другими «иностранцами» (пріемъ, которымъ они нерѣдко пользовались или, по крайней мѣрѣ, намѣревались пользоваться въ Россіи) Екатерина отвѣчала: «Евреи были изгнаны изъ Россіи императрицею Елизаветою въ началѣ ея царствованія. Въ 1762 году была рѣчь о возвращеніи ихъ (мы говорили уже объ этомъ выше),

но такъ какъ предложеніе объ этомъ было сдѣлано невпопадъ, дѣло осталось въ томъ же положеніи; въ 1764 г. евреи были приписаны къ купечеству (declarés marchands) и сдѣлались жителями Новороссіи за Днѣпромъ. *Вся Бѣлоруссія кишитъ ими* [1]); трое или четверо ихъ находится уже давно въ Петербургѣ; у меня былъ духовникъ (вѣроятно, протоіерей Панфиловъ, по догадкѣ П. И. Бартенева), у котораго они квартировали. *Ихъ терпятъ вопреки закону*, дѣлаютъ видъ, что и не знаютъ, что они живутъ въ столицѣ. *Впрочемъ, впускъ ихъ въ Россію могъ бы принести большой вредъ* нашимъ мелкимъ торговцамъ, такъ какъ эти люди все притягиваютъ къ себѣ, и могло бы статься, что при ихъ возвращеніи *было бы больше жалобъ, чѣмъ пользы*».

Однимъ словомъ, въ десять лѣтъ по своемъ воцареніи, прозорливая императрица, — не закрывавшая глазъ предъ вопіющими фактами дѣйствительности и слишкомъ твердая для того, чтобы позволить «втирать» себѣ очки, — уже радикально отступила отъ всякихъ идей равноправности, выгодной только для жидовъ, а отнюдь не для кореннаго населенія страны, и прямо признала ихъ *вреднымъ* въ государствѣ элементомъ. Она говоритъ объ интересахъ «мелкой торговли», уже нарушавшихся жидовскимъ нашествіемъ, и не упоминаетъ о крупной торговлѣ и банковскихъ операціяхъ только потому, что они были еще изъяты отъ гибельнаго еврейскаго вліянія...

Но и въ началѣ царствованія Екатерины нельзя не отмѣтить любопытнаго факта, доказывавшаго, что, еще не имѣя болѣе точныхъ свѣдѣній о еврейской вредоносности, императрица уже питала противъ израиля весьма серьезныя подозрѣнія. Такъ напр., 12 октября 1762 г., послѣдовалъ именной указъ сенату, не помѣщенный почему-то въ Полномъ собраніи законовъ (но напечатанный кн. Голицынымъ въ примѣчаніяхъ къ I-ой главѣ его книги: «Исторія русскаго законодательства о евреяхъ», стр. 311)—о разрѣшеніи селиться въ Россіи на пустопорожнихъ земляхъ всѣмъ желающимъ иностранцамъ, окромѣ жидовъ. Не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ императрица издала въ томъ же смыслѣ (4 декабря 1762 г.) манифестъ, дозволявшій иностранцамъ выходить и селиться

---

[1]) Эти и послѣдующія выраженія уже не показываютъ въ Екатеринѣ особаго расположенія къ жидамъ, хотя, имѣя въ виду свойства собесѣдника, настроеннаго на либерально-космополитическій тонъ, она не прибѣгала къ тѣмъ выраженіямъ, которыхъ не обходила пріятельница Елизаветы Петровны (Шувалова), называвшая жидовъ просто «собаками» въ интимной перепискѣ. Въ своемъ «Антидотѣ» Екатерина отзывалась презрительно о жидахъ, «голосящихъ въ своей синагогѣ».

въ Россіи, а также предоставлялась свобода возвращенія въ отечество тѣмъ *русскимъ людямъ*, которые бѣжали за границу. Подъ именемъ «русскихъ людей» манифестъ разумѣлъ нашихъ раскольниковъ, бѣжавшихъ за границу отъ преслѣдованій при Елизаветѣ и Аннѣ; между ними были даже люди, вооруженною рукою сопротивлявшіеся русской власти. Но ихъ вина все таки была признана не столь тяжкою, а порочность—менѣе вредною, чѣмъ та, которая считалась присущей еврейскому племени. Раскольники могли возвращаться; всякіе иностранцы могли пріѣзжать и селиться въ Россіи,—всѣ, кромѣ жидовъ, которые, однако, и въ этомъ случаѣ успѣли протискаться въ наше отечество, подъ кличкою раскольниковъ, принявшихъ христіанство «по старо-церковному содержанію»... По отношенію къ еврейскому жительству, только *терпимому* въ Лифляндіи и Курляндіи, Екатерина также не обнаруживала большаго желанія расширять права израиля. Радѣя о заселеніи новороссійскихъ пустырей и Таврическаго полуострова, она желала только спихнуть евреевъ подальше отъ центральныхъ губерній, не предвидя, къ несчастію, какое зло принесутъ они впослѣдствіи Крыму и Одессѣ... Нѣтъ никакого сомнѣнія, что, доживи Екатерина до знаменитой сенаторской ревизіи Г. Р. Державина въ Бѣлоруссіи и его «Мнѣнія», поданнаго по этому поводу,—она съумѣла бы оцѣнить какъ должно правдивый взглядъ этого проницательнаго государственнаго человѣка на угрожавшую Россіи опасность отъ беззаконнаго еврейскаго правительства, и съумѣла бы положить ей предѣлы, если ужь не устранить ее совсѣмъ.

Однимъ изъ памятниковъ нѣкоторой снисходительности Екатерины, по крайней мѣрѣ, къ лингвистическимъ претензіямъ ея новыхъ подданныхъ является, между прочимъ, именной указъ отъ 8 февраля 1785 г., въ которомъ прежніе *жиды* именуются уже *евреями*,—новою кличкою, пущенною въ обиходъ кагальными радѣтелями въ Прибалтійскомъ краѣ (по имени *Евера*, одного изъ родоначальниковъ племени) и еще не успѣвшею, по краткости времени, пріобрѣсти специфически-предосудительный смыслъ. Эти радѣтели пустили даже слухъ, что употребленіе прежняго обиднаго термина было, будто бы, *формально запрещено* Екатериною II-ою, но князь Голицынъ ни въ какомъ законодательномъ актѣ или въ сепаратной инструкціи не могъ найти подтвержденія этому фальшивому слуху. Если же въ правительственныхъ распоряженіяхъ, выходившихъ послѣ этого времени, новая кличка, дѣйствительно, замѣнила прежнее исконно-русское названіе, то не только въ обиходномъ разговорѣ, а и въ литературномъ языкѣ оно неизмѣнно сохраняется до нашихъ дней. Его употребляли невозбранно и

Карамзинъ, и Державинъ, и Пушкинъ, и Гоголь, и Тургеневъ [1]). Да и въ правительственномъ актѣ 1825 года христіане, совращенные въ талмудизмъ, названы, по старой терминологіи, «жидовствующими».

Князь Голицынъ справедливо говоритъ: «Можно, кажется, безошибочно заключить, что *императрица Екатерина II-я вовсе не питала симпатій къ еврейству и евреямъ*, но ея положеніе «просвѣщенной» монархини, ея нравственная отвѣтственность передъ корифеями тогдашней европейской интеллигенціи, ея стимулы, какъ творца «Наказа», направляли ее, какъ государыню, не только къ

---

[1]) А. А. Гатцукъ, занявшись происхожденіемъ слова *жидъ*, указываетъ, что это слово существовало въ славянскомъ языкѣ еще задолго до знакомства славянъ съ потомками израиля и съ ихъ племеннымъ именемъ *Егуда*, переименованнымъ въ Европѣ въ *Іуду*, т. е. слово жидъ было когда-то именемъ нарицательнымъ, а не собственнымъ. «Въ этомъ насъ убѣждаетъ не одно только существованіе въ славянскомъ языкѣ корня *жьд* (ожидать, жаждать), но и разнообразное, роскошное развитіе этого корня, и существованіе такихъ формъ, какъ напр., *жидъ* (ждущій, ожидающій, сильно желающій). А потому весьма естественно предположить, что славяне, измѣнившіе по своему произношеніе слова Егуда или Іуда во что нибудь подобное: *юда* или *жудъ* (какъ *яро* въ *жаръ*), прямо замѣнили его болѣе понятнымъ роднымъ словомъ *жидъ*, первоначальное значеніе котораго впослѣдствіи совершенно утрачено ими. Во всякомъ случаѣ, такое сильное измѣненіе слова Іуда или Егуда въ устахъ славянина,—равно какъ и раннее повсемѣстное распространеніе между всѣми славянскими племенами слова *жидъ*, какъ названія іудеевъ,—и ранняя утрата славянами прежняго знаменательнаго значенія этого слова наводятъ насъ на мысль, что слово *жидъ* сдѣлалось у славянъ названіемъ іудеевъ въ весьма отдаленныя времена, быть можетъ, доисторическія. Мысль эту въ особенности подтверждаетъ то обстоятельство, что *слово жидъ всегда и у всѣхъ славянскихъ племенъ было единственнымъ народнымъ названіемъ для сыновъ израиля*» («Сіонъ» 1861 г. № 38).

Очевидно, что ни въ лексическомъ значеніи славянскаго корня *жьд*, ни въ совпаденіи его съ племеннымъ именемъ Іуды (если признать правильнымъ филологическія соображенія г. Гатцука, напечатанныя въ органѣ «сіонистовъ») нѣтъ никакого предумышленно-оскорбительнаго смысла, а если одинъ изъ сыновъ этого племени совершилъ, съ христіанской точки зрѣнія, *предательскій* поступокъ, то вѣдь, въ глазахъ талмудистовъ, это предательство является доблестнымъ подвигомъ, своего рода *героизмомъ*. Стало быть, и съ этой стороны жидамъ обижаться нечего. Пусть они и останутся «героями»... по своеобразному талмудическому пониманію геройства... Наконецъ, и новоявленный терминъ «еврея», благодаря соціологическимъ свойствамъ его носителей, уже произносится нынѣ не съ большимъ уваженіемъ, чѣмъ прежній. Слѣдовательно, жидамъ нужно позаботиться объ измѣненіи къ лучшему своихъ антисоціальныхъ качествъ,—сдѣлавшихъ это племя какимъ-то *вражескимъ лагеремъ*, разбитымъ среди другихъ народовъ,—а не о перемѣнѣ кличекъ, которыя, въ силу той же причины, придется переиначивать съ каждымъ поколѣніемъ, чтобы избѣжать якобы «оскорбительнаго» ихъ смысла...

терпимости, но и къ объективному взгляду на еврейство, который лучше всего высказался позднѣе, — когда евреи стали русскими подданными, — въ именномъ указѣ сенату отъ 10 марта 1785 г. Въ Екатеринѣ часто замѣчался *этотъ дуализмъ между долгомъ и личными симпатіями*, между обязанностями правительницы, «просвѣщенной» современницы и личными убѣжденіями. Она провозглашала теорію равенства передъ закономъ для евреевъ, но *внутри себя, даже на письмѣ и въ актахъ болѣе интимныхъ*, не подлежащихъ огласкѣ, она не скрывала своихъ, скорѣе, антипатій къ іудаизму, хотя, разумѣется, не столь рѣзкихъ и жосткихъ, какъ тѣ, которыя мы видѣли у ея предшественницъ».

Мы несогласны только съ тѣмъ обвиненіемъ въ «дуализмѣ», которому кн. Голицынъ подвергаетъ великую императрицу за несоотвѣтствіе, будто бы, между ея личными симпатіями и государственнымъ долгомъ. Это обвиненіе уже подходитъ отчасти къ тому упреку, который дѣлается извѣстнымъ еврейскимъ апологетомъ Оршанскимъ по адресу Екатерины, какъ непослѣдовательной «ученицы философовъ XVIII-го вѣка», для которой «вѣроисповѣдныя различія» не должны бы имѣть никакого значенія. Но мы говорили уже, что никакого дуализма и никакой непослѣдовательности не замѣчается въ дѣйствіяхъ Екатерины по еврейскому вопросу,— также точно, какъ не замѣчается и «религіознаго фанатизма» въ строгомъ осужденіи еврейства со стороны Вольтера. Забавно было бы даже и рядить Вольтера въ доспѣхи великаго инквизитора! Вмѣсто «дуализма» здѣсь слѣдуетъ поставить вліяніе того практическаго знакомства съ общественною дѣятельностью евреевъ, которое показало императрицѣ, что подъ «вѣроисповѣдными различіями» евреи скрываютъ зловредныя *анти-общественныя стремленія*, которымъ отнюдь нельзя давать простора во имя «свободы религіозной совѣсти», а слѣдуетъ обуздывать ихъ, ради соблюденія высшихъ интересовъ государства и народа. Екатерина, дѣйствительно, считала «порокомъ» запрещеніе или недозволеніе *различныхъ вѣръ* (см. именной указъ отъ 28 мая 1772 г. на имя ген.-майоровъ Каховскаго и Кречетникова) и она великодушно разрѣшила вѣткинскимъ раскольникамъ возвращаться въ Россію, но не ея была вина, что «евреи *скитаются* по деревнямъ *во вредъ обществу*», что они представляютъ собой неблагонадежный элементъ въ политическомъ смыслѣ,—и ужь, конечно, не вѣроисповѣдныя различіи и не дуализмъ въ проведеніи гуманнаго принципа диктовали ей мѣры, имѣвшія въ виду именно человѣколюбивую охрану своего народа отъ совсѣмъ не гуманныхъ и не либеральныхъ посягательствъ паразитнаго племени на его экономическое и нравственное благо-

состояніе. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше это практическое ознакомленіе съ дѣйствительными очертаніями еврейскаго вопроса убѣждало Екатерину II-ую въ невозможности подводить жидовскую эксплуатацію и развращающее моральное вліяніе на народную массу подъ нормы «свободы совѣсти» и «человѣческихъ правъ», и она, нисколько не противорѣча этимъ принципамъ, а, напротивъ, примѣняя ихъ же къ защитѣ народныхъ и государственныхъ правъ,— безъ всякаго «дуализма» могла запрещать *скитаніе* вредныхъ бродягъ по деревнямъ и систематическое спаиваніе народа въ сельскихъ кабакахъ и харчевняхъ. Не во имя же «религіознаго фанатизма» и Петръ Великій отказывался имѣть жидовъ въ числѣ своихъ подданныхъ, предпочитая имъ всѣхъ другихъ иновѣрцевъ и даже язычниковъ!

Къ такой перемѣнѣ взглядовъ на вредоносныхъ пришельцевъ, только прикрывающихся (въ глазахъ *гоевъ*) маскою «либеральныхъ» принциповъ,—для того чтобы, въ сущности, подрывать и искажать ихъ примѣненіе,—вмѣстѣ съ Екатериною приходили и ея ближайшіе совѣтники и сотрудники.

Сенатъ, благосклонный къ жидамъ, истолковалъ въ 1786 г., что указъ 1783 г. *не* запрещаетъ помѣщикамъ въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ пользоваться правомъ пропинаціи по собственной ихъ волѣ и отдавать винокуреніе и продажу вина на откупъ *даже евреямъ*. Поэтому онъ и отмѣнилъ первоначальное распоряженіе гр. З. Г. Чернышева, послѣдовавшее въ 1772 г.; но, не смотря на то, новый генералъ-губернаторъ П. Б. Пассекъ (одинъ изъ ближайшихъ участниковъ при возведеніи Екатерины на престолъ) опять запретилъ евреямъ производство винокуренія, а въ 1795 г. снова подтвердилъ объ этомъ. Распоряженіе его, сдѣланное вопреки сенату, было, однако, одобрено въ Совѣтѣ государыни (эмбріонъ нынѣшняго Государственнаго Совѣта) 10 ноября 1795 г., причемъ оно найдено даже «весьма приличнымъ». Два года спустя, предложеніемъ отъ 27 октября могилевскому намѣстническому правленію, во исполненіе высочайшей воли, объявленной графомъ Платономъ Зубовымъ, повелѣно было снова: «дабы никто, не имѣющій права винокуренія, *какъ-то евреи*, не производилъ онаго ни подъ какимъ видомъ; да и изъ всего благороднаго общества (т. е. помѣщиковъ) никто не отважился бы, во вредъ другимъ, самому себѣ, *а паче крестьянъ*, дозволять, подъ именемъ своимъ и на своихъ винницахъ, *курить* (вино) *евреями;* ибо они, по своему званію купечества, *должны обращаться къ дозволительной торговлѣ*; записавшіеся же въ мѣщанство должны жить въ городахъ, гдѣ они приписаны, и *упражняться въ ремеслахъ, мастерствахъ и рукодѣльяхъ*, черезъ

что увеличатся и придутъ въ лучшее состояніе города́, *а крестьяне избавятся* (отъ) *людей, къ пьянству соблазняющихъ и только что ихъ разоряющихъ*» [1]).

Вредъ, приносимый деревнямъ жидовскимъ ростовщичествомъ и спаиваньемъ крестьянъ, уже бросался въ глаза всѣмъ нашимъ сановникамъ, не подкупленнымъ іудейскими сребренниками, и Пассекъ настаивалъ даже на *изгнаніи жидовъ изъ мѣстечекъ*, направляя ихъ преимущественно въ города, гдѣ надзоръ за ними былъ удобнѣе для правительства и гдѣ они должны были нести «всѣ обывательскія тягости».

Къ тому же выводу о крайней вредоносности паразитнаго племени въ Сѣверо-западномъ краѣ пришелъ еще гораздо раньше Пассека могилевскій губернаторъ генералъ-поручикъ Каховскій, въ 1773 г., и изложилъ его въ особомъ «описаніи», приложенномъ, какъ оправдательный документъ, къ «Мнѣнію» сенатора Державина.

«Евреи—пишетъ этотъ очевидецъ кагальныхъ доблестей—народъ хотя и трезвый, но лѣнивый, обманчивый (склонный къ обману), сонливый (Каховскій, вѣроятно, имѣлъ въ виду традиціонный обычай жидовъ валяться на перинахъ), суевѣрный, къ нечистотѣ пріобыклый, въ домостроительствѣ неискусный; всѣ они — пришельцы и умножаются въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ правленіе слабое и не наблюдающее правосудія; живутъ обманомъ и трудами крестьянскими... Въ городахъ живущіе люди *именуются* мѣщанами и пользуются правомъ равно съ христіанами; имъ дана вольность всякіе продавать напитки; гдѣ, хотя кабаковъ не имѣется, то, ѣздя по деревнямъ, шинкуютъ; однимъ словомъ, *имъ всѣ способы къ пропитанію и къ изнищенію крестьянъ доставлены.* Корчмы городскія наиболѣе въ ихъ содержаніи, но, какъ они—народъ, чистоту не наблюдающій и лѣнивый, то ка́къ ихъ жилище, такъ и все, что́ у себя ни имѣютъ, все—въ нечистотѣ и неустройствѣ; а, наконецъ, и улицы ихъ нечистотою и грязью завалены. Съ проѣзжающихъ берутъ, ка́къ за постой, такъ и за продажные припасы, втрое; напитки дороги, *а цѣльныхъ у нихъ нигдѣ достать не можно*: мѣшаютъ въ вино разныя травы, *дабы тѣмъ скорѣе въ безпамятство привести покупающихъ у нихъ крестьянъ. Приведя въ такое состояніе, всѣ деньги у нихъ оберутъ*, а сверхъ того и долгу напишутъ, сколько похочутъ, что́ послѣ съ крестьянина, конечно, и сыщутъ, ка́къ деньгами, такъ и хлѣбомъ».

Это—по части еврейской «культуры» и экономическихъ благъ,

[1]) «Витебская старина», *А. Сапунова.* Витебскъ 1883 г., стр. 235—236.

расточаемыхъ израилемъ въ гоимской средѣ; но Каховскій не забылъ и того внутренняго замкнутаго самоуправленія еврейскихъ общинъ, съ которымъ онѣ перешли въ русское подданство и могли оказывать нашему правительству такое же точно сопротивленіе (и активное, и пассивное), какое оказывали прежде въ земляхъ Рѣчи Посполитой.

«Во всѣхъ мѣстечкахъ — продолжаетъ онъ свое правдивое описаніе—ка́къ владѣльческихъ, такъ и коронныхъ, имѣютъ евреи своихъ старшинъ, ими самими между собою избранныхъ, выбираютъ къ тому достаточныхъ, а не меньше того въ талмудѣ искусныхъ и *во всемъ проворныхъ*. **Кагалъ** составляютъ шесть жидовъ; они же имѣютъ своихъ намѣстниковъ, которые, во время отлучки первыхъ или болѣзни, мѣсто ихъ заступаютъ, и тѣ шесть жидовъ называются кагальными... Оный (кагалъ) **налагаетъ всякія подати** на своихъ подсудимыхъ; содержитъ сборъ для своихъ нищихъ и *для избѣжанія законнаго наказанія* чрезъ дачу денегъ, *если весь кагалъ или одинъ изъ нихъ позванъ будетъ въ судъ по дѣлу криминальному*. Такихъ немало происшествій, что, разными способами, тѣхъ которые на нихъ въ злодѣйствѣ и смертоубійствѣ доказуютъ, и если имъ въ томъ неудача, что чрезъ судей не сыщутъ вовсе уничтоженія того дѣла или, по крайней мѣрѣ, продолженія (замедленія) онаго, то *ка́къ доносителя, такъ и виновнаго отравливаютъ* [1]). Кагалъ *имѣетъ власть судить евреевъ*, а обиженный (его) судомъ не можетъ взять апеляціи въ судъ христіанскій, если другая сторона въ томъ несогласна; въ противномъ случаѣ такіе *подвергаются проклятію, которое у нихъ называется хейримомъ* (херемомъ). Тотъ же кагалъ властенъ сажать евреевъ за преступленія въ желѣзы и тѣлесно наказывать».

Способы еврейской «торговли», сводящейся къ различнаго рода тешефтмахерству. Каховскій тоже изучилъ основательно на мѣстѣ, и даетъ имъ слѣдующую нелицепріятную характеристику:

«Они (жиды) *почти всѣ торгуютъ разными товарами*, но тысячный изъ нихъ или весьма рѣдкій, чтобъ хорошимъ торговалъ и чтобъ на собственныя деньги купилъ или промѣнялъ на собственный товаръ... а беретъ таковой или у жителей на кредитъ, или съ арендъ выбираетъ отъ крестьянъ и черезъ то приводитъ ихъ въ изнеможеніе. *Ихъ торгъ* (основанъ) *весь на обманѣ и на обходѣ здѣшнихъ обывателей;* народъ несправедливый, обманчивый, *съ ворами и разбойниками имѣетъ сообщеніе*; изъ нихъ всякій на

---

[1]) Жиды — большіе мастера *устранять* такимъ образомъ улики противъ совершонныхъ ими злодѣйствъ. Недаромъ и Иванъ Грозный обвинялъ ихъ въ тайномъ привозѣ «отравныхъ зельевъ» въ Россію.

все въ состояніи покушеніе сдѣлаеть, лишь бы только деньги въ ихъ руки достались. Съ ихъ сообщества, *въ здѣшнемъ краѣ умножились преступленія;* они подлыхъ людей умышленно подговариваютъ промышлять воровствомъ, которые, по совѣту ихъ, и входятъ въ таковыя дѣла; напослѣдокъ же, когда пойманы бываютъ,—слѣдственно и наказываются, — *наставники такихъ откупаются.* Отъ нихъ фальшь въ монетѣ: хорошую вывозятъ за границу и продаютъ, а *за фальшивую въ здѣшнихъ мѣстахъ покупаютъ товары; нерѣдко и сами деньги передѣлываютъ* [1]... Обмановъ еврейскихъ такое множество, что ихъ всѣхъ описать трудно, а короче сказать только такъ: *что́ евреинъ, то новый видъ обмана*, ибо сколько ни случилось ихъ дѣлъ разбирать, то при всякомъ дѣлѣ новые виды обмана показывались. Они въ судахъ обманывать должны тѣмъ болѣе, что у нихъ *рѣдко случаются дѣла* (авторъ записки разумѣетъ дѣла, возникающія въ правительственныхъ судахъ, обыкновенно обходимыхъ евреями, а не въ ихъ племенныхъ судилищахъ, или бетъ-динахъ); иные (жиды) большею частью позываны бываютъ въ судъ за неотдачу въ срокъ долговъ (конечно, долговъ христіанамъ). Если жь имъ долги заплатить, то вовсе безъ пропитанія останутся, ибо, *окромѣ чужихъ денегъ или товаровъ*, ничего не имѣютъ. А какъ только послѣдуетъ просьба объ отдачѣ долговъ заимодавцамъ (христіанамъ), то они всѣми оборотами, которые только выдумать могутъ, *судьямъ затрудненіе наводятъ* и ихъ, выпрошенными у другихъ или дорогою цѣною купленными вещами, забѣгаютъ и, усмотря способность, *судей подкупить стараются;* а, подкупя судей, разные свои долги, *совсѣмъ вымышленные*, въ судѣ представляютъ, чтобы этимъ способомъ если не рѣшеніе дѣла удержать, то хоть по оному исполненіе промедлить. Если же, по суду, въ отдачѣ долговъ обвинены бываютъ, то *они свои пожитки отдаютъ подъ сохраненіе родственникамъ своимъ*, съ такимъ умысломъ, чтобы кредитору (христіанину) ничего не досталось и секвестру бы подпасть не могло».

Переходя спеціально къ оцѣнкѣ экономическаго положенія крестьянъ въ несчастныхъ губерніяхъ, заѣденныхъ пришлыми паразитами, проницательный администраторъ екатерининскихъ временъ, не довольствуясь поверхностнымъ чиновничьимъ наблюденіемъ, рисуетъ намъ тяжелую бытовую картину:

«Крестьянъ же и помѣщиковъ (жиды) *въ крайнее разореніе при-*

[1]) Этотъ видъ еврейской «культурности» практикуется на всемъ протяженіи исторической давности. Приготовленіе фальшивой монеты или обезцѣниваніе настоящей составляетъ спеціальность израиля вмѣстѣ съ корчемствомъ и ростовщичествомъ.

водятъ, и можно сказать такъ, что помѣщики были прикащиками, крестьяне—невольными работниками, а евреи—ихъ господами. Они обыкновенно берутъ аренду; всѣми корчмами, напитками и мельницами завѣдуютъ; въ контрактахъ арендныхъ домогаются тягчайшихъ кондиціевъ и платятъ большія деньги, съ такимъ договоромъ, чтобы крестьянинъ покупалъ у своего арендатора что̀ только онъ имѣетъ продажное: какъ-то соль, рыбу, косы, вино, деготь и иныя вещи. Напротивъ того, крестьянину не вольно продавать никому изъ своихъ продуктовъ, кромѣ арендаря, какъ-то: пеньку, медъ хлѣбъ и птицы; также крестьянинъ и на мельницу другую, окромѣ арендаторской, не властенъ ѣхать, а если на чужой мельницѣ смелетъ, то большему штрафу крестьянинъ себя подвергаетъ. Если же крестьянинъ, не доложась арендарю, что̀ бы ни на есть, на сторону продастъ—такого (жидъ) въ конецъ разоритъ, который послѣ *и суда сыскать не можетъ*. Однимъ словомъ, *крестьяне вовсе связаны*, такъ что они безъ дозволенія жидовъ ничего не властны, окромѣ ихъ арендаря, ка̀къ купить, такъ и продать. *При таковой крестьянской неволѣ, а жидовской надъ ними власти, арендари, ка́къ своимъ товаромъ, такъ и крестьянскимъ, по своей волѣ цѣну полагаютъ и установляютъ собственною мѣрою:* свои товары продаютъ крестьянамъ высокою цѣною, а у нихъ покупаютъ самою низкою. Итакъ, жиды за свои товары получаютъ вдвое, черезъ что крестьяне лишены и всѣхъ выгодъ, которыми могли бъ воспользоваться. А, сверхъ того, жиды крестьянамъ даютъ на кредитъ свои товары цѣною высокою, а изъ той цѣны берутъ процентъ хлѣбомъ или деньгами. Напримѣръ, въ нынѣшнемъ неурожайномъ году (записка составлена въ 1773 г.) взялъ крестьянинъ у жида *на рубль* соли и принужденъ за то, что жидъ будетъ ждать до осени,—не болѣе какъ мѣсяца четыре или пять,—дать ему проценту: два четверика конопель, овса то же число или какого похочетъ хлѣба, что̀ и будетъ стоить 70 копѣекъ (семьдесятъ коп. на рубль въ теченіе пяти мѣсяцевъ!!) *не считая* подарку курей, яицъ и прочаго домашняго. Итакъ, *чѣмъ бѣднѣе крестьянинъ, тѣмъ бо́льшій процентъ*, для того что бѣдный крестьянинъ, чтобы ему въ долгъ вѣрили, то какой бы процентъ (жидъ) ни наложилъ, дать принужденъ и тѣмъ самымъ — крестьяне помѣщикамъ *одну* часть, а жидамъ *двѣ*,—а временемъ и болѣе,—изъ своего имѣнія выдѣлить должны. *Сами же крестьяне, со своими семействами, довольствуются отъ трудовъ четвертою частью, а жидовъ, не получая отъ нихъ платы, питаютъ и одѣваютъ*. Итакъ, выше *ясно* изображено, *ка́къ евреи, со своими многочисленными семействами, безъ трудовъ, а однимъ обманомъ въ сихъ мѣстахъ проживаніе имѣютъ*: чрезъ установленіе

высокой цѣны своимъ товарамъ, а низкой—крестьянскимъ продуктамъ, берутъ необыкновенные проценты съ крестьянъ, а съ тѣхъ процентовъ опять новые проценты, что все и удѣляетъ достаточное жидамъ пропитаніе, одѣяніе и дочерямъ ихъ знатное приданое».

Къ этому слишкомъ ужь «ясному» изображенію бѣдствій Сѣверозападнаго края отъ налета жадной еврейской саранчи, дѣйствительно, прибавлять нечего,—и Екатерина II-ая, имѣвшая возможность читать въ подлинникѣ записку Каховскаго и дополнять ее своими личными наблюденіями, вынесенными изъ поѣздки по Бѣлоруссіи, конечно, должна была замѣтить, что тѣ гуманныя и либеральныя идеи, которыми она была увлечена въ началѣ своего царствованія, должны были примѣняться *не къ жидамъ-утѣснителямъ, а къ угнетенной ими народной массѣ.* Даже одинъ изъ болѣе добросовѣстныхъ кагальныхъ оруженосцевъ въ печати, приводя мнѣніе Каховскаго, признаётъ, что его описаніе начертано «свѣдущею и добросовѣстною рукою» [1]).

Около того же времени, юмористъ Добрынинъ, познакомившійся съ евреями кіевской губерніи, иронически отзывается о ихъ полномъ несходствѣ съ прославленными ветхозавѣтными пророками. «Я въ первый разъ (въ 1777 г.) — пишетъ онъ — увидѣлъ племя еврейское и въ душѣ моей вырабатывалась его исторія съ какими-то особыми чувствованіями... Я представлялъ себѣ Авраама, Исаака, Іакова, Ревекку... Я всматривался въ новыя для меня лица и одѣянія, желалъ по нимъ вникнуть въ глубину древности, *дабы найти, не осталось ли въ нихъ* чего либо такого, чѣмъ удовлетворяется любопытство и самое любомудріе; однако жь, ничего другаго не достигъ, кромѣ того, что *они примѣтно похожи на своихъ предковъ, которые обокрали у египтянъ сребро и золото...* Увы! народъ возлюбленный Вѣчному — такъ вѣщала мнѣ задумчивость моя—ты почти вѣдь непосредственно говаривалъ съ Богомъ и безъ чудесъ ничего не начиналъ и не дѣлалъ. Наказаніе египтянъ за утѣсненіе тебя, раздѣленіе моря до перехода твоего, столпъ огненный ночью и облачный днемъ, остановленіе солнца, паденіе стѣнъ іерихонскихъ, манна съ неба, вода изъ камня и пр. суть твоя слава и доказательство, что ты *былъ народъ излюбленный Богу*; но ты теперь,—какъ говоритъ одинъ писатель—*занимаешься на ярмаркахъ обрѣзываніемъ червонцевъ* и, потерявши собственную землю и царствіе божіе, *обитаешь спокойно на иждивеніи языка* (народа), *имѣющаго и то, и другое*» [2]).

Это несходство новѣйшаго израиля, — занимающагося порчей

[1]) «Литовскіе евреи» *Бершадскаго*, стр. 55, 56 и 118.

[2]) Записки *Добрынина*, стр. 131—132.

золотой монеты и эксплуатирующаго чуждые народы,—съ величавыми образами древнихъ пророковъ кинулось въ глаза Добрынину также точно, какъ и Екатерина немедленно разочаровалась въ томъ, чтобы интересы этихъ эксплуататоровъ могли имѣть какія нибудь точки соприкосновенія съ идеалами «гуманности, справедливости и человѣколюбія»... Того же мнѣнія, какъ извѣстно, держался и самый блестящій корифей «освободительной литературы» XVIII-го вѣка [1]). Въ проницательномъ и тонкомъ умѣ русской императрицы, повидимому, мелькала даже та мысль, что между новѣйшимъ талмудомъ и моисеевымъ законодательствомъ существуетъ такая же громадная разница, какъ между ученіемъ іезуитовъ и евангельскими завѣтами. Намекъ на это мы встрѣчаемъ въ ея шутливой пьескѣ, посвященной Л. А. Нарышкину («Leonina»), гдѣ жиды поставлены, въ главѣ XV-ой, *прямо на одну доску съ іезуитами.* Помимо фальсификаціи ветхаго завѣта талмудистами, — что̀ сближало ихъ съ іезуитами, искажавшими pro domo sua Христово ученіе, — Екатерина не теряла изъ виду и анти-государственнаго характера кагальнаго самоуправленія и только *терпѣла* его до поры, до времени. По крайней мѣрѣ, это «государство въ государствѣ», санкціонировавшее религіозными мотивами національныя и бытовыя особенности своего «избраннаго народа» и относившееся свысока ко всякому «гоимскому» правительству, не могло удовлетворять справедливымъ требованіямъ Екатерины, и какъ повелительницы сильнаго государства, и какъ убѣжденной націоналистки, стоявшей за единство языка и законовъ. «Я желаю—писала она,—чтобы грань инородья исчезла и древнія области Россіи были русскими *не однимъ именемъ, но душею и сердцемъ.* Единство языка и законовъ рождаетъ единство чувствъ и понятій» [2]). Понятно, что кагальное самоуправленіе,—преслѣдовавшее свои сепаратистически-племенныя, а вовсе не общегосударственныя цѣли, отрицавшее и языкъ, и законы обитаемой страны во имя своего собственнаго религіозно-гражданскаго кодекса, — что это самоуправленіе отнюдь не могло быть согласовано съ государственно-объединительными и націоналистскими стремленіями Екатерины II-ой, и нашло бы въ ней, при первомъ же столкновеніи, серьезнаго и послѣдовательнаго врага.

Установленію правильныхъ взглядовъ Екатерины на обскурант-

---

[1]) Язвительное слово по адресу *жидовъ*,—которые и не называются иначе, какъ *juifs*, — Вольтеръ бросилъ въ анонимной своей книгѣ: «Le vieillard du mont Caucase aux juifs portugals, allemands» etc. Роттердамъ, 1777 г.

[2]) «Чтенія въ Московскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ», 1866 г., кн. I, стр. 104—105.

ный и человѣконенавистническій смыслъ вавилонскаго талмуда могло способствовать и возникшее тогда въ Берлинѣ реформаторское ученіе Мендельсона, стремившееся очистить талмудизмъ отъ всякой варварской примѣси. Съ этимъ ученіемъ былъ уже знакомъ Державинъ; оно находило адептовъ и между евреями, отошедшими, при распаденіи Польши, въ русское подданство. Одинъ изъ такихъ свободномыслящихъ евреевъ попался, напр., и князю И. М. Долгорукову (находившемуся въ большой дружбѣ съ Державинымъ) во время его поѣздки на югъ Россіи. Ему пришлось остановиться въ г. Умани въ семействѣ зажиточнаго еврея Гуровича, и въ своихъ запискахъ онъ подробно говоритъ объ этой интересной встрѣчѣ. Отецъ семейства былъ ортодоксъ-талмудистъ, а сынъ принадлежалъ къ передовымъ евреямъ Юго-западнаго края, гдѣ мендельсоновская реформа нашла гораздо болѣе отзвука и сочувствія, чѣмъ въ Литвѣ. Этотъ молодой еврей-вольнодумецъ—по словамъ кн. Долгорукова—никуда, кромѣ Лейпцига, не выѣзжалъ изъ своего роднаго гнѣзда и воспитывался дома, но, какъ видно, съ большимъ тщаніемъ: очень хорошо зналъ по нѣмецки, по французски и по русски, и еще лучше писалъ на этихъ языкахъ, чѣмъ говорилъ. «Упражняясь съ охотой и даже съ жаромъ въ словесности, онъ перевелъ на еврейскій языкъ французское сочиненіе: «La découverte de l'Amerique». Образъ его мыслей гораздо выше его сферы; онъ разсуждаетъ о вещахъ здраво, понятія остраго и въ разговорахъ со мною о разныхъ нравственныхъ предметахъ удивилъ меня качествомъ своего сердца. Этотъ молодой человѣкъ очень занимателенъ: онъ сидитъ въ лавкѣ у своего отца, торгуетъ, ѣздитъ за товаромъ иногда въ прусскія области и *сѣтуетъ только о разныхъ глупыхъ обычаяхъ своей братіи*, отъ которой онъ отличается умомъ, поведеніемъ, благопристойностью и чистотою. Чтобы еще лучше дать о немъ понятіе, я передамъ здѣсь публикѣ одинъ разговоръ мой съ нимъ, который, по рѣзкимъ чертамъ его характера, тогда же записалъ въ свою книжку. *Онъ говорилъ со мной всегда по французски* [1]). Вотъ переводъ нашей бесѣды.—Чего недостаетъ вашему счастью? — «*Я бы желалъ, чтобы намъ запретили прежде всего носить наше шутовское платье* [2]), *потому что оно кладетъ на насъ печать безчестія и срамоты.* Кто презрѣнъ, тотъ теряетъ духъ (присутствіе духа), теряетъ уваженіе къ самому себѣ и вдается въ слабость; *вотъ отчего (??) нашъ народъ нынѣ такъ срамень, глупъ*

---

[1]) Образованные поляки и жиды до сихъ поръ, въ видѣ протеста противъ употребленія нашего языка, говорятъ съ русскими не иначе, какъ по французски.

[2]) «Лапсердаки» и прочія принадлежности спеціально-еврейскаго костюма.

и невѣжественъ. Всякій, кто увидитъ меня въ моей скуфьѣ, указываетъ пальцемъ и говоритъ: «это жидъ»! а я — слишкомъ человѣкъ, чтобы плюнуть на этотъ справедливый позоръ, который всегда запираетъ мнѣ входъ и отчуждаетъ меня отъ всего свѣта».—Для чего же вы не перемѣните вашей одежды? — «*Когда бы на это послѣдовалъ указъ, о! никто скорѣе меня его бы не исполнилъ, но самъ собою не смѣю, не могу*». — Да для чего? — «У меня мать-старуха и суевѣрна; перемѣня платье, я бы ее огорчилъ, а я лучше вынесу униженіе отъ христіанъ правовѣрныхъ, нежели допущу мать свою уронить отъ меня одну слезу». (При этомъ отвѣтѣ молодаго Гуровича, кн. Долгоруковъ, тронутый его добрыми сыновними чувствами, которыя онъ ставитъ даже въ примѣръ своимъ соотечественникамъ, обнялъ и расцѣловалъ еврея).—Любите ли вы чтеніе?—«Очень! *я читалъ неоднократно вашъ Новый Завѣтъ*; у меня онъ есть и я хочу перевести его на еврейскій языкъ. *Зато вся моя братія почитаетъ меня атеистомъ или еретикомъ*».— Какъ же вы не боитесь читать евангелистовъ?—«А что же такое? Развѣ это запрещенная переписка? *Рано или поздно насъ надо насильно осчастливить. Мораль евангельская превосходнѣе всего въ нравственномъ мірѣ* [1]). Я хочу съ нею ознакомить читателей; *хочу, чтобы они ее читали.* Мы властны вѣрить или нѣтъ евангелію, но вкушать изящное всегда пріятно. Пора сжечь нашъ талмудъ, который есть ничто иное, какъ книга, написанная дурачествомъ и обезобразившая совсѣмъ законъ Моисеевъ (sic!). Пусть намъ оставятъ однѣ его книги *въ неприкосновенномъ ихъ видѣ*; его правила суть наилучшія для насъ».—Нравятся ли вамъ христіане?—«Безъ нихъ намъ обойтись нельзя. *Мы погибли бы въ Палестинѣ, еслибы насъ туда услали.* Когда у насъ празднуютъ шабашъ, *мы не смѣемъ даже пожара потушить безъ пособія христіанскаго*; намъ тогда ни за что не велятъ приниматься, и въ этой глупой нѣгѣ мы бы, въ несчастную минуту, въ гробъ вселились».—Зато у васъ въ эти дни гораздо свѣтлѣе.—«Напротивъ; мы зажжемъ пропасть свѣчей, а у васъ одна или двѣ. Но наши нагораютъ, *а мы ихъ не смѣемъ снять* — и оттого, въ шабашъ, вѣчная темнота у жида. *Для чего не уничтожитъ всѣхъ этихъ глупостей?* Народъ еврейскій не посмѣетъ тому воспротивиться, а если кто изъ невѣждъ и покусился бы на то, *то пусть его ѣдетъ, куда знаетъ.* Какая польза отъ шалуновъ? *Всѣ дурачества, какъ цѣпь, связываются между собою звеньями.* Сорвите первое кольцо, *подъ которымъ*

[1]) Любопытно сопоставить это мнѣніе передоваго еврея прошлаго столѣтія съ мнѣніемъ нашего «философа» Вл. Соловьева, умилявшагося предъ высотою талмудической нравственности...

разумѣю талмудъ (sic!), всѣ прочіе вздоры разсыплятся сами собою и этимъ способомъ прервутся всѣ узы нашихъ глупыхъ предубѣжденій, отъ которыхъ мы столько бѣдствуемъ въ свѣтѣ. Когда отъ насъ приглашали депутатовъ для участія въ образованіи нашего народа, *старики послали глупцовъ*, которые ни за что болѣе не стояли, какъ за свою одежду, и *снисходительное* правительство оставило насъ въ этомъ поганомъ нашемъ рубищѣ» [1]).

Свое описаніе встрѣчи съ евреемъ-протестантомъ кн. Долгоруковъ заканчиваетъ такою лестною характеристикою: «Я рѣдко видалъ подъ еврейскимъ саваномъ такого воспитаннаго человѣка. Жаль, что суевѣріе ближнихъ препятствуетъ ему открыть себѣ дорогу къ лучшему состоянію. Онъ горячо любитъ свой народъ, жарко защищаетъ его выгоды и, кажется, готовъ жизни лишиться, чтобы только возспособствовать благоденствію своей собратіи».

Это сильное движеніе еврейской свободной мысли противъ «талмудическаго дурачества» и «обезображенія» истиннаго моисеева закона, безъ сомнѣнія, было извѣстно какъ приближеннымъ Екатерины, такъ и ей самой, и могло только укрѣплять ея антипатію къ талмудизму. Убѣдительнымъ доказательствомъ того различія, которое Екатерина полагала между *настоящими послѣдователями моисеева закона* и его *самозванными адептами-талмудистами*, служитъ дарованіе особыхъ правъ *караимамъ*, въ отличіе отъ евреевъ-раввинистовъ. О предоставленіи этихъ правъ караимскимъ общинамъ ходатайствовалъ передъ императрицею екатеринославскій, вознесенскій и таврическій генералъ-губернаторъ графъ П. А. Зубовъ и его ходотайство уважено именнымъ указомъ отъ 8 іюня 1795 года. Этимъ указомъ разрѣшено *не брать съ караимовъ двойныхъ пошлинъ, какъ съ талмудистовъ*, а взыскивать ихъ наравнѣ съ прочими мѣщанами и купцами Таврической области, причемъ графу Зубову предоставлялось оказывать караимамъ «по возможности» и другія выгоды и облегченія. Правитель (губернаторъ) Таврической области ходатайствовалъ, кромѣ того, объ освобожденіи караимовъ отъ платежа рекрутскихъ денегъ, отъ солдатскаго постоя и о предоставленіи имъ права раздѣлять движимое и недвижимое имѣніе при наслѣдствѣ «по еврейскимъ законамъ». Графъ Зубовъ, передавая правителю области содержаніе именнаго указа, признавалъ, что было бы согласно со смысломъ этого указа дать караимамъ и другія льготы, какъ напр., не отмѣняя военнаго постоя, установить его

---

[1]) Рѣчь идетъ о еврейскомъ комитетѣ, созванномъ уже при Александрѣ I-омъ; но мендельсоновское движеніе, — клонившееся къ реставраціи истиннаго моисеева закона, не обезображеннаго позднѣйшими талмудическими нелѣпостями,— началось между русскими евреями еще при Екатеринѣ II-ой.

безъ излишка и «особливой нужды», наблюдая, однако жь, чтобы черезъ это облегченіе ихъ не было обремененія другимъ обывателямъ, съ которыми они должны нести равныя повинности. Съ этого времени и навсегда установлено то рѣзкое различіе, которое наше законодательство дѣлало между караимами и талмудистами,— различіе, удерживаемое въ полной мѣрѣ и до настоящаго времени, такъ какъ первые изъ нихъ пользуются совершеннымъ равноправіемъ. За караимами Екатерина II-ая признала уже гораздо бо̀льшую благодарность, чѣмъ за раввинистами; она считала ихъ друзьями, а не врагами правительства, кующими противъ него тайные и явные ковы, а потому и безбоязненно давала имъ общія гражданскія права. Въ одномъ только она отказала караимамъ — это въ распространеніи юрисдикціи еврейскихъ законовъ на дѣла о движимыхъ и недвижимыхъ имуществахъ, имѣя въ виду то «единство законовъ» для всей русской имперіи, о которомъ она мечтала, какъ объ общей политической программѣ для своего царствованія [1]).

Слѣдя за этимъ разумнымъ и согласованнымъ съ опытомъ измѣненіемъ взгляда Екатерины II-ой на еврейскій вопросъ, кн. Голицынъ говоритъ: «Полный оптимизмъ 1762 г. смѣнился у нея постепенно пессимизмомъ 1773-го, а позднѣе—ригоризмомъ 1795 года. Объективность постепенно смѣнялась раздраженіемъ (?), но окончательнаго рѣшенія о пользѣ или вредѣ евреевъ для Россіи — мы не слышали отъ творца Наказа. При Екатеринѣ не было еще произведено какого либо спеціальнаго изслѣдованія о евреяхъ, которое выпало на долю царствованія ея преемника. Свѣдѣнія и подробности о бытѣ, религіи, письменности и внутренней организаціи еврейскихъ общинъ были тогда еще для правительства совершенно невѣдомою областью, даже *для мѣстныхъ администраторовъ* (?). Что̀ сказала бы Екатерина, еслибы она еврейство *знала* (курс. автора), еслибы ей пришлось обсуждать «Мнѣніе» Державина и начертать новое законодательство о еврейскомъ племени въ Россіи? Пошла ли бы она по пути эмансипаціи, льготъ и свободы, или по пути запрещеній и исключительности? Какой прекрасный случай представился бы ей, для того чтобы приложить дарованія того «философскаго ума», которымъ Екатерина такъ любовалась въ самой себѣ, приложить ихъ къ области такой реформы, которая всегда составляла камень преткновенія для законодателя, моралиста и историка! Она бы разрѣшила эту реформу, безъ сомнѣнія, съ чисто *русской*

---

[1]) Немудрено, что талмудисты, завидуя равноправности караимовъ, много разъ стремились «приписаться» къ караимскому обществу, но честные послѣдователи моисеева закона не поддавались ни ихъ настояніямъ, ни подкупамъ

(курс. автора) точки зрѣнія, не заимствуя ея ни у мендельсоновской школы, ни у сосѣдней державы».

Въ этой тирадѣ справедливо только одно,—что Екатерина смотрѣла на еврейскій вопросъ съ чисто *русской* точки зрѣнія и, случись ей рѣшать окончательно этотъ вопросъ и «начертать для евреевъ новое законодательство», она, *какъ государыня-націоналистка*, не дала бы много воли инородческимъ претензіямъ и съумѣла бы поставить ихъ въ должныя границы. Но совершенно несправедливо, что Екатерина и ея «мѣстные администраторы» не *знали* еврейства, — его религіи, быта и внутренней организаціи еврейскихъ общинъ. Эти знанія, конечно, не были подробными и всесторонними, благодаря традиціонному жидовскому укрывательству и ловкой подтасовкѣ данныхъ; но никакъ нельзя сказать, чтобы, напр., Каховскій не потрудился познакомиться,—насколько то было возможно,—съ внутреннимъ бытомъ управляемыхъ имъ талмудистовъ, съ ихъ кагальнымъ самосудомъ, съ ихъ псевдо-религіей, освящающей уголовныя правонарушенія, съ ихъ безбожной эксплуатаціей крестьянства, съ ихъ обманомъ во всѣхъ отрасляхъ торговли, съ ихъ деморализующимъ вліяніемъ на судей и чиновниковъ. Что же касается до самой Екатерины, то и ея знаній и политической прозорливости хватило настолько, чтобы отличить послушныхъ гражданъ-караимовъ,—исповѣдующихъ чистое библейское ученіе и не питающихъ никакихъ враждебныхъ замысловъ противъ государства въ которомъ живутъ—отъ непокорныхъ пришлецовъ, изуродовавшихъ моисеевъ законъ для удобствъ своей злостной, человѣконенавистнической борьбы со всѣми христіанскими націями и съ христіанскою моралью...

Въ этомъ состоитъ капитальная историческая заслуга императрицы и съ ея взглядомъ не могли уже не считаться у насъ потомъ, въ эпоху якобы «либеральной» путаницы, смѣшивавшей «свободу религіозной совѣсти» съ «безнаказанностью злодѣйствъ», прикрываемыхъ религіознымъ флагомъ.

Г. Р. Державинъ, положившій начало правильному и широкому изученію еврейскаго вопроса въ Россіи, былъ тоже сыномъ екатерининскаго времени, и въ его знаменитомъ «Мнѣніи» отражаются тѣ же взгляды, которые приведены нами выше, но только дополненные ближайшимъ изученіемъ «опаснаго» (по его выраженію) народа.

Новое оружіе противъ еврейскаго обмана.

(**Евреи. Ихъ вѣроученіе и нравоученіе.** Изслѣдованіе *С. Я. Диминскаго.* С.-Петербургъ, 1891 г.).

I.

Еще не такъ давно, посредствомъ разныхъ ловкихъ махинацій и коварно-веденной журнальной пропаганды, евреи чуть было не убѣдили русскую публику, что разселеніе ихъ семитическаго племени по всей Россіи (безъ ограниченія «чертою осѣдлости») представитъ необыкновенныя выгоды для всего нашего кореннаго населенія: что «культурность», «либерализмъ» и нравственная высота еврейскаго соціально-религіознаго кодекса заслуживаютъ зависти со стороны всѣхъ другихъ вѣроученій, и что всѣ неисповѣдующіе этихъ идей — «невѣжды», «дикари» и «фанатики». Быть юдофиломъ—значило быть просвѣщеннымъ и прогрессивнымъ мыслителемъ; объявить себя антисемитомъ—значило подвергнуться «херему», т. е. отлученію отъ либерально-жидовской литературы. Одно время «**Наблюдатель**» представлялъ собой единственный образчикъ прогрессивнаго журнала, не считавшаго вожделѣній еврейства солидарными—ни съ интересами просвѣщенія и культуры, ни, тѣмъ болѣе, съ экономическими потребностями русскаго народа. Зато и возбудилъ же онъ къ себѣ почетную ненависть въ извѣстной долѣ столичной и провинціальной печати, для которой, къ сожалѣнію, не существуетъ «черты осѣдлости», и гдѣ сонмище обрѣзанныхъ и необрѣзанныхъ жидовъ свило себѣ довольно прочное гнѣздо!!. Одни, болѣе наглые и откровенные, жидовскіе органы привѣтствовали насъ прямою бранью, достойною «порточнаго цеха мастеровъ»; другіе

болѣе «прикровенные» и ехидные защитники жидовства воспрещали своимъ наемнымъ писакамъ упоминать самое названіе нашего журнала, разсуждая по-жидовски, что если реклама помогаетъ распространенію журнала, то умолчаніе — натурально вредитъ ему. По счастію, не всѣ жидовскія правила удачно выполняются на практикѣ, и если *реклама* жидовской прессы не принесла никакой видимой пользы протежируемымъ ею журналамъ и писателямъ, то и ея *херемъ* не принесъ намъ, въ теченіе двадцати лѣтъ, никакихъ особыхъ злоключеній. Съ другой стороны, наше неоднократное *напоминаніе* объ этихъ газетахъ (мы не держимся еврейской заповѣди: «око за око, зубъ за зубъ»), наша частая «реклама» ихъ жидофильству и шантажнымъ подвигамъ—едва ли составила имъ завидную репутацію въ лучшей части нашей публики...

Теперь, кажется, дебаты по еврейскому вопросу получаютъ у насъ другой смыслъ и другую окраску. Вмѣсто шаблонныхъ, якобы «либеральныхъ», возгласовъ съ одной стороны (о «правахъ личности», о «свободѣ совѣсти» и пр.) и неосмысленныхъ, бездоказательныхъ выходокъ конфессіональной нетерпимости—съ другой, вопросъ о вредѣ «еврейскаго сообщества» ставится на принадлежащую ему *этико-моральную и соціально-экономическую почву*, причемъ всѣ детали этого вопроса обставляются соотвѣтствующими цитатами изъ подлинныхъ источниковъ талмудизма и фактическими данными изъ разныхъ областей практической жизни. Нашъ журналъ принесъ въ это дѣло свою значительную «каплю меду». Солидныя изслѣдованія, напечатанныя по этому вопросу въ «**Наблюдателѣ**» («Что̀ намъ дѣлать съ еврейскимъ вопросомъ?» проф. Ѳ. И. Леонтовича; «Еврейскія земледѣльческія колоніи на югѣ Россіи», М. Неручева и пр.), въ связи съ цѣлою серіею подлинныхъ цитатъ изъ книгъ еврейскаго закона («Талмудъ Вавилонскій» и «Шулханъ-Арухъ») пролили достаточно свѣта въ непредубѣжденные умы — и прикрывать еврейское хищничество и звѣрство флагомъ «человѣколюбія, свободы и прогресса» становилось все труднѣе и рискованнѣе. Образованнымъ людямъ, не соединеннымъ никакими «нарочитыми узами» съ жидовскимъ кагаломъ, сдѣлалось яснымъ, что евреи пожинаютъ, въ общей антипатіи къ себѣ, только плоды ими же посѣянныхъ сѣмянъ рабства, варварства, человѣконенавистничества, квалифицированнаго клятвопреступничества и систематической, въ догматъ возведенной, эксплуатаціи всѣхъ иновѣрцевъ; что русскіе, галичане, венгры, англичане, нѣмцы и румыны не изъ каприза же стакнулись протестовать, даже путемъ «разгромовъ», противъ неистовствъ жидовской эксплуатаціи; что, наконецъ, еврейское вѣроученіе *не есть только вѣроученіе*, но сводъ

очень опредѣленныхъ, даже мелочныхъ правилъ житейскаго обихода, прилагаемыхъ на практикѣ съ неумолимостью религіознаго догмата и обставленныхъ строжайшими уголовными карами за ихъ несоблюденіе. Въ свою очередь, и наши журналы, и газеты, пріютившіе въ себѣ немалое количество юдофиловъ, какъ-то застыдились и притихли... Не то, чтобы они убѣдились въ подлинности компрометирующихъ цитатъ изъ жидовскаго «требника» (эти цитаты были имъ давно извѣстны и только умышленно скрывались отъ нашей публики); но у нихъ уже очевидно не хватаетъ духа выдавать эти цитаты за проповѣдь «любви, равенства и свободы»...

На пути серьезнаго изученія еврейскаго вопроса немалую пользу принесетъ намъ и книга покойнаго С. Я. Диминскаго, заголовокъ которой приведенъ нами выше. Авторъ книги—магистръ кіевской духовной академіи — еще на студенческой скамьѣ спеціально трудился надъ историческимъ изслѣдованіемъ новаго іудаизма и хорошо зналъ еврейскій языкъ, какъ ветхаго завѣта, такъ и талмуда. Къ этому надо присоединить, что впослѣдствіи *Диминскій изучилъ всѣ мѣстные еврейскіе жаргоны, и вообще всю апокрифическую и современную литературу евреевъ.* По словамъ его некрологиа, имъ былъ задуманъ цѣлый рядъ трудовъ по изученію іудаизма. Онъ предпринималъ ихъ, убѣжденный въ необходимости для русскаго общества всесторонняго изученія еврейства въ его вѣрованіяхъ, своеобразныхъ юридически-обрядовыхъ уставахъ и нравственно-соціальныхъ принципахъ, которые далеко еще не уяснены въ своей совокупности, между тѣмъ какъ печальное вліяніе ихъ чувствуется въ разныхъ сферахъ жизни, гдѣ сильна еврейская стихія. Болѣзнь глазъ заставила Диминскаго отказаться отъ учебной службы въ минской духовной семинаріи—и судьбѣ угодно было пошутить надъ молодымъ магистромъ богословія, опредѣливъ его на службу помощникомъ акцизнаго надзирателя въ одномъ изъ уѣздовъ минской губерніи. Только послѣ 18-лѣтней службы скромный и невзыскательный Диминскій дождался повышенія на должность акцизнаго надзирателя въ той же губерніи. Но хотя ученая карьера уже закрылась такимъ образомъ для автора «Изслѣдованія о талмудѣ» (магистерская диссертація Диминскаго), тѣмъ не менѣе и акцизная служба въ краю, переполненномъ жидами, давала ему возможность практически расширять и пополнять свои научныя свѣдѣнія о еврействѣ. Ему удавалось слѣдить за многоразличными проявленіями кагальной организаціи, пріобрѣтать книги и рукописи на еврейскомъ языкѣ,—въ томъ числѣ публицистическіе памфлеты и особаго рода религіозно-юридическіе сборники, имѣющіе цѣлью *практическое примѣненіе талмудизма къ эксплуатаціи христіан-*

скаго общества. Онъ пріобрѣлъ навыкъ разбирать условные термины жидовско-гешефтмахерской корреспонденціи, имѣя ключъ къ нимъ въ религіозно-обрядовой практикѣ, имъ изученной. Эти свои познанія Диминскій имѣлъ случай показать передъ лицами высшей мѣстной администраціи. Однимъ изъ такихъ случаевъ было участіе его въ комисіи по еврейскому вопросу въ г. Минскѣ. Затѣмъ, какъ особенный знатокъ еврейства, онъ сталъ извѣстенъ и въ департаментѣ неокладныхъ сборовъ министерства финансовъ. Тѣ, кто ближе знакомъ былъ съ Диминскимъ, выражались, что онъ — «настоящій кладъ для администраціи по дѣламъ акцизнаго вѣдомства, касающимся евреевъ». Вслѣдствіе этого, состоялось назначеніе Диминскаго чиновникомъ по судебнымъ дѣламъ въ кіевскомъ акцизномъ управленіи. Въ этой должности ему предстояло собственно перечитывать, переводить и объяснять еврейскія бумаги, находимыя при слѣдствіяхъ по преступленіямъ евреевъ противъ акцизныхъ правилъ (преступленія эти такъ часты именно въ Сѣверо-западномъ краѣ, т. е. «въ чертѣ еврейской осѣдлости»!) а также *провѣрять переводы, дѣлаемые переводчиками изъ евреевъ* и не отличающіеся особою точностью. «Работа эта — говоритъ издатель разбираемой книги—была громадна, въ существѣ своемъ ничтожна, и отнимала все время у Диминскаго. Еслибы профессора математики заставили съ утра до вечера рѣшать ариѳметическія задачи, то въ научномъ отношеніи такой трудъ представилъ бы для него не больше интереса». Однако, благодаря добросовѣстному отношенію къ своей задачѣ, Диминскому удавалось нерѣдко раскрывать крупныя злоупотребленіи, которыя совершали жиды въ подрывъ казнѣ. Связки бумагъ и еврейскихъ книгъ присылались ему съ разныхъ концовъ Россіи, отъ Кишинева до Тобольска. Диминскаго назначали въ командировки въ разные города южной и западной Россіи, и по требованію суда онъ производилъ экспертизу на мѣстѣ. Этотъ тяжелый, неустанный трудъ вредно вліялъ на здоровье Диминскаго—и въ 1886 г. онъ скончался отъ разрыва сердца, не успѣвъ самъ издать своей добросовѣстной работы, о которой издатель говоритъ: «не только въ русской научной литературѣ, но и въ заграничной, не найдется такого сжатаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такого основательнаго свода свѣдѣній о нравственно-религіозныхъ представленіяхъ и основоположеніяхъ еврейства. *Книга можетъ быть справочною* для всѣхъ лицъ, кто пожелаетъ ознакомиться съ внутренней нравственно-религіозной жизнью еврейскаго народа, тѣмъ болѣе, что авторъ заранѣе предвидитъ многія возраженія, которыя могутъ быть сдѣланы ему со стороны защитниковъ іудаизма, и побѣдоносно ихъ опровергаетъ. Въ то же время, въ немъ, какъ въ истомъ ученомъ, не-

замѣтно и озлобленности противъ еврейства: онъ только ищетъ правды, и *еслибы правда была на сторонѣ евреевъ, онъ не преминулъ бы высказаться въ ихъ пользу.* Не какіе нибудь корыстные разсчеты руководили его перомъ»...

II.

Книга, лежащая передъ нами, составилась изъ подробной офиціальной записки, внесенной авторомъ въ минскую комисію по еврейскому вопросу, когда эта комисія, разсматривая теперешнее положеніе жидовъ среди христіанъ, коснулась въ то же время и характера разныхъ религіозныхъ и общественныхъ учрежденій еврейства. Къ своей задачѣ Диминскій отнесся чрезвычайно серьезно и, какъ истинный ученый, не ограничился поверхностнымъ изложеніемъ еврейскаго вѣроученія, но проникъ до самыхъ его корней и—путемъ искусныхъ разысканій и сопоставленій—нарисовалъ намъ цѣлостную картину талмудизма въ его отношеніяхъ къ Богу и людямъ. Читателямъ нашего журнала,—уже ознакомившимся, по подлиннымъ источникамъ, съ содержаніемъ и характеромъ еврейскаго религіозно-соціальнаго кодекса, — цитаты Диминскаго не скажутъ много новаго (онъ даже совсѣмъ опускаетъ капитальный вопросъ о «раввинской непогрѣшимости», о власти раввиновъ надъ самимъ Богомъ, чему мы посвятили въ «Наблюдателѣ» особую коллекцію извлеченій изъ первоисточниковъ іудаизма); но систематическое расположеніе этихъ цитатъ, ихъ несомнѣнная подлинность и убійственная доказательность сослужатъ хорошую службу для большинства читающей публики, да и нашимъ читателямъ книга напомнитъ, въ сжатомъ видѣ, всѣ основы еврейской морали и религіознаго міросозерцанія.

Однимъ изъ главныхъ тезисовъ своей работы Диминскій выставляетъ «*совершенную противоположность религіозно-нравственныхъ основъ еврейства и христіанства*, при которой еврейство *допускаетъ всѣ виды лукавства, даже по отношенію къ Богу*, вслѣдствіе чего еврейство можетъ быть только *противополагаемо христіанству*, но отнюдь не можетъ быть сравниваемо съ христіанствомъ, а тѣмъ менѣе отожествляемо съ нимъ». Этотъ тяжелый и неотразимый камень авторъ пускаетъ въ лагерь нашихъ крещеныхъ и некрещеныхъ евреевъ, которые, уповая на то, что «подъ еврейскимъ шрифтомъ можно скрыть все, что угодно», позволяютъ себѣ: *въ русскомъ текстѣ* учебниковъ и молитвъ сближать, вопреки

истинѣ, эгоистическую жидовскую мораль съ христіанской, а на *своемъ малодоступномъ жаргонѣ*—снова раздѣлять ихъ непроходимою пропастью. Такимъ, не особенно приличнымъ, дѣломъ занимались у насъ составители офиціально-одобренныхъ «еврейскихъ катехизисовъ» съ русскимъ текстомъ, гг. Сегаль, Берманъ и Гуровичъ; а г. Хвольсонъ увлекся даже до того, что началъ доказывать полное *тожество христіанскаго евангелія съ Шулханъ-Арухомъ!!* Для того чтобы опровергнуть всю эту умышленную подтасовку понятій, г. Диминскій приводитъ свои выдержки даже не прямо изъ талмуда, — такъ какъ значеніе этихъ выдержекъ могло бы быть ослабляемо и отрывочностью ихъ, и возможностью противопоставить имъ цитаты противоположнаго характера,—но беретъ ихъ уже изъ такихъ источниковъ, достовѣрность и обязательность которыхъ не оспаривается и самими первоучителями еврейства. И вотъ, изъ внимательнаго изученія наиболѣе авторитетныхъ еврейскихъ источниковъ, г. Диминскій выводитъ цѣлый кодексъ практической морали, представляющій квинтъ-эссенцію племеннаго эгоизма, лукавства, непомѣрной, ничѣмъ ненасытимой жажды мірскихъ благъ и отталкивающей безсердечности по отношенію ко всему нееврейскому. Въ этомъ цѣльномъ, до послѣднихъ мелочей обработанномъ, кодексѣ не найдется, дѣйствительно, ни одной черты, сближающей его съ широкими нравственными основоположеніями христіанства. Евреи недаромъ распяли Христа около двухъ тысячъ лѣтъ тому назадъ: *они и теперь продолжаютъ распинать его* въ своихъ талмудахъ, шулханъ-арухахъ, мидрашахъ и тому подобныхъ притонахъ человѣконенавистничества. Въ христіанствѣ, признающемъ *усыновленіе всего человѣчества Богомъ-Отцомъ*, не представляется никакихъ трудностей ни въ вопросѣ о томъ, какая заповѣдь самая важная («возлюби ближняго, какъ самого себя») ни въ вопросѣ о томъ, *кто ближній*. Между тѣмъ, еврейско-талмудическая доктрина, принимаемая, какъ законъ, и нашими евреями, не требуетъ самоотверженной любви даже относительно своихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ, которые *одни считаются у евреевъ ближними и братьями*. Еврейская талмудическая доктрина опредѣлила съ точностью, кто имѣетъ преимущественное право на проявленіе къ себѣ любви и въ какомъ порядкѣ эта любовь должна проявляться; она твердо установила, что если единовѣрный и единоплеменный еврей провинится передъ кагаломъ дѣйствіями враждебнаго характера (а къ такимъ враждебнымъ дѣйствіямъ относится *всякое разоблаченіе истиннаго смысла талмуда*, всякое видѣтельское показаніе противъ еврея, хотя бы и провинившагося въ самомъ тяжкомъ и гнусномъ преступленіи, если только его преступленіе вредитъ

жизни и имуществу *однихъ христіанъ*), то онъ можетъ быть наказанъ смертью и *его убійство будетъ почитаться великимъ дѣломъ благочестія.* Затѣмъ иноплеменники и иновѣрцы *ни въ какомъ случаѣ не братья и не ближніе евреямъ,* и, въ отношеніи ихъ, исполненіе требованій гуманности допускается лишь для пользы самихъ евреевъ (чтобы «замазать глаза» кому слѣдуетъ); общій же еврейскій принципъ въ разсужденіи этихъ отверженныхъ,—животныхъ по существу, только носящихъ человѣческій обликъ,—состоитъ въ томъ, чтобы вообще «не щадить ихъ».

Безпощадность еврейскаго вѣроученія относительно всего человѣчества, не принадлежащаго къ составу «избраннаго племени», дѣйствительно, поражаетъ своей неуклонной, неумолимой послѣдовательностью! Еврею напередъ внушается, что *имущество всѣхъ иновѣрцевъ составляетъ его личную неотъемлимую собственность, которую онъ и долженъ возвращать себѣ по праву,* не брезгая никакими средствами, начиная отъ простаго обмана и кончая подлогомъ, грабежемъ, убійствомъ и клятвопреступленіемъ. Пристрастное, покровительственное отношеніе еврейскихъ судей къ ихъ единоплеменникамъ, въ дѣлахъ съ иновѣрцами, возводится въ прямую обязанность ихъ судейскаго званія. Въ видахъ успѣшнѣйшаго взысканія долговъ съ не-евреевъ, *разрѣшены евреямъ захваты насильственные*; еслибы еврею пришлось, по смерти кредитора-иновѣрца, выплачивать долгъ его сыну, — разрѣшается въ такихъ прискорбныхъ случаяхъ увѣрять, что долгъ выплаченъ раньше самому кредитору. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, рекомендуется, во избѣжаніе напастей на евреевъ (только во избѣжаніе напастей!) *не объявлять иновѣрцамъ, что такое правило у евреевъ существуетъ.* Еврейскіе талмудическіе учителя разрѣшили евреямъ *не платить государственныхъ податей и не исполнять государственныхъ повинностей* (къ числу этихъ повинностей относится, какъ извѣстно, и повинность воинская, столь ненавистная трусливому и лукавому племени) и *неплатежъ этотъ подводится подъ категорію долговъ, слѣдуемыхъ съ иновѣрцевъ въ пользу евреевъ (!),* при каковыхъ обстоятельствахъ еврей имѣетъ право употребить даже насиліе, для того чтобы произвести взысканіе своихъ долговъ... Еслибы еврей съ не-евреемъ пришли на судъ къ иновѣрному судьѣ,—слѣдуетъ оправдать еврея или по еврейскимъ, или по не-еврейскимъ законамъ (очевидно, что талмудисты гораздо раньше іезуитовъ провозгласили, что «*цѣль*— въ данномъ случаѣ оправданіе еврея—*освящаетъ средства*»), а если «обѣлить» еврея окажется не-возможнымъ ни по тѣмъ, ни по другимъ законамъ, то слѣдуетъ *взвести на не-еврея какую либо напраслину.* Еслибы правительственныя власти, заподозривъ въ

евреяхъ намѣреніе уйти тайно изъ страны, потребовали отъ нихъ *присяги въ томъ, что они уходить не станутъ* (слава богу, что разговоръ съ евреями пошелъ теперь въ совершенно противоположномъ смыслѣ: «уходите куда пожелаете!») въ такихъ случаяхъ— и во многихъ другихъ—евреямъ разрѣшено давать присягу, *произнося мысленно какое либо слово, измѣняющее смыслъ произносимой клятвы* (опять правило, позаимствованное іезуитами).

Привыкши практиковать всѣ виды обмана и плутовства по отношенію къ подавляющей массѣ человѣческихъ племенъ, еврей-талмудистъ переноситъ ту же самую ассоціацію идей и въ свои отношенія къ божеству. Въ еврейскихъ заповѣдяхъ, разработанныхъ со всею скрупулезностью еврейскими канонистами, напрасно мы будемъ искать общихъ началъ и общей руководящей нити, а въ евреяхъ такія изысканія вызываютъ даже опасенія. Сознавая тяжелое бремя этихъ заповѣдей, еврей исполняетъ ихъ въ виду обѣщанныхъ наградъ, но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ пользуется всякимъ случаемъ, чтобы освободить себя отъ обязанности выполнять тѣ или другія заповѣди; даже подъ видомъ исполненія заповѣдей жидъ ухитряется удовлетворять самымъ разнообразнымъ склонностямъ и инстинктамъ, и выработалъ себѣ — якобы на основаніи тѣхъ же словъ божіихъ—такія правила, по которымъ онъ остается евреемъ, совершенно уже переставая быть имъ. Вмѣсто того чтобы противодѣйствовать проявленію инстинктовъ, унижающихъ человѣческое достоинство, разстраивающихъ добрыя отношенія, правильный и гуманный строй въ обществѣ,—еврейскій кодексъ *освящаетъ эти инстинкты авторитетомъ религіи*, выгораживаетъ для нихъ право свободнаго проявленія въ частной и общественной жизни, и представляетъ своимъ послѣдователямъ готовый запасъ всевозможныхъ извѣтовъ, уловокъ и ухищреній, систематически сведенныхъ къ тому, чтобы укрѣпить эти инстинкты авторитетомъ божественнаго закона и религіи. Высшимъ авторитетомъ среди евреевъ-талмудистовъ всегда будетъ тотъ раввинъ, который для каждаго отдѣльнаго случая найдетъ въ буквѣ закона соотвѣтствующее опредѣленіе, нисколько не ограничивая при этомъ чувственныхъ и эгоистическихъ стремленій своихъ соотечественниковъ, такъ какъ съ еврейской точки зрѣнія никакой поступокъ не можетъ быть противенъ божественному закону, если только въ словахъ божіихъ *можно найти такъ или иначе оправданіе для такого поступка*,— а нравственный характеръ поступка какъ будто даже не подлежитъ оцѣнкѣ, и въ дѣлѣ оправданія не имѣетъ ровно никакого значенія! По внимительномъ изученіи еврейскихъ молитвъ и по сравненіи ихъ съ христіанскими, оказывается, что и въ дѣлѣ молитвенныхъ

настроеній и обращеній къ Богу цѣлая бездна раздѣляетъ христіанъ отъ евреевъ. «При молитвенномъ обращеніи къ Богу—остроумно замѣчаетъ Диминскій—*еврей сознаётъ себя въ положеніи гражданскаго истца, обезпеченнаго копіею законнаго, правильнаго, гдѣ слѣдуетъ заявленнаго, контракта.* И истецъ этотъ никогда не забываетъ своихъ правъ, и въ своихъ молитвословіяхъ *онъ только высказываетъ передъ Богомъ по поводу разныхъ недоразумѣній,* возникающихъ въ его головѣ, *заявляетъ о своихъ претензіяхъ,* но вмѣстѣ съ тѣмъ считаетъ возможнымъ нѣсколько успокоиваться въ виду того, что онъ, еврей, имѣетъ дѣло съ такимъ отвѣтчикомъ, который, по своему положенію и несомнѣнному нравственному авторитету, *никогда ни въ какихъ средствахъ къ удовлетворенію своихъ контрагентовъ не затрудняется и никогда не рѣшится нарушить своихъ, скрѣпленныхъ клятвами, обѣщаній*».

Но такъ какъ между контрагентами возможны на практикѣ всякія соглашенія, увертки, уступки и даже прямыя, но искусно оправдываемыя нарушенія буквы контракта, то «сынъ избраннаго племени» стремится на каждомъ шагу, просто-на-просто, *надуть* своего небеснаго контрагента, буде представится къ тому удобный случай. Книга г. Диминскаго полна примѣрами такого лукаваго надувательства, которыми—по его же безпристрастному свидѣтельству — «евреи восторгаются и приходятъ отъ нихъ въ сердечное умиленіе». Наилучшимъ образцомъ наглаго обманыванія контрагента служитъ разсказъ, заимствованный изъ «Midrasch rabboth», о томъ, къ какимъ хитростямъ прибѣгалъ Моисей, чтобы увернуться отъ предназначеннаго ему смертнаго часа. Ветхозавѣтный пророкъ, чтимый и христіанами—по баснословному сказанію о немъ еврейскаго апокрифа—никакъ не хотѣлъ подчиниться *божественному, десятикратно выраженному, приговору о его смерти,*—приговору, который вдобавокъ былъ подписанъ состоящимъ у престола божія «совѣтомъ» и, вслѣдствіе этого, сдѣлался безспорнымъ юридическимъ документомъ. (Жиды—ой-ой!—какіе казуисты. Недаромъ они наползли у насъ въ адвокатуру). Съ наступленіемъ дня смерти, Моисей прибѣгалъ къ самымъ тонкимъ ухищреніямъ, чтобы обмануть и Бога, и его совѣтъ, и дѣйствовалъ такъ не безъ успѣха; при этомъ даже солнце отказывалось повиноваться волѣ божіей и не хотѣло заходить въ роковой день, а самъ патріархъ, усѣвшись писать тридцать экземпляровъ своей Торы (Пятикнижія), сдѣлался недоступенъ для ангела смерти, посланнаго въ особомъ всеоружіи взять его душу. Только послѣ разныхъ неудачныхъ попытокъ овладѣть душою пророка посредствомъ чрезвычайныхъ и полномочныхъ посланниковъ (Гавріила, Михаила и Самаэла) самъ Богъ *взялъ душу Моисея цѣло-*

ваніемъ въ уста (т. е. тѣмъ же порядкомъ, какимъ Іуда Искаріотскій предалъ на распятіе Іисуса Христа). Но и тутъ Богъ гарантировалъ Моисею — опять совершенно какъ въ контрактѣ,— что въ будущемъ вѣкѣ, кромѣ личнаго участія пророка въ его благахъ, Господь Богъ будетъ водить израильтянъ руками моисеевыми (стр. 47 — 49). Этотъ разсказъ, столь милый еврейскимъ сердцамъ, можетъ служить самымъ яркимъ подтвержденіемъ того, что талмудистъ, имѣя примѣръ въ самомъ законодателѣ своей религіи, никогда не задумается, если встрѣтится корыстная надобность, *прибѣгнуть къ хитрости и лукавству даже передъ самимъ Богомъ*, а послѣ этой продѣлки—такъ или иначе извернуться путемъ перетолкованія текста закона. Недаромъ же на древнемъ еврейскомъ языкѣ, для обозначенія *хитрости* съ одной стороны и *благоразумія* съ другой, употребляется одинъ и тотъ же терминъ: armah. Къ такой же категоріи ухищренно-обманныхъ дѣйствій, поощряемыхъ еврейской религіозной моралью, несомнѣнно принадлежитъ разрѣшеніе евреямъ переносить въ субботніе дни разныя вещи изъ дома въ домъ, когда *между этими домами будетъ протянута веревка*; вслѣдствіе чего они будутъ считаться однимъ домомъ. Сюда же должно быть и отнесено право проходить по субботамъ, сверхъ дозволеннаго разстоянія въ 2,000 локтей, еще столько же во всѣ стороны отъ такого пункта, расположеннаго въ указанномъ пространствѣ, у котораго предусмотрительный еврей положитъ въ пятницу луковицу (любимый еврейскій фруктъ), зернышко перцу или кусокъ хлѣба,—вообще такой предметъ, которымъ можно подкрѣпиться въ силахъ или употребить въ приправу для кушанья. Слѣдуя той же системѣ увертокъ и канонизированнаго надувательства, благочестивый еврей, если хочетъ приказать своей христіанской прислугѣ поставить съ субботу самоваръ, первоначально говоритъ тихо: «я нездоровъ: хорошо бы напиться чайку, а, между тѣмъ, по случаю субботы, я не могу распорядиться, сказавъ такъ: *Степанъ, поставь самоваръ*»! При этомъ, *три послѣднія слова, заключающія въ себѣ приказъ, произносятся умышленно громко*, такъ чтобы Степанъ ихъ слышалъ и обязанъ былъ поставить самоваръ. Такимъ образомъ, и чествованіе субботы бываетъ соблюдено, и правовѣрный талмудистъ успѣваетъ напиться чаю... И волки сыты, и овцы цѣлы; но еслибы овцы и не остались цѣлы, то все таки волку слѣдуетъ быть сытымъ: таковъ основной принципъ талмуда!

———

III.

Мы сказали уже, что г. Диминскій, при своей огромной эрудиціи въ еврейской канонической литературѣ, никогда не цитируетъ сомнительныхъ и спорныхъ мѣстъ изъ талмуда, но пользуется лишь такими религіозными и моральными правилами, которыя санкціонированы въ шулханъ-арухѣ,—сборникѣ извлеченій изъ талмуда, одинаково авторитетномъ и для невѣжественнаго ростовщика, и для ученѣйшаго еврея-профессора. «Что весь шулханъ-арухъ не потерялъ у нашихъ евреевъ своего значенія—говоритъ г. Диминскій—въ этомъ я имѣлъ возможность убѣдиться въ теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ моей службы въ западномъ краѣ». Въ то же время, авторъ еврейскаго катехизиса г. Сегаль подтверждаетъ, что этотъ сборникъ «имѣетъ у евреевъ наибольшее значеніе»; г. Хвольсонъ именуетъ его «*еврейскимъ кодексомъ законовъ*», а «Восходъ» г. Ландау присовокупляетъ, что «*всѣ ортодоксальные евреи твердо убѣждены въ полной непогрѣшимости шулханъ-аруха*, что они клянутся шулханъ-арухомъ и присягаютъ на немъ» (стр. 29, 31 и 179). Такимъ образомъ, помимо полной и несомнѣнной точности отдѣльныхъ цитатъ, вѣрнымъ оказывается и общій отзывъ, сдѣланный Диминскимъ о характерѣ современнаго іудаизма. «Въ еврействѣ—говоритъ онъ въ заключеніе своей экспертизы по этому вѣроученію—самой существенной представляется *обязанность еврея никогда не забывать, что онъ еврей*, имѣющій право на божьи къ нему милости только потому, что онъ потомокъ Авраама, которому Богъ клялся въ непреложности своихъ обѣтованій... Затѣмъ, кромѣ вѣры въ единаго Бога (замѣтимъ отъ себя: Бога, играющаго роль пѣшки въ рукахъ непогрѣшимыхъ раввиновъ), *въ еврейской религіи нѣтъ ни одного строго опредѣленнаго и неизмѣннаго религіознаго воззрѣнія; нѣтъ также ни одного совершенно безусловнаго и неизмѣнно обязательнаго правила*, потому что все безусловное и неизмѣнно обязательное въ еврействѣ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, дѣлается условнымъ и сводится ни къ чему. Посему я позволяю себѣ сказать, что въ томъ іудаизмѣ, съ которымъ мы состоимъ въ тѣснѣйшихъ житейскихъ общеніяхъ и *отъ котораго во всей бытовой жизни такъ много зависимъ—религіи въ строгомъ смыслѣ почти вовсе не существуетъ*... Если въ представленныхъ мною основоположеніяхъ еврейской религіи выяснено, хотя бы не во всей полнотѣ, а только приблизительно, опредѣленіе отношеній нашего еврея къ Богу и къ религіозно-нравственному закону, то слѣдуетъ сказать, что даже и въ такомъ случаѣ религіозно-нрав-

ственныя основы современнаго намъ іудаизма—не только не могутъ быть сравниваемы съ религіозно-нравственными основами христіанства, *но и съ религіозными основами многихъ древнихъ и современныхъ намъ народовъ, называемыхъ язычниками*».

Правдивость и эффектъ этой характеристики такъ сильны, а «крещенные и некрещенные евреи» такъ долго и старательно затушевывали настоящій варварскій смыслъ своего талмудическаго ученія, что Диминскій опасается даже, какъ бы его характеристика не оказалась «неожиданностью не для одного читателя» и не вызвала нареканія «не только среди всѣхъ евреевъ (эти, пожалуй, поторопятся скупить и истребить всѣ экземпляры книги, чтобы не дать распространиться въ публикѣ правильнымъ понятіямъ о еврействѣ), но и среди многихъ христіанъ, исповѣдниковъ религіи мира и любви, которые не могутъ допустить даже и мысли о томъ, чтобы *лукавство по отношенію къ Богу и вражда, ненависть, хищничество во всѣхъ видахъ по отношенію къ иновѣрцу и иноплеменнику, могли лежать въ основѣ какой либо современной религіи*, а особенно религіи, *опирающейся на ветхій завѣтъ*».

Послѣднее недоразумѣніе относительно связи современнаго талмудизма съ ветхозавѣтнымъ моисеевымъ ученіемъ тянулось особенно долго и было до крайности зловредно, такъ что бывали примѣры, что наша духовная цензура воспрещала статьи, направленныя противъ еврейства, за ихъ «непочтительность по отношенію къ моисееву закону». Теперешнее дозволеніе книги Диминскаго *именно духовной цензурою* устраняетъ изъ нашей жизни это прискорбное недоразумѣніе, распространяемое и поддерживаемое такими крещеными хвалителями еврейства, какъ напр., г. Хвольсонъ, утверждающій, что талмудизмъ, по своимъ нравственнымъ основоположеніямъ, не только не стоитъ ниже моисеева закона, но что христіанское евангеліе имѣетъ «ближайшую аналогію» съ древнераввинскими моральными коментаріями, извѣстными подъ именемъ «Мидрашъ» (откуда мы и почерпнули легенду о надувательствахъ Моисея). Но дѣло въ томъ, что между моисеевымъ закономъ въ его чистомъ видѣ (исповѣдуемомъ только одними караимами) и нравственною анархіею, кодифицированною въ талмудѣ вавилонскомъ и шулханъ-арухѣ (сокращенномъ и подробномъ) существуютъ только *историческіе пункты сближенія*, а *вовсе не духовное родство и преемственность*. Правда, что въ моисеевомъ законодательствѣ,—равно какъ и у другихъ ветхозавѣтныхъ писателей,—мы не встрѣчаемъ прямаго указанія, чтобы евреи считали себя обязанными примѣнять къ иноплеменникамъ очень гуманныя вообще правила ветхозавѣтной религіи, но, тѣмъ не менѣе. у Моисея же мы нахо-

димъ: что «пришельцевъ слѣдуетъ любить, какъ самихъ себя», что «пришельцы должны быть совершенно равноправны съ сынами израилевыми»; что «*человѣкъ, извратившій судъ пришельцу, сиротѣ, вдовѣ—проклинается*» (а талмудъ рекомендуетъ прямо: «извращать судъ» по отношенію къ не-еврею!) Вдохновенный Исаія уже прямо пророчествовалъ, что наступитъ такое время, «когда къ дому Господню *потекутъ всѣ народы*, чтобы ходить въ путяхъ заповѣдей божіихъ, когда *они перекуютъ мечи свои на сошники, а копья—на серпы*», и затѣмъ не будутъ уже поднимать мечи другъ противъ друга, *перестанутъ воевать и враждовать*». (Исаія, II, 2—4). Все это, по словамъ пророка, должно осуществиться съ пришествіемъ Мессіи. И этотъ Мессія, дѣйствительно, пришелъ въ міръ—не затѣмъ, чтобы «разрушить» законъ Моисея (заповѣди моисеевы и для насъ составляютъ обязательный нравственный кодексъ), но чтобы «исполнить» его:—уничтожить перегородки, отдѣлявшія евреевъ отъ другихъ племенъ, «упразднить вражду межъ людьми, *усыновивъ ихъ всѣхъ Верховному Существу*, убить на крестѣ свойственное человѣчеству сѣмя зла». Таковъ былъ нравственный смыслъ христіанскаго ученія, помимо его догматической и конфессіональной стороны. Христосъ не перетолковывалъ моисеева закона (какъ лживо увѣряли книжники и фарисеи), но расширялъ, распространялъ его гуманный смыслъ на все человѣчество. Евреи отвѣтили ему распятіемъ—позорною казнью рабовъ—и, вмѣсто того чтобы «возлюбить ближнихъ, какъ самихъ себя», они перенесли на весь родъ человѣческій ту сконцентрированную звѣрскую злобу, которую возъимѣли къ мнимому «разрушителю» своего закона. Эту звѣрскую злобу,—равно противорѣчащую и моисеевымъ, и христовымъ заповѣдямъ, они и кодифицировали въ своемъ шулханъ-арухѣ, фактически отмѣнившемъ Пятикнижіе Моисея.

Переходя затѣмъ отъ теоретическаго изложенія основныхъ догмъ «еврейскаго вѣроученія» къ вопросу о ихъ практической приложимости, Диминскій доказываетъ, цѣлымъ рядомъ краснорѣчивыхъ цифръ и фактовъ, что систематическая проповѣдь человѣконенавистничества, обмана и грабежа вовсе не составляетъ у евреевъ предметъ «академическаго собесѣдованія», но *примѣняется къ жизни подъ строгою карою религіозныхъ отлученій и уголовно-карательныхъ мѣръ*. «Представивъ такимъ образомъ — говоритъ онъ—не одно единичное правило, а цѣлую систему правилъ изъ еврейскаго вѣроученія, я позволяю себѣ думать, что *изъ практическаго осуществленія евреями этихъ правилъ и могли возникать тѣ предрасположенія къ евреямъ, какія они испытывали во всей своей исторіи*, а осуществленіе евреями, въ бо́льшей или меньшей сте-

пени, представленныхъ мною правилъ *не могло остаться безъ вліянія на тѣ столкновенія, которыя въ 1881 году возникали по отношенію къ евреямъ* въ Пруссіи и Австріи, а также у насъ, на югѣ Россіи и въ Варшавѣ». Другими словами: если евреи испили горькую чашу погромовъ и избіеній, то въ этомъ, прежде всего, виноваты они сами—ихъ алчность и наглость, ихъ безмѣрное эксплуатированіе народныхъ массъ...

Много и другихъ данныхъ находится въ изслѣдованіи г. Диминскаго, но воспользоваться ими—значило бы перепечатать всю книгу отъ первой страницы до послѣдней. Мы отмѣтимъ только любопытный вопросъ о массовомъ принятіи христіанства евреями, — вопросъ, который уже выступилъ у насъ на сцену тотчасъ вслѣдъ за строгимъ примѣненіемъ правилъ о «еврейской осѣдлости». По этому поводу Диминскій прямо говоритъ, что «еврейская талмудическо-раввинская доктрина *разрѣшаетъ наружное отступничество отъ еврейской вѣры*, причемъ каждый такой еврей продолжаетъ быть членомъ еврейской общины и участникомъ въ обѣтованіяхъ, данныхъ Богомъ Аврааму и его потомству, *коль скоро такіе отступники продолжаютъ нравственно быть солидарными съ еврействомъ*». Мало того: для такихъ наружныхъ отступниковъ «гарантируется даже *сугубая награда* въ жизни будущаго вѣка». Однимъ словомъ, талмудъ прозорливъ—и изъ самаго вѣроотступничества устраиваетъ отличный гешефтъ для еврейства. Но не содрогнутся ли небеса отъ такого внезапнаго прилива еврейскихъ прозелитовъ въ лоно христіанской церкви?!

Плоды еврейской равноправности въ Западной Европѣ.

Толки о «еврейскомъ вопросѣ» въ нашей печати. — Юдофилы и юдофобы.— Правильно ли поставленъ у насъ еврейскій вопросъ? — «Равенство и братство» съ людьми, отрицающими въ корнѣ эти принципы. — Справедливо ли мнѣніе объ умиротворяющемъ значеніи еврейской равноправности?—Вопли, идущіе изъ странъ, въ которыхъ евреямъ открыты всѣ пути дѣятельности.— Непріятное изумленіе Франциска Сарсэ. — Публичная лекція Андріё. — Антиеврейское движеніе въ Лондонѣ. — Завоеваніе евреями Помераніи, Галиціи, Венгріи и Румыніи. — Своевременно ли поднимать въ Россіи шлагбаумъ передъ еврейскимъ натискомъ?

Въ послѣднее время, такъ называемому «еврейскому вопросу» очень посчастливилось въ русской печати. Объявились у насъ двѣ воинствующія партіи: *іудофиловъ* и *іудофобовъ* и, во всеоружіи полемической брани, осыпаютъ другъ друга самыми непрезентабельными кличками, попреками и намеками, очевидно памятуя завѣтъ народной мудрости: «лѣзть въ драку — не жалѣть волосъ». Іудофилы, бія себя въ перси и восклицая: «гевалтъ!» съ азартомъ лѣзутъ на штурмъ той цитадели, что̀ зовется у насъ «чертою еврейской осѣдлости», и готовы разнести ее до послѣдняго камешка. Враги еврейства,—по мнѣнію этого кагала,—проповѣдуютъ средневѣковую *религіозную* нетерпимость, *національную* вражду, «варварскія преслѣдованія», и если не предлагаютъ возобновленія костровъ, то только потому, что въ наши благословенные дни мѣра эта практикуется лишь въ отношеніи усопшихъ, а не живыхъ людей... Но тутъ происходитъ большое недоразумѣніе, или съ умысломъ пускается въ ходъ полемическій вольтъ-фасъ, совсѣмъ неумѣстный въ серьезномъ спорѣ. Іудофилы должны отлично знать, что въ числѣ самыхъ убѣжденныхъ и опасныхъ враговъ еврейства находятся нынѣ такіе публицисты и государственные люди, къ которымъ всего менѣе приложимы упреки въ конфессіональной исключительности и національныхъ предразсудкахъ. Они ведутъ войну съ возрастающей

жидовской эксплуатаціей совсѣмъ не на средневѣковой почвѣ, а *во имя здраво понятыхъ соціально-экономическихъ началъ, во имя искренней любви къ массѣ народа, снова обращаемой въ крѣпостное состояніе сплоченной толпою опасныхъ паразитовъ*,—этою «націей» безъ территоріи и даже безъ любви къ мѣсту жительства; этимъ особаго рода цыганствомъ, возросшимъ на экономической почвѣ; этой своеобычной «религіозно-политической кастой», прикрывающей божественнымъ авторитетомъ свои чисто мірскіе, корыстные инстинкты. Люди этого толка предоставляютъ евреямъ,—*вѣрующимъ, строго говоря, только въ раввинскую непогрѣшимость*,—исповѣдывать какую имъ угодно религію, приносить какія имъ нравятся жертвы (разумѣется, кромѣ человѣческихъ) Молоху, Ягве или Буддѣ; совершать, какіе требуются конфессіональные обряды, не нарушающіе законовъ общежитія и публичной нравственности; они не питаютъ никакой антипатіи и къ «національности» евреевъ, такъ какъ не вооружаются, напр., противъ караимовъ, принадлежащихъ къ той же семитической расѣ, но *отрицающихъ талмудъ*, — это дѣйствительно варварское наслѣдіе, несовмѣстимое съ условіями современной цивилизаціи. Да и въ талмудѣ, опять таки, сторонники мѣръ предосторожности противъ большинства еврейства видятъ не *религіозный катехизисъ*, устанавляющій тѣ или другія вѣроисповѣдныя правила, а весьма *практическій кодексъ житейской морали и соціальныхъ отношеній*,—кодексъ, обставленный карами чисто свѣтскаго, уголовнаго характера. Первое и послѣднее слово этого кодекса — ничѣмъ неутолимая, адски-мстительная злоба къ *гою*, т. е. къ христіанину, къ его «скотскому сѣмени»; *этотъ христіанинъ отдастся буквально на растерзаніе сынамъ якобы-гонимаго племени*, которые могутъ, по мѣрѣ своей изобрѣтательности, и надувать его, и грабить, и безчестить, и даже убивать подъ шумокъ, не боясь изобличенія со стороны своихъ единоплеменниковъ (нетрудно подтвердить все это подлинными цитатами изъ талмуда). Не ясно ли, что «гонимое племя» требуетъ для себя равенства и братства отъ христіанскихъ обществъ вовсе не для того, чтобы отвѣчать имъ взаимностью, но съ нескрываемою цѣлью—скорѣе и надежнѣе обратить ихъ въ «рабовъ Израиля». Волкъ надѣваетъ «красную шапочку», чтобы вѣрнѣе прибрать къ своимъ зубамъ простодушную бабушкину любимицу...

Съ другой стороны, и болѣе правые, въ сущности, наши іудофобы нерѣдко попадаютъ въ просакъ, *не умѣя опредѣлить ни почвы, ни границъ начатой тяжбы*, отдѣлываясь рѣзкими словами вмѣсто фактическихъ доводовъ, привлекая къ себѣ очень сомни-

тельныхъ союзниковъ (въ родѣ московскаго именитаго купечества) готовыхъ сейчасъ же перейти въ еврейскій станъ, и игнорируя при этомъ главнаго обыграннаго—*трудящійся, производительный классъ народа*, у котораго превосходно дрессированная и пронырливая шайка паразитовъ отнимаетъ помаленьку и плоды, и орудія производства. Іудофилы пользуются, конечно, каждымъ промахомъ, каждой обмолвкой противной партіи, причемъ, — для вящаго торжества израильскаго дѣла, — звонятъ *русскими* именами своихъ оруженосцевъ, забывая однако, что эти прихлебатели еще вчера обзывали ихъ «презрѣнными жидами» и то же самое могутъ повторить завтра: такова сила ихъ убѣжденій и послѣдовательности!

Однимъ изъ главныхъ аргументовъ іудофильской партіи, въ пользу предоставленія евреямъ полной гражданской равноправности, было всегда указаніемъ на то, что въ Европѣ эта равноправность *разрѣшила-де окончательно еврейскій вопросъ* (??!) и обострившіяся отношенія между «гоями» и «избраннымъ племенемъ» умиротворились навсегда естественнымъ образомъ. Такъ ли это, однако, на самомъ дѣлѣ? А вотъ посмотримъ.

Не очень давно, въ парижской газетѣ «XIX Siècle», извѣстный театральный критикъ и публицистъ Францискъ Сарсэ передавалъ любопытныя подробности приключившагося съ нимъ литературнаго казуса. Дѣло происходило такъ. Сарсэ написалъ іудофильскую статью, вполнѣ увѣренный,—по его выраженію,—что она «найдетъ среди читателей обычный благосклонный пріемъ». Но каково же было удивленіе какъ самого критика, такъ и опростоволосившагося собственника газеты, когда на другой же день въ редакцію стали поступать цѣлые *тюки писемъ*, въ которыхъ подписчики спѣшили «выразить свое негодованіе по поводу его жидовскихъ симпатій». Въ теченіе цѣлой недѣли, рабочій столъ сконфуженнаго публициста былъ буквально заваленъ этими письмами, иногда ругательными и дерзкими, иногда же очень сдержанными, умѣренными и убѣдительными. Корреспондентами газеты, — по признанію самого іудофильствующаго автора,—оказались въ данномъ случаѣ «не какіе нибудь отщепенцы, а *весь цвѣтъ французской провинціальной интеллигенціи*,—учителя, профессора, студенты, духовныя лица, женщины хорошаго общества» (sic). Нѣкоторые болѣе раздражительные подписчики даже пригрозили автору, что совсѣмъ не будутъ читать его «жидовскихъ статей» да и перестанутъ подписываться на газету, ихъ печатающую. Бѣдный іудофилъ былъ положительно ошеломленъ всѣмъ этимъ. «Я никогда не воображалъ—простодушно говоритъ онъ, не желая скрывать фактовъ,—что *у насъ во Франціи существуетъ теперь такая общая ненависть къ семитамъ*

что противъ нихъ до такой степени возбуждено все общественное и народное мнѣніе». «Правда — добавляетъ онъ — я замѣчалъ и ранѣе нѣкоторое несочувствіе къ евреямъ въ средѣ высшей парижской буржуазіи и, въ особенности, среди парижанокъ, но я *никогда не подозрѣвалъ подобной силы этого общаго антисемитскаго движенія* и понялъ его только теперь». Въ результатѣ, Сарсэ имѣлъ продолжительное совѣщаніе съ собственникомъ газеты, который тоже успѣлъ достаточно насладиться чтеніемъ рѣзкихъ жалобъ на «противное іудофильское направленіе газеты» и теперь, по комерческимъ соображеніямъ, считалъ нужнымъ умѣрить свой пылъ.

Не менѣе его удивился этому «инциденту» и зашедшій въ редакцію Дрейфусъ (однофамилецъ извѣстнаго предателя)—французскій писатель еврейскаго происхожденія. Онъ зашелъ собственно затѣмъ, чтобы поблагодарить своего коллегу за его «прекрасную защиту» семитическаго племени, хотя и добавилъ не безъ еврейскаго высокомѣрія, что высказанныя истины настолько-де стары и непреложны, что во Франціи онѣ уже «давно стали достояніемъ націи» (?). Когда же злосчастный авторъ «прекрасной защиты» подѣлился съ Дрейфусомъ коллекціей писемъ отъ своихъ читателей, то и на его собесѣдника нашелъ сначала легкій столбнякъ. Далѣе между ними завязался споръ, послѣ котораго Сарсэ остался, однако, при убѣжденіи, что «мощные протесты противъ евреевъ *исходятъ отъ людей убѣжденныхъ и честныхъ*, и что они *свидѣтельствуютъ о неоспоримомъ настроеніи общественнаго мнѣнія всей Франціи*, крайне озлобленнаго противъ семитизма».

«Какой, съ божіею помощью, оборотъ!» Давно ли, подъ гулъ французской революціи, подъ защитою легендарнаго флага съ надписью: «свобода, равенство и братство», евреи успѣли провезти во Францію свой контробандный талмудическій грузъ, въ которомъ не имѣется ни одного золотника свободы и братства, а *идея равенства между гоемъ и израилемъ считается прямо законопреступною;* давно ли предоставленіе гражданскихъ правъ евреямъ считалось даромъ небесъ и входило въ «умственное достояніе націи», — какъ вдругъ «весь цвѣтъ французской интеллигенціи»,— учителя, профессора, студенты, женщины образованнаго общества,—словно столкнулись въ общемъ антисемитскомъ движеніи, въ «общей ненависти» къ пришельцамъ, злоупотребляющимъ правилами гостепріимства. Нужно ли говорить, что безъ серьезныхъ и глубокихъ причинъ подобное движеніе не могло бы и возникнуть въ такой цивилизованной странѣ, какъ Франція, а тѣмъ болѣе принять угрожающіе размѣры? Замѣчательно еще, что такую не-

навистъ съумѣли возбудить къ себѣ нѣсколько сотъ тысячъ евреевъ, проникнувшихъ на французскую территорію, — ничтожная горсть, сравнительно съ *нѣсколькими милліонами* русскихъ семитовъ, пожирающихъ благосостояніе нашихъ окраинъ! До какого «бѣлаго каленія» могла бы дойти эта ненависть и проявилъ ли бы французскій народъ тѣ же качества добродушія и терпимости, что̀ выразилъ народъ русскій, еслибы вся эта масса піявокъ была припущена къ его тѣлу? — эти вопросы не требуютъ даже и отвѣта. Можно представить себѣ, сколько горькихъ пилюль глотаютъ отъ *русскихъ* читателей наши «самыя большія и распространенныя (между еврействомъ) газеты», не имѣющія только мужества и честности сознаться въ этомъ афронтѣ?!

Въ томъ же самомъ Парижѣ, гдѣ Сарсэ сдѣлалъ доблестное признаніе о народной и общественной ненависти къ евреямъ, извѣстный политическій дѣятель Андріё (бывшій префектъ парижской полиціи, хорошо знакомый и съ закулисной стороной «семитической культуры») прочелъ предъ многочисленнымъ обществомъ лекцію объ антисемитизмѣ во Франціи. Лекторъ объявилъ прежде всего, что онъ будетъ вполнѣ безпристрастенъ, что онъ вовсе не раздѣляетъ крайнихъ мнѣній Дрюмона и его единомышленниковъ, но *все таки не можетъ отрицать фактовъ*, —а факты эти краснорѣчиво свидѣтельствуютъ, что *антисемитизмъ во Франціи замѣтно усиливается, и въ этомъ, конечно, виноваты сами евреи.* Многіе слои общества, которые прежде не питали никакихъ непріятныхъ чувствъ къ евреямъ, теперь относятся къ нимъ враждебно, потому что *евреи все болѣе и болѣе стремятся играть въ государствѣ неподобающую роль.* Люди религіозные считаютъ ихъ не безъ основанія одними изъ главныхъ виновниковъ гоненія на христіанскую религію; люди свободномыслящіе возмущаются и серьезно встревожены тѣмъ, что евреи, которыхъ не особенно много во Франціи, занимаютъ съ каждымъ годомъ все больше и больше мѣстъ въ администраціи (хороша эта еврейская администрація!) Теперь въ администраціи евреи являются чуть ли не преобладающимъ элементомъ, и за послѣднія пятнадцать лѣтъ не было министерства, въ которомъ не отводилось бы портфелей жидамъ. Это обусловливается преимущественно тѣмъ, что *правительство находится почти въ полной зависимости отъ банкировъ.* При такихъ условіяхъ понятно, что евреи не могутъ быть особенно популярны во Франціи, тѣмъ болѣе, что, *не смотря на дарованную имъ равноправность, они продолжаютъ составлять въ государствѣ нѣчто въ родѣ тайнаго общества.*

Не лучше обстоитъ это дѣло и въ Лондонѣ. Въ Англіи, соб-

ственно говоря, «еврейскій вопросъ» явился, сравнительно, очень недавно и своимъ офиціальнымъ появленіемъ обязанъ комисіи, нѣсколько лѣтъ назадъ спеціально учрежденной при министерствѣ торговли, для всесторонняго изученія причинъ торгово-промышленнаго кризиса въ Англіи и для изысканія средствъ къ его устраненію. Комисія эта, окончивъ въ 1884 г. возложенное на нее порученіе, въ докладѣ своемъ министру, указываетъ, какъ на одну изъ главныхъ причинъ экономическаго упадка страны, особенно среди городскаго населенія — на *гнетъ быстро развивающейся еврейской эксплуатаціи населенія* и приводитъ по этому поводу цѣлый рядъ вѣскихъ и весьма убѣдительныхъ аргументовъ. Тогдашній министръ торговли, соглашаясь съ мнѣніемъ комисіи о вредѣ, причиняемомъ евреями, тѣмъ не менѣе считалъ невозможнымъ принять какія нибудь рѣшительныя мѣры къ пресѣченію зла, такъ какъ это противорѣчило бы, съ одной стороны, традиціонной свободѣ поселенія и торговли, а съ другой—безусловной для всѣхъ равноправности. Между тѣмъ, условія экономическаго быта англійскаго населенія съ того времени не только не улучшились подъ эгидою либеральнаго завѣта: «laissez faire, laissez passer», но, прогрессивно ухудшаясь, вызвали въ Лондонѣ цѣлую серію погромовъ, подобныхъ кіевскимъ. Тутъ уже, помимо офиціальнаго вѣдомства, заговорило и все англійское общество, причемъ значительная часть прессы, свободная отъ давленія еврейскихъ капиталовъ, энергически взяла сторону обираемаго народа. Первый шагъ на этомъ пути сдѣланъ былъ извѣстною въ Англіи газетою «Daily Telegraph»,— органомъ вовсе не іудофобскаго лагеря. Послѣ грандіознаго побоища на улицахъ Вестъ-Энда, лучшаго квартала въ Лондонѣ, (10 февраля 1886 г.) газета эта заговорила весьма рѣзко о жидахъ и, разбирая причины, вызвавшія самоуправство разъяренной черни, прямо указала *на еврейскую эксплуатацію, какъ на главную причину обнищанія большинства лондонскаго населенія*, особенно же бѣдныхъ кварталовъ. Тутъ же, въ доказательство, газета привела длиннѣйшій списокъ, съ обозначеніемъ еврейскихъ лавокъ и домовъ на главныхъ улицахъ восточной части столицы, изъ котораго явствуетъ, что во многихъ кварталахъ этой части *торговля во всѣхъ ея видахъ и всѣ ремесла сосредоточились исключительно въ еврейскихъ рукахъ*. Правдивая статья эта взбудоражила евреевъ не только Лондона, но и другихъ странъ, и жидовская пресса, конечно, стала надрываться въ усиліяхъ — замять какъ нибудь эту непріятную исторію. Антисемитское движеніе въ Англіи, однако, не остановилось на этомъ. За «Daily Telegraph» послѣдовалъ другой вліятельный органъ печати — «S-t Games Gazette» — и въ

одномъ изъ апрѣльскихъ нумеровъ 1886 года посвятилъ этому предмету обширную статью подъ названіемъ: «Евреи въ Лондонѣ», въ которой, безъ всякихъ околичностей, рекомендуетъ правительству—освободить лондонское населеніе изъ страшныхъ путъ еврейства, *хотя бы цѣною нарушенія принциповъ свободы и равноправности (!)* «Приливъ евреевъ въ Англію, и особенно въ Лондонъ—говоритъ, между прочимъ, эта газета—былъ всегда значителенъ и давно уже давалъ чувствовать себя населенію... но въ послѣдніе годы, *благодаря погромамъ въ Россіи, изгнанію русско-польскихъ евреевъ изъ Германіи, американскому закону о невпускѣ на американскую территорію эмигрантовъ безъ средствъ, а также благодаря исключительнымъ для евреевъ законоположеніямъ, стѣсняющимъ ихъ эксплуататорскую дѣятельность въ Румыніи и славянскихъ земляхъ*, — наплывъ *этихъ ужасныхъ паразитовъ* въ нашъ гостепріимный Лондонъ принялъ чудовищные размѣры, и теперь нѣтъ здѣсь ни одного уголка, свободнаго отъ нихъ, а нѣкоторые вестъ-эндскіе кварталы буквально переполнены ими... *Страшно и подумать, что̀ будетъ дальше, если приливъ къ намъ этихъ совершенно нежелательныхъ гостей не остановится* или, по крайней мѣрѣ, не сократится»!

Распространенное въ Лондонѣ, вечернее «Echo» еще энергичнѣе наступаетъ на правительство, обвиняя его въ бездѣйствіи, результатомъ котораго является все возрастающая нищета огромной части лондонскаго населенія. «Евреи—восклицаетъ газета — окончательно запутали насъ своими сѣтями, *сѣли намъ на шею, сдавили клещами своей адской жадности!* А правительство, къ которому мы обращаемся съ протестомъ, развязно заявляетъ намъ, что такого порядка измѣнить нельзя, такъ какъ въ противномъ случаѣ пришлось бы нарушить основной государственный законъ о равноправности, что̀ немыслимо въ свободномъ и цивилизованномъ государствѣ. *Да развѣ какое нибудь правительство въ мірѣ позволитъ себѣ поддерживать въ своей странѣ цивилизацію путемъ ежедневныхъ смертей своихъ согражданъ»?!*

Теперь становится совершенно понятнымъ тотъ фарисейскій походъ англійскаго «Times'a» въ защиту еврейскихъ правъ въ Россіи, на который съ особенной помпою указывали жидовскія «Новости», какъ на высшій актъ европейскаго правосудія. Дѣло, очевидно, заключается въ томъ, что англичане сами не знаютъ, ка̀къ избавиться отъ своихъ жидовъ, — этихъ «ужасныхъ паразитовъ», этихъ «нежелательныхъ гостей»,—а тутъ еще русскіе евреи угрожаютъ имъ спастись бѣгствомъ въ благодатный Альбіонъ отъ какихъ-то ожесточенныхъ гоненій въ Россіи. Натурально, органъ

лондонскаго Сити и сталъ хлопотать о томъ, чтобы евреямъ жилось какъ можно лучше у сѣверныхъ варваровъ, чтобы они,— чего Боже упаси! — не вздумали, въ самомъ дѣлѣ, осчастливить Лондонъ своимъ прибытіемъ: объ этомъ, вѣдь, «страшно и подумать»...

О благоденствіи прусской Помераніи подъ сѣнью «еврейской культуры» мы имѣемъ, начиная еще съ 40-хъ годовъ, такія же точно прискорбныя свѣдѣнія, какъ и о цивилизаторской миссіи евреевъ въ Англіи и Франціи. Въ прусскомъ ландтагѣ 1847 года, Бисмаркъ говорилъ съ негодованіемъ: «Я знаю страну, гдѣ еврейское населеніе многочисленно въ деревняхъ, гдѣ *есть масса крестьянъ, которые ничего не смѣютъ назвать своею собственностью* на всемъ уголкѣ занимаемой ими земли. Начиная съ постели и до кухонныхъ щипцовъ, *все ихъ движимое имущество принадлежитъ жиду. Скотина въ стойлахъ есть собственность жида и онъ по фунтикамъ продаетъ крестьянину зерновой хлѣбъ*, нужный для его пропитанія, для обсѣмененія полей и для корма скоту». Самые компетентные люди—писалъ въ то же время Мейнгольдъ — единодушно признаютъ, что Померанія, — одна изъ лучшихъ по богатству почвы, прусскихъ провинцій, — обременена нынче страшными долгами *единственно вслѣдствіе притѣсненій и ростовщичества жидовъ*. Они не удовлетворяются процентомъ: 10 и 12 со 100; я могъ бы перечислить множество примѣровъ, когда еврей, при самыхъ надежныхъ гарантіяхъ въ возвратѣ долга, бралъ *сто на сто*, чтобы только выручить человѣка изъ затруднительныхъ обстоятельствъ. *Жидъ здѣсь—все*: онъ всѣмъ торгуетъ, всѣмъ промышляетъ, начиная отъ найма прислуги и продажи земель, и кончая сватовствомъ при устройствѣ браковъ». Тогда же прусскій министръ юстиціи, докладывая свои выводы изъ тщательно собранныхъ и провѣренныхъ статистическихъ данныхъ, заявилъ, что *цифра преступности между прусскими евреями вдвое больше, чѣмъ между христіанами*, и что бо́льшая часть этихъ преступленій совершается ими по корыстолюбію и жадности къ наживѣ. Такое же точно отношеніе цифръ преступности замѣчается и во Франціи.

Положеніе евреевъ въ Галиціи и Венгріи и благо, принесенное ими «культурному развитію» этихъ странъ, во многомъ напоминаютъ ихъ роль въ нашихъ сѣверозападныхъ и югозападныхъ губерніяхъ. Еврейскіе подвиги въ австро-венгерской монархіи и огульныя побоища, которымъ подвергалъ ихъ разсвирѣпѣвшій народъ, заносились своевременно въ политическую хронику «Наблюдателя». Но гдѣ еврейская эксплуатація достигла уже, что назы-

вается, геркулесовыхъ столбовъ,—такъ это въ несчастной Румыніи, въ которой невѣжество населенія (какъ и у насъ) служитъ самою благодарною почвою для гешефтовъ и надувательствъ всякаго рода. Французскій профессоръ Дежарденъ, въ своей спеціальной брошюрѣ, открылъ глаза Европѣ на варварскую эксплуатацію, чинимую жидами надъ массой румынскаго народа, и его брошюра нашла себѣ блестящее и авторитетное подтвержденіе въ офиціальномъ докладѣ, внесенномъ въ румынскую палату депутатовъ. «*Наводненіе жидовъ въ Румыніи*—говорится въ этомъ докладѣ—*приняло въ послѣдніе годы такіе угрожающіе размѣры*, что оно запугало румынское населеніе, которое видитъ, что въ его среду врывается раса, враждебная интересамъ страны. Индиферентность, которую обнаруживало до сихъ поръ наше правительство при видѣ этого *глухаго завоеванія* нашей страны, произвела въ экономическомъ быту государства глубокія потрясенія. Жиды образуютъ нынче *цѣлое кочевое населеніе въ 500,000 душъ, на которое не оказываетъ никакого вліянія соціальная среда, его окружающая*. И это происходитъ оттого, что жиды отличаются отъ румынъ и своимъ происхожденіемъ, и нравами, и языкомъ, и традиціями, и религіею. Въ румынской средѣ жиды устроили себѣ чудовищную монополію, которая поглотила окончательно торговлю и мелкіе промыслы, до такой степени, что жиды сдѣлались нынѣ неограниченными господами рынка. Народный трудъ, при этихъ условіяхъ, не приноситъ своихъ плодотворныхъ результатовъ... Владѣя огромными суммами и *по природѣ склонные къ эксплуатированію чуждыхъ расъ, движимые господствующимъ инстинктомъ наживы*, жиды, безъ всякихъ стѣсненій, ударились въ ростовщичество, разоривъ и доведя до нищеты тысячи зажиточныхъ семействъ. *Ростовщичество сдѣлалось въ Румыніи страшной язвой*, которая поражаетъ весь національный организмъ и изсушаетъ въ корнѣ всѣ жизненныя силы страны. Эта монополизація капиталовъ есть самая существенная причина монетнаго кризиса, нынѣ тяготѣющаго надъ страною. «Господа положенія» (т. е. жиды), не имѣя предъ собою никакихъ преградъ, не чувствуя никакой оппозиціи, создаютъ съ умысломъ затрудненія и кризисы, и ухищряются находить въ самой нищетѣ народа источникъ средствъ для удовлетворенія своей ненасытной жадности, ибо *нищета весьма производительна для тѣхъ, кто имѣетъ подлость ее эксплуатировать*. (Такую же точно мысль о производительности нищеты для тѣхъ, кто умѣетъ ею пользоваться, высказываетъ и ростовщикъ въ разсказѣ І. І. Ясинскаго: «Откровенный», напечатанномъ въ 1893 г. въ «Наблюдателѣ». Но то, что служитъ въ русскомъ обществѣ предметомъ омерзенія, у жидовъ считается заслу-

гой передъ кагаломъ и даетъ право на уваженіе соплеменниковъ). Прогрессъ этой жидовской коалиціи дошелъ до того, что евреи *захватили исключительно въ свои руки торговлю напитками и съѣстными припасами.* Трудящійся классъ наиболѣе страдаетъ при этомъ отъ жадности монополистовъ, такъ какъ они пускаютъ въ ходъ разные способы фальсификаціи, вредные для общественнаго здоровья. Исторія неопровержимо доказываетъ намъ, что іудаизмъ характеризуется самою строгою исключительностью. *По нуждѣ, жиды подчиняются государственной власти не-еврсевъ, но никогда они не согласятся сдѣлаться составною частью государства, въ которомъ живутъ.* Они не могутъ изгладить изъ своей памяти идею *еврейскаго царства,*— идею, которая просвѣчиваетъ во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ. Вотъ почему жидъ испанскій, англійскій, французскій или польскій никогда не сдѣлается ни полякомъ, ни французомъ, ни англичаниномъ, ни испанцемъ: онъ останется всегда евреемъ, какъ его предки библейскихъ временъ. Въ какомъ количествѣ и куда бы ихъ ни пересадили, *жиды всюду вносятъ, самымъ фактомъ своего появленія, съмена упадка и разрушенія, такъ какъ ихъ основная тенденція заключается въ томъ, чтобы строить свое благополучіе на несчастіи и разореніи другихъ.* Они не связаны благодарностью съ тѣми народами, которые оказали имъ свое гостепріимство, *потому что смотрятъ на нихъ, какъ на узурпаторовъ.* Поэтому же они употребляютъ всѣ средства, чтобы добыть себѣ преобладающее положеніе во вселенной, — то положеніе, которое, по ихъ вѣрѣ, принадлежитъ имъ въ силу ветхозавѣтнаго договора съ самимъ божествомъ. *Жиды тѣмъ менѣе могутъ требовать къ себѣ терпимости, что ихъ религія есть наиболѣе исключительная и утѣснительная въ мірѣ,* ибо іудаизмъ никого не принимаетъ въ свою религіозную среду, но предаетъ ненависти и вѣчному преслѣдованію тѣхъ, кто не принадлежитъ къ израильской расѣ; вообще онъ находится въ вѣчной войнѣ противъ всѣхъ высшихъ моральныхъ идей, проникающихъ собою европейскія учрежденія и составляющихъ основу современнаго соціальнаго строя».

Послѣ этого правдиваго, документальнаго доклада румынской палатѣ, едва ли покажется преувеличенной и общая характеристика европейскаго, уже «полноправнаго» жида, сдѣланная меткимъ перомъ Дрюмона: «Что составляетъ господствующую черту еврея—это ненависть и презрѣніе къ *гою,* иностранцу, не-жиду, «скотскому сѣмени», а также увѣренность, что *еврей принадлежитъ къ привилегированной расѣ, предназначенной обратить въ рабство себѣ всѣ другіе народы, заставить ихъ работать на израиля.* Противъ гоя, *который не считается даже человѣкомъ,* всѣ сред-

ства позволительны: клятва, если она касается этого гоя, ни къ чему не обязываетъ жида, который, напротивъ, долженъ всячески топить на судѣ христіанина, даже тогда, когда этотъ несчастный имѣетъ всю правду за себя. Вооруженный такимъ образомъ, помазанный свыше на свою миссію, *освобожденный предписаніями своей религіи отъ всякихъ нравственныхъ стѣсненій*,—жидъ устремляется всецѣло на добываніе капиталовъ. Теперь онъ—торжествующій биржевикъ, вліятельный журналистъ; это — Эжень Майеръ, Артуръ Майеръ, Жакъ Майеръ, Альмайеръ; словомъ, онъ — Все-Майеръ и, къ какому бы вопросу вы ни прикоснулись, вездѣ найдете въ подкладкѣ какого нибудь Майера!!».

Католическія симпатіи Дрюмона,—если онѣ и существуютъ,—пусть останутся при немъ («безгрѣшный папа» стóитъ безгрѣшнаго раввина!) но очеркъ нравственной физіономіи современнаго еврея сдѣланъ имъ безпристрастно, и матеріаломъ для этого послужили подлинныя изреченія талмуда, въ переводѣ пражскаго профессора Ролинга, котораго австрійскіе жиды чуть не подвергли распятію за этотъ изобличительный переводъ [1]). По мнѣнію Дрюмона, современнымъ жидамъ нѣтъ даже надобности изучать въ подлинникѣ книги своего вѣроученія. «*Талмудъ*—говоритъ онъ—*уже запечатлѣнъ въ ихъ мозгу по закону наслѣдственности; онъ есть умственное наслѣдіе, завѣщанное безчисленнымъ множествомъ поколѣній,* которыя сохли и блѣднѣли надъ изученіемъ этихъ правилъ и успѣли воплотить ихъ въ себѣ. Евреи проникнуты, пресыщены своимъ талмудомъ; они обязаны ему не только идеей о превосходствѣ своемъ надъ всѣмъ человѣчествомъ, — что̀ дѣлаетъ ихъ столь сильными, — но также тѣмъ *полнѣйшимъ отсутствіемъ всякаго моральнаго чувства* (sic), всякаго различія добра отъ зла, которое почти обезоруживаетъ васъ: *до такой степени оно прирожденно и непосредственно у еврея*».

По слѣдамъ Западной Европы пошла и Сѣверная Америка. Неудержимое гешефтмахерство «полноправнаго еврейства», его вѣчное, какъ бы физіологически предначертанное въ мозгу, стремленіе къ легкой наживѣ и отвращеніе къ тяжелому производительному труду (въ особенности земледѣльческому); его сектантская нетерпимость къ остальному человѣчеству — все это проявило уже себя такими крупными и несомнѣнными штрихами, что свободолюбивые янки, не опасаясь упрековъ со стороны либерально-жидовской журналистики, порѣшили въ послѣднее время совсѣмъ не пускать на свою территорію этихъ «ужасныхъ паразитовъ», какъ

---

[1]) См. *Auguste Rohling*: «Le Juif selon le Talmud». Edition française. Paris, 1889.

ихъ называютъ въ Англіи, этихъ animaux malfaisants, какъ ихъ титулуютъ во Франціи...

Таковы результаты «еврейской полноправности» на обоихъ полушаріяхъ нашей планеты! Евреи, очевидно, «ничему не научились и ничего не забыли», съ тѣхъ поръ какъ историческія обстоятельства сомкнули ихъ въ какую-то злобную, остервенѣлую, человѣконенавистническую секту. Теперь ихъ никто не гонитъ въ западной Европѣ; даже въ Россіи ихъ культурнымъ подвигамъ открыта огромная территорія (безъ права только проникать за «черту осѣдлости»); но и въ Европѣ, какъ въ Россіи, упорные семиты сохраняютъ все свое средневѣковое обличіе и шепчутъ старыя угрозы по адресу *госвъ*, уже призрѣвшихъ ихъ въ своей семьѣ. Мудрено ли, что «умные и убѣжденные» (по выраженію Сарсэ) мыслители въ Европѣ пришли въ недоумѣніе: не поторопились ли они наградить полноправіемъ *вредное антигосударственное сообщество*, прежде чѣмъ обезвредить его и поставить въ рамки, терпимыя законами цивилизованныхъ странъ? Не промахнулись ли они, принявъ ястреба за кукушку?

Послѣ опыта, извѣданнаго Европой и Америкой, позволительно и Россіи—не торопиться съ упраздненіемъ черты еврейской осѣдлости. «Черта» эта и безъ того слишкомъ обширна для плодотворной культурной дѣятельности; но она, разумѣется, тѣсна для ненасытной наживы и пѣнкоснимательства. А каковы являются культурныя насажденія семитовъ въ отмежованныхъ имъ на добычу губерніяхъ—мы, русскіе, знаемъ слишкомъ хорошо на собственной кожѣ...

Борьба русскаго правительства съ кагаломъ.

«Послѣдняя туча разсѣянной бури»!—Отмѣна кагальнаго устройства еврейскихъ обществъ въ Ригѣ и въ городахъ курляндской губерніи.—Очеркъ борьбы нашего правительства съ темной кагальной силой.—«Магическій тормозъ», удерживавшій нашу администрацію отъ рѣшительныхъ дѣйствій по еврейскому вопросу. — Мнѣніе генералъ-прокурора *Г. Р. Державина* о необходомости общихъ единовременныхъ мѣръ противъ еврейства, и жидовскіе происки.—Отзывъ *кн. А. М. Дондукова-Корсакова* о зловредномъ характерѣ «коробочнаго сбора».—Отзывъ сенатора *Я. А. Соловьева* о «кошерномъ налогѣ».—Мнѣніе *В. Я. Фукса* о политически-разрушительномъ элементѣ въ еврейскомъ сообществѣ.—«Черта еврейской осѣдлости» предъ судомъ *В. В. Григорьева.*— Мнимая «физическая неспособность» евреевъ къ земледѣлію. — Еврейскія ремесла и промышленность.—Необходимость дальнѣйшихъ энергическихъ мѣръ по еврейскому вопросу.

Въ числѣ проэктовъ, внесенныхъ въ Государственный совѣтъ министромъ внутреннихъ дѣлъ (въ 1893 г.) и заранѣе опубликованныхъ для всеобщаго свѣдѣнія, значился, между прочимъ, и весьма важный проэктъ: *объ отмѣнѣ еврейскихъ кагаловъ въ г. Ригѣ и во всѣхъ городахъ курляндской губерніи.* Отсюда становится уже вполнѣ очевиднымъ, что статсъ-секретарь И. Н. Дурново, установивъ правильную точку зрѣнія на еврейскій вопросъ въ Россіи, неуклонно и послѣдовательно стремился къ его разрѣшенію или, по крайней мѣрѣ, къ упорядоченію, удерживая, съ одной стороны, «черту еврейской осѣдлости», а съ другой — *разрушая еврейскую замкнутость*, еврейское отчужденіе отъ всего цивилизованнаго міра въ районѣ этой самой «черты».

Въ одномъ изъ нашихъ внутреннихъ обозрѣній, посвященномъ отчасти и еврейскому вопросу, мы говорили: «Глубокаго сожалѣнія достойно то обстоятельство, что до самаго послѣдняго времени ни наше законодательство, ни административная практика не усвоили

себѣ надлежащей точки зрѣнія на еврейство, *какъ на вредное сообщество*, и относились къ нему или съ «либеральной» терпимостью, какъ къ религіозной сектѣ, имѣющей право на свободу вѣроисповѣданія и культа, или съ какою-то полицейскою тенденціею сомнительнаго достоинства, *сосредоточивая въ рукахъ казенныхъ раввиновъ всю дисциплинарную власть надъ ихъ соплеменниками*... Такимъ образомъ, протежируя съ одной стороны «свободу» еврейскаго вѣроученія (причемъ вѣра Моисея смѣшивалась, по невѣжеству, съ человѣконенавистническими догматами талмуда и шулханъ-аруха) мы, съ другой стороны, *всячески угнетали эту свободу въ нѣдрахъ самого еврейства* и предоставляли правовѣрнымъ раввинамъ широкую дискреціонную власть—«вязать» и «рѣшить» *свободномыслящихъ евреевъ, какъ бунтарей и хулителей вѣры еврейской*. Происходило нѣчто странное и на первый взглядъ просто непонятное (если не вспомнить еврейской способности къ надувательству и изворотливости):—*вмѣсто того чтобы совершенно разгромить вредное сообщество, только прикрывающее религіозной хламидою свои чисто мірскіе, притомъ же хищническіе, интересы и вожделѣнія*,—наше правительство, съ ревностью, заслуживающей удивленія, все мѣрно старалось *закупорить еврейство въ его устарѣвшей средневѣковой скорлупѣ* и обострить въ немъ тѣ именно зловредныя качества, которыми оно заявляетъ свое присутствіе во всѣхъ странахъ міра». — Этому странному недоразумѣнію, этой удивительной государственной непредусмотрительности рѣшено, повидимому, положить окончательный предѣлъ. Сохраненіе—невѣдомо для какой благой цѣли! — жидовскихъ кагаловъ въ Ригѣ и въ городахъ курляндской губерніи, не смотря на формальное уничтоженіе ихъ во всѣхъ другихъ мѣстностяхъ еврейской осѣдлости, повело лишь къ тому, что въ злосчастныхъ остзейскихъ провинціяхъ свободно развилась та самая «жидовская культура», отъ которой давнымъ-давно стонетъ сосѣдній съ ними Сѣверо-западный край. *Ничему другому, какъ зловредной организаторской силѣ этихъ кагаловъ, нельзя приписать и того крайняго упадка хлѣбной торговли въ остзейскихъ портахъ, который обнаружился въ послѣднее время* и дошелъ до того, что отъ нашихъ хлѣбныхъ продуктовъ, систематически фальсифицируемыхъ еврейскими торгашами (посредствомъ подбавки къ нимъ цѣлой массы куколя и другихъ неудобоваримыхъ ингредіентовъ) стали ужь наотрѣзъ отказываться заграничные покупатели... Такія же губительныя операціи производилъ еврейскій кагалъ по части истребленія лѣсовъ, развитія контробанды, ростовщичества и «торговли живымъ тѣломъ», столь усердно практикуемой какъ въ самой Ригѣ, такъ—въ особенности—во всѣхъ приморскихъ курортахъ остзей-

скаго края, напр., въ Майоренгофѣ и Дуббельнѣ, гдѣ шагу нельзя ступить, чтобы не наткнуться на жида-сутенёра съ его подневольными жертвами. Всѣмъ этимъ безобразіямъ если не положенъ теперь конецъ, то предвидится, по крайней мѣрѣ, «начало конца», предвидится возможность идти дальше по этой дорогѣ и избавить, хоть со временемъ, наше отечество отъ алчныхъ паразитовъ, наглость которыхъ только увеличивается по степени выражаемой къ нимъ «терпимости»...

По этому поводу, нельзя опять не вспомнить того фатальнаго пути, котораго мы держались въ отношеніяхъ къ «еврейскому заговору», и не предаться грустнымъ размышленіямъ о тщетѣ логики, правды и государственнаго смысла въ разрѣшеніи такихъ капитальныхъ вопросовъ нашей внутренней жизни. Честь и слава администраціи, твердо рѣшившейся, наконецъ, выбиться изъ этой злонамѣренной путаницы якобы-либеральныхъ и якобы-гуманныхъ тенденцій; но сколько блужданій, сколько невѣрныхъ шаговъ, сколько умственной и нравственной порчи приходится отмѣтить историку въ этомъ лабиринтѣ, въ этомъ круговращательномъ движеніи еврейскаго вопроса! Уже въ началѣ нынѣшняго вѣка, — т. е. немного времени спустя послѣ третьяго раздѣла Польши, передавшей намъ, съ поцѣлуемъ Конрада Валленрода, всю чумную заразу еврейскаго духа, — въ нашихъ правительственныхъ сферахъ стали серьезно озабочиваться судьбой областей, отторгнутыхъ нами отъ Рѣчи Посполитой. По жалобамъ, доходившимъ и до правительствующаго сената, и до самого императора Александра I-го «на разные злоупотребленія и безпорядки, во вредъ земледѣлію и промышленности», происходившіе въ губерніяхъ, гдѣ евреи пользовались правомъ осѣдлости,—образованъ былъ въ 1802 г. особый комитетъ для составленія подробныхъ соображеній «объ устройствѣ евреевъ» въ этихъ губерніяхъ. Членомъ этого комитета назначенъ былъ и Г. Р. Державинъ, подавшій къ тому времени, по должности генералъ-прокурора, цѣлую записку: «объ отвращеніи въ Бѣлоруссіи недостатка хлѣбнаго, *обузданіемъ корыстныхъ промысловъ евреевъ*, о ихъ преобразованіи и о прочемъ». Записка эта представляетъ собою въ высшей степени замѣчательный документъ, не только какъ работа честнаго, проницательнаго государственнаго человѣка, но и какъ вѣрное изложеніе всѣхъ существенныхъ сторонъ еврейскаго быта, препятствующихъ сліянію этого племени съ прочимъ населеніемъ. «Если сравнить собранныя Державинымъ свѣдѣнія — справедливо говоритъ офиціальная комисія, собранная при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ въ 70-хъ годахъ, — съ тѣми, которыя имѣются въ виду теперь, то оказывается, что *70 лѣтъ тому назадъ правитель-*

ство стояло уже на почвѣ бытоваго изученія еврейства и что начинавшаяся подготовка уже тогда разоблачала такія стороны общественныхъ учрежденій этой народности, которыя едва ли (довольно скромное «едва ли»!) *могутъ быть терпимы при какомъ бы то ни было государственномъ устройствѣ;* но сколько разъ послѣ того ни принимались въ высшихъ административныхъ сферахъ за реформу, всякій разъ какой-то *магическій тормозъ* задерживалъ окончаніе дѣла» (!!). Нетрудно догадаться, но есть и положительныя указанія о той силѣ, которая управляла «магическимъ тормозомъ» и задерживала правильное движеніе реформъ. Записка Державина и образованіе комитета подняли сейчасъ же большую тревогу въ жидовскомъ мірѣ. Изъ распубликованныхъ кагальныхъ документовъ минскаго еврейскаго общества оказывается, что кагалы и «предводители городовъ» собирались въ чрезвычайныя собранія чрезъ каждые три дня и рѣшили послать въ Петербургъ депутацію съ цѣлью просить государя—не дѣлать никакихъ нововведеній въ еврейскомъ быту. А такъ какъ это дѣло «*требовало много расходовъ*» (sic!) то *все еврейское населеніе обложено было на этотъ случай весьма значительными сборами,* невзносъ которыхъ влекъ за собою «отлученіе отъ народа» (херемъ). Изъ частной записки, доставленной Державину однимъ бѣлорусскихъ помѣщикомъ, стало извѣстно, что *жиды наложили и на генералъ-прокурора свой херемъ*, соединенный съ проклятіемъ по всѣмъ кагаламъ въ свѣтѣ, «яко на гонителя». Кромѣ того, они собрали «на подарки» по этому дѣлу кругленькую сумму *въ милліонъ рублей* и послали въ Петербургъ, прося «приложить стараніе о смѣнѣ его, Державина, съ должности, а ежели того не можно, то хотя посягнуть на его жизнь» [1]). Послѣ этой грандіозной попытки еврейскаго подкупа и застращиванья смертью, неудивительными становятся и другія попытки того же рода, тянувшіяся во времена возникновенія и дѣятельности разныхъ еврейскихъ комитетовъ и комисій. Кому платили за благопріятный для евреевъ «голосъ», кому—за *молчаніе,* по таксѣ служителей золотаго тельца. Тѣмъ временемъ шла и усиленная фальсификація еврейскикъ догматическихъ книгъ (о которой говоритъ г. Н Тембе въ № 3 «*Наблюдателя*» за 1893 г.), съ цѣлью отвести глаза христіанамъ отъ подлиннаго смысла талмудическаго кодекса...

При запискѣ Г. Р. Державина, поданной въ комитетъ 1802 г., приложенъ былъ и проэктъ реформы, по которому предполагалось, между прочимъ, *уничтожить кагалы* во всѣхъ губерніяхъ, населенныхъ евреями, *отмѣнить всѣ кагальные сборы*, ограничить на-

---

[1]) *Записки Державина.* Москва, 1860 г., стр. 794.

плывъ евреевъ извѣстнымъ процентнымъ отношеніемъ къ христіанскому населенію, а остальной массѣ—отвести земли *въ астраханской и новороссійской губерніяхъ*, назначивъ къ переселенію самыхъ бѣднѣйшихъ; наконецъ, дозволить евреямъ, которые не захотятъ подчиниться этимъ ограниченіямъ, свободно *уходить за границу* (что̀ предлагается имъ и теперь, при помощи барона Гирша). Эти мѣры, указанныя Державинымъ, не были утверждены правительствомъ, вѣроятно, благодаря тому же «магическому тормозу», о которомъ говоритъ офиціальный докладъ комиссіи при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Наоборотъ, положеніе о евреяхъ, выработанное въ 1804 г., продолжаетъ развивать *отдѣльность еврейскихъ общинъ на русской почвѣ*, т. е. укрѣплять кагалы съ ихъ самостоятельностью, фискальною, судебною, полицейскою и воспитательною. Впрочемъ, мысль о выселеніи евреевъ изъ западнаго края продолжала занимать правительство и по выходѣ положенія 1804 г. Слѣдствіемъ этого было устройство въ Новороссійскомъ краѣ (съ 1808 г.) еврейскихъ колоній, въ которыхъ правительство надѣялось — но тщетно!—перевоспитать евреевъ и, пріучивъ ихъ къ производительному земледѣльческому труду, измѣнить этимъ путемъ весь паразитный строй ихъ общежитія. Тѣмъ не менѣе, и въ этихъ образцовыхъ колоніяхъ кагально-раввинское управленіе сохранило свое прежнее зловредное значеніе, и новыя поселенія становились опять таки особнякомъ отъ христіанскихъ обществъ, не думая сливаться съ ними ни въ національномъ, ни въ культурномъ смыслѣ. Правительство не только не противодѣйствовало обособленности евреевъ, но придумало даже учредить для такъ называемыхъ «израильскихъ христіанъ» (т. е. переходящихъ въ православіе талмудистовъ) особый комитетъ, просуществовавшій съ 1817 по 1833 г.

Съ 20-хъ годовъ текущаго столѣтія законодательные акты по еврейскому вопросу становятся все болѣе и болѣе стѣснительными, и жиды постепенно подводятся подъ административный контроль и полицейскую опеку, но кагальное управленіе продолжаетъ служить посредникомъ въ сношеніяхъ правительства съ еврейскимъ обществомъ. Управленіе это даже расширяетъ кругъ своихъ дѣйствій, еще болѣе прибирая къ рукамъ не только плебеевъ-*амгаресовъ*, но и измѣнниковъ-*морейнэ* (еврейскихъ аристократовъ). Такъ напр., въ 1827 г., при подчиненіи жидовъ общей рекрутской повинности, выборъ и поставка рекрутъ предоставлены самимъ обществамъ, которыя, для исполненія своихъ распоряженій по этому предмету, могутъ избирать повѣренныхъ [1]); на практикѣ же такими повѣрен-

[1]) Полн. собр. зак., № 1,330, § 27.

ными сдѣлались кагальные воротилы и завладѣли новымъ страшнымъ правомъ — отдавать «подъ красную шапку», въ зачетъ послѣдующихъ наборовъ, каждаго члена своего общества, нарушившаго вѣрность жидовскому заговору или отступившаго отъ ритуала талмудическаго правовѣрія. Въ 1835 г. появляется новое положеніе о евреяхъ [1]), въ которомъ кагально-общественная обособленность является уже въ высшей стадіи своего развитія. По этому положенію, кагалы называются прямо «вѣдомствомъ», къ которому и приписано «сословіе евреевъ», и на обязанность ихъ возлагается какъ исполненіе въ точности всѣхъ предписаній начальства, относящихся до этого *сословія*, такъ и вся финансовая часть по сбору и расходованію кагальныхъ суммъ, собираемыхъ съ евреевъ. Должность раввина, исполняемая по договору съ кагаломъ, обнимаетъ очень широкій кругъ дѣятельности: онъ наблюдаетъ за чистотою обрядовъ богослуженія (какая нѣжная заботливость о жидовскомъ правовѣріи!), *вразумляетъ евреевъ въ истинномъ смыслѣ ихъ закона* (эту обязанность раввинъ всегда и исполнялъ добросовѣстно, въ духѣ человѣконенавистническаго шулханъ-аруха), направляетъ ихъ «къ соблюденію нравственныхъ обязанностей» (т. е. безнравственныхъ требованій талмуда) и къ «повиновенію общимъ государственнымъ законамъ и установленнымъ властямъ» (къ этому повиновенію раввины, а тѣмъ болѣе цадики—жрецы самой фанатической еврейской секты хасидовъ—никогда не склоняли своего единовѣрнаго стада, ибо это противорѣчило бы кореннымъ требованіямъ еврейскаго *закона*). Наконецъ, раввинъ, въ силу этого «положенія», ведетъ особыя метрическія книги о евреяхъ, что опять таки повело на практикѣ ко множеству разныхъ злоупотребленій, въ видѣ пропуска ревизскихъ душъ и невѣрнаго обозначенія лѣтъ и именъ. «Положеніе», правда, оговаривалось, что своей властью надъ соплеменниками раввинъ можетъ пользоваться только при помощи «убѣжденій и увѣщеній», что онъ не имѣетъ права наказывать подлежащихъ его увѣщанію евреевъ «пенями, проклятіями и изверженіемъ изъ общества (херемомъ)», но эти добродушныя оговорки такъ и оставались пустыми словами, и «херемъ» еще очень недавно былъ произнесемъ противъ редактора одной русско-еврейской газеты за его предательское отступленіе отъ святыни талмудизма.

Вслѣдъ за положеніемъ 1835 г. о евреяхъ, вышло и дополнявшее его постановленіе о пресловутомъ «*коробочномъ сборѣ*» (Полн. собр. зак. № 12,808), который, вопреки этимологіи своего названія,

---

[1]) Полн. сбор. зак., № 8054.

ничего общаго съ жидовскими «коробейниками» не имѣетъ, а представляетъ собою,—говоря словами закона,—«существующій издавна въ еврейскихъ обществахъ сборъ на предметъ пособія и облегченія тѣмъ обществамъ средствъ въ уплатѣ ихъ долговъ, въ безнедоимочномъ и исправномъ отбываніи податей и повинностей, *въ водвореніи и поддержаніи въ обществахъ внутренняго порядка и благоустройства* (хорошо благоустройство, вводимое руками раввиновъ и цадиковъ!) и въ дѣлахъ благотворенія (кому? раболѣпнымъ поклонникамъ раввинской непогрѣшимости?), общественнаго образованія и призрѣнія (§ 1)». Коробочный сборъ подраздѣленъ на общій и частный. *Общему* сбору подвергаются: 1) убой скота, 2) рѣзанье птицъ на еврейскій манеръ и 3) продажа такъ называемаго «кошернаго» мяса; *частному*—производство евреями торговли, доходъ отъ ихъ домовъ и лавокъ, содержаніе ими шинковъ и трактировъ и т. п. Такимъ образомъ, въ началѣ 40-хъ годовъ изолированность еврейскихъ обществъ достигаетъ своего апогея, въ силу предоставленной имъ автономіи, обезпеченной весьма значительными денежными поборами.

Но вскорѣ затѣмъ,—а именно въ 1844 г.,—словно по мановенію жезла волшебницы-феи, кагалы были уничтожены вездѣ, *кромѣ Риги и курляндской губерніи* [1]), и евреи подчинены, по мѣстамъ ихъ жительства, городскимъ и уѣзднымъ управленіямъ на общемъ основаніи. Въ высочайше утвержденномъ положеніи по этому предмету указано, что «никакое особое *еврейское управленіе существовать не должно*», а коробочные сборы переданы въ городскія думы и ратуши. Въ то же время обязанности кагаловъ по коробочному сбору возложены на *еврейскихъ* (непремѣнно «еврейскихъ»!) *сборщиковъ податей*; правильное же взиманіе этого сбора поставлено подъ наблюденіе полиціи и общественныхъ начальствъ (наблюденіе чисто фиктивное).

Казалось бы, наконецъ, что наше правительство, разставшись съ идеею еврейскаго самоуправленія, т. е. точнѣе: еврейскаго самоуправства, уничтоживъ, хотя бы только de jure, зловредные кагалы, избавилось навсегда отъ тяжелыхъ оковъ, которыми добровольно сковало себѣ руки по отношенію къ иноплеменникамъ, упрямо продолжавшимъ смотрѣть на себя, какъ на нѣкоторое «государство въ государствѣ». Но не такъ было на самомъ дѣлѣ, и въ этомъ благотворномъ исходѣ разочаровываетъ насъ сама комисія 70-хъ годовъ, на труды которой мы имѣемъ возможность ссылаться.

«*Не смотря на уничтоженіе кагаловъ* — утверждаетъ докладъ

---

[1]) Полн. собр. зак., № 18,546.

этой комисіи—*у евреевъ остается много средствъ для національнаго обособленія.* Даже въ законодательныхъ актахъ, послѣдовавшихъ за 1844 г., *не видно особой настойчивости къ устраненію этой обособленности...* Въ 1845 г. *возстановленъ существовавшій особый сборъ съ шабашныхъ евѣчей* на содержаніе собственно еврейскихъ училищъ; учреждена при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ «*раввинская комисія*» для разрѣшенія мнѣній и вопросовъ, относящихся къ правиламъ еврейской вѣры (опять ненужная забота о чистотѣ талмудическаго правовѣрія!). Въ 1852 г. *евреямъ предоставлено имѣть свои особые цехи*; они несутъ государственныя подати и повинности отдѣльно отъ христіанъ, для чего составляютъ изъ себя собранія, *центромъ которыхъ становятся синагоги; коробочный сборъ, которымъ отчасти обезпечивается поступленіе казенныхъ податей съ еврейскихъ обществъ, остается въ рукахъ еврейскихъ выборныхъ*; третейскій судъ (бет-динъ) продолжаетъ дѣйствовать на талмудической почвѣ. *Уничтожено собственно названіе кагаловъ*, но значеніе коллегіи старшинъ *едва ли* (опять это скромное: «едва ли»!) не остается прежнимъ».

Что значеніе кагала, при оставленіи коробочнаго сбора въ рухахъ «еврейскихъ сборщиковъ податей», а метрическихъ книгъ—въ рукахъ раввиновъ, продолжаетъ не «едва ли», а навѣрно оставаться прежнимъ, — о томъ категорически свидѣтельствовалъ въ 70-хъ годахъ тогдашній кіевскій генералъ-губернаторъ князь А. М. Дондуковъ-Корсаковъ, а потому и предлагалъ: или отмѣнить совершенно коробочный сборъ, замѣнивъ его другимъ налогомъ, или, во всякомъ случаѣ, *вырвать его изъ рукъ всемогущей синагоги.*

«Слѣдуетъ согласиться,—справедливо говорилъ кн. Дондуковъ,—что коробочный сборъ, существующій *внѣ правительственнаго контроля*, сохранитъ всѣ тѣ же неудобства, ту же тяжесть, тѣ же злоупотребленія и *даже будетъ служить причиною большей обособленности евреевъ*, если онъ перейдетъ изъ вѣдѣнія правительства въ распоряженіе самихъ обществъ... Зная евреевъ, можно съ увѣренностью сказать, что они ни въ какомъ случаѣ не откажутся отъ коробочнаго сбора, что они желаютъ только *освободить его отъ правительственнаго надзора* (sic) *и отъ употребленія на уплату недоимокъ*; что они непремѣнно усилятъ этотъ сборъ, будутъ употреблять его на свои еврейскія надобности... и *даже для разныхъ вредныхъ цѣлей, какъ ходатайства по общимъ еврейскимъ дѣламъ* (мы знаемъ, къ какой цѣли было направлено удавшееся ходатайство о смѣнѣ Державина) и т. п. Но самое главное—то, что *коробочный сборъ въ рукахъ еврейскихъ обществъ послужитъ еще большимъ могущественнымъ средствомъ обособленія евреевъ* отъ согражданъ другихъ испо-

вѣданій. Противъ этого евреи возражаютъ, что правительству и жителямъ другихъ исповѣданій нѣтъ дѣла до того—упразднятъ ли евреи совершенно коробочный сборъ, или оставятъ его для своихъ надобностей; что это—*частное, домашнее дѣло самихъ евреевъ* (?!!). При всей кажущейся справедливости (на нашъ взглядъ, тутъ нѣтъ даже и «кажущейся справедливости») такого возраженія, невозможно, однако, съ нимъ согласиться. Еврейство—іудаизмъ—*не есть только религіозное вѣрованіе; оно есть особое законодательство* (вотъ это совершенно вѣрно!), которое *сопровождаетъ еврея во всей его жизни, касается его семейныхъ, имущественныхъ и общественныхъ правъ и обязанностей; оно не налагаетъ на своихъ послѣдователей никакихъ нравственныхъ обязанностей; оно освобождаетъ евреевъ отъ повиновенія общимъ государственнымъ законамъ...* (опять таки вѣрно!) Ни одинъ еврей добровольно, *по нравственному убѣжденію въ необходимости исполнить долгъ гражданскій*, не заплатитъ ни подати, ни пошлины, налагаемой общими законами, если онъ можетъ подъ какимъ либо предлогомъ не заплатить... Еврей, уличенный въ проступкѣ и преступленіи, не видитъ въ наказаніи заслуженной кары, и подвергается этому наказанію только какъ неизбѣжному несчастію, которое надо стараться отвратить или смягчить всѣми средствами, *хотя бы и незаконными*. При такомъ отношеніи евреевъ къ обществу, среди котораго они живутъ, и къ государству, коего покровительствомъ пользуются, *невозможно предоставить имъ право заводить свои финансы*, установлять сборы и пользоваться своими обильными денежными средствами для цѣлей, несогласныхъ съ видами правительства, а, можетъ быть, даже и *совершенно враждебныхъ общегосударственнымъ и правительственнымъ интересамъ*».

Князь Дондуковъ-Корсаковъ возставалъ противъ коробочнаго сбора, видя въ немъ только сильное средство дальнѣйшаго обособленія еврейства и для достиженія специфически-еврейскихъ зловредныхъ цѣлей; а въ то же время сенаторъ Я. А. Соловьевъ (извѣстный своей многополезной дѣятельностью по освобожденію крестьянъ), выдѣливъ изъ коробочнаго сбора одну его составную часть,—именно *налогъ на кошерное мясо*,—находилъ его совершенно нелѣпымъ и несогласнымъ съ принципомъ свободы вѣроисповѣданія, а притомъ и несправедливымъ съ экономической точки зрѣнія, такъ какъ львиная доля этого своеобразнаго налога падаетъ преимущественно на бѣдныхъ евреевъ (да и не однихъ евреевъ, замѣтимъ отъ себя, а всѣхъ бѣдныхъ христіанъ, живущихъ въ чертѣ еврейской осѣдлости). Эти евреи, потребляя наибольшее количество кошернаго мяса, только расплачиваются за правовѣрный фанатизмъ богатыхъ хаси-

довъ. «Очевидно, — такъ развиваетъ свою мысль сенаторъ Соловьевъ,—что *вышеизложенныя начала неравномѣрности и эксплуатаціи бѣдныхъ богатыми* не могутъ быть допущены даже и въ сборахъ, имѣющихъ по существу самое законное основаніе; тѣмъ менѣе они могутъ быть допущены въ сборѣ, подобномъ кошерному. *Допуская свободу совѣсти вообще, правительство не можетъ въ то же время принимать на себя заботу объ обязательномъ соблюденіи еврейскимъ населеніемъ его религіозныхъ обрядностей, не посягая на ту же свободу совѣсти*, такъ какъ и между евреями есть такіе, которые не употребляютъ вовсе кошернаго мяса. На семъ основаніи, узаконеніе кошернаго сбора,— равносильное принужденію къ употребленію кошернаго мяса,—а рядомъ съ нимъ и особаго сбора, такъ называемаго «сбора съ евреевъ, не употребляющихъ кошернаго мяса» (это уже прямо налогъ на свободу совѣсти!), *несовмѣстимо въ достоинствомъ правительства*. Независимо отъ сего, кошерный налогъ, кромѣ конфессіональнаго характера своего, лишая бѣдный классъ еврейскаго населенія насущныхъ средствъ пропитанія непомѣрнымъ возвышеніемъ цѣнъ на мясо, *несовмѣстимъ съ санитарными правилами и, слѣдовательно, съ интересами общегосударственными*».

Изъ этихъ мнѣній очевидно, что между серьезными государственными людьми Россіи, любящими свое отечество и знакомыми не по наслышкѣ съ еврейскими «свычаями и обычаями», *экономическая и нравственная зловредность талмудизма* давно уже стояла внѣ всякаго спора, и только жидовскіе «подарки» и «ходатайства» могли мѣшать правильному распространенію и примѣненію этого взгляда. Но къ жидовскимъ подаркамъ, въ 60-хъ годахъ, присоединилось еще и не менѣе пагубное вліяніе «*жидовскаго либерализма*», который тѣмъ и отличается отъ русскаго либерализма, что объектомъ своихъ симпатій избираетъ не правомѣрную (экономическую, общественную и нравственную) свободу русскаго народа, а особаго рода «свободу»...—еврейской эксплуатаціи, еврейскаго тунеядства и пролазничества... Подъ вліяніемъ этого «либерализма»,— который на половину искренно (по невѣжеству нашему въ еврейскомъ вѣроученіи), а на половину корыстно, за жидовскія подачки, овладѣлъ нѣкоторыми сферами нашего общества и значительной частью печати,—для всякихъ льготъ и снисхожденій въ пользу якобы гонимаго племени открытъ былъ самый широкій и безсмысленный просторъ. И, дѣйствительно, въ это время «льготы» и «права» посыпались на евреевъ, какъ изъ рога изобилія, а мудрыя предостереженія Державина, его дальновидный совѣтъ—открыть евреямъ настежъ заграничныя ворота (совѣтъ, повторенный впослѣдствіи гр. Н. П.

Игнатьевымъ) были безъ церемоніи отнесены къ обскурантизму и тупости «пѣвца Фелицы», именно и оказавшагося въ данномъ случаѣ прозорливымъ государственнымъ человѣкомъ.

Въ теченіе какихъ нибудь 10 — 15 лѣтъ царствованія Александра II, даны евреямъ новыя права: по производству торговли, ремеслъ, по пріобрѣтенію недвижимой собственности, по учрежденію банкирскихъ конторъ, по занятію мѣстъ на государственной службѣ, и не только евреямъ-туземцамъ, — которыхъ все еще оказывалось недостаточно для облагодѣтельствованія Россіи жидовской культурою,—но и «пріѣзжимъ изъ-за границы иностраннымъ подданнымъ, банкирамъ и главамъ извѣстныхъ *значительныхъ* (?) торговыхъ домовъ». Евреи-купцы 1-ой гильдіи, пробывшіе въ этой гильдіи не менѣе 5 лѣтъ, могутъ приписываться въ наше купечество по всѣмъ городамъ имперіи и въ закавказскомъ краѣ, *вмѣстѣ съ членами своихъ семействъ*; всѣ евреи получаютъ право являться «на время» (а время это тянулось цѣлыми годами!), въ интересахъ торговли, во внутренніе города Россіи; евреи-земледѣльцы, «удовлетворительно устроившіе свое хозяйство», награждаются правомъ «записываться въ гильдіи и производить торговлю и промыслы по установленнымъ свидѣтельствамъ»; евреи, имѣющіе дипломы на ученыя степени, «допускаются на службу по всѣмъ вѣдомствамъ»; окончившіе курсъ гимназіи съ медалями причисляются въ личное почетное гражданство. Купцы 1-ой гильдіи изъ талмудистовъ добиваются права держать при себѣ чуть не цѣлыя сотни еврейскихъ «прикащиковъ» (этимъ правомъ г. Лазарь Поляковъ пользовался въ Москвѣ въ самыхъ неограниченныхъ предѣлахъ); «ученые евреи», съ дипломомъ въ карманѣ, продолжаютъ промышлять самыми заурядными жидовскими гешефтами, и полицейскія власти уже смотрятъ сквозь пальцы на эту «ученую» дѣятельность. Поземельная собственность въ Крыму, — въ лучшей, по климату, части Россіи — отдается въ 1861 г. на расхищеніе жидамъ. Наконецъ, рядъ этихъ разрѣшительныхъ и попустительныхъ мѣръ увѣнчивается въ 1865 г. дозволеніемъ—«евреямъ-механикамъ, винокурамъ, пивоварамъ и *вообще мастерамъ и ремесленникамъ проживать повсемѣстно въ имперіи*». Всѣмъ извѣстно, какой результатъ вышелъ изъ этого широкаго дозволенія, которое *de facto почти совсѣмъ упразднило черту еврейской осѣдлости* и наводнило, напр., Москву такою массою еврейскихъ «мастеровъ» (по части ростовщичества), «механиковъ» (по отдѣлу *хитрой механики*) и псевдо-сапожниковъ, часовщиковъ, портныхъ etc., что ихъ пришлось впослѣдствіи гуртомъ выселять изъ бѣлокаменной столицы... При этомъ, не будетъ лишнимъ прибавить, что еслибы операцію провѣрки ремесленныхъ занятій при-

мѣнить съ такою же строгостью къ Петербургу, кишащему въ послѣднее время еврейскими вывѣсками, то, несомнѣнно, и со здѣшними бердичевскими и шкловскими пришельцами пришлось бы поступить такимъ же точно энергическимъ образомъ.

Но и всѣхъ этихъ льготъ показалось мало усерднымъ радѣтелямъ «еврейской культуры», и въ нѣдрахъ самой еврейской комисіи 1872 г. раздались голоса (гг. *Тернера* и *Мягкова*) въ пользу того, чтобы евреямъ, «занимающимся торговлею (*безъ различія гильдіи*), промыслами и ремеслами» (тѣми самыми «ремеслами», которыми они занимались въ Москвѣ!) дозволено было селиться во всѣхъ мѣстностяхъ имперіи. Изъ мнѣній этихъ членовъ комисіи оказывается даже, что вопросъ этотъ былъ серьезно возбужденъ въ 1863 г. министерствомъ финансовъ; но—благодареніе Богу!—грозная туча прошла мимо Россіи. Замѣчательна та увѣренность, съ которою гг. Тернеръ и Мягковъ доказываютъ, что «крайній нравственный упадокъ еврейскаго племени зависитъ, главнымъ образомъ, *отъ весьма неблагопріятныхъ условій, въ которыя евреи поставлены относительно пріобрѣтенія средствъ къ существованію*»; что «не слѣдуетъ опасаться *сколько нибудь сильнаго* (это видно по примѣру Москвы и Петербурга!), *а тѣмъ болѣе внезапнаго наплыва евреевъ во внутреннія губерніи Россіи*»; что отъ повсемѣстнаго разселенія евреевъ выиграли бы: «правильное распредѣленіе населенія, увеличеніе казенныхъ податей (съ ограбленныхъ крестьянъ?!), *полезная конкурренція въ подрядахъ*» (не на пухертовскую ли муку?), *улучшеніе благосостоянія сельскаго населенія*» (въ денежной кэбалѣ у жидовъ?) и даже — о sancta simplicitas! — «уменьшеніе контробанды»!!

О «либеральной» жидовской прессѣ, усердно вознаграждаемой и временными подачками, и постоянными субсидіями отъ еврейскаго кагала, и говорить нечего: она лѣзла изъ кожи вонъ, чтобы обѣлить сыновъ Израиля отъ всяческихъ «навѣтовъ» и «клеветъ». Къ этому хору примыкалъ, съ якобы-консервативной стороны, и Катковъ, питавшій особенную нѣжность къ еврейскимъ финансовымъ тузамъ. Его quasi-консервативной угодливости, а также и непомѣрному ослабленію законнаго надзора при князѣ Долгорукомъ, обязана Москва быстрымъ распложеніемъ еврейскаго племени и процвѣтаніемъ московской синагоги. Г. Катковъ утверждалъ даже въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», подъ казеннымъ орломъ, что «принадлежность къ талмудизму отнюдь не мѣшаетъ еврею быть хорошимъ русскимъ подданнымъ» (??).

Но, по счастью, рядомъ съ «еврейскимъ теченіемъ», въ нашемъ обществѣ и въ правительственныхъ сферахъ не сгинула еще дру-

гая, болѣе правильная и, дѣйствительно, патріотическая точка зрѣнія на жидовскія дѣла, — та именно точка, на которой стояли лучшіе государственные люди екатерининскаго времени. Въ той же самой комисіи, гдѣ раздавались уже фальшиво-гуманные и лживо-либеральные голоса въ пользу уничтоженія «черты еврейской осѣдлости»,—мы встрѣчаемся съ замѣчательно-трезвыми, разумно-обоснованными и истинно-либеральными мнѣніями другихъ ея членовъ, В. В. Григорьева и В. Я. Фукса [1]).

Выясняя характеръ и смыслъ еврейской отчужденности отъ всего остальнаго человѣчества, г. Фуксъ справедливо говоритъ: «*Единовѣріе и единоплеменность евреевъ имѣютъ безусловно и повсемѣстно политическій характеръ.* Не обладая собственною территоріею, не имѣя національнаго правительства, евреи, со времени окончательнаго паденія Іерусалима, облекли свое политическое единство фикціею, доселѣ непоколебимо ими сохраняемою: *они вездѣ живутъ и умираютъ, какъ иностранцы, но истинное ихъ отечество — все та же Палестина*; ихъ столица — тотъ же Іерусалимъ... Это именно міросозерцаніе и дѣлаетъ изъ евреевъ, по выраженію департамента законовъ Государственнаго Совѣта, «*религіозно-политическую касту*». Евреи не признаютъ себя и *не могутъ быть признаваемы гражданами обитаемыхъ ими странъ*, но, не будучи подданными иноземнаго государства, *не могутъ быть признаваемы и иностранцами.* Они — «государство въ государствѣ», а потому не только все прошедшее, но и интересъ настоящаго времени побуждаетъ ихъ *не къ сліянію съ гражданами страны, но лишь къ пріобрѣтенію предоставленныхъ этимъ гражданамъ преимуществъ*, съ полнымъ, однако, сохраненіемъ всего внутренняго—національнаго и религіозно-политическаго—самоуправленія, *этого могучаго орудія той дисциплины, которая связываетъ и направляетъ силы евреевъ къ главной внѣшней цѣли ихъ настоящаго разсѣянія между иноплеменниками — къ вещественной эксплуатаціи*». Для подкрѣпленія этой квалификаціи еврейства, какъ зловредной «*религіозно-политической касты*», желающей только пользоваться правами, но не исполнять обязанности гражданства, г-нъ Фуксъ дѣлаетъ серьезныя экскурсіи и въ древнюю, и въ новую исторію еврейскаго племени, причемъ подвергаетъ сомнѣнію еврейскія «добродѣтели» (между прочимъ, семейную, которою они любятъ похваляться) и выставляетъ на видъ всѣ неоспоримыя болячки, которыя привились къ еврейству во время его паразитнаго блужданія по бѣлу свѣту. Такъ напр., самыя гоненія на евреевъ г. Фуксъ

[1]) См. «Матеріалы Комиссіи по устройству быта евреевъ». Ч. I Спб. 1879 г. Изданіе министерства вн. дѣлъ.

вѣрно объясняетъ «не религіозной лишь враждой христіанъ,—на что любятъ напирать писаки извѣстнаго сорта,—«но нарушеніемъ самими евреями интересовъ мѣстнаго населенія». «Въ V и VI вѣкѣ—говоритъ онъ по этому поводу—евреевъ преслѣдовали въ Испаніи за то, что *они торговали христіанскими невольниками*... во Франціи и Германіи *народныя массы преслѣдовали евреевъ за ростовщичество,* а въ Бѣлоруссіи и Малороссіи евреи были ненавистны, *какъ агенты самаго тяжелаго иноземнаго владычества. Слѣдовательно, тутъ не было преслѣдованія одностороннаго, но была взаимная борьба*... Самая «мартирологія» евреевъ, даже по еврейскимъ источникамъ, *оказывается крайне преувеличенною* и далеко не представляетъ картинъ въ родѣ мученія христіанъ въ римской имперіи, войны съ альбигойцами и т. п. Вообще, говоря о гоненіяхъ противъ евреевъ, не слѣдуетъ забывать, что если евреи отъ времени до времени и подвергались гоненіямъ, то въ остальное время они въ тѣхъ же самыхъ странахъ *пользовались очень часто привилегированнымъ положеніемъ.* Такъ было въ Испаніи, гдѣ они долго были при дворѣ и на государственной службѣ, и во Франціи, гдѣ имѣли особыхъ коронныхъ защитниковъ, или прокуроровъ, и въ германской имперіи, гдѣ они были подъ защитою особыхъ охранныхъ грамотъ, и въ папскихъ владѣніяхъ, гдѣ имъ покровительствовали нѣкоторые римскіе первосвященники, и въ Польшѣ, гдѣ они имѣли самостоятельное управленіе, и *въ Россіи, гдѣ доселѣ сохраняютъ свое отдѣльное, въ извѣстной степени, привилегированное устройство* и *фактически пользуются гражданскою свободою* почти не менѣе, чѣмъ въ пограничныхъ государствахъ. Еслибы преслѣдованія евреевъ въ Европѣ были такъ жестоки, всеобщи и постоянны, какъ описывается въ еврейскихъ мартирологіяхъ, то, конечно, евреи не занимали бы, ни по численности, ни по связямъ, ни по капиталамъ, того положенія, которое они теперь имѣютъ на Западѣ и у насъ. Создать себѣ вдругъ такое положеніе было невозможно»!

Что же касается до движенія идей въ еврейской средѣ,—весьма мало доступной настоящему прогрессу,—то г. Фуксъ замѣчаетъ по этому вопросу: «Бо́льшая часть крупныхъ личностей изъ евреевъ или примыкали къ христіанству, вызывая противъ себя презрѣніе, проклятія и преслѣдованія со стороны своихъ прежнихъ единовѣрцевъ, или же, оставаясь въ еврейской сферѣ, платили ей печальную дань. Таковъ былъ и знаменитый Маймонидъ, который не смотря на всѣ свои ученыя заслуги, проповѣдывалъ самый грубый фанатизмъ. Только Моисей Мендельсонъ, *пытавшійся въ прошломъ столѣтіи гуманизировать евреевъ* (увы, тщетно пытавшійся!), не покинулъ вѣры предковъ. Много выстрадавъ при жизни, *онъ поло-*

жилъ основаніе сектъ реформистовъ, рѣшительно отвергаемой талмудическимъ большинствомъ и значительно искаженной уступками и лицемѣріемъ его собственныхъ послѣдователей. Другіе же, въ родѣ Кремьё (извѣстный французскій министръ юстиціи и президентъ «Всемірнаго израильскаго союза», составляющаго для евреевъ центральное правительство) не только не разрывали связи съ талмудистами, но съ талантомъ и упорствомъ, достойными лучшей цѣли, защищали всѣ стремленія фанатической толпы. Причина тому очевидна. Въ душной еврейской сферѣ человѣку трудно выйти изъ ряду вонъ. Подавленный дисциплиною кагала, властью бетдина, гнетомъ безчисленныхъ «братствъ» (*братски* относящихся только къ своему племени) и экономическою зависимостью отъ своихъ старѣйшинъ, *еврей имѣетъ предъ собою только два крайнихъ исхода: или склониться передъ авторитетомъ своихъ руководителей, или пробить себѣ грудью доступъ къ собственной диктатурѣ*, что̀ удается, конечно, немногимъ энергическимъ личностямъ. Средняго пути нѣтъ: *всякая попытка эмансипироваться встрѣчаетъ отпоръ не по силамъ*. Такимъ образомъ, *народныя массы евреевъ* (за которыми талмудизмъ не признаётъ никакихъ человѣческихъ правъ), *безъ всякаго преувеличенія, находятся въ крѣпостномъ состояніи*».

И наша прежняя система, руководимая какими-то злыми геніями, насильственно поддерживала это *крѣпостническое состояніе еврейской массы*, пригнетая ее подъ иго кагаловъ и синагогъ, блюдя за непреложностью звѣрскихъ ученій талмуда съ ревностью, прямо гибельною не только для русскихъ, но и для общечеловѣческихъ интересовъ. Не исполнивъ державинской программы о разрушеніи кагаловъ, о выселеніи евреевъ либо за границу, либо въ далекіе пустыри для цѣлей колонизаціи; не послѣдовавъ разумному указанію Государственнаго Совѣта на необходимость мѣръ «*къ возможному ослабленію общественной связи евреевъ*», мы, прежде чѣмъ обезвредить сколько нибудь злостный союзъ всемірныхъ заговорщиковъ противъ общественнаго и народнаго блага, чуть было не открыли имъ всю Россію «на потокъ и разграбленіе», положившись на увѣреніе «короля» русскихъ евреевъ,—нынѣ, по счастію, развѣнчаннаго,—барона І. Гинцбурга, что «мудрому правительству *нѣтъ ни малѣйшаго повода къ опасенію, чтобы полная эмансипація евреевъ въ Россіи, въ конечномъ результатѣ своемъ, могла породить неблагопріятныя послѣдствія въ экономическомъ и нравственномъ строѣ государства*» (!!). Въ то же время баронъ Гинцбургъ имѣлъ смѣлость утверждать, отъ имени европейскихъ правительствъ, что, «не задруднившись даровать своимъ подданнымъ еврейскаго

закона полную гражданскую и политическую равноправность, они, конечно, не имѣютъ повода въ томъ раскаиваться» (оно и видно по разростающемуся въ Европѣ антисемитизму, о чемъ свидѣтельствуетъ почти каждая «внутренняя и внѣшняя хроника» въ «*Наблюдатель*»).

На всѣ эти лживыя, коварныя и наглыя увѣренія не только въ безопасности, но чуть-чуть не въ благодѣяніи, которое повлечетъ за собой повсемѣстное разселеніе евреевъ, отвѣчалъ чрезвычайно основательно и убѣдительно извѣстный оріенталистъ В. В. Григорьевъ, тоже приглашенный въ комисіи высказаться *по вопросу о мѣстожительствѣ евреевъ*.

Въ самомъ началѣ своего въ высшей степени интереснаго доклада, Григорьевъ выражаетъ мысль, что «вопросъ объ этомъ предметѣ *представляется несравненно болѣе вопросомъ русскимъ, нежели еврейскимъ*, ибо съ разрѣшеніемъ этого вопроса въ ту или другую сторону связывается будущность не столько еврейскаго племени въ Россіи, сколько всего, какъ русскаго, такъ и инородческаго ея населенія. Важно въ этомъ вопросѣ не то, *лучше ли будетъ евреямъ* (а такъ именно хотѣли бы поставить вопросъ еврейскіе наемники, утверждавшіе, что «гонимое племя» *задыхается* въ чертѣ осѣдлости, которая, однако, обнимаетъ собою пространство, равное нѣсколькимъ европейскимъ государствамъ); а то, *какъ отразится эта мѣра на экономическомъ благосостояніи огромнаго большинства русскаго народа*».

Обыкновенный пріемъ разсужденій о необходимости *разрѣдить* еврейскую массу въ Сѣверо-западномъ и Юго-западномъ краѣ, *посредствомъ допущенія ея на всю остальную русскую территорію*, состоитъ въ томъ, что излишняя-де многочисленность евреевъ въ чертѣ осѣдлости, отнимая у нихъ возможность прокармливать себя честнымъ трудомъ, «*вынуждаетъ*» ихъ добывать хлѣбъ, или эксплуатируя мѣстное христіанское населеніе, или прибѣгая ко всякаго рода мошенничествамъ». По этому поводу Григорьевъ обращается, прежде всего, къ статистикѣ и неоспоримыми цифрами десятой ревизіи доказываетъ, что изъ всѣхъ губерній, лежащихъ въ чертѣ еврейской осѣдлости, *только подольская и кіевская являются густонаселенными* сравнительно съ другими губерніями европейской Россіи (да и то курская губернія, по плотности населенія, равняется подольской, а тульская превосходитъ кіевскую); всѣ же остальныя уступаютъ въ этомъ отношеніи весьма многимъ губерніямъ имперіи, къ тому же вовсе не славящимся производительностью почвы, какъ напр., владимірской, нижегородской, тверской, смоленской и псковской. Стало быть, Сѣверо-западный и Юго-западный край отнюдь

не могутъ жаловаться на густоту въ нихъ населенія сравнительно съ другими частями имперіи, не болѣе ихъ облагодѣтельствованными природою. Между тѣмъ, *присутствіе евреевъ въ девяти западныхъ губерніяхъ есть положительное зло, но проистекающее вовсе не отъ людности ихъ* (sic). По процентному отношенію (даже преувеличивая нѣсколько численность еврейскаго племени), *1 еврей приходится тамъ на 6 душъ христіанъ. Точно такое же отношеніе находимъ мы, среднимъ числомъ, между магометанскимъ и христіанскимъ населеніемъ* въ губерніяхъ: симбирской, самарской и казанской, не говоря уже о бывшей оренбургской, гдѣ магометанъ было почти столько же, сколько и христіанъ, и—по словамъ Григорьева, близко знавшаго дѣла того края—«никто не жалуется на такую многочисленность магометанъ въ означенныхъ трехъ губерніяхъ; никто не считаетъ этого зломъ, никто не обвиняетъ мусульманское населеніе въ эксплуатаціи христіанскаго; *никому и въ голову не приходитъ, что для блага послѣдняго число магометанъ должно быть тамъ уменьшено выселеніемъ ихъ куда либо въ другія губерніи*».

Выходитъ, что зло, проистекающее для западныхъ губерній отъ многочисленности евреевъ, заключается *не* въ цифирномъ отношеніи ихъ къ мѣстному христіанскому населенію, а въ чемъ либо другомъ. И, вникая въ этотъ вопросъ, авторъ доклада говоритъ: «все зло заключается въ томъ, что *евреи не хотятъ существовать тѣми же средствами, какъ и остальное народонаселеніе*». Россія,—а въ томъ числѣ и западныя губерніи, — есть *страна земледѣльческая*, и огромное большинство ея жителей должно добывать себѣ средства къ существованію обработкой земли. Сообразно съ этими естественными условіями, и евреи, въ своей массѣ, должны были бы заниматься земледѣліемъ. При этомъ условіи, они не были бы въ тягость коренному населенію, какъ бы ни были многочисленны. Между тѣмъ евреи, не только въ западныхъ губерніяхъ, но и гдѣ бы то ни было, земледѣліемъ рѣшительно не занимаются. Извѣстно, что всѣ многочисленныя попытки нашего правительства обратить ихъ къ этому промыслу оканчивались совершенною неудачею и не потому, что вводились несоотвѣтственно съ цѣлью (впрочемъ, еврейскіе панегиристы доказывали, что во всемъ виновато было правительство!), а потому, что евреи всячески уклонялись отъ обработки земли. Еврей положительно не хочетъ быть земледѣльцемъ. «Я—говоритъ іерусалимскій выходецъ—*не гожусь для такой работы; я слабосиленъ для нея*, но я могу быть полезенъ обществу, среди котораго живу, другою дѣятельностью, именно ремесленною» (??).

«Увидимъ сейчасъ,—говоритъ Григорьевъ,—что это не болѣе, какъ отговорка; допустимъ, однако, будто это правда; но, допустивъ, спросимъ: *развѣ могло бы существовать какое либо общество, въ которомъ всѣ члены, отзываясь слабосиліемъ, отказались бы отъ всякихъ тяжелыхъ работъ?* Кто же исполнялъ бы тогда эти тяжелыя, но необходимыя работы? *Евреи хотятъ, чтобы эту необходимую тяготу несли за нихъ русскіе*, т. е. хотятъ, живя въ русскомъ государствѣ, *стать въ привилегированное положеніе передъ русскимъ населеніемъ...* Но развѣ подобныя требованія не безсмысленны, не оскорбительны, и можетъ ли идти серьезная рѣчь объ ихъ удовлетвореніи? *Между тѣмъ, совершенно ложно и то, чтобы еврей былъ слабосильнѣе какого нибудь бѣлорусскаго крестьянина, истощеннаго вѣками голода и гнета*; а крестьянинъ этотъ, когда ему нечѣмъ прокормить себя и семью дома, идетъ за сотню, за тысячу верстъ на земляныя работы, и работаетъ удовлетворительно. *Многимъ ли голодающимъ евреямъ приходило въ голову, что и они могли бы этимъ способомъ заработать пропитаніе себѣ и семьѣ? Просили ли когда еврейскія общества, чтобы именно для такихъ работъ разрѣшали имъ впускъ въ Россію?* «Насъ не наймутъ въ такую работу, еслибы мы и желали за нее взяться»—скажутъ они, пожалуй. И дѣйствительно, въ большинствѣ случаевъ, не наймутъ; но *не потому, чтобы они не въ силахъ были владѣть заступомъ, а потому, что при первомъ же удобномъ случаѣ они, отложивъ заступъ, примутся, тѣмъ или другимъ способомъ, за эксплуатацію своихъ товарищей-христіанъ*, къ ущербу ихъ и нанимателя,—потому не наймутъ, что не имѣется довѣрія къ ихъ труженической честности, что не заслужили они этого довѣрія».

Что же касается до *ремесла*, то и оно, по справедливому мнѣнію Григорьева (такъ оправдавшемуся въ дальнѣйшей исторіи еврейскихъ ремеслъ внутри Россіи!) служитъ для еврея *скорѣе отговоркой*, чѣмъ дѣствительнымъ средствомъ существованія. «Много ли между ремесленниками изъ евреевъ найдется каменотесовъ, плотниковъ, кузнецовъ, колесниковъ и вообще рабочихъ, трудящихся большею частію подъ открытымъ небомъ или со значительною тратою мускульныхъ силъ? *И въ ремеслахъ евреи хотятъ играть только избранныя роли*—быть портными, шапошниками, сапожниками, токарями, часовщиками, ювелирами. По этимъ отраслямъ ремесленнаго дѣла между ними найдутся способные и усидчивые труженики (замѣтимъ, однако, въ скобкахъ, что въ Москвѣ бо́льшая часть «часовщиковъ» оказались самыми грязными гешефтмахерами, и еврейскіе «ювелиры» никогда не прочь поторговать фальшивыми или краденными брилліантами), но странно, если цѣлое

милліонное населеніе захочетъ работать по этимъ «отраслямъ» и станетъ жаловаться, что нѣтъ достаточно покупателей на изготовленные имъ часы и перстни! «Впрочемъ—вѣрно замѣчаетъ Григорьевъ—и по своимъ излюбленнымъ ремесламъ евреи являются только рабочими, а не художниками. *Для этого недостаетъ у нихъ вкуса и воображенія* (здѣсь Григорьевъ косвенно возражаетъ на распространенное самими жидами мнѣніе о ихъ необыкновенной природной «даровитости», которую они очевидно смѣшиваютъ съ «даромъ плутни»); недостатокъ этотъ свидѣтельствуетъ о томъ, что напрасно считаютъ они себя и ремесленниками по преимуществу. Бѣднаго населенія немало и по разнымъ краямъ Западной Европы, но тамъ, гдѣ оно хочетъ существовать честнымъ трудомъ, оно изобрѣтаетъ новые промыслы и ремесла, хотя и незатѣйливые, но дающіе ему хлѣбъ, каковы: изготовленіе жестяной посуды въ Карпатахъ, рѣзьба на деревѣ и изъ дерева въ Тиролѣ, производство деревянныхъ часовъ въ Швейцаріи и т. д. Что̀ же изобрѣли бѣдствующіе евреи въ подобномъ положеніи? Ничего!».

Кромѣ ремеслъ, евреи, живущіе въ Западномъ краѣ, могли бы заняться тамъ *фабричною и заводскою промышленностью.* Скопленіе капиталовъ въ ихъ рукахъ давало бы имъ полную возможность водворить тамъ выдѣлку и обработку всякаго рода мѣстныхъ сырыхъ произведеній. Западная Европа снабжается пенькою, идущею изъ Сѣверо-западнаго края или черезъ этотъ край:—почему бы капиталистамъ-евреямъ не завести тамъ канатныхъ и веревочныхъ заводовъ? Что̀ сказано о пенькѣ, то же относится и до льна: почему же обработка этого льна должна прокармливать десятки тысячъ ткачей за границей, а не евреевъ Западнаго края, и почему не заводятъ они у себя полотнянаго производства? Обиленъ край и лѣсами; почему же благожелатели своего народа изъ евреевъ не откроютъ тамъ, напр., фабричной выдѣлки столярныхъ издѣлій, какая существуетъ въ Ригѣ, или простой мебели, которая такъ дорога въ Россіи и находила бы отличный сбытъ? Вмѣсто этихъ и подобныхъ производствъ, которыя обезпечили бы существованіе сотенъ тысячъ «бѣдствующаго» еврейскаго населенія, евреи изъ всѣхъ видовъ заводской промышленности *занялись въ Бѣлоруссіи единственно винокуреніемъ*, да и то въ виду не столько самаго дѣла, сколько возможности выгодныхъ злоупотребленій. Вообще опытъ показалъ, что *къ настоящей честной промышленности евреи имѣютъ столько же склонности и способностей, сколько и къ ремеслу.* Ни въ какомъ производствѣ, даже и въ винокуреніи, не являются они «двигателями дѣла, новаторами, изобрѣтателями» (по меткому замѣчанію генералъ-адъютанта Безака); напротивъ, всякое

производство, попадая въ ихъ руки (какъ напр., часовое производство въ Швейцаріи и суконное—въ Англіи, прибавимъ отъ себя) немедленно ухудшается и гибнетъ, вслѣдствіе нерасположенія евреевъ затрачивать капиталъ на улучшенія и ихъ обычной жадности къ извлеченію барышей, обычной манеры—«молотить рожь на обухѣ».

«*Единственный промыселъ*—остроумно заключаетъ В. В. Григорьевъ свою характеристику «гонимаго племени»,—которымъ желали бы существовать евреи, которымъ существуетъ огромное ихъ большинство и *къ которому они имѣютъ вполнѣ достаточныя способности, это—факторство въ обширномъ смыслѣ слова*, т. е. посредничество въ сдѣлкахъ всякаго рода, при которыхъ переходятъ изъ рукъ въ руки деньги и товары. Причиною предилекціи евреевъ къ дѣятельности означеннаго свойства—то, что вознаграждается она обыкновенно, даже при честномъ веденіи дѣла, процентомъ, далеко не соотвѣтствующимъ труду, на нее полагаемому, не требуя въ то же время ни особыхъ умственныхъ и тѣлесныхъ способностей, ни затраты силъ и времени для пріобрѣтенія спеціальныхъ познаній. Вслѣдствіе такой ихъ выгодности и вмѣстѣ легкости, всѣ виды посреднической дѣятельности въ Западномъ краѣ захвачены евреями почти безъ исключенія. Еврей тамъ—и грошовый мѣняла, и милліонеръ-банкиръ, и мелкій факторъ, и крупный подрядчикъ, и содержатель развалившейся корчмы, и арендаторъ обширныхъ имѣній, и большихъ заводовъ; онъ и мелочной торговецъ, и оптовый негоціантъ. Оказывается такимъ образомъ, что евреи хотятъ существовать и существуютъ, большею частію, *только поглощая плоды чужаго труда и сами почти ничего не производя* (курсивъ автора записки), вслѣдствіе чего для страны, гдѣ евреи поселяются, они составляютъ изнуряющее бремя, тяжкое тѣмъ болѣе, чѣмъ многочисленнѣе эти паразиты».

Натурально, что злосчастный примѣръ Западнаго края, «культивированнаго» евреями на свой салтыкъ, а также «одолѣніе» Одессы жидами-паразитами («*весь Новороссійскій край* — говоритъ Григорьевъ—*терпитъ и кряхтитъ теперь отъ непрошеннаго посредничества евреевъ*, отъ организованной ими всеобщей эксплуатаціи какъ русскаго, такъ и иностраннаго населенія») не могутъ соблазнить честнаго русскаго человѣка къ перенесенію таковыхъ же порядковъ во внутреннюю Россію, подъ бокъ къ обнищалому и безъ того крестьянину—и вотъ авторъ записки заканчиваетъ ее слѣдующимъ вполнѣ основательнымъ предостереженіемъ... «*Пока евреи будутъ оставаться тѣмъ, чѣмъ они есть, къ нимъ нельзя относиться покровительственно*, наравнѣ съ другими народностями имперіи; нельзя давать имъ всѣхъ тѣхъ правъ, какія имѣютъ эти

народности, нельзя допускать ихъ къ безусловному жительству по всему пространству Россіи. Допущено это можетъ быть тогда лишь, когда *предварительно* (курсивъ автора) испробованы будутъ всевозможныя мѣры къ обращенію ихъ въ производительныхъ, полезныхъ гражданъ *на нынѣшнихъ мѣстахъ ихъ жительства*, и когда мѣры эти окажутся явно успѣшными». При этомъ В. В. Григорьевъ «не отчаивается въ возможности найти такія мѣры и привести ихъ въ исполненіе», ибо не всегда же, на памяти исторіи, евреи были такими паразитами, какъ въ Россіи; не всюду они таковы и нынѣ Въ былое время, напр., не только въ Палестинѣ, но и въ Испаніи охотно занимались они и земледѣліемъ, и скотоводствомъ; даже въ настоящее время многіе изъ евреевъ, живущихъ въ Азіи, нисколько не походятъ нравственно на единоплеменниковъ своихъ въ Европѣ (впрочемъ, дѣятельность сирійскихъ жидовъ не очень-то отличается отъ «посредничества» ихъ европейскихъ соплеменниковъ).

Какъ бы то ни было, но евреевъ слѣдуетъ убѣдить, что ихъ нынѣшній гражданскій и нравственный кодексъ, какъ бы онъ ни назывался (во всякомъ случаѣ, «моисеевымъ закономъ» назвать его нельзя!) ставитъ ихъ въ непримиримое противорѣчіе съ требованіями прогресса, цивилизаціи и гуманности,—и дѣло такого убѣжденія падаетъ какъ на долю европейскихъ правительствъ, такъ и на обязанность «главарей» этого племени, если они желаютъ ему истиннаго блага и не хотятъ доводить народной борьбы съ евреями до послѣднихъ предѣловъ животнаго озлобленія, весьма естественнаго при нынѣшнемъ внутреннемъ режимѣ талмудизма...

Изъ всѣхъ послѣднихъ распоряженій нашего правительства,— нельзя не усмотрѣть, что *фальшивая точка зрѣнія на еврейскій вопросъ отжила у насъ свое время*, и на очередь ставятся сильныя и благоразумныя мѣры, клонящіяся къ охраненію народнаго благоденствія отъ еврейскаго паразитизма и нравственнаго разврата. За уничтоженіемъ *послѣднихъ* кагаловъ («послѣдняя туча разсѣянной бури»!) предвидятся уже: и отмѣна коробочнаго сбора, и прекращеніе заботъ о чистотѣ еврейскаго «правовѣрія», и иной порядокъ веденія метрическихъ книгъ, и строжайшее разслѣдованіе еврейскихъ псевдо-«ремеслъ», подъ фирмою которыхъ скрываются всякія нарушенія закона и нравственныхъ требованій. Вообще, не слѣдуетъ забывать мудраго завѣта Державина: «*нельзя ничего сдѣлать въ преобразованіи жидовъ, если не за всѣхъ вдругъ приняться*».

Расширеніе еврейской гегемоніи въ Европѣ при парламентскомъ режимѣ.

Успѣхи «парламентаризма» въ Австріи.—Бедламъ, харчевня или парламентъ?—«Король іерусалимскій», уступившій стачкѣ жидовъ и нѣмцевъ. — Буйства въ Вѣнѣ и Прагѣ, имѣвшія противоположный конецъ.—Еврейскій кагалъ, простирающій свои сѣти на всю Европу.—«Невинный» Дрейфусъ и сердобольный, хотя и сребролюбивый, Эмиль Золя.—Сіонистскій конгрессъ въ Базелѣ.—Самообличеніе евреевъ.—Новое исканіе земли обѣтованной.—Экономическое и моральное рабство, какъ фундаментъ будущаго еврейскаго царства.

I.

«Парламентаризмъ» замѣтно преуспѣваетъ въ Австріи на почвѣ венгерско-нѣмецко-жидовскаго угнетенія славянскихъ народностей. Если до сихъ поръ можно было серьезно сомнѣваться въ томъ, чтобы парламентаризмъ вообще, а австро-венгерскій въ частности, дѣйствительно выражалъ собою стремленія лучшихъ людей и пользовался народными симпатіями,—то въ послѣднее время, отмѣченное въ Вѣнѣ своеобразнымъ парламентскимъ карнаваломъ, всѣ эти сомнѣнія должны моментально растаять, «яко воскъ отъ лица огня». Народныхъ избранниковъ не только любятъ въ двуликой монархіи Габсбурговъ, но ихъ обожаютъ... ихъ даже буквально «носятъ на рукахъ», хотя и не подбрасываютъ при этомъ къ потолку съ поощрительнымъ крикомъ «hoch», а прямехонько выкидываютъ на улицу... Нѣсколько дней подъ рядъ вѣнскій рейхсратъ представлялъ собою такую невиданную парламентскую картину, что явились даже фотографы и художники со спеціальной цѣлью — «снимать виды» съ разъярившихся до бѣшеной слюны депутатовъ; понадобились цѣлыя когорты полицейскихъ чиновъ для очищенія «законодательной» залы отъ какихъ-то «одержимыхъ», превратившихъ политическую

трибуну — не то въ палату неизлѣчимыхъ буйныхъ сумашедшихъ, не то въ таверну контробандистовъ, перепившихся послѣ счастливаго провоза запретныхъ товаровъ за таможенную черту...

Австрійскій императоръ, какъ извѣстно, между разными почетными наименованіями, носитъ и титулъ «короля іерусалимскаго». Этимъ титуломъ онъ едва ли когда нибудь гордился, и, вѣроятно, даже не придавалъ ему никакого реальнаго значенія... до тѣхъ поръ, пока, въ одинъ изъ торжественныхъ пріѣздовъ въ Краковъ, не увидѣлъ передъ собою цѣлаго волнующагося моря завитыхъ пейсовъ и долгополыхъ лапсердаковъ еврейскаго племени. «Да, теперь я понимаю, почему меня титулуютъ королемъ іерусалимскимъ»! — сказалъ, будто бы, маститый монархъ, взирая волей-неволей на многотысячныя толпы своихъ семитическихъ подданныхъ.

По сверженіи славянскаго министерства Бадени, — образовавшагося изъ довольно сильной коалиціи польскихъ и чешскихъ депутатовъ, — императоръ тоже могъ вспомнить о своемъ палестинскомъ титулѣ и признать, что онъ носитъ его совсѣмъ не напрасно. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что нѣмецкая партія въ вѣнскомъ рейсхратѣ, въ своей лютой ненависти къ славянству, отодвинула на задній планъ даже антисемитизмъ нѣкоторыхъ своихъ членовъ и, не стыдясь, протянула руку «іерусалимскимъ дворянамъ», которые давно чувствуютъ себя «господами положенія» въ австро-венгерскомъ дуализмѣ и получили уже право, въ смѣшанныхъ бракахъ съ христіанами,—*крестить* или *обрѣзать* дѣтей по волѣ родителей. Очевидно, наикатолическій австрійскій монархъ,—«старшій сынъ» римской церкви,—*стушевался ужс предъ королемъ іерусалимскимъ*, провозгласивъ въ своемъ государствѣ равноправность евангелія съ шулханъ-арухомъ, а заповѣдей человѣколюбія—съ мрачными средневѣковыми завѣтами человѣконенавистничества. Впрочемъ, это даже и не равноправность, а *явная гегемонія*, которую всегда устраиваетъ «избранное племя» подъ прикрытіемъ своихъ политическихъ и гражданскихъ правъ: вѣнскіе нѣмцы и жиды неистовствовали въ самыхъ стѣнахъ законодательнаго собранія до тѣхъ поръ, пока не добились своей цѣли, т. е. низверженія польскаго премьера; но когда чехи вздумали повторить въ Прагѣ только малую долю жидовско-нѣмецкой оппозиціи противъ вновь назначеннаго министерства антиславянскаго характера, —то баронъ Гаучъ немедленно закатилъ чехамъ, въ видѣ строгаго урока, сначала малое осадное, а потомъ и «военное положеніе», en toutres lettres, съ произвольными арестами и военно-полевыми комисіями вмѣсто судовъ мирнаго времени.

II.

Нельзя вообще не замѣтить, что ни одинъ политическій режимъ, изъ всѣхъ извѣстныхъ въ исторіи, не эксплуатировался евреями такъ ловко и такъ по виду «корректно», какъ именно пресловутый парламентскій образъ правленія, что̀ и указываетъ на какой-то органическій порокъ парламентаризма съ его теоріей «ариѳметическаго большинства». Одинъ лишній голосъ при вотированіи законопроэкта *рѣшаетъ* судьбу закона, — и весьма часто не въ пользу справедливости и безпристрастія. Нѣсколько завѣдомыхъ и принципіальныхъ противниковъ новаго закона не явились по той или другой причинѣ въ засѣданіе; а, наоборотъ, въ полномъ количествѣ нагрянули его корыстные или безкорыстные защитники; противоположныя—по своимъ стремленіямъ—партіи, желая досадить общему врагу, устроили противъ него дружный камуфлетъ, съ тѣмъ чтобы на мѣстѣ его гибели продолжать прежніе раздоры — и вотъ страна обязывается въ теченіе многихъ и многихъ лѣтъ склонять свою голову подъ ярмо, приготовленное для нея якобы «народными избранниками». Говоримъ: «якобы» народными, потому что такъ называемыя «выборныя издержки», всегда соединенныя съ явнымъ или тайнымъ подкупомъ избирателей, даютъ полное право сказать, что въ излюбленные люди страны попадаетъ вовсе не «соль земли», а зачастую—отребье, только съ толстыми карманами и покладистою душою.. Гдѣ подкупъ, тамъ и жидъ; гдѣ жидъ, тамъ непремѣнно практикуется и подкупъ. На что̀ ужь корректная страна Англія, по части сохраненія престижа парламентаризма, но и въ этомъ палладіумѣ политической свободы Джонъ Стюартъ Миль, отвѣдавъ только одинъ разъ прелесть «выборныхъ издержекъ»,—великодушно принятыхъ на себя его богатыми поклонниками,—*не пожелалъ балотироваться вторично*, не смотря на всѣ просьбы и обращенія къ его гражданскому чувству. Всѣ главныя артеріи парламентскаго правленія:—банки, биржа и печать, вполнѣ «свободная»... въ безстыдной фальсификаціи общественнаго мнѣнія, — всѣ онѣ давнымъ давно уже находятся въ распоряженіи еврейскаго кагала, мѣстопребываніе котораго—*вездѣ* и *нигдѣ*, т. е. кагалъ вездѣсущъ, но такъ, что его никогда нельзя накрыть «съ поличнымъ», хотя кагальный запахъ слышится во всѣхъ прохвостничествахъ, во всѣхъ безцеремоннѣйшихъ гешефтахъ, во всякой деморализаціи— частной, политической или торговой. Міръ, по предсказанію шулханъ-аруха,—повторенному въ статутѣ «Alliance Izraëlite»,—долженъ принадлежать жидамъ и они, для удобства обладанія этимъ міромъ, могутъ надѣвать на себя

какія угодно личины, лишь бы оставаться въ душѣ сынами израильскаго племени. Собственность *гоевъ* (т. е. всѣхъ не-евреевъ) принадлежитъ имъ только *временно*, до законнаго перехода въ еврейскія руки. Въ зоологической лѣстницѣ, сочиненной еврейскими естествовѣдами, гой занимаетъ самую послѣднюю ступень — *ниже собаки и осла*. Если гоямъ и данъ человѣческій обликъ, то единственно для того, чтобы правовѣрнымъ талмудистамъ *не противно было принимать отъ нихъ рабскія услуги*! Еще не зная ничего этого, но простодушно вѣруя во всеобщую «естественную мораль», французскіе революціонеры XVIII-го столѣтія приняли ястреба за кукушку, даруя жителямъ парижскаго гетто всѣ права французскаго гражданства и отнюдь не предвидя, что ничтожная — по числу и значенію—кучка еще неоперившихся жидовъ, набравшись прыти съ теченіемъ времени, разыграетъ въ жизни страны еще болѣе опасную роль, чѣмъ легитимное дворянство стараго режима, такъ безжалостно истребленное конвентомъ... Въ жилахъ этого дворянства все же лилась кровь французскаго народа; оно принесло своей націи серьезныя услуги на поприщѣ войны, дипломатіи, науки и литературы; а пришлый жидъ всегда смотрѣлъ на Францію,—равно какъ и на всѣ страны, куда занесла его судьба,—какъ на объектъ ничѣмъ несдерживаемой эксплуатаціи, какъ на лимонъ, выжавши который, остается только отшвырнуть прочь его корку... Позднѣе французы не повторяли уже этой ошибки и, изгоняя, напр., іезуитовъ со своей территоріи, не позволяли отводить себѣ глаза призраками «свободы» и «религіозной терпимости», *не смѣшивали чисто религіознаго ученія съ вреднымъ, въ соціальномъ смыслѣ, сообществомъ*, задавшимся цѣлью, несовмѣстимою съ самыми существенными основами гражданскаго общежитія. Рошфоръ справедливо говоритъ, что гдѣ внѣдрился хоть одинъ жидъ, онъ приведетъ за собою цѣлую сотню своихъ родичей, и они вмѣстѣ, подъ давленіемъ тѣсной заговорщичьей солидарности, начнутъ эксплуатировать все окружающее, до истощенія его послѣднихъ соковъ...

Исторія «еврейской равноправности» во Франціи только подтвердила опасенія всѣхъ искреннихъ патріотовъ, начиная отъ клерикаловъ и умѣренныхъ республиканцевъ, и кончая самыми упорными «интрансигентами». Къ концу «столѣтія еврейской равноправности», оказалось, что во Франціи *треть префектскихъ мѣстъ принадлежитъ евреямъ; государственный банкъ, вмѣстѣ съ крупными частными банкирскими домами, находится въ уздѣ у Ротшильда; палата депутатовъ полна жидами и ихъ креатурами; лучшіе гостинницы и богатѣйшіе магазины попали въ еврейскія лапы; печать сдѣлалась прислужницей еврейскаго кагала*, не

взирая на сильный протестъ, поднимающійся — по признанію Франциска Сарсэ — изо всѣхъ наиболѣе интеллигентныхъ слоевъ французскаго общества. Жидовъ стали уже называть «les animaux malfaisants», приближаясь въ этомъ случаѣ къ теоріи профессора Дюринга о «вредныхъ расахъ» въ человѣчествѣ, подобно тому, какъ существуютъ вредныя породы въ мірѣ животныхъ и насѣкомыхъ...

Однимъ изъ яркихъ проявленій кагальной силы во Франціи (а и всѣхъ-то евреевъ въ этой странѣ еще не такъ давно насчитывалось отъ 200 — до 300,000 человѣкъ, т. е. въ тридцать разъ меньше, чѣмъ въ Россіи!) служитъ недавнее возбужденіе вопроса о *невиновности еврея Дрейфуса*, продавшаго за деньги германскому посольству секретные планы французскаго военнаго министерства, Не стрясись эта бѣда надъ чистокровнымъ жидомъ, — онъ втихомолку доживалъ бы свой позорный вѣкъ на Чортовомъ островѣ. куда упряталъ его единогласный приговоръ семи военныхъ судей, по свидѣтельству трехъ десятковъ офицеровъ; но французскій судъ коснулся «чести кагала», и тотъ заговорилъ,—три года спустя послѣ приговора, — подъискавъ лицо, которое можно «втюрить» вмѣсто Дрейфуса (именно: майора Эстергази), и собравъ *цѣлый синдикатъ еврейскихъ банкировъ* для оборудованія этого дѣла въ парламентѣ и прессѣ... Газеты, ничего не печатающія *даромъ*,— pour les beaux yeux кого бы то ни было, — стали наполняться жалкими ламентаціями по адресу невинно-пострадавшаго Дрейфуса и яростными діатрибами противъ французскаго военнаго министерства; нашелся и благочестивый старецъ-сенаторъ (Шереръ-Кестнеръ), хотя и несомнѣнно-жидовскаго происхожденія, но съ «безупречно-чистой репутаціей», который поклялся бородою Аарона обѣлить замараннаго грязью своего достойнаго соплеменника. Чтобы не обойтись въ этомъ хорѣ безъ выдающагося беллетристическаго солиста, приглашенъ былъ къ участію въ судебной панихидѣ по «неправедно-убіенномъ» и пресловутый романистъ Эмиль Золя, ѣздившій цѣловать папскую туфлю, а теперь поклоняющійся... золотому тельцу жидовско-парижскихъ банкировъ. Золя знаетъ «евреевъ богатыхъ, сильныхъ, *притомъ безъ отечества* (sic), которые начнутъ *подземную работу при помощи своихъ милліоновъ*, чтобы вырвать Дрейфуса изъ этого дѣла, *подкупая совѣсть*, создавъ во Франціи *ужасный заговоръ*, чтобы только возстановить честь виновнаго' *хотя бы замѣной его невиннымъ*». Золя знаетъ все это и даже имѣетъ мужество цитировать правдивые толки честныхъ людей во Франціи; но онъ,—изволите ли видѣть,—лично убѣжденъ въ невиновности Дрейфуса и безапеляціонно отрицаетъ участіе въ этомъ дѣлѣ

и жидовскихъ милліоновъ, и «ужасныхъ заговорщиковъ», подкупающихъ чужую совѣсть ad majorem Israëli gloriam. Участь «бѣднаго» Дрейфуса, продающаго за іудины сребренники враждебной странѣ самые дорогіе секреты французской обороны,—эта участь умиляетъ французскаго буржуа до горькаго плача; но какими потоками кровавыхъ слезъ плакала бы вся страна, еслибы Германіи посчастливилось воспользоваться, въ случаѣ войны, купленными ею у Дрейфуса планами мобилизаціи и защиты французскихъ крѣпостей,—объ этомъ романическое воображеніе Эмиля Золя не рисуетъ ему никакой потрясающей картины!!. Онъ голословно приписываетъ обвиненіе Дрейфуса «крикливому антисемитизму» и нисколько не возмущается еще болѣе крикливымъ галдѣньемъ продажныхъ семитскихъ органовъ, готовыхъ за приличную мзду и обѣлить, и очернить кого угодно, лишь бы соблюдена была внѣшняя «корректность» и не «омрачилась честь» еврейскаго кагала...

III.

Наша печать, — совершенно ожидовѣвшая въ большинствѣ своихъ органовъ,—не обратила должнаго вниманія на состоявшійся недавно, на нейтральной швейцарской почвѣ, конгрессъ сіонистовъ въ Базелѣ. А, между тѣмъ, какой яркой иллюстраціей, какимъ убѣдительнымъ подтвержденіемъ могъ бы послужить этотъ конгрессъ для знаменитой апоѳегмы Гердера: что «если евреи и неповинны въ занесеніи проказы въ Европу, то *само это племя принесло вреда европейскимъ народамъ гораздо болѣе всякой проказы*»!!

«Сіонистами» называютъ ту группу еврейскихъ патріотовъ, которая, радѣя о нравственномъ достоинствѣ своего народа, добивается для него отдѣльной государственной территоріи въ Палестинѣ, съ цѣлью создать на ней политическое единство еврейскаго племени и избавить его отъ упрековъ въ чужеядствѣ и эксплуатаціи другихъ народовъ. Съ полнымъ единодушіемъ и даже горячностью ораторы сіонизма единогласно признали, что положеніе евреевъ на западѣ, а—особенно—на востокѣ Европы, становится нестерпимымъ; что ихъ *чураются всѣ народы, допустившіе у себя еврейское нашествіе*, что единственнымъ средствомъ выйти изъ этого положенія является новый «исходъ» евреевъ въ землю обѣтованную, подальше отъ тѣхъ мѣстъ, которымъ они достаточно насолили за время своего пребыванія. Конечно, сіонисты не говорятъ прямо, что евреи порядкомъ таки засидѣли Европу и что никто не помянетъ ихъ благо-

дарностью, но эта мысль свѣтится sous entendu подо всѣми рѣчами ораторовъ и придаетъ особенную силу ихъ пламенному желанію— найти, наконецъ, мѣсто, «гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ»... *Сама равноправность*, по мнѣнію сіонистовъ, *не облегчила положенія евреевъ и не внушила къ нимъ симпатіи со стороны европейскихъ народовъ.* «Въ *гетто* (еврейскомъ обособленномъ кварталѣ),—энергически восклицалъ извѣстный Максъ Нордау,—евреи понимали другъ друга и дѣйствовали дружно. Упразднили гетто, и мы стали другъ для друга чужими (правда ли?). Эмансипація внесла рознь въ еврейскую среду. Эмансипированному еврею казалось, что онъ обрѣлъ родину, которой долженъ отдаться всей душой. *Еврей пересталъ быть евреемъ* (какая жалость!); онъ дѣлался французомъ, нѣмцемъ, англичаниномъ (такъ ли это однако? и не оставался ли онъ евреемъ подъ своими показными кличками?). Прошли два десятилѣтія, и ему дали почувствовать, что онъ заблуждается. Предъ нимъ закрыли двери его новой родины. Для еврея начались нравственныя муки, которыя куда хуже матеріальныхъ бѣдствій. Но *современный еврей неисправимъ.* Не смотря на *данный ему урокъ, онъ все еще всячески старается не быть евреемъ* (какое тяжкое преступленіе!). Онъ совсѣмъ уже *изуродовалъ себя нравственно*».

Мы не станемъ опровергать характеристику, сдѣланную Максомъ Нордау относительно «нравственной изуродованности» современнаго еврея; но вопросъ въ томъ: кто виноватъ въ этомъ уродствѣ и кто обязанъ взяться за его исправленіе? Принимая въ свою семью евреевъ, французскій народъ, въ порывѣ идеальнаго великодушія, и не зная хорошенько, какую змѣю отогрѣваетъ на своей груди, даровалъ имъ всѣ права французскаго гражданства, но съ тѣмъ *непремѣннымъ условіемъ*, чтобы они перестали отчуждаться отъ націи въ свои племенныя гетто и сдѣлались вполнѣ *французскими гражданами*, какъ сдѣлались уже ими всѣ провансальцы, бретонцы, нормандцы и савояры. «*La France une et indivisible*», — это девизъ всѣхъ французскихъ правительствъ, и республиканскаго, и императорскаго. Ни одинъ еврей и пикнуть не смѣлъ противъ этого общегражданскаго французскаго девиза—иначе онъ и не былъ бы принятъ равноправнымъ членомъ во французскую семью. Парижскій великій раввинъ, цадикъ Канъ, въ своемъ отзывѣ по поводу сіонистскаго конгресса въ Базелѣ, и теперь категорически заявляетъ: «*Французскіе евреи останутся навсегда привязаны къ своему отечеству — Франціи* (?!). Осмѣивать или осуждать проэктъ,—когда этотъ проэктъ приноситъ надежду и утѣшеніе многимъ тысячамъ нашихъ единовѣрцевъ,—французскіе евреи не имѣютъ никакого права. Но они имѣютъ право просить доктора

Герцля (иниціатора базельскаго конгресса) и его послѣдователей (въ томъ числѣ и Макса Нордау) относиться менѣе жестоко къ тѣмъ, которые *не желаютъ поѣхать ни въ Іерусалимъ, ни даже въ Базель*».

Штеттинскій раввинъ (въ Пруссіи), докторъ Фогельштейнъ, еще энергичнѣе стоитъ за право евреевъ—внѣдряться въ чуждую имъ семью европейскихъ народовъ и выпивать изъ нихъ всѣ жизненные соки, *оставаясь въ сущности особымъ азіатскимъ народцемъ*, со своимъ религіозно-политическимъ кодексомъ, со своей собственной моралью—общественной и личной—прямо противоположной морали христіанской, легшей въ основу новѣйшей цивилизаціи.

«Мы,—патетически восклицаетъ достопочтеннѣйшій раввинъ, лицо вполнѣ авторитетное для еврейства (по шулханъ-аруху *не раввинъ боится Бога, а Богъ боится его* и обязанъ исполнять безпрекословно его приказанія!) — мы готовы поддерживать стремленія, которыя направлены къ тому, чтобы дать возможность преслѣдуемымъ и угнетаемымъ (угнетаютъ евреевъ всего болѣе ихъ «хохемы», «морейнэ» и раввины, держащіе ихъ въ безвыходномъ рабствѣ, какъ нѣкогда держали польскіе паны свое русское «быдло»), найти убѣжище — въ Палестинѣ или въ другой странѣ. Мы хотимъ основывать земледѣльческія колоніи (правда ли, что хотите? вѣдь талмудъ прямо называетъ *глупцами* тѣхъ, кто занимается земледѣліемъ, имѣя возможность набивать карманы торгашествомъ), техническія и профессіональныя школы. Но *мы не желаемъ и слышать объ іудейскомъ государствѣ* или о еврейской церкви съ однимъ общимъ главою, на подобіе папы (докторъ Фогельштейнъ, очевидно, предпочитаетъ многовластіе единовластію, такъ какъ въ сущности раввинъ—тотъ же безгрѣшный папа, и правовѣрный еврей обязанъ падать ницъ, «завидя только уши того осла, на которомъ разъѣзжаетъ раввинъ»). Противъ тѣхъ, которые желаютъ основать еврейское государство, *освободить Европу отъ еврейскаго вопроса*, мы будемъ сражаться, *какъ противъ опаснѣйшихъ враговъ* (слышите, до чего дошло дѣло?!) ибо они, можетъ быть, и изъ добрыхъ намѣреній, хотятъ перерѣзать еврейству ихъ жизненныя артеріи и лишить его высокаго призванія (всемірныхъ эксплуататоровъ?)».

Какой же слѣпецъ не увидитъ въ этихъ «жизненныхъ артеріяхъ»—тѣхъ предательскихъ каналовъ эксплуатаціи, посредствомъ которыхъ правовѣрные талмудисты, пользуясь своей гражданской равноправностью и прикрываясь, по завѣту Кремье (основателя «Alliance Israelite»), *показной національностью* (французской, польской, румынской, русской etc.), успѣли отхватить въ Галиціи $^3/_4$ крестьянской земли, ограбить народъ въ Алжирѣ, Венгріи и Румыніи, принизить нашу хлѣбную торговлю до степени «мякиннаго экспорта», проституировать прессу, огадить адвокатуру и медицину, и пр., и пр.?! Понятно, что отъ этихъ «жизненныхъ артерій» паразиты, присосавшіеся къ народному тѣлу, никогда добровольно не отпадутъ и ихъ придется отрывать силою,—путемъ ли широкаго общественнаго почина, или даже государственнаго вмѣшательства...

Нельзя не благодарить гг. Герцля и Макса Нордау за ихъ откровенное заявленіе, что *еврей всегда останется и долженъ оставаться чужакомъ среди европейскихъ націй*: — это раскрываетъ намъ глаза на многія явленія спеціально-еврейской жизни и заставляетъ скептически прислушиваться къ лживымъ заявленіямъ талмудистовъ, что они желаютъ «ассимилироваться» съ пріютившими ихъ народами, припрятывая въ то же время камень за пазухой... Знаемъ уже мы довольно эту лицемѣрную ассимиляцію! Наша, облыжно-называющаяся «русскою», но, по существу, жидовская пресса тоже долго морочила насъ обѣщаніями ассимиляціи и преданности «русскому отечеству», но когда «Наблюдатель» поставилъ этотъ вопросъ ребромъ въ концѣ 1895 г., то «Сѣверный Вѣстникъ» развязнѣйшимъ манеромъ отвѣтилъ ему, что еврей всегда останется «еврейскимъ патріотомъ» и, слѣдовательно, не имѣетъ никакой надобности въ *русскомъ патріотизмѣ*. Евреи, очевидно, настолько уже укоренились у насъ, что носить маску долѣе—не считаютъ и нужнымъ...

«*Мы—родъ избранный*»,—говорили
Сіона дѣти въ старину,—
«*Намъ* божьи громы осушили
Морей волнистыхъ глубину;
Для насъ Синай одѣлся въ пламя,
Дрожала горъ кремнистыхъ грудь,
И дымъ, и огнь, какъ божье знамя,
Въ пустыняхъ намъ казали путь»! (*Хомяковъ*).

Почтенные сіонисты изыскиваютъ теперь новый путь въ старую Палестину, хотя едва ли надѣются, что и на сей разъ *для нихъ* загремятъ божьи громы, а «дымъ и огнь» будутъ сопровождать ихъ, «какъ божье знамя», на этомъ далекомъ пути! Нельзя не отвѣтить сіонистамъ искреннею признательностью за доброе намѣреніе—избавить Европу отъ тяжелой болячки «еврейскаго вопроса», т. е. дать *честный выходъ еврейской массѣ изъ ея безпросвѣтнаго рабства передъ раввиномъ и банкиромъ*; но — спрашивается — возможно ли, при современныхъ политическихъ и экономическихъ условіяхъ, оживотворить мумію еврейскаго государства, создать прочное національное цѣлое на началахъ талмуда и шулханъ-аруха [1])?

[1]) «Наблюдатель», за 20 лѣтъ своего существованія, напечаталъ столько серьезныхъ документальныхъ статей по еврейскому вопросу, что я считаю излишнимъ вновь цитировать ихъ здѣсь, а только отсылаю читателя къ № 12 1897 г., гдѣ на 3 стр. книги они найдутъ полную библіографію этого вопроса, съ подлинными извлеченіями изъ еврейскихъ религіозно-политическихъ кодексовъ. Пусть гг. юдофилы опровергаютъ подлинность этихъ цитатъ и достовѣрность фактовъ, на которыхъ мы строимъ свои выводы!

Мы не стоимъ на точкѣ зрѣнія проф. Дюринга, т. е. не признаемъ евреевъ безусловно вредною расою (какъ вредны въ природѣ волки, ехидны, акулы, клопы, блохи и т. п.), но мы продолжаемъ думать, что талмудъ и шулханъ-арухъ, изуродовавшіе до неузнаваемости «моисеевъ законъ», *номинально* исповѣдуемый евреями-талмудистами (*не* караимами, которые отвергаютъ всю эту наносную средневѣковую труху и потому, еще раньше французскихъ талмудистовъ, справедливо воспользовались у насъ всѣми «правами гражданства»), не могутъ ничего другаго произвести въ политическомъ и моральномъ быту проэктируемаго еврейскаго государства, кромѣ гнили и разложенія, уже произведенныхъ ими въ европейскихъ государствахъ. Почему бы евреямъ, прежде чѣмъ переселяться въ Іерусалимъ, Аргентину или еще куда либо, не позаботиться о созывѣ всенароднаго синедріона, который очистилъ бы ихъ вѣроученіе отъ нетерпимыхъ политическихъ, общественныхъ и моральныхъ догмъ? «Еврейская религія—справедливо говоритъ французскій великій раввинъ—*обнимаетъ всѣ подробности житейскія, религіозныя дѣла, политическія, гражданскія, и даже установила отношенія между людьми, какъ и между человѣкомъ и Богомъ.* А возстановятъ ли сіонисты такой режимъ? Возвратятся ли опять къ одностороннему господству закона моисеева (мы сказали уже, что и законъ-то моисеевъ совершенно искаженъ въ талмудѣ) и раввинскаго кодекса»?

Мы очень сомнѣваемся, чтобы кто нибудь серьезно рискнулъ на такое «возстановленіе»...

Наше національное самосознаніе и жидовскій маскарадъ въ разныхъ костюмахъ.

Устарѣлость нашихъ журнальныхъ кличекъ и необходимость замѣны ихъ новыми терминами. — Буржуазный либерализмъ съ космополитическимъ оттѣнкомъ. — Консервативное отупеніе, съ апоѳеозомъ розогъ и заушеній.— Жидовскій маскарадъ въ разныхъ костюмахъ на юдофильской подкладкѣ.— Еврейскій и русскій патріотизмъ. — Солидарность «Русскаго Богатства» съ «Сѣвернымъ Вѣстникомъ». — «Вѣстникъ Европы», ратующій за еврейскую равноправность. — Два течевія въ нашей прессѣ: *инородческое* и *національное*. — Достоевскій о «распространеніи жида» и о «жидовскомъ заговорѣ».— Жидовскій *херемъ*, наложенный на нашъ журналъ. — Ложь и клевета по нашему адресу. — Анонимныя письма. — Точка зрѣнія «Наблюдателя» на еврейскій вопросъ. — Есть ли въ ней хоть малѣйшіе признаки «религіозной и національной нетерпимости»? — Шулханъ-арухъ, какъ *гражданскій* и *политическій* кодексъ.—Еврейское «государство въ государствѣ».— Сходство между кагаломъ и іезуитскимъ орденомъ.

I.

Время отъ времени нужно пересматривать устарѣвшія клички— эти выцвѣтшіе флаги — въ литературной и общественной жизни. Что̀ было когда-то обаятельнымъ, что̀ возбуждало горячія симпатіи лучшей части общества, — то, въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ, увядаетъ за недостаткомъ внутреннихъ живительныхъ соковъ, или, подъ вліяніемъ побочныхъ обстоятельствъ, внѣшняго давленія, перерождается въ нѣчто неузнаваемое и даже отталкивающее... Нѣкогда симпатичное направленіе какъ будто осталось по виду одно и то же: не измѣнились его вокабулы, его показно̀й, парадный ритуалъ; по виду оно какъ будто служитъ тѣмъ же богамъ, славословитъ ихъ тѣми же акаѳистами, но это только по виду. Въ сущности, въ него привзошли уже какіе-то посторонніе элементы, не гармонирующіе съ прежними; въ старыхъ вокабулахъ звучитъ ка-

кой-то новый смыслъ, сначала неясно и загадочно, а потомъ все опредѣленнѣе, ярче — и вотъ направленіе, къ которому неслись наши лучшія мечты и надежды, нагло *подмѣняется* чѣмъ-то инымъ, не заслуживающимъ ни славословія, ни сочувствія, ни поддержки.

Мы не ошибемся, если скажемъ, что такому точно перерожденію подвергся у насъ пресловутый «либерализмъ», такъ много сулившій намъ въ шестидесятыхъ годахъ, въ эпоху всякаго рода «свободъ», начиная съ самой коренной и неотъемлемой—свободы человѣческой личности, еще подавленной крѣпостнымъ игомъ. За этою естественною свободою послѣдовали и другіе, болѣе утонченные виды личной и общественной эмансипаціи: свобода слова, совѣсти и мысли. Лучшая часть общества могла только сочувствовать этому снятію путъ съ мощнаго народнаго организма,— путъ, мѣшавшихъ ему правильно расти и развиваться, парализовавшихъ его природную мощь и крѣпость. Но не успѣла еще совершиться значительная часть задуманнаго Царемъ-Преобразователемъ освободительнаго дѣла, какъ къ нашему либерализму сталъ присасываться буржуазно-космополитическій элементъ, который не знаетъ никакого отечества и отнюдь не заботится о томъ, чтобы плодами свободы и равноправности воспользовалось прежде и больше всего коренное населеніе страны, вынесшее на своихъ могучихъ плечахъ всю нашу тяжелую государственную исторію, создавшее,—послѣ, долгихъ перипетій и вѣковой борьбы съ суровой природою и дикими иноплеменниками, — нашу величавую народную физіономію. На почвѣ этого либеральнаго космополитизма трудно было развиться у насъ одному лишь честному, разумному русскому патріотизму; всѣ же остальные «патріотизмы»,—по числу племенъ, обитающихъ въ Россіи (нѣмецкій, польскій, финскій, армянскій, наконецъ, даже жидовскій, хотя евреи давно лишились своего отечества),—нашли здѣсь самыя удобныя условія для своего національнаго обособленія, для полнаго игнорированія законныхъ требованій русскаго чувства и русской государственности. Нашъ либералъ даже стыдился называть себя русскимъ, переѣхавъ границу отечества, покуда сами иностранцы (какъ напр., французы въ послѣднее время) не дали ему примѣра уваженія къ русскому имени. Съ точки зрѣнія русскаго либерала, совсѣмъ не понимающаго своей исторіи, союзъ самодержавной монархіи съ республиканскою Франціею являлся какой-то чудовищною нелѣпостью, насильственнымъ сочетаніемъ двухъ враждебныхъ началъ; а между тѣмъ Франція не только не чурается этого союза, — но дорожитъ имъ, какъ зеницею ока. Нашъ либералъ до сихъ поръ не можетъ уяснить себѣ, что просвѣщенная самодержавная дикта-

тура, по существу своему, стоитъ гораздо тверже на стражѣ интересовъ *народной массы*, чѣмъ самое патентованное демократическое представительство. Нигдѣ въ Европѣ (даже и у насъ въ остзейскихъ провинціяхъ) *крестьяне не были освобождены съ земельнымъ надѣломъ*; нигдѣ для нихъ не устраивается крестьянскихъ банковъ; нигдѣ не сохранилась крестьянская община, спасающая массу народа отъ жалкой участи западно-европейскаго пролетаріата. Въ «Наблюдателѣ» не разъ говорилось, что и общественная свобода (до свободы печати включительно) вполнѣ совмѣщается съ принципомъ самодержавной власти, которой всегда и во всемъ принадлежитъ послѣднее рѣшающее слово, независимо отъ цифроваго большинства тѣхъ или другихъ мнѣній. Доказательствомъ этой совмѣстимости служитъ и то обстоятельство, что по иниціативѣ самодержавной власти у насъ возникло городское и земское самоуправленіе, которое не нравится только притязательной бюрократіи.

Если нѣкоторыя фракціи нашего «либерализма», пустившіяся по космополитической дорожкѣ, готовы были, во имя свободы, «подуванить» матушку-Русь между населяющими ее инородцами, то, съ другой стороны, наши «консерваторы» булгаринскаго типа, любившіе величать себя патріотами, сознательно или безсознательно стремились къ тому, чтобы задушить Россію, вмѣстѣ съ ея инородцами, въ тискахъ безправія и экономическаго разстройства. Въ своемъ усердіи не по разуму эти консерваторы желали сохранить въ русской жизни такіе прелестные «консервы», какъ крѣпостное право, застѣночный, безгласный судъ, цензуру Красовскаго надъ печатнымъ словомъ, принципы Держиморды въ администраціи. До сихъ поръ еще этого сорта консерваторы — а они кричатъ громче другихъ, болѣе благоразумныхъ фракцій своего лагеря—никакъ не могутъ примириться ни съ отмѣною крѣпостнаго права, ни съ гласнымъ судомъ, ни съ законными гарантіями личныхъ и имущественныхъ правъ, и съ упорствомъ дятла долбятъ въ одну и ту же точку, продолжая выхвалять розги и заушенія, какъ надежнѣйшую основу консерватизма. Разумному патріотизму невозможно было развиваться въ этомъ кругѣ...

Очевидно, что и въ нашемъ *якобы-либеральномъ*, и въ нашемъ *якобы-консервативномъ* лагерѣ старыя клички давно уже не соотвѣтствуютъ существу дѣла. *Свобода* здѣсь прикрываетъ собою и государственный сепаратизмъ, и жидовскую эксплуатацію, а *консервативными* началами признаются такія начала, которыя ведутъ не къ охраненію, а къ разрушенію всякаго государственнаго и экономическаго строя.

Въ сторонѣ отъ этихъ лагерей, на одинаковомъ отъ нихъ разстояніи, стояла и стоитъ у насъ группа разумныхъ патріотовъ—*прогрессистовъ на національной почвѣ*. При своемъ зарожденіи, эта группа неправильно именовалась у насъ славянофилами, но ее слѣдовало бы точнѣе назвать *національною партіею*. «Въ Москвѣ—говоритъ объ этой группѣ К. П. Побѣдоносцевъ—образовался кружокъ культурно-образованныхъ людей, воодушевленныхъ мыслью о необходимости *народнаго самосознанія* въ изслѣдованіи прошедшихъ судебъ своей страны и своего народа, Они явились въ обществѣ и въ литературѣ *съ протестомъ противъ ложнаго отношенія къ русской жизни* и ея потребностямъ, противъ *самодовольственнаго невѣжества* и равнодушія ко всему, что касалось до самыхъ живыхъ интересовъ Россіи». Независимо отъ своихъ крайностей, ошибокъ и черезчуръ поспѣшныхъ обобщеній, ученіе это—по справедливому мнѣнію г. Побѣдоносцева—было необходимо «въ виду надвигавшейся съ запада тучи космополитизма и либеральнаго доктриверства», и оно-то, по счастію, нашло себѣ сочувственный откликъ въ чисто-русской душѣ незабвеннаго государя Александра III, познакомившагося съ нимъ черезъ посредство А. Ѳ. Тютчевой (по мужу: Аксаковой).

Съ теченіемъ времени, національная партія, принявъ въ себя (въ лицѣ князя В. Ѳ. Одоевскаго и его послѣдователей) всѣ драгоцѣнные элементы европейской цивилизаціи и культуры [1]), но не отрекаясь отъ своей исторіи и народности, пріучилась относиться критически-справедливо, безъ диѳирамбовъ или пессимизма, къ этой самой европейской цивилизаціи съ ея добромъ и зломъ, съ ея плодами и терніями. Князь Одоевскій первый указалъ на гибельныя прорѣхи европейской общественно-политической жизни: на господство буржуазіи, на угнетающую роль капитализма, на угнетенное состояніе трудящихся, производительныхъ классовъ, на отнятіе у нихъ орудій производства, на несовершенство и фальшь парламентаризма, зиждущагося на искусственно-подтасованномъ «большинствѣ», на фальсификацію общественнаго мнѣнія путемъ «акціонерной печати» [2]), на погоню за наживой въ ущербъ нравственному достоинству и пр., и пр. Къ этой прогрессивно-національной фракціи примкнулъ отчасти и Герценъ,—всегда остававшійся русскимъ человѣкомъ въ душѣ,—въ своихъ блестящихъ филиппикахъ: «Съ того берега».

---

1) См. № 5 «Наблюдателя» за 1896 годъ. «По поводу одной хорошей книги».

2) У насъ тоже появилась эта акціонерная печать, въ видѣ товарищества «Гуттенбергъ», издающаго еврейскія «Новости».

II.

Но *національное направленіе*, которое, по здравому смыслу, должно бы играть преобладающую роль въ дѣйствительно *русской* прессѣ, до сихъ поръ прозябаетъ у насъ въ положеніи заброшеннаго младенца-гоя въ еврейскомъ гетто. Что наша пресса въ самомъ дѣлѣ изображаетъ собою средневѣковый еврейскій кварталъ, въ которомъ нѣтъ мѣста «иновѣрцу», — это обнаруживается даже при поверхностномъ взглядѣ на физіономіи нашихъ якобы-либеральныхъ и якобы-консервативныхъ журнальныхъ органовъ. Немного нужно имѣть проницательности, чтобы замѣтить, что и «либерализмъ», и «консерватизмъ» служатъ у насъ вовсе не для защиты русскихъ интересовъ, но являются ширмами для скрывающагося за ними инородца или еврейскаго пришлеца. *Le mot d'ordre* большинства этихъ органовъ,—какими бы фальшивыми кличками они ни прикрывались, — это есть *отмѣна «черты еврейской осѣдлости»* и дарованіе жидамъ права безнаказанно грабить и опустошать всю Россію, начиная отъ городовъ, — гдѣ еврейская язва уже пустила глубокіе корни, благодаря попустительству или оплошности администраціи, — и кончая беззащитными селами и деревнями, въ которыхъ эта язва можетъ развернуться во всю ширь, безъ всякаго удержу...

Обратите вниманіе на то, что почти ни одна газета, ни одинъ журналъ не допускаютъ у себя статей, разрабатывающихъ «еврейскій вопросъ» съ фактической, документальной стороны, и ограничиваются по этому предмету или запоздалыми ламентаціями о безправности «гонимаго племени», или однѣми легковѣсными шуточками на счетъ еврейскихъ пейсовъ и лапсердаковъ. И либералы, и консерваторы, и *складныя души*, стоящія подъ флагомъ: «чего изволите»? одинаково игнорируютъ настоящую, ядовитую сущность еврейскаго ученія, и всѣ въ равной почти мѣрѣ юдофильствуютъ. Строго говоря, у насъ теперь обозначились два теченія въ прессѣ: *инородческое* (въ частности *юдофильское*, воюющее противъ «черты осѣдлости» съ либеральной или консервативной точки зрѣнія), и *національное*, оберегающее свою страну отъ инородческихъ привилегій и отъ безчеловѣчнаго хозяйничанья талмудистовъ. Юдофильство сквозитъ одинаково въ маскарадныхъ костюмахъ либеральнаго и консервативнаго покроя. Либеральный «Вѣстникъ Европы» и корсервативный «Русскій Вѣстникъ» такъ или иначе мирволятъ талмудизму (Катковъ утверждалъ даже, что принадлежность къ кагалу «не мѣшаетъ евреямъ быть добрыми русскими па-

тріотами», хотя именно эта принадлежность и обязываетъ ихъ быть *патріотами еврейскими*, а не русскими, въ чемъ и признался «Сѣверный Вѣстникъ», полемизируя съ нашимъ журналомъ); «Одесскому Листку», — этому офиціальному «Монитеру» южно-русскаго еврейства,—вторятъ якобы-народолюбивое «Русское Богатство» и «Гражданинъ», находящій, что *«ничего нѣтъ угрожающаго въ разселеніи евреевъ по деревнямъ»* (!!). Когда профессоръ В. П. Даневскій осмѣлился заикнуться въ курскомъ дворянскомъ собраніи о томъ, что курская губернія незаконно захватывается хищными еврейскими пришлецами, то «Вѣстникъ Европы» прочелъ ему строжайшую нотацію во имя «гуманности и цивилизаціи», какъ будто іерусалимскіе выходцы руководствуются въ своемъ общественномъ обиходѣ именно этими, дѣйствительно дорогими для человѣчества принцами, а не варварскою средневѣковою мудростью талмуда и шулханъ-аруха! «Русская Жизнь» г. Пороховщикова усердно обѣляла евреевъ съ точки зрѣнія евангельской *любви*, забывая, что жиды отнюдь не желаютъ отвѣчать на эту любовь взаимностью, проповѣдуя въ своихъ синагогахъ лютую *ненависть* ко всему необрѣзанному человѣчеству.

Ѳ. М. Достоевскій когда-то восклицалъ съ негодованіемъ истинно-русскаго человѣка: «Есть у насъ много старыхъ, уже сѣдыхъ либераловъ, *никогда не любившихъ Россію*, даже ненавидящихъ ее за «варварство» и убѣжденныхъ въ душѣ, что они любятъ и Россію, и народъ. Все это люди отвлеченные, у которыхъ все образованіе и европейничанье состоитъ въ томъ, чтобы *ужасно любить человѣчество, но лишь вообще...* Заступаются они за жидовъ потому, что когда-то (въ XVIII столѣтіи) это было и ново, и либерально, и потребно. *Какое намъ дѣло, что теперь жидъ торжествуетъ и гнететъ русскаго? Для нихъ все еще русскій гнететъ жида»*. Затѣмъ, отмѣтивъ фактъ уже начинавшагося наплыва еврейства въ русскую литературу и журналистику, Достоевскій вполнѣ вѣрно пророчествовалъ: «Я думаю, что *это только начало*, и что жиды захватятъ еще бо́льшій кругъ дѣйствія въ литературѣ; а ужь до жизни, до явленій текущей дѣйствительности я и не касаюсь: *жидъ распространяется съ ужасающею быстротою*. А вѣдь жидъ и его кагалъ—это все равно, что *заговоръ противъ русскихъ»*. Именно заговоръ, а не честная, открытая, правомѣрная дѣятельность!

Предсказаніе Достоевскаго сбылось даже скорѣе, чѣмъ онъ ожидалъ. «Заговорщики» до такой степени заполонили уже псевдорусскую прессу, такъ притиснули ее въ матеріальномъ отношеніи, держа въ своихъ рукахъ шнурки кагальнаго кошелька, такъ ога-

дили ее въ отношеніи нравственномъ, поощряя всякое предательство, ренегатство, всякій доносъ и шантажъ, что добрыя преданія старой журналистики 60-хъ годовъ, служившей общественнымъ и политическимъ цѣлямъ, а не одному голому гешефтмахерству, отодвинулись отъ насъ словно за десять вѣковъ. Какого бы мы ни были мнѣнія объ общественныхъ идеалахъ Аксакова, Каткова, Гилярова-Платонова, Елисеева, Салтыкова, Достоевскаго, Благосвѣтлова, Корша и др., но во всякомъ случаѣ это были люди высоко образованные, талантливые и хорошо знавшіе, въ какомъ направленіи должна идти наша жизнь, чтобы удовлетворить ихъ требованіямъ. Это совсѣмъ не нынѣшніе «лидахтуры», едва умѣющіе нацарапать свою фамилію и прислушивающіеся только къ звону жидовскаго червонца или даже мѣдныхъ пятаковъ, приносимыхъ розничною продажею...

Чѣмъ прочнѣе водворялись евреи въ прессѣ, тѣмъ дальше и глубже шло ея нравственное паденіе. «Еврейскій умъ — говорилъ я во внутреннемъ обозрѣніи «Наблюдателя» (№ 11, 1893 г.)—такъ хорошо направленъ «подборомъ родичей» и такъ отлично дисциплинированъ въ обманномъ и человѣконенавистническомъ духѣ [1]), что всякая отрасль интеллектуальной и экономической дѣятельности, къ которой онъ только успѣетъ прикоснуться, сейчасъ же получаетъ фальшивый и отталкивающій характеръ. Мы не разъ уже говорили въ своемъ журналѣ о той странной деморализаціи, которую внесло еврейское нашествіе въ область политики, литературы и журналистики (по мнѣнію же «Сѣвернаго Вѣстника», это нашествіе, окончившееся во Франціи панамскимъ и дрейфусовскими скандалами, оказало «великія услуги дѣлу прогресса»!). Эти сферы дѣятельности, въ послѣднее время, стали особенно привлекать къ себѣ алчные взоры палестинскихъ выходцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, какой же гешефтъ можетъ быть обильнѣе, надежнѣе и безнаказаннѣе, какъ не *гешефтъ, собранный путемъ ловкой, неустанной и систематической фальсификаціи общественнаго мнѣнія*, общественныхъ вкусовъ и политическихъ направленій въ странѣ? За подмѣсь куколя и отрубей къ зерну, за прибавку мѣди къ золоту и купороса къ водкѣ, за продажу фальшивыхъ бриллiантовъ (все это — любимыя занятія еврейства, вмѣстѣ съ контробандою и ростовщичествомъ) можно поплатиться уголовнымъ судомъ и тюрьмою; за развращеніе и продажу женщинъ (одинъ изъ видовъ еврейской торговли: закупать

---

[1]) Подлинныя цитаты изъ шулханъ-аруха, доказывающія все человѣконенавистничество евреевъ, были приведены въ достаточномъ количествѣ въ № 6 «Наблюдателя» за 1891 г., а изъ талмуда — въ №№ 4 и 5 того же года. Избранныя мѣста изъ талмуда помѣщены и въ концѣ этой книги.

бѣлыхъ невольницъ въ Одессѣ и препровождать ихъ въ константинопольскіе гаремы; тѣмъ же видомъ торговли евреи промышляютъ и въ Галиціи) можно столкнуться съ местью любящихъ ихъ людей;—но гдѣ тотъ трибуналъ, куда можно подать жалобу на *обманъ общественнаго мнѣнія* путемъ газетной и журнальной пропаганды, *при помощи сокрытія однихъ фактовъ и незаслуженнаго рекламированія другихъ?* когда и чья месть покараетъ за развращеніе публики печатнымъ шантажемъ, за торговлю своимъ голосомъ въ парламентѣ, на биржѣ и въ прессѣ [1])? Идея въ самомъ дѣлѣ недурная съ точки зрѣнія жидовской гегемоніи: *стать у самаго источника власти*, общественнаго мнѣнія, гласности и всякихъ финансовыхъ проэктовъ, и загадить этотъ источникъ вонью и грязью еврейскихъ вожделѣній!.. Въ нашемъ отечествѣ нѣтъ «политической говорильни» (по выраженію Добролюбова), гдѣ можно было бы устами продажныхъ трибуновъ *выкрикнуть по большинству голосовъ еврейскую равноправность* и обездолить милліоны трудящагося русскаго люда; но у насъ имѣется кое-какая пресса, которую можно, *взнуздавъ хорошенько жидовской субсидіей* или посадивъ ее прямо на кагальные харчи, заставить служить дѣлу «гонимаго племени». Пользуясь этой прессой въ качествѣ ея содержателей и руководителей, можно *замалчивать* не только отдѣльныя мнѣнія и отдѣльныхъ личностей, враждебныхъ еврейской эксплуатаціи, но *даже цѣлые органы журналистики, цѣлый рядъ правительственныхъ мѣръ, направленныхъ къ обузданію хищныхъ иноплеменниковъ*».

Что евреи воспользовались вплотную своимъ вторженіемъ въ русскую прессу,—гдѣ для нихъ уже давно не существуетъ «черты осѣдлости»,—это подтверждается цѣлою массою всѣмъ извѣстныхъ фактовъ. Въ еврейскихъ органахъ, носящихъ *русскія* названія, дѣйствительно замалчиваются не только отдѣльныя брошюры, но и цѣлые журналы, не мирволящіе «гонимому племени», а въ то же время тщательно рекламируются изданія, завѣдомо преданныя еврейскимъ интересамъ. Правительственныя мѣры, направленныя къ охранѣ русскаго народа отъ жидовскаго грабежа и деморализаціи, не удостоиваются обсужденія; даже громкіе процессы (въ родѣ стародубскаго), наводящіе на такія тяжелыя размышленія, не могутъ найти себѣ мѣста на столбцахъ якобы-русскихъ газетъ, боя-

---

[1]) Личность депутатовъ, какъ извѣстно, «неприкосновенна»; также неприкосновенны личность и имущество закулисныхъ биржевыхъ воротилъ, въ родѣ Ротшильда, дома котораго уцѣлѣли даже при взрывахъ и пожарахъ парижской коммуны... Подъ судъ иногда попадаютъ только второстепенные журнальные шантажисты изъ жидовъ.

щихся компрометировать еврейское имя. Словомъ, «еврейская полноправность» въ русской печати принесла всѣ свои горькіе плоды, и дѣло кончилось уже тѣмъ, что евреи «Сѣвернаго Вѣстника»,— забывъ медоточивыя рѣчи своихъ предшественниковъ объ «ассимиляціи» ихъ племени съ нашимъ народомъ, — кричали во всеуслышаніе о правахъ «еврейскаго патріотизма», господствующаго надъ русскимъ. *Пришельцы объявили себя хозяевами нашего печатнаго станка*, а преданные своему отечеству русскіе публицисты признаются незванными гостями, которымъ молча указываютъ на дверь...

Образчикомъ чисто-жидовской наглости въ обращеніи съ печатнымъ словомъ служитъ дружное отношеніе всей еврейской прессы къ «Наблюдателю».

«Понятно,—говорили мы нѣсколько лѣтъ тому назадъ,—что въ тѣсномъ кругу журнальныхъ органовъ, преданныхъ интересамъ Россіи, а не еврейскаго кагала, «Наблюдатель», — съ самаго своего основанія побивающій и фактами, и разумными доводами возмутительную ложь наемныхъ жидовскихъ клевретовъ,— *возбуждаетъ къ себѣ отчаянную ненависть всего талмудическаго «темнаго царства»*. Разныя средства были перепробованы, чтобы вредить ему и въ нравственномъ, и въ матеріальномъ смыслѣ. Когда способъ замалчиванья оказывался недѣйствительнымъ (трудно *спрятать* журналъ отъ всей читающей публики, хотя эта игра въ прятки и практиковалась, въ буквальномъ смыслѣ, въ одесскихъ кабинетахъ для чтенія)—тогда жидовская пресса прибѣгала къ инсинуаціямъ и клеветѣ». Такая же точно система, только съ бо́льшею наглостью, примѣняясь и къ дважды пріостанавливавшейся «Гласности».

Такъ напр., на нашъ счетъ инсинуировали съ консервативнымъ апломбомъ, что мы кощунствуемъ и не тверды въ православной вѣрѣ; а съ другой стороны, перескочивъ на либеральную точку зрѣнія, насъ попрекали тѣмъ, что мы-де измѣнили нашимъ прежнимъ прогрессивнымъ убѣжденіямъ (хотя убѣжденія наши по еврейскому вопросу мы высказали съ первыхъ же книгъ журнала [1]); на насъ прямо клеветали, что мы распространяемъ «скабрезный элементъ» въ беллетристикѣ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ романы, печатаемые въ нашемъ журналѣ, далеко уступаютъ по части «клубнички» цѣломудреннымъ и нравственнымъ еврейскимъ органамъ. «Астраханскій Листокъ» [2]) воспылалъ даже такою ревностью въ

[1]) См. статью проф. Ѳ. И. Леонтовича: «Что намъ дѣлать съ еврейскимъ вопросомъ»? («Наблюдатель» 1882 г., №№ 5 и 6).

[2]) Къ слову сказать. вся наша провинціальная печать, за исключеніемъ прекратившагося «Новороссійскаго Телеграфа». заражена юдофильствомъ.

защитѣ жидовскаго дѣла, что приглашалъ всю нашу публику «сдѣлать стачку» противъ «Наблюдателя» и *отказаться огуломъ отъ подписки* на этотъ злокозненный журналъ. Множество писемъ, конечно, анонимныхъ: — еврей какъ улитка, любитъ прятаться въ свою раковину!—свидѣтельствуетъ намъ о томъ, что мѣра, предложенная публично противъ насъ *шкловскимъ* листкомъ,—по ошибкѣ именующимъ себя «астраханскимъ»,—пропагандируется, кромѣ того, и частнымъ, келейнымъ образомъ. «Имѣю честь сообщить вамъ—пишетъ одинъ изъ такихъ негодующихъ анонимовъ по поводу ноябрьской книги «Наблюдателя» за 1893 г.—что послѣдняя ваша статья по еврейскому вопросу полна несправедливыхъ, *безпочвенныхъ* (?!) нападокъ на *безъ того обиженнаго, безправнаго еврейскаго племени* въ Россіи (безграмотность этого посланія уже ручается за его жидовское происхожденіе). Я былъ свидѣтелемъ, какъ многіе интеллигентные русскіе (*русскіе жиды*?) порицали ваши выходки противъ евреевъ. *Въ херсонской библіотекѣ сдѣлано немало письменныхъ заявленій о безсодержательности вашего журнала вообще* («*безсодержательность*» надо понимать въ томъ смыслѣ, что «Наблюдатель» не состоитъ *на содержаніи* у еврейскаго кагала»). Очевидно, *битье по карману* издателей не-жидовскихъ органовъ входитъ также въ реэстръ средствъ, дозволенныхъ талмудомъ ad majorem gloriam іудина племени. Не мѣшаетъ сказать, что *изрядное количество книжныхъ магазиновъ и библіотекъ для чтенія уже давно попало у насъ въ руки къ евреямъ*, а потому и «коллективныя заявленія» интеллигентныхъ жидовъ весьма легко могутъ находить здѣсь доступъ...

Система «замалчиванья», которой подвергался двадцать лѣтъ «Наблюдатель» по всей линіи жидовской прессы, заслуживаетъ особаго вниманія, такъ какъ она носитъ въ себѣ всѣ признаки «херема» (проклятія), налагаемаго кагаломъ на *супротивниковъ* еврейства. Такой херемъ издавна налагался на послѣдователей талмуда (ему подвергнутъ былъ, напр., г. Слонимскій, редакторъ одного еврейскаго листка, за непочтительный отзывъ о талмудѣ и шулханъ-арухѣ); но прогрессъ нашихъ дней состоитъ въ томъ, что теперь жидовскому проклятію предаются уже русскіе журналисты, не желающіе держать сторону кагала и подчиняться его велѣніямъ. Умолчаніе о большомъ ежемѣсячномъ журналѣ, даже въ отдѣлахъ, спеціально посвященныхъ журнальному обозрѣнію (какъ напр., въ «*Русской* Мысли», «*Русскихъ* Вѣдомостяхъ», «Новостяхъ» и проч., могло бы быть объяснено тѣмъ, что публика не обращаетъ вниманія на этотъ журналъ, не интересуется его мнѣніями; но достаточно взглянуть на отчеты библіотекъ и въ столицахъ, и въ провинціи,

чтобы сейчасъ же опровергнуть такую ложь: — «**Наблюдатель**», по числу требованій на него со стороны публики (отъ 500 до 1000 требованій въ годъ на экземпляръ) стоитъ въ уровень съ «Вѣстникомъ Европы», «Русскою Мыслью», «Сѣвернымъ Вѣстникомъ», «Русскимъ Богатствомъ», «Русскимъ Вѣстникомъ», а нерѣдко и превосходитъ ихъ. Стало быть, причина злостнаго, систематическаго замалчиванья кроется не тутъ. Да и странно было бы, еслибъ уважаемые писатели, работавшіе въ нашемъ журналѣ, *только для него* и припасали никого не интересующія «безсодержательныя» произведенія, тогда какъ, появляясь въ другихъ, покровительствуемыхъ кагаломъ, изданіяхъ, они удостоиваются самаго лестнаго вниманія гг. журнальныхъ обозрѣвателей!! О г. Шеллерѣ, напр., мы читали въ «Русской Мысли» весьма сочувственную критическую статью г. Скабичевскаго, но ни одинъ изъ его романовъ, печатавшихся въ «**Наблюдателѣ**», не удостоился упоминанія въ журнальныхъ обозрѣніяхъ лавровскаго альманаха. Такой же участи подвергались въ свое время ученыя и публицистическія статьи В. И. Сергѣевича, В. П. Даневскаго, В. П. Безобразова, Е. П. Карновича и мн. др. (списокъ этихъ именъ читатель можетъ найти въ «Указателѣ статей, напечатанныхъ въ «**Наблюдателѣ**» съ 1882 г. по 1894 г.»).

Насколько удался этотъ херемъ по отношенію къ «**Наблюдателю**» и не вызвало ли, par contre-coup, это *проклятіе* кагала— *благословеній* намъ со стороны русскихъ читателей? на это отвѣчаетъ многолѣтнее существованіе нашего журнала, благополучно прошедшаго чрезъ всѣ, уготованные ему, капканы. Очевидно, въ направленіи «**Наблюдателя**» есть своя жизненность, своя *правда*, которую не дано искоренить изъ русской земли жидовскому кагалу, de jure отмѣненному, но фактически продолжающему свою подпольную дѣятельность [1]).

[1]) Въ письмѣ на мое имя авторъ статьи: «Покореніе Смоленска жидами» говоритъ: «Вы, г. редакторъ, взяли на себя славный и почтенный трудъ — защиты нашего бѣднаго народа отъ ожидовленія. *Это трудъ тяжелый, неблагодарный* и, по нашему времени, можетъ быть названъ *даже не трудомъ, а подвигомъ*. Къ вамъ я и обращаюсь съ моей замѣткой. Ее диктовало мнѣ *чувство невыносимой душевной боли* при видѣ всего, что совершается кругомъ. Это чувство доходитъ иногда почти до степени физическаго страданія». Въ этихъ строкахъ всего ярче сказывается та нерасторжимая симпатія, которая связываетъ русскихъ читателей съ нашимъ журналомъ («**Наблюдатель**» 1895 г. № 6). Этою симпатіей мы можемъ гордиться.

III.

Намъ пріятно отдать справедливость и врагу, согласившемуся съ нами хотя бы на одномъ пунктѣ... Мы охотно признаёмъ себя солидарными съ «Сѣвернымъ Вѣстникомъ», раздѣляющимъ неоднократно высказанное нами мнѣніе, что еврейскій вопросъ представляетъ *одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ внутренней жизни Россіи.* На этомъ основаніи мы нерѣдко возвращаемся къ жидовскимъ дѣламъ, памятуя твердо, что въ этомъ вопросѣ заключаются двѣ одинаково-важныя стороны: *экономическое разореніе* русскаго народа и *нравственное его развращеніе.* Не желая говорить голословно, мы характеризовали нравственную сущность талмудизма подлинными цитатами изъ еврейскихъ *гражданскихъ* и *политическихъ кодексовъ* (собственно *религіи* въ общепринятомъ смыслѣ этого слова, совсѣмъ нѣтъ ни въ талмудѣ, ни въ шулханъ-арухѣ; но зато есть очень обстоятельный, уголовными карами огражденный, «сводъ законовъ» по части эксплуатаціи и развращенія всѣхъ не-еврейскихъ народностей); въ то же время мы слѣдили внимательно за всѣми экономическими результатами еврейскаго нашествія не только въ нашемъ отечествѣ, но и за его предѣлами—въ Австріи, Германіи, Франціи и Англіи. Мы не лѣнились заглянуть, вслѣдъ за евреями, и въ Новый свѣтъ, гдѣ одно время формально не пускали русскихъ евреевъ на американскій берегъ, а затѣмъ отвели для нихъ (въ Нью-Іоркѣ) особый кварталъ въ родѣ стараго «гетто»...

Преслѣдуя свою цѣль—познакомить русское общество, документально и фактически, съ характеромъ и образомъ дѣятельности талмудическаго еврейства, «Наблюдатель», въ статьяхъ Ѳ. И. Леонтовича, Н. А. Туганъ-Барановскаго (Н. Тембе), А. П. Липранди, А. Н. Котельникова, М. В. Неручева, А. А. Быкова, С. Трушко (псевдонимъ одного изъ бывшихъ одесскихъ редакторовъ) и др., не только намѣтилъ, но разработалъ вопросы: *о глубокомъ различіи между талмудомъ и моиссевымъ ученіемъ; о казенномъ раввинатѣ и отсутствіи собственно-религіозныхъ обрядовъ у евреевъ; объ угнетенномъ положеніи массы еврейскаго народа*, эксплуатируемой и взнуздываемой раввинами и морейнэ; объ участіи евреевъ въ землевладѣніи, торговлѣ и промышленности; *о вліяніи ихъ на печать и народное представительство*, и пр. Кромѣ того, и въ отдѣлѣ внутренняго обозрѣнія, и въ политической хроникѣ мы не пропускали безъ вниманія ни одного «текущаго явленія» въ еврейской жизни, группируя и освѣщая ихъ съ нашей общей точки зрѣнія на этотъ вопросъ.

Общій же взгльдъ нашъ на еврейскій вопросъ мы формулировали всегда въ очень опредѣленныхъ выраженіяхъ, не поддающихся никакому перетолкованію. Вотъ что говорилъ я во внутреннемъ обозрѣніи «Наблюдателя» по адресу юдофильства, бросающаго въ своихъ противниковъ шаблонными попреками въ религіозной и расовой нетерпимости:

«Юдофилы должны отлично знать, что въ числѣ самыхъ убѣжденныхъ и опасныхъ противниковъ еврейства находятся нынѣ такіе публицисты и государственные люди, къ которымъ *всего менѣе приложимы упреки въ конфессіональной исключительности и національныхъ предразсудкахъ.* Они ведутъ войну съ возрастающей еврейской эксплуатаціей совсѣмъ не на средневѣковой почвѣ, а *во имя здраво понятыхъ соціально-экономическихъ началъ, во имя искренней любви къ массѣ народа, снова обращаемой въ крѣпостное состояніе толпою жадныхъ паразитовъ* — этою «націею» безъ территоріи и даже безъ любви къ мѣсту жительства, этой своеобычной «религіозной сектой», прикрывающей божественнымъ авторитетомъ свои чисто мірскіе, корыстные инстинкты. Люди этого (прогрессивнаго) толка предоставляютъ евреямъ, — вѣрующимъ, строго говоря, только въ раввинскую непогрѣшимость,—*исповѣдывать какую имъ угодно религію*, приносить какія имъ нравятся жертвы (разумѣется, кромѣ человѣческихъ) Молоху, Ягве или Буддѣ, совершать какіе требуются конфессіональные обряды, не нарушающіе законовъ общежитія и публичной нравственности; *они не питаютъ никакой антипатіи и къ «національности» евреевъ, такъ какъ не вооружаются, напр., противъ караимовъ, принадлежащихъ къ той же семитической расѣ*, но отрицающихъ талмудъ, — это дѣйствительно варварское наслѣдіе, несовмѣстимое съ условіями современной цивилизаціи. Да и въ самомъ талмудѣ, опять таки, сторонники мѣръ предосторожности противъ большинства евреевъ видятъ *не религіозный катехизисъ*, установляющій тѣ или другія вѣроисповѣдныя правила, *а весьма практическій кодексъ житейской морали и соціальныхъ отношеній,—кодексъ, обставленный карами чисто свѣтскаго, уголовнаго характера* (херемомъ). Первое и послѣднее слово этого кодекса — ничѣмъ неутомимая, адски-мстительная злоба къ *гою*, т. е. къ христіанину, къ его «скотскому сѣмени». *Этотъ христіанинъ отдается буквально на растерзаніе сынамъ якобы-гонимаго племени*, которые могутъ, по мѣрѣ своей изобрѣтательности, и надувать его, и грабить, и безчестить, и даже убивать подъ шумокъ, не боясь изобличенія со стороны своихъ единоплеменниковъ (нетрудно подтвердить все это подлинными цитатами изъ талмуда). Не ясно ли, что «гонимое племя» требуетъ для себя равенства и братства отъ христіанскихъ обществъ вовсе не для того, чтобы отвѣчать имъ взаимностью, но съ нескрываемою цѣлью—*скорѣе и надежнѣе обратить ихъ въ «рабовъ Израиля»*. Волкъ надѣваетъ «красную шапочку», чтобы вѣрнѣе прибрать къ своимъ зубамъ простодушную бабушкину любимицу».

О томъ грубомъ надувательствѣ, посредствомъ котораго евреи провезли свою талмудическую контробанду подъ корсарскимъ флагомъ «свободы, братства и равенства», въ годину великой французской революціи, и о томъ, что̀ вышло изъ этого надувательства, мнѣ приходилось говорить въ № 12-мъ «Наблюдателя» за 1891 г.:

«Сто лѣтъ минуло съ тѣхъ поръ, какъ французская революція, водрузивъ свое знамя съ историческимъ девизомъ: «свобода, равенство и братство», привлекла къ участію въ этомъ братскомъ союзѣ и сыномъ «гонимаго» еврейскаго племени, не справившись хорошенько, *какими началами руководствуется само это племя въ своихъ отношеніяхъ къ остальному человѣчеству* не-еврейскаго происхожденія. Ошибка эта была нисколько не удивительна, хотя и оказалась весьма прискорбною, по своимъ послѣдствіямъ, для великодушныхъ братьевъ-французовъ. Если и въ настоящее время еврейскіе укрыватели и фальсификаторы мастерски умѣютъ прятать подъ спудомъ настоящій варварскій смыслъ своего талмуда и шулханъ-аруха и выносятъ въ публику только искаженныя цитаты изъ своего соціальнаго кодекса, нѣсколько приноровленныя къ требованіямъ цивилизаціи и культуры,—то, назадъ тому сто лѣтъ, никто изъ правителей Франціи и понятія не имѣлъ о различіи между подлиннымъ «моисеевымъ закономъ»,—*котораго держатся одни лишь караимы*,—и безобразной, безнравственной пародіей на него, состряпанной еврейскими раббанами, рабби и раввинами. Гоненія,—заслуженно или незаслуженно перенесенныя евреями, — наложили на ихъ послѣдующее ученіе печать такой ожесточенной ненависти ко всему не-жидовскому міру, что даже вчужѣ становится страшно за возможность примѣненія такихъ каннибальскихъ правилъ къ дѣйствительной жизни...

«Проповѣдники «свободы, равенства и братства», конечно, не знали, что еврейскій кодексъ *запрещаетъ* своимъ послѣдователямъ «брататься» съ иновѣрцами, что по этому кодексу всѣ «гои» (т. е. не-жиды) приговорены вѣчно рабствовать въ еврейской кабалѣ, «не имѣя права уйти съ работы», что даже человѣческій обликъ данъ этимъ отверженцамъ только изъ уваженія къ брезгливости жидовъ, которымъ «*не приличествовало принимать услуги отъ животныхъ*» (подлинная цитата). «Скотское сѣмя» христіанъ— по этому кодексу—*не заслуживаетъ ни малѣйшей пощады*, и всякое снисхожденіе къ нему, всякая уступчивость при сдираніи христіанской кожи вмѣняются правовѣрному еврею не только въ ошибку, но и въ величайшее преступленіе, въ измѣну народному дѣлу!! Правда, великодушные французы могли думать, что, искупавшись въ общей съ ними купели политическаго крещенія, *жиды не захотятъ быть прежними жидами*, отрекутся отъ своей традиціонной маніи величія и погасятъ свои старые счеты съ культурнымъ обществомъ; но вотъ тутъ-то евреи и дали себя знать, доказавши во-очію, что *они, съ полученіемъ своей равноправности, ровно ничему не научились и ничего не забыли*. Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ того, какъ евреи были провозглашены полноправными французскими гражданами, они такъ насѣли на Эльзасъ и Лотарингію, что *сразу обезземелили почти всѣхъ крестьянъ* и Наполеону I-му пришлось снова принимать противъ нихъ репрессивныя мѣры. Дальше—больше, и, не смотря на то, что во Франціи имѣется, сравнительно съ Россіею, только незначительная горсть іудейскаго сѣмени, дѣло дошло до того, что *жидамъ* принадлежитъ тамъ цѣлая треть національныхъ капиталовъ, треть префектскихъ мѣстъ и подавляющее вліяніе на государственный банкъ, на биржу, печать и политическое представительство! Царство подкупа, разврата, безстыднаго цинизма въ попираніи всякихъ гражданскихъ обязанностей,—словомъ, царство Молоха, исповѣдуемое евреями,— водворилось на развалинахъ гражданской добродѣтели и честнаго служенія своему народу.

«Натурально, французы обезпокоились и, какъ пылкая нація, сейчасъ же ухватили «быка за рога». Понемногу, но непрерывно стало накопляться во

Франціи чувство раздраженія противъ змѣи, отогрѣтой страною за своей пазухой — и вотъ уже нѣсколько лѣтъ подъ рядъ это чувство прорывается наружу въ самыхъ разнообразныхъ слояхъ французскаго общества. Пишущій эти строки, ежегодно посѣщая Францію въ послѣднее время, безъ труда замѣтилъ эту перемѣну и часто слышалъ, какъ люди, *наиболѣе толерантные въ религіозномъ отношеніи и наиболѣе прогрессивные въ политическомъ смыслѣ*, величали евреевъ не иначе, какъ «les animaux malfaisants» (зловредныя животныя). *Много нужно было евреямъ похлопотать въ этомъ направленіи, чтобы, при новомъ режимѣ полноправія, возстановить во всемъ блескѣ свою старую репутацію... Шейлока.* Тѣмъ не менѣе, репутація эта уже возстановлена».

Прибавимъ къ этому, что рѣзкій протестъ противъ еврейскихъ «заговорщиковъ» выразился во Франціи въ самыхъ различныхъ кружкахъ интеллигентнаго общества, исходя,—по выраженію Франциска Сарсэ,—«*отъ людей убѣжденныхъ и честныхъ*». Здѣсь сошлись и подали другъ другу руки «непримиримый» Рошфоръ и католикъ Дрюмонъ. Очевидно, что послѣдствія примѣненія шулханъ-аруха являются повсемѣстно одинаковыми: въ Петербургѣ, какъ и въ Парижѣ, въ Галиціи, какъ и въ Алжирѣ, въ Венгріи также точно, какъ и въ Румыніи... *Евреи не могутъ защищаться и тѣмъ соображеніемъ, что возмутительное человѣконенавистничество шулханъ-аруха не обязательно-де для цивилизованныхъ его послѣдователей*, — ибо противъ такой отговорки протестуютъ несомнѣннѣйшіе авторитеты. Составитель еврейскаго катехизиса г. Сегаль категорически утверждаетъ, что шулханъ-арухъ (сборникъ избраннѣйшихъ мѣстъ изъ талмуда) «имѣетъ у евреевъ наибольшее значеніе»; г. Хвольсонъ именуетъ его прямо «*еврейскимъ кодексомъ законовъ*». а воинствующій маккавей, г. Ландау, присовокупляетъ, что «*всѣ ортодоксальные евреи твердо убѣждены въ полной непогрѣшимости шулханъ-аруха, что они клянутся имъ и присягаютъ на немъ*». А за отступленіе отъ ортодоксальности евреи не церемонятся, — какъ мы видѣли, — налагать проклятія не только на своихъ соплеменниковъ, но и на людей «посторонняго вѣдомства», и знать не желающихъ о существованіи подпольнаго кагала...

Читатель видитъ самъ, до какой степени наша постановка еврейскаго вопроса,—вопроса соціальнаго и экономическаго,—свободна отъ всякой религіозной и расовой *нетерпимости*. Нетерпимостью къ чужимъ мнѣніямъ отличается само талмудическое еврейство, хотя евреи — по счастливому сравненію Бёрне — «подобно трусамъ на полѣ сраженія, *любятъ притворяться мертвыми*».

Мы воюемъ съ талмудистами не за ихъ вѣрованія и обряды, не за принадлежность ихъ къ семитическому племени (поэтому и невѣрно называть насъ антисемитами); мы видимъ въ нихъ *вредное сообщество*, «государство въ государствѣ», практикующее въ дости-

женіи своей цѣли—политическаго и экономическаго преобладанія—всѣ неразборчивые пріемы отовсюду изгнаннаго іезуитскаго ордена. Не такъ давно одна галицкая газета («Галичанинъ»), повторяя давно сдѣланное нами сравненіе еврейскаго кагала съ іезуитскимъ орденомъ, справедливо замѣтила: «даже гордыя и самоувѣренныя дѣти Лойолы боялись евреевъ и *не открывали своихъ дверей жидовскому кагалу;* другими словами, іезуиты сознавали твердо, что *еврейство идетъ тою же дорогою, какъ и они*, управляется тѣми же принципами, но имѣетъ за собою такія талмудическія преимущества, игнорировать которыя было бы неразумно, а присвоить ихъ ордену (все таки христіанскому по имени)—немыслимо. Сыны Іуды признавались безусловно опасными даже для такой воинственной и побѣдоносной ассоціаціи, какъ орденъ іузуитовъ».

Послѣ всѣхъ этихъ цитатъ и документальныхъ свидѣтельствъ о вліяніи, оказываемомъ евреями на экономическую и нравственную жизнь пріютившихъ ихъ народовъ, намъ легко уже приступить къ разсмотрѣнію капитальнаго вопроса: о свободномъ разселеніи талмудистовъ по всей Россіи, — разселеніи, храбро предложенномъ въ № 8 «Русскаго Богатства» за 1896 г.

Коренная ошибка нашего законодательства по еврейскому вопросу.

Наше законодательство въ его отношеніяхъ къ еврейству. — Сплоченіе еврейской силы вмѣсто ея разрушенія.—Еврейскія министерства: внутреннихъ дѣлъ (казенный раввинатъ), финансовъ (система коробочнаго сбора и др. налоговъ) и народнаго просвѣщенія (сѣть хедеровъ съ ихъ меламедами).—Поворотъ къ лучшему въ царствованіе императора Александра III. — Совершенное уничтоженіе кагаловъ и проэктъ преобразованія коробочнаго сбора. — Огульное изгнаніе еврейскихъ псевдо-ремесленниковъ изъ Москвы. — Возможно ли допустить въ настоящее время отмѣну «черты еврейской осѣдлости»?—Доводы въ пользу этой мѣры, сводящіеся къ безсилію борьбы съ еврейскимъ зломъ. — Неизбѣжныя послѣдствія жидовскаго нашествія у насъ и во всемъ мірѣ.—*Народолюбіе* «Русскаго Богатства» и наша «психіатрическая загадка».—Кантъ, Гердеръ, Фихте, Шопенгауэръ, Рошфоръ, Дюрингъ и др., какъ наши сотоварищи по «психіатрической палатѣ».

I.

Продолжаемъ нашу бесѣду съ «Русскимъ Богатствомъ», начатую въ предъидущей статьѣ, — продолжаемъ, не боясь наскучить читателямъ, такъ какъ «еврейскій вопросъ», благодаря, во многомъ и нашему журналу, уже заинтересовалъ собой всю образованную публику.

Мы опредѣляли уже не разъ, въ общихъ чертахъ, нашу основную точку зрѣнія на этотъ вопросъ, причемъ не скупились, — во избѣжаніе всякихъ шулерскихъ подтасовокъ и передержекъ съ еврейской стороны,—на подлинныя цитаты изъ талмуда и шулханъ-аруха, а также на дословныя выписки изъ нашихъ руководящихъ статей.

«Мы воюемъ съ талмудистами — говорили мы въ заключеніе одной отповѣди — *не за ихъ вѣрованія и обряды, не за ихъ принадлежность къ семитическому племени*; мы видимъ въ нихъ *вредное сообщество*, «государство въ государствѣ», практикующее въ

достиженіи своей цѣли—*политическаго и экономическаго преобладанія*—всѣ неразборчивые пріемы *отовсюду изгнаннаго* іезуитскаго ордена» [1]).

И, дѣйствительно, еврейскій кагалъ—*тотъ же іезуитскій орденъ по своему духу и даже внѣшней структурѣ, но только перенесенный съ религіозной почвы на почву экономическую и соціальную.* Поэтому, нечего и удивляться, что государство, заботящееся объ интересахъ народной массы, относится къ еврейскому кагалу съ извѣстными предосторожностями, и свою политическую силу противопоставляетъ союзной мощи зловредной организаціи. Удивляться можно только тому, что есть еще охотники жевать, по поводу еврейскаго вопроса, такую старую жвачку, какъ «расовая и религіозная нетерпимость»... со стороны, будто бы, христіанъ къ евреямъ, а не наоборотъ. Г. Южаковъ и самъ признаётъ, что еврейскій кагалъ пріобрѣлъ характеръ «*не столько оборонительнаго, сколько наступательнаго союза, нарушающаго интересы и благосостояніе другихъ, стоящихъ внѣ союза, группъ населенія*». Для объясненія этого, признаваемаго и имъ, факта г. Южаковъ прибавляетъ: «*Два тысячелѣтія гоненій и преслѣдованій* (?) *вынудили евреевъ выработать эту союзность и солидарность,* какъ единственное средство самообороны. Но измѣнились обстоятельства, и этотъ *оборонительный союзъ самъ собою превратился, не могъ не превратиться, въ наступательный, вызывающій совершенно естественную вражду остальнаго населенія*».

Очевидно, г. Южаковъ въ своемъ взглядѣ на еврейство не отходитъ отъ нашего; только эту зловредную «союзность и солидарность» евреевъ онъ объясняетъ «тысячелѣтними гоненіями» и какими-то измѣнившимися обстоятельствами» (не еврейской ли равно-

---

[1]) Что еврейскій *кагалъ*, — de jure отмѣненный въ Россіи, но de facto проявляющій свою силу чуть ли не больше прежняго,—играетъ у насъ самую дерзкую и вредную роль, это доказывается не только положительными данными, но и художественными изображеніями правдивыхъ беллетристовъ, не искажающихъ своей наблюдательности «страха ради іудейскаго». Чтобы далеко не ходить, укажемъ на повѣсть г. Литвина: «Среди евреевъ» («Историческій Вѣстникъ» 1896 г., № 10), гдѣ одинъ интеллигентный еврей прямо предостерегаетъ попавшую въ ложное положеніе дѣвушку: «*Вы не знаете, какая у насъ, евреевъ, крѣпкая организація* и что́ значитъ такой человѣкъ, какъ Борухъ Бердичевскій, который, одинъ изъ немногихъ, стоитъ во главѣ этой организаціи. *Злѣйшему врагу своему не пожелаю очутиться въ борьбѣ съ этимъ всемогущимъ кагаломъ*, имѣющимъ свои развѣтвленія не только у насъ, въ Россіи, но и во всемъ свѣтѣ... Куда бы вы ни скрылись, но, если старый Борухъ захочетъ вамъ мстить, онъ, при посредствѣ кагала, *повсюду доберется до васъ*». «Наблюдатель», по собственному опыту, знаетъ крѣпость и злость этой жидовской организаціи!..

правностью?), побудившими гонимое племя перейти изъ обороны въ наступленіе. Если г. Южаковъ подъ измѣнившимися обстоятельствами разумѣетъ, дѣйствительно, гражданскую равноправность, *развязавшую евреямъ ихъ хищныя руки*, то мы готовы съ нимъ согласиться, такъ какъ *эта равноправность не только не смягчила у израиля старой мстительности и эксплуататорскихъ традицій, но дала имъ новую пищу* и *опору*. Въ этомъ смыслѣ мы были, значитъ, правы съ точки зрѣнія самого г. Южакова, когда, подводя итоги еврейской равноправности въ западной Европѣ, говорили во внутреннемъ обозрѣніи журнала: «*Евреи, очевидно, ничему не научились и ничего не забыли*, съ тѣхъ поръ какъ историческія обстоятельства сомкнули ихъ въ какую-то злобную, остервенѣлую, человѣконенавистническую секту. Теперь ихъ никто не «гонитъ» въ западной Европѣ; даже въ Россіи ихъ культурнымъ подвигамъ открыта огромная территорія (безъ права только проникать за «черту осѣдлости»); *но и въ Европѣ, и въ Россіи упорные семиты сохраняютъ все свое средневѣковое обличіе* и шепчутъ старыя угрозы по адресу *гоевъ*, уже призрѣвшихъ ихъ въ своей семьѣ. Мудрено ли, что «умные и убѣжденные (по выраженію Франциска Сарсэ) мыслители въ Европѣ пришли въ недоумѣніе: *не поторопились ли они наградить полноправіемъ вредное сообщество, прежде чѣмъ обезвредить его* и привести въ рамки, терпимыя законами цивилизованныхъ странъ? Не промахнулись ли они, принявъ ястреба за кукушку»?

Что же касается до тысячелѣтнихъ гоненій, которыя будто бы одни виноваты въ выработкѣ вредной союзности еврейства,—помимо наслѣдственныхъ, заботливо охраняемыхъ, специфическихъ качествъ самого «гонимаго племени»,—то на этотъ счетъ намъ приходится сдѣлать серьезную историческую оговорку. Гоненія на евреевъ были, во-первыхъ, далеко не столь люты, какъ повѣствуютъ намъ обыкновенно писатели талмудистскаго лагеря; а, во-вторыхъ, они далеко не всегда и не во всемъ вызывались одною религіозною враждою. Въ V и VI вѣкѣ евреевъ преслѣдовали въ Испаніи за то, что *они торговали христіанскими невольниками* (въ послѣднее время эта достолюбезная торговля превратилась у евреевъ въ скупку и продажу христіанскихъ дѣвушекъ въ турецкіе гаремы). Во Франціи и Германіи народныя массы преслѣдовали евреевъ *за ростовщичество;* а въ Бѣлоруссіи и Малороссіи евреи были ненавистны, *какъ агенты тяжкаго иноземнаго владычества*. Слѣдовательно, и тутъ не было *преслѣдованія односторонняго*, но была *взаимная борьба*. Самая «мартирологія» евреевъ, даже по еврейскимъ источникамъ, оказывается крайне преувеличенною и далеко

не представляетъ картинъ въ родѣ мученія христіанъ въ римской имперіи (вспомнимъ «свѣточей христіанства», засмоленныхъ и сожженныхъ Нерономъ), войны съ альбигойцами и пр. Говоря о гоненіяхъ противъ евреевъ, не слѣдуетъ вообще забывать, что если евреи подвергались нѣкогда гоненіямъ, то въ остальное время они въ тѣхъ же самыхъ странахъ пользовались очень часто и *привилегированнымъ положеніемъ*. Такъ было въ Испаніи, гдѣ они долго находились при дворѣ и въ государственной службѣ, и во Франціи, гдѣ имѣли особыхъ коронныхъ защитниковъ, или прокуроровъ, и въ германской имперіи, и даже въ папскихъ владѣніяхъ, гдѣ имъ покровительствовали нѣкоторые римскіе первосвященники, и въ Польшѣ, гдѣ у нихъ было самостоятельное управленіе [1]), и въ Россіи, гдѣ они доселѣ сохраняютъ свое отдѣльное, въ извѣстной степени привилегированное устройство, и *фактически пользуются гражданскою свободою* почти не менѣе, чѣмъ въ пограничныхъ государствахъ. «Еслибы преслѣдованія евреевъ—основательно замѣтилъ г. Фуксъ, членъ одной изъ нашихъ хроническихъ «еврейскихъ комисій»—были такъ жестоки, всеобщи и постоянны, какъ описывается въ еврейскихъ мартирологіяхъ, то, конечно, евреи не занимали бы, ни по численности, ни по капиталамъ, того положенія, которое они теперь имѣютъ въ Европѣ и у насъ. *Создать себѣ вдругъ такое положеніе было невозможно*»!

II.

Установивъ такимъ образомъ свою точку зрѣнія на талмудическое еврейство, — какъ на антисоціальную и антикультурную силу, въ особенности угнетающую своимъ давленіемъ темныя и безпомощныя народныя массы, — «**Наблюдатель**» естественно задался вопросомъ: какія причины способствовали у насъ возрастанію этой силы и чѣмъ можно было бы если не искоренить совсѣмъ, то, по крайней мѣрѣ, парализовать ея гибельное вліяніе? Въ чемъ состояла та ошибка, которая привела насъ къ созданію еврейскаго «государства въ государствѣ», имѣющаго, подъ именемъ шулханъ-аруха, свой собственный «кодексъ законовъ» (по счастливому выраженію г. Хвольсона) и дѣйствующаго по этому кодексу вполнѣ

[1]) Въ № 11 «**Наблюдателя**», 1896 г. читатели найдутъ богатую фактическими данными статью г. Липранди, изъ которой явствуетъ, какъ хорошо продолжаютъ пользоваться евреи своей пресловутой «равноправностью» и въ нынѣшнихъ привислянскихъ губерніяхъ. Старую Польшу они несомнѣнно довели до окончательнаго разложенія и упадка, и это не мѣшаетъ помнить польскимъ патріотамъ.

открыто, съ замѣчательною наглостью игнорируя требованія законнаго государства и произнося грозныя «проклятія» не только по адресу своихъ отщепенцевъ, но прихватывая къ нимъ и коренныхъ русскихъ гражданъ, еще не обрѣзанныхъ и не приносившихъ, слава богу, присяги на вѣрное служеніе кагалу!! По внимательномъ изученіи дѣла, «Наблюдатель» нашелъ эту фатальную ошибку въ томъ, что наше законодательство, очень долгое время, не только не стремилось разрушить сплоченную еврейскую силу, но само заботилось объ ея обособленіи и сосредоточеніи подъ властью казеннаго раввината (еврейское министерство внутреннихъ дѣлъ), со своею особою финансовою системою (коробочный сборъ) и съ цѣлою сѣтью спеціально-еврейскихъ училищъ, куда не смѣетъ и вторгнуться русскій государственный языкъ.

«Глубокаго сожалѣнія достойно, — говорилось во внутреннемъ обозрѣніи «Наблюдателя» (№ 4, 1893 г.),—что до самаго послѣдняго времени ни наше законодательство, ни административная практика не усвоили себѣ надлежащей точки зрѣнія на еврейство, какъ на *вредное сообщество*, и относились къ нему или съ либеральной терпимостью, какъ къ религіозной сектѣ, имѣющей право на свободу вѣроисповѣданія и культа, или съ какою-то полицейскою тенденціею сомнительнаго свойства, *сосредоточивая въ рукахъ казенныхъ раввиновъ всю дисциплинарную власть надъ ихъ сокачальниками*. Такимъ образомъ, протежируя съ одной стороны «свободѣ» еврейскаго вѣроученія (причемъ вѣра Моисея смѣшивалась, по невѣжеству, съ человѣконенавистническими догматами талмуда и шулханъ-аруха) мы, съ другой стороны, всячески *угнетали эту свободу въ нѣдрахъ самого еврейства* и предоставляли правовѣрнымъ раввинамъ широкую дискреціонную власть—«вязать» и «рѣшить» *свободномыслящихъ евреевъ*, какъ бунтарей и хулителей вѣры еврейской. Происходило нѣчто странное и на первый взглядъ просто непонятное (если не вспомнить еврейской способности къ надувательству и изворотливости):—*вмѣсто того, чтобы совершенно разгромить вредное сообщество*, только прикрывающее религіозной хламидой свои чисто мірскіе, притомъ же хищническіе интересы и вожделѣнія,—наше правительство, съ ревностью, заслуживающей удивленія, всемѣрно старалось *закупорить еврейство* въ его устарѣлой средневѣковой скорлупѣ и *обострить въ немъ тѣ именно зловредныя качества, которыми оно заявляетъ свое присутствіе во всѣхъ странахъ міра*».

Картина усиленія жидовской сплоченности, на зло и гибель коренному населенію страны, начала мѣняться только со вступленіемъ на престолъ императора Александра III, сразу почувство-

вавшаго своимъ добрымъ русскимъ сердцемъ весь вредъ такой политики по отношенію къ еврейскому вопросу. *Онъ уничтожилъ послѣдніе, терпимые закономъ, еврейскіе кагалы въ Остзейскомъ краѣ; онъ ограничилъ власть раввиновъ надъ «свободномыслящими» евреями, задумалъ реформу коробочнаго сбора и, наконецъ, онъ же прозрѣлъ въ мнимыхъ еврейскихъ «ремесленникахъ», заполонившихъ наши города, злостныхъ піонеровъ кагала, преслѣдующаго враждебныя нашему государству цѣли.* Изъ Москвы были высланы тысячи этихъ псевдо-ремесленниковъ, занимавшихся ростовщичествомъ, контробандою, сводничествомъ, продажей краденаго, шинкарствомъ и фальсификаціей крѣпкихъ напитковъ, — словомъ, всѣмъ рѣшительно, кромѣ своего «показнаго» ремесла!..

Тѣмъ не менѣе, прежняя политика «непротивленія» злу, которое причиняетъ намъ темная кагальная сила, уже сдѣлала свое печальное дѣло, и мы съ грустью говорили по этому поводу: «Съ тѣхъ поръ, какъ въ 1865 г. въ еврейской «чертѣ осѣдлости» была продѣлана брешь для евреевъ, получившихъ «высшее образованіе», а также для купцовъ первой гильдіи и ремесленниковъ, которые пріобрѣли право селиться во всѣхъ городахъ,—*во внутренней нашей жизни стали возникать явленія совсѣмъ нежелательнаго и даже зловреднаго характера.* Еврейскіе кочевники вторглись къ намъ чуждою, но компактною массою, строго подчиненною раввинской дисциплинѣ, со своими варварскими понятіями о нравственномъ долгѣ, общественныхъ обязанностяхъ и экономическихъ отношеніяхъ къ не-евреямъ; они успѣвали такъ быстро проникать во всѣ сферы городской жизни—и притомъ сферы наиболѣе вліятельныя, какъ напримѣръ, городское самоуправленіе, банковское и комерческое дѣло, мѣстная печать и пр., — что многіе коренные русскіе города стали получать даже внѣшнее обличіе какого нибудь Шклова или Бердичева... Вмѣстѣ съ внѣшнимъ обличіемъ, этимъ злосчастнымъ городамъ натурально прививались и всѣ специфическія качества еврейской проказы: безстыдное ростовщичество, контробандная торговля, хищническая эксплуатація земель и лѣсовъ, уклоненіе отъ воинской повинности и, вообще, всякая фальсификація во всѣхъ видахъ промышленности. Оправдалась мастерская характеристика, сдѣланная еврейству И. С. Аксаковымъ: «Особенность и, можно сказать, привилегія евреевъ— говорилъ онъ—это спеціальность ихъ бытовой профессіи. *Это не только племя, но и классъ или корпорація, и не только классъ или корпорація, но и племя.* Правительству приходится имѣть дѣло не просто съ какою-то національностью, *но съ милліонами людей особой, рѣзко выдѣляющейся и замкнутой въ себѣ національности,*

которые не имѣютъ другихъ занятій, кромѣ *торгашества въ томъ или другомъ видѣ*: ни фабрикъ, ни заводовъ евреи не держатъ; ни каменьщиковъ, ни плотниковъ, ни другихъ рабочихъ (тяжелаго труда) изъ евреевъ не бываетъ. Это — *племенная корпорація не производителей, а торгашей-эксплуататоровъ*, а такая исключительность профессіи сильно усложняетъ задачу».—Сѣтуя на то, что имъ *тѣсно жить въ 26-ти губерніяхъ, обнимающихъ собою пространство, далеко превышающее всю территорію Австро-Венгріи,*—самаго обширнаго изъ западно-европейскихъ государствъ,—жиды, конечно, разыгрывали только недостойную комедію, чтобы ворваться въ зарубежную Россію въ качествѣ хотя бы «ремесленниковъ», «купцовъ» «пивоваровъ» и «механиковъ», и, добившись успѣха своими ламентаціями, немедленно показать, какою «хитрою механикою» они намѣрены заниматься на новыхъ мѣстахъ и какого «пива» наварятъ русскому народу. (См. «Наблюдатель» 1891 г., № 5).

Что касается до *религіи* евреевъ-талмудистовъ, которую они приплетаютъ къ дѣлу, чтобы вопіять о «религіозной нетерпимости»,—то, послѣ статьи г. Тембе (Туганъ-Барановскаго): «Казенный раввинатъ», напечатанной въ одной изъ книгъ нашего журнала за 1894 годъ,—невозможно и возражать противъ того, что у евреевъ *совсѣмъ нѣтъ религіи* въ общепринятомъ смыслѣ этого слова, а потому нѣтъ и духовенства, и правовѣрный еврей самолично можетъ совершать всѣ свои обряды. Значеніе раввина и синагоги—чисто-политическое, и это очень хорошо понималъ нашъ Государственный Совѣтъ, назвавъ еврейство *религіозно-политическою кастою*. То же мнѣніе о совершенной *безрелигіозности* евреевъ выражаетъ и г. Диминскій — знатокъ еврейскаго быта — въ своей извѣстной книгѣ.

Мнѣ тоже пришлось коснуться этого вопроса въ выше цитированномъ фельетонѣ, и я отвѣчалъ на него такимъ образомъ:

«*Моисеевъ законъ исповѣдуютъ караимы* и исповѣдуютъ добросовѣстно, не примѣшивая къ нему талмудическаго звѣрства; потому *русскій законъ и не стѣсняетъ ихъ въ правахъ разселенія*. Но талмудъ вавилонскій—этотъ коренной статутъ «еврейскаго ордена», столь же вреднаго, какъ и орденъ іезуитскій, отовсюду изгнанный въ Европѣ, — и не пахнетъ моисеевыми заповѣдями. *Раввинъ не только замѣняетъ въ талмудѣ безгрѣшнаго папу іезуитовъ, но даже превышаетъ его по размѣрамъ своей юрисдикціи:—«онъ обладаетъ монаршею властью надъ богомъ» (!!!)* и что̀ раввинъ захочетъ, то «богъ обязанъ дѣлать непремѣнно» (подлинныя цитаты). Очевидно, что это вовсе не Богъ чтимыхъ и нами моисеевыхъ за-

повѣдей, воспретившій создавать себѣ кумиры, — между прочимъ, и въ раввинскомъ образѣ:—это просто какой-то *языческій жидовскій божокъ*, не заслуживающій даже прописной буквы... Жидовскій богъ самъ себѣ создалъ кумира, въ видѣ раввина, и боится его, какъ огня; «волшебство опасно» для этого бога, но не для раввина, которому не страшенъ и адскій пламень. «*Не этотъ богъ благославляетъ раввина, а раввинъ—его*»!! Въ то же время раввины,—по этой якобы *религіозной* характеристикѣ,—«*безстыдны, мстительны* (sic) *и вонючи*» (одинъ изъ нихъ посѣщалъ на дню *двадцать четыре отхожихъ мѣста* и только здоровѣлъ отъ вдыханія ихъ аромата); сами черти, изъ умиленія передъ безстыдствомъ и вонючестью раввиновъ, «хорошо служатъ имъ въ домашнемъ обиходѣ». Все это не мѣшаетъ, однако, раввинамъ практиковать такую власть надъ «избраннымъ народомъ», что сыны этого народа обязаны «вставать не только передъ раввиномъ, *но и передъ его осломъ*», какъ только завидятъ ослиныя уши. Ну, словомъ, *настоящій жидовскій божокъ и есть пахучій раввинъ*, и было бы непростительнымъ богохульствомъ приплетать къ талмуду ветхозавѣтнаго Бога, изрекшаго на Синаѣ: «да не будутъ тебѣ Бози иніи, развѣ Мене». Недаромъ талмудисты, чтущіе свою варварскую книгу завѣта (только не «ветхаго») несравненно больше, чѣмъ Моисеево пятикнижіе, говорятъ прямо, что священное писаніе—это «чаша съ горячимъ кушаньемъ *безъ ушковъ*», изъ которой прямо пить нельзя, а «ушки»-то къ ней и представляетъ талмудъ (вмѣстѣ съ шулханъ-арухомъ, — этой избранной христоматіей изъ талмуда)».

Понятно, что караимы—истинные послѣдователи моисеева закона — чураются евреевъ-талмудистовъ гораздо больше, чѣмъ христіанъ, съ которыми отлично уживаются, не возбуждая противъ себя никакихъ нареканій и не сѣтуя на якобы «религіозную» нетерпимость...

III.

Итакъ, еврейское «государство въ государствѣ», — раскинувшееся по лицу всей земли, подъ именемъ «Alliance Israélite», и не признающее никакихъ другихъ законовъ, кромѣ своего собственнаго кодекса, основаннаго на лжи и угнетеніи всѣхъ національностей, не имѣющихъ счастья принадлежать къ жидовскому племени,—это *государство вызываетъ на бой* всѣ существующіе народы и, угрожая имъ порабощеніемъ и деморализаціей во славу израиля, домогается въ то же время «равноправности» съ другими

гражданами, совсѣмъ не питающими такихъ воинственныхъ и разрушительныхъ замысловъ. Справедливо ли, однако, удовлетворять ихъ домогательство—въ особенности въ такой странѣ, гдѣ *темная масса очутится вполнѣ безоружною передъ сплоченною многомилліонною шайкою бандитовъ, снабженныхъ всѣми орудіями борьбы?!*

Въ первый же годъ своего существованія, радѣя искренно, а не для звонкихъ фразъ, о благѣ русскаго народа [1]), «Наблюдатель», въ статьѣ проф. Ѳ. И. Леонтовича: «Что намъ дѣлать съ еврейскимъ вопросомъ» (1882 г., №№ 5 и 6) коснулся и столь вожделѣннаго для еврейства уничтоженія «черты осѣдлости»:

«Кто рѣшится утверждать—говорилъ по этому случаю уважаемый профессоръ, — что путемъ законодательныхъ мѣръ «уравненія въ правахъ» степной киргизъ сразу оставитъ свою хищническую культуру, переставетъ съ отвращеніемъ относиться къ мирному труду земледѣльца и свободно усвоитъ цивилизацію осѣдлаго люда? *Для хищника понятно и желательно только одно уравненіе въ правахъ,—право на свободное и безграничное хищничество*: въ этомъ, и только въ этомъ одномъ, и заключается для него весь смыслъ теоріи невмѣшательства. Для него совершенно недоступно и непонятно то, отрѣшенное отъ условій времени и мѣста, ученіе о «правахъ человѣка», которое лежитъ въ основѣ упомянутой теоріи... Сказать ли, что съ примѣненіемъ къ еврейскому вопросу всѣхъ требованій, логически вытекающихъ изъ политики невмѣшательства, исчезнетъ если не моментально, то органически, постепенно, та *«злоба дня»*, та вражда и обособленность племенъ и поколѣній, которая тянется цѣлые вѣка и доселѣ не утратила своей прежней энергіи и живучести? И затѣмъ далѣе: *можно ли довѣрять универсальной силѣ и политикѣ невмѣшательства,* если явленія самой жизни неопровержимо доказываютъ, что, при данныхъ конкретныхъ условіяхъ соціальнаго и экономическаго быта, осуществить всѣ требованія «политики невмѣшательства»—значило бы просто раскрыть широкій, абсолютный просторъ не для умиротворенія, *но прямо для открытой борьбы на жизнь и смерть* [2]) между враждебными и замкнутыми въ себѣ элементами жизни?

Г. Южаковъ гораздо смѣлѣе, но и гораздо непослѣдовательнѣе Ѳ. И. Леонтовича: — онъ не боится «борьбы на жизнь и смерть» между дѣйствительно гонимыми людьми и ихъ угнетателями (вѣдь если и случится борьба, то можно силою подавить бунтующихъ илотовъ); идея народнаго блага отступаетъ у него передъ отвле-

---

[1]) Стоитъ только заглянуть въ «Указатель» статей, помѣщенныхъ въ нашемъ журналѣ («Наблюдатель» 1893 г., № 12), чтобы рѣшить безпристрастно вопросъ о степени нашего участія къ экономическому и нравственному положенію народной массы. Рядъ статей гг. Абрамова, Н. Дружинина (сотрудничествомъ которыхъ пользуется и «Русское Богатство») показываетъ, что на всѣ выдающіяся нужды крестьянскаго быта «Наблюдатель» отзывался энергически и своевременно.

[2]) Эта борьба и проявлялась многократно въ такъ называемыхъ «жидовскихъ погромахъ».

ченнымъ и неприложимымъ къ жизни принципомъ, и—врагъ «теоріи невмѣшательства» въ экономическихъ отношеніяхъ—онъ въ данномъ случаѣ *предоставляетъ жидамъ пользоваться всѣми преимуществами капитализма и политической сплоченности, причемъ удерживаетъ государство отъ всякаго вмѣшательства въ эту завѣдомо-неравную борьбу.* Пусть жиды свободно разселяются по всей Руси, пусть они заполоняютъ всѣ уголки и безъ того обездоленнаго крестьянскаго міра; пусть грабятъ всласть и развращаютъ сколько душѣ угодно крестьянскую массу: — да свершится «равноправность» и да провалится сквозь землю русская деревня съ ея общиною, столь ненавистною для жидовства!! Резоны, приводимые г. Южаковымъ въ пользу отмѣны «черты еврейской осѣдлости», слабы и наивны до жалости. Наговоривъ жидамъ кучу «комплиментовъ», — образчикъ которыхъ мы привели выше, —признавъ ихъ вреднымъ и къ тому же тѣсно сплоченнымъ сообществомъ, т. е. согласившись съ нами на этомъ важнѣйшемъ пунктѣ, г. Южаковъ восклицаетъ, что все таки съ этими вредными людьми ничего не подѣлаешь, что эта стихійная сила всюду пролѣзетъ, всѣхъ-де подкупитъ и все перековеркаетъ на свой талмудическій ладъ... Delenda est Carthago—и Россію нужно непремѣнно отдать жидамъ «на потокъ и разграбленіе»!! Сначала мы, молъ, пустимъ ихъ внутрь страны, а потомъ ужь поборемся съ ними... Но не будетъ ли поздно дѣлать это *потомъ* и не повторятъ ли жиды, посмѣявшись себѣ въ бороду, классическую фразу салтыковской Татьяны Юрьевны: «ты мнѣ, душенька, положи въ ротъ только пальчикъ, а ужь я тебѣ откушу всю ручку».

Не замѣчая собственной непослѣдовательности, г. Южаковъ, попрекаетъ ею насъ и дивится: какимъ это образомъ наши идеалы гуманности и просвѣщенія, наша «несомнѣнная вражда къ обскурантизму» уживаются съ антипатіей къ талмудистамъ. А вотъ потому и уживаются, что *талмудизмъ-то и есть синонимъ средневѣковаго варварства*, нравственной одичалости, самой безжалостной экономической эксплуатаціи, самыхъ грубыхъ захватовъ капитализма, къ которому и г. Южаковъ не чувствуетъ—по крайней мѣрѣ, не чувствовалъ до сихъ поръ—никакого особеннаго влеченія. «Психіатрическая загадка» въ нашемъ мышленіи, логическая «аберрація»,—передъ которыми задумывается г. Южаковъ съ вопросительнымъ видомъ,—объясняются очень просто. И не мы одни загадываемъ ему эту психіатрическую загадку. Хотя евреи и утверждаютъ со своей обычной развязностью, что глубочайшіе мыслители и политики всего міра на ихъ сторонѣ, но изъ числа этихъ политиковъ и мыслителей нужно прежде всего исключить: Петра Великаго, Екатерину II-ую, Вольтера, Канта, Фихте, Гердера,Шопенгауэра, Дюринга и мн. др.

Вотъ слова Канта: «Евреи, живущіе посреди насъ, пріобрѣли, благодаря своимъ ростовщическимъ наклонностямъ, *репутацію обманщиковъ*, основательно заслуженную ими. По правдѣ сказать, странно было бы представить себѣ цѣлую *націю мошенниковъ*, но не менѣе странно видѣть и націю, исключительно состоящую изъ торгашей, которые *не считаютъ за честь сдѣлаться гражданами той страны, которая оказала имъ гостепріимство* (какъ справедливъ этотъ упрекъ!) но предпочитаютъ обманывать ея жителей» [1]).

«Надъ всѣми странами Европы—говоритъ Фихте—тяготѣетъ *могущественный врагъ, который ведетъ постоянную войну противъ всѣхъ другихъ народовъ: это іудаизмъ*».

Гердеръ — гуманнѣйшій историкъ — выражается о евреяхъ съ такой «нетерпимостью», передъ которой г. Южаковъ можетъ только руками развести: «Мало вѣроятнаго, что евреи занесли проказу въ Европу, но что̀ *горше всякой проказы на свѣтѣ*,—это сама нація мѣнялъ, торгашей и гнусныхъ орудій ростовщичества».

Рошфоръ — свободолюбивый Рошфоръ! — прямо оправдываетъ Россію въ томъ, что она «гонитъ отъ себя жидовъ».

Съ такими сотоварищами намъ ужь не очень зазорно оставаться «психіатрическою загадкою» въ глазахъ г. Южакова. Во всякомъ случаѣ, къ еврейскому вопросу никакъ нельзя припутывать ни гуманность, ни свободу... Это совсѣмъ «изъ другой оперы»!!

[1]) Кантъ, какъ извѣстно, глубоко сочувствовалъ многимъ основнымъ идеямъ первой французской революціи (но не жидовскому равноправію) и, при извѣстіи объ ней, проговорилъ: «нынѣ отпущаеши»!..

Столѣтіе жидовской равноправности во Франціи.

Разочарованіе французовъ.—Нахлобучка, полученная Францискомъ Сарсэ за его іудофильство.—Сильное антисемптическое движеніе, все разростающееся и въ глубь, и въ ширь.—Французскій государственный банкъ въ плѣну у Ротшильда.—Дѣло «Панамскаго общества» и грандіозные подкупы прессы.—Два противоположныхъ полюса оппозиціи противъ жидовъ: католикъ Дрюмонъ и непримиримый Рошфоръ.—«Ces bons juifs».—Алжиръ, заѣдаемый жидами.—Какія блага сулитъ Россіи отмѣна «черты еврейской осѣдлости», пропагандируемая жидовскими газетами и журналами?

I.

Сто лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ французская революція, поднявъ свое знамя съ историческимъ девизомъ: «свобода, равенство и братство», привлекла къ участію въ этомъ братскомъ союзѣ и сыновъ «гонимаго» еврейскаго племени, не справившись хорошенько, какими началами руководствуется само это племя въ своихъ отношеніяхъ къ остальному человѣчеству не еврейскаго происхожденія...

Ошибка эта была нисколько не удивительна, хотя и оказалась весьма плачевною по своимъ послѣдствіямъ для самихъ же великодушныхъ братьевъ-французовъ... Если и въ настоящее время еврейскіе укрыватели и фальсификаторы мастерски умѣютъ хоронить подъ спудомъ настоящій варварскій смыслъ своего талмуда и шулханъ-аруха, и пускаютъ въ публику только искаженныя цитаты изъ своего религіозно-соціальнаго кодекса, отчасти приноровленныя къ требованіямъ цивилизаціи и культуры, — то, назадъ тому сто лѣтъ, никто изъ правителей Франціи и понятія не имѣлъ о различіи между подлиннымъ «моисеевымъ закономъ», котораго держатся одни лишь караимы, и безобразной, безнравственной пародіей на него, состряпанной еврейскими рабби и раввинами. Гоненія,—заслуженно или незаслуженно перенесенныя жидами, — наложили и на ихъ послѣдующее вѣроученіе печать такой ожесточенной

ненависти ко всему не-жидовскому міру, что даже вчужѣ становится страшно за возможность примѣненія такихъ варварскихъ правилъ къ дѣйствительной жизни.

Проповѣдники «свободы, равенства и братства», конечно, не знали, что кодексъ евреевъ *запрещаетъ* своимъ послѣдователямъ «брататься» съ иновѣрцами; что по этому кодексу всѣ «гои» (т. е. не-жиды) приговорены вѣчно рабствовать въ еврейской кабалѣ, «не имѣя права уйти съ работы»; что даже человѣческій обликъ данъ этимъ отверженцамъ только изъ уваженія къ брезгливости жидовъ, такъ какъ имъ «*не приличествовало принимать услуги отъ животныхъ*». «Скотское сѣмя» христіанъ—по этому кодексу—не заслуживаетъ ни малѣйшей пощады, и всякое снисхожденіе къ нему, всякая уступчивость при сдираніи христіанской шкуры вмѣняются правовѣрному еврею не только въ ошибку, но въ тягчайшее преступленіе, въ измѣну народному дѣлу! Обманъ, подлогъ, клятвопреступленіе, даже убійство ненавистнаго христіанина признаются актомъ добра и законной власти еврейскаго племени, которому предстоитъ рано или поздно, тѣми или другими путями (евреи гораздо раньше іезуитовъ установили общій принципъ: «всѣ средства хороши для достиженія цѣли»), ограбить весь міръ въ свою пользу и подчинить его своему несокрушимому господству. Мудрено ли, что, на почвѣ этого человѣконенавистничества и неутолимой жажды мести, между нѣкоторыми еврейскими сектами могъ развиться и процвѣсти обычай употребленія христіанской крови при религіозныхъ торжествахъ?

Правда, великодушные французы могли надѣяться, что, искупавшись въ общей съ ними купели политическаго крещенія, жиды не захотятъ оставаться вѣчными жидами, отрекутся отъ своей традиціонной «маніи величія» и покончутъ свои старые счеты съ культурнымъ обществомъ; но вотъ тутъ-то евреи и дали имъ себя знать, доказавши воочію, что они, съ полученіемъ своей равноправности, ровно ничему не научились и ничего не позабыли! Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ того, какъ евреи были провозглашены полноправными французскими гражданами, они такъ насѣли на Эльзасъ и Лотарингію, что сразу обезземелили тамъ почти всѣхъ крестьянъ, и Наполеону I-му пришлось снова принимать противъ нихъ репрессивныя мѣры. Дальше—больше и, не смотря на то, что во Франціи имѣется, сравнительно съ Россіей, только незначительная горсть іудейскаго племени, дѣло дошло до того, что жидамъ принадлежитъ тамъ цѣлая треть національныхъ капиталовъ, треть префектскихъ мѣстъ и подавляющее вліяніе на государственный банкъ, на биржу, печать и политическое представительство. Царство подкупа, раз-

врата, безстыднаго цинизма въ попираніи всякихъ гражданскихъ обязанностей,—словомъ, царство Молоха и Астарты, исповѣдуемое жидами,—водворилось на развалинахъ гражданской добродѣтели и честнаго служенія своему народу...

Натурально, французы обезпокоились и, какъ пылкая нація, сейчасъ же схватили «быка за рога»! Понемногу, но непрерывно стало накопляться во Франціи чувство раздраженія противъ змѣи, отогрѣтой страною за своей пазухой—и вотъ уже нѣсколько лѣтъ подъ рядъ это чувство прорывается наружу въ самыхъ разнообразныхъ слояхъ французскаго общества. Пишущій эти строки, ежегодно посѣщая Францію въ недавніе годы, безъ труда замѣтилъ эту перемѣну и часто слышалъ, какъ люди, наиболѣе толерантные въ религіозномъ отношеніи и наиболѣе прогрессивные въ политическомъ смыслѣ, величали семитовъ не иначе, какъ—«les animaux malfaisants» (зловредныя животныя). Много нужно было евреямъ похлопотать въ этомъ направленіи, чтобы, при новомъ режимѣ полноправія, возстановить во всемъ блескѣ свою старую репутацію... Шейлока! Тѣмъ не менѣе репутація эта уже возстановилась.

Года три назадъ, извѣстный театральный критикъ и публицистъ, Францискъ Сарсэ, вздумалъ пропечатать нѣкій гимнъ еврейству въ парижской газетѣ «XIX Siècle». Въ былыя времена, этотъ гимнъ привлекъ бы ему похвалы публики, которая еще смѣшивала разумную и честную политическую свободу со свободой еврейскаго гешефтмахерства; но, сто лѣтъ спустя послѣ провозглашенія жидовской равноправности, извѣдавъ на своей шкурѣ всѣ ея прелести, французское общество отнеслось уже совершенно иначе къ хвалебному пѣснопѣнію Сарсэ. Въ редакцію услужливой газеты—по свидѣтельству самого виновника скандала — стали поступать даже не пачки, а цѣлые вороха писемъ, съ выраженіями самаго недвусмысленнаго порицанія по адресу автора, за его «жидовскія симпатіи». И письма эти писали не какіе нибудь праздношатающіеся шалопаи, а «весь цвѣтъ французской интеллигенціи» — учителя, профессора, студенты, женщины образованнаго общества. «Я никогда не подозрѣвалъ—наивно признавался по этому поводу попавшій въ просакъ критикъ—подобной силы *этого общаго антисемитскаго движенія* и понялъ его только теперь». Конечно, лучше понять позже, чѣмъ никогда!!

Въ то время какъ Сарсэ пришлось извиняться за свои жидовскія симпатіи, а издателю газеты — схватиться за свой карманъ, изъ опасенія еще бо́льшихъ убытковъ, бывшій префектъ парижской полиціи Андріё (по своей должности, хорошо знакомый съ еврейскимъ гешефтмахерствомъ) нашелъ удобнымъ прочесть цѣлую лек-

цію объ антисемитизмѣ во Франціи, причемъ долженъ былъ признаться, что это движеніе во Франціи замѣтно усиливается, и въ этомъ *виноваты сами жиды*. «Многіе слои общества — говорилъ лекторъ — которые прежде не питали никакихъ непріязненныхъ чувствъ къ евреямъ, теперь относятся къ нимъ враждебно, потому что евреи все болѣе и болѣе стремятся играть въ государствѣ неподобающую роль. Люди религіозные считаютъ ихъ, не безъ основанія, одними изъ главныхъ виновниковъ гоненія на христіанскую религію (оно такъ и есть); люди свободномыслящіе возмущаются и серьезно встревожены тѣмъ, что евреи, которыхъ не особенно много во Франціи, занимаютъ съ каждымъ годомъ все больше и больше мѣстъ въ администраціи. За послѣднія 15 лѣтъ, во Франціи не было ни одного министерства, въ которомъ не отводилось бы портфелей жидамъ. Это обусловливается преимущественно тѣмъ, что *правительство находится почти въ полной зависимости отъ банкировъ*». При такихъ условіяхъ, понятно—по мнѣнію Андріё—что евреи не могутъ быть популярны во Франціи, тѣмъ болѣе, что, не смотря на дарованную имъ равноправность, «*они продолжаютъ составлять въ государствѣ нѣчто въ родѣ тайнаго общества*».

Приведя своевременно эти любопытные факты, мы говорили тогда же въ «Наблюдателѣ»: «Безъ серьезныхъ, глубокихъ причинъ подобное движеніе не могло бы и возникнуть въ такой цивилизованной странѣ, какъ Франція, а тѣмъ болѣе принять угрожающіе размѣры. Замѣчательно еще, что такую ненависть съумѣли возбудить къ себѣ *300,000 евреевъ* [1]), проникнувшихъ на французскую территорію,—ничтожная горсть сравнительно съ *десяткомъ милліоновъ* русскихъ семитовъ, пожирающихъ благосостояніе русскихъ окраинъ. До какого «бѣлаго каленія» могла бы дойти эта ненависть, и проявилъ ли бы французскій народъ тѣ же качества добродушія и терпимости, что̀ выразилъ народъ русскій, еслибы вся эта масса піявокъ была припущена къ его тѣлу?—эти вопросы не требуютъ даже и отвѣта».

II.

Теперь уже еврейскій вопросъ,—давно наболѣвшій въ Галиціи, Румыніи и Венгріи, гдѣ юркіе семиты воспользовались *вплотную* своею «равноправностью» съ мѣстнымъ населеніемъ, мало защи-

[1]) Въ послѣднее время, эта цифра еврейскихъ пришлецовъ быстро возрасла до милліона: очевидно, что современная Франція представляетъ выгодную арену для ихъ дѣятельности.

щеннымъ отъ ихъ эксплуатаціи, — созрѣлъ, кажется, вполнѣ и на родинѣ Вольтера. Для него, говоря словами апостольскаго посланія, тоже «исполнилось время».

Опытъ эмансипаціи евреевъ произведенъ былъ во Франціи съ самоотверженной добросовѣстностью, съ полнымъ уваженіемъ къ человѣческой личности, къ «естественнымъ правамъ» захудалаго племени. Но традиціонные заговорщики противъ общественнаго блага, вскормленные млекомъ шулханъ-аруха, такъ и остались— по выраженію Андріё — «тайнымъ обществомъ», преслѣдующимъ свои особыя сепаратныя цѣли, которыя не имѣютъ ничего общаго съ цѣлями христіанскихъ культурныхъ народовъ. Заговорщики не восприняли въ себя нравственныхъ идеаловъ пріютившаго ихъ общества, не научились ни самоотверженію, ни честному труду; но по прежнему отращиваютъ свои когти и зубы для уловленія добычи и для всевозможныхъ операцій in anima vili. Они не забыли завѣтовъ своего кодекса, что еврейское племя не можетъ быть «равнымъ» никакому другому, а всегда должно забирать надъ нимъ верхъ и силу; что основа всяческаго благосостоянія есть туго набитый карманъ, что для наполненія этого кармана всѣ средства дозволительны, если объектомъ наживы служитъ личность иновѣрца; что «имущество всѣхъ иновѣрцевъ составляетъ неотъемлемую собственность еврея», на которую онъ всегда можетъ предъявить свое право; что еврею разрѣшается *«не платить государственныхъ податей и не исполнять государственныхъ повинностей»* (въ томъ числѣ и опасной для еврейской шкуры повинности воинской); что правосудіе гоевъ не обязательно для еврея, и если можно увильнуть отъ его кары путемъ лживой присяги, то жиду дозволяется давать такую присягу, *«произнося мысленно какое либо слово, измѣняющее смыслъ произносимой клятвы»* (правило, позаимствованное у жидовъ отцами-іезуитами). Со своимъ талмудическимъ богомъ (который не имѣетъ ничего общаго съ Богомъ моисеевыхъ заповѣдей) правовѣрный еврей обращается sans façon: ему, еврею, *богъ обязанъ помогать во всѣхъ гешефтахъ, и этимъ исчерпываются ихъ взаимныя отношенія.* «При молитвенномъ обращеніи къ Богу— остроумно замѣчаетъ г. Диминскій—еврей сознаётъ себя въ положеніи *гражданскаго истца*, обезпеченнаго копіею законнаго, правильнаго, гдѣ слѣдуетъ явленнаго контракта» [1]). Но такъ какъ между контрагентами возможны на практикѣ всякія соглашенія, увертки и даже прямыя нарушенія буквы контракта, то сынъ «го-

---

[1]) См. книгу *С. Я. Диминскаго*: «Евреи. Ихъ вѣроученіе и нравоученіе» Спб. 1891 г.

нимаго» племени стремится, просто на просто, *надуть* своего небеснаго контрагента, цѣпляясь за каждый подходящій случай.

Богъ Талмуда—это совершенная игрушка въ рукахъ раввина, сего непогрѣшимаго папы *еврейскаго ордена*. Раввинъ «*обладаетъ монаршею властью надъ богомъ*» (приводимъ подлинныя цитаты изъ еврейскихъ кодексовъ) и что̀ раввинъ захочетъ, то «*богъ обязанъ дѣлать непремѣнно*». *Не богъ благословляетъ раввина, а раввинъ его* (!!) Раввинъ не только заставляетъ бога наказывать палками архангеловъ за непочтеніе къ нему, раввину, но наноситъ удары и самому богу. Развѣ же это—Богъ моисеевыхъ заповѣдей, воспретившій людямъ создавать себѣ кумиры?! Еврейскій богъ самъ создалъ себѣ кумира, въ видѣ раввина. Поклоняется же этотъ раввинъ вовсе не Богу моисеевыхъ заповѣдей, а себѣ самому, да еще Золотому Тельцу, когда-то низвергнутому во прахъ Моисеемъ...

Для Франціи евреи, вооруженные всѣми правами гражданства, оказались болѣе опасными и злыми пасынками, чѣмъ въ то время, когда они, окруженные общимъ презрѣніемъ, не смѣли и носа показать изъ особо отведенныхъ для нихъ вонючихъ кварталовъ («вонючесть», по предписанію еврейскихъ кодексовъ, составляетъ неотъемлемый, священный атрибутъ раввина а, слѣдовательно, и пасомаго имъ еврейскаго стада). По снятіи «черты осѣдлости», жиды вторгнулись во Францію, какъ въ завоеванную страну. Андріё жаловался на то, что они захватили много мѣстъ въ администраціи, всегда поворачивая ея руль на пользу еврейскимъ пришельцамъ; онъ же таинственно намекалъ на зависимость французскаго правительства отъ банкировъ-семитовъ. Для Парижа этотъ таинственный намекъ былъ уже и въ то время «секретомъ полишинеля», но послѣ недавняго процесса Дрюмона, — обвиненнаго якобы въ клеветѣ на Ротшильда и на продажнаго докладчика палаты, Бюрдо, — этотъ секретъ разъяснился уже для всего образованнаго міра. Оказалось, что французское правительство давнымъ давно находится въ кабалѣ у Ротшильда, какъ главы и самаго крупнаго акціонера государственнаго банка, и что отъ мановенія руки этого еврейскаго барона зависитъ ходъ внутренней и внѣшней политики. За послѣднія 20 лѣтъ, французскій государственный банкъ, пользующійся привилегированнымъ положеніемъ, давалъ Ротшильду чисто ростовщическіе проценты—20—25% на капиталъ въ 182½ милліона франковъ, не считая отчисленій въ резервъ, тогда какъ акціонеры нѣмецкаго имперскаго банка довольствовались за это время только 6 процентами. Чудовищные дивиденды французскаго государственнаго банка препятствуютъ пониженію учетнаго процента въ торговлѣ, и банкъ, дѣлая всякія поблажки министрамъ и соплеменни-

камъ Ротшильда, отказываетъ въ кредитѣ ремесленникамъ и земледѣльцамъ (по мнѣнію талмудистовъ, нѣтъ занятія глупѣе земледѣлія: то ли дѣло отдавать деньги въ ростъ!). Но, не ограничиваясь дурнымъ вліяніемъ на внутреннюю экономическую жизнь страны, французскій государственный банкъ, руководимый жидами, часто вторгался и вторгается въ политику. Въ ноябрѣ 1851 года,—когда Луи-Наполеонъ задумалъ опрокинуть республику и на ея развалинахъ поставить свой узурпаторскій тронъ,—банкъ подслужился ему 25-ю милліонами, а пять дней спустя послѣ этой выдачи, значительная часть жидовскаго золота была роздана преторіанцамъ, залившимъ кровью парижскіе бульвары... Это историческая справка, недавно выведенная на сцену, произвела переполохъ между іудофилами французской палаты. «Это ложь!» кричалъ бравый ротшильдовскій наемникъ Бюрдо, ходившій передъ своимъ докладомъ въ банкъ «pour éclairer son esprit»... а отнюдь не для того, чтобы набивать свой карманъ жидовскими подачками. Но ему доказываютъ, что этотъ фактъ приводится всѣми историками Луи-Наполеона, и данная узурпатору сумма показана даже въ отчетахъ банка! Зато въ другой разъ французскій банкъ не былъ такъ щедръ, и когда Гамбетта, напрягая всѣ силы страны, чтобы остановить нѣмецкое нашествіе, обратился къ тому же банку съ просьбою о необходимой ссудѣ, то получилъ сначала отказъ, а потомъ какое-то жалкое подаяніе, которое не могло уже спасти Парижъ отъ капитуляціи. «Можно ли намъ оставлять военную казну въ такихъ рукахъ?!»—справедливо вопіялъ Пельтанъ въ засѣданіи палаты.—«Какія гарантіи имѣемъ мы, что и впредь банкъ не поступитъ также, какъ поступилъ въ 1851 и 1870 годахъ»?

Но, не взирая на всѣ историческія справки и гражданскіе вопли честныхъ депутатовъ, іудофильское стадо палаты вотировало значительнымъ большинствомъ возобновленіе, еще на 23 года, прежнихъ привилегій жидовско-французскаго банка, который, можетъ быть, успѣетъ еще похоронить и «третью республику», своевременно выдавши многомилліонный авансъ какому нибудь новому авантюристу...

Очевидно, знаменитый дарвиновскій «подборъ родичей» дѣйствовалъ съ примѣрнымъ успѣхомъ въ нѣдрахъ еврейскаго племени. «Подбираясь» вѣками другъ къ дружкѣ, масть къ масти, особи этого племени такъ усовершенствовались въ специфическомъ жидовскомъ смыслѣ (въ смыслѣ наклонности въ легкой наживѣ,—къ такъ называемому «посредничеству» между производителемъ и потребителемъ, къ ростовщичеству, сводничеству и всякому обману въ торговлѣ), что заняли въ человѣческомъ родѣ дѣйствительно не-

обычайное, исключительное положеніе, весьма близкое къ тому, которое занимаютъ въ органической природѣ, такъ называемыя, «чужеядныя» насѣкомыя и растенія, или «хищники» въ мірѣ животныхъ. Поэтому, рано или поздно, противъ евреевъ, не отрекающихся отъ чужеядныхъ свойствъ своей природы, а, напротивъ, культивирующихъ эти свойства строго-выработаннымъ племеннымъ законодательствомъ и всѣмъ обыденнымъ строемъ ихъ жизни—принимаются и въ Европѣ, и въ Америкѣ тѣ же самыя предохранительныя мѣры, что̀ и противъ губительнаго нашествія филоксеры, саранчи и сусликовъ.

III.

«Гражданская и политическая равноправность» во Франціи—какъ мы видѣли—послужила евреямъ только къ тому, что *они шире раздвинули кругъ своей чужеядной профессіи*, и изъ простыхъ, непривилегированныхъ ростовщиковъ, контробандистовъ, сводниковъ и фальсификаторовъ всякаго рода превратились очень быстро въ патентованныхъ политиковъ, финансистовъ, администраторовъ и «руководителей общественнаго мнѣнія», сирѣчь журналистовъ... Ротшильдъ, напр., ворочаетъ въ Парижѣ и администраціей, и политикой; онъ можетъ даже строить открытыя «шиканы» русскому правительству,—находящемуся въ дружескихъ отношеніяхъ съ французами, — за непочтительное обращеніе съ его соплеменниками. Игра на пониженіе курса кредитнаго рубля и на упадокъ всѣхъ нашихъ бумажныхъ цѣнностей ведется имъ съ поднятымъ забраломъ и, управляя французскимъ государственнымъ банкомъ, онъ, въ сущности, принадлежитъ къ враждебному намъ и Франціи «тройственному союзу». Всѣ наиболѣе чувствительные и дѣятельные нервы современной европейской жизни—представительныя собранія, финансовый, міръ, пресса, биржа, прокуратура и адвокатура—всѣ они прибраны къ рукамъ еврейскаго элемента, и въ этомъ отношеніи Франція все таки еще менѣе взнуздана жидами, чѣмъ, напр., наша сосѣдка Австрія, гдѣ жидовская пресса совершенно вытѣснила независимую, честную печать.

Впрочемъ, недавній громкій судебный процессъ пресловутаго «Панамскаго общества» показалъ ясно, что и французская пресса уже порядкомъ загажена еврейскими подкупами. По свѣдѣніямъ, добытымъ слѣдственной комисіей, французскіе журналисты брали взятки съ этого общества,—за сокрытіе настоящаго положенія его дѣлъ,—въ нижеслѣдующемъ порядкѣ:

	Франковъ
«Figaro» получилъ	500,000
Директоръ его, кромѣ того, особо. .	30,000
«Petit Journal»	300,000
«Télégraphe»	120,000
Директоръ его, кромѣ того.	120,000
«Matin».	50,000
«Gaulois»	15,000
Директоръ его, кромѣ того.	30,000
«Radical».	100,000
Директоръ «Journal des Débats» . .	40,000
Канивэ изъ газеты «Paris»	80,000

Каждый журналистъ бралъ, что̀ называется, «по чину», т. е. по тому вліянію, которое онъ можетъ имѣть по части обморочиванія публики. Руководитель всего этого колоссальнаго подкупа (за время существованія «Панамскаго общества», на *подарки прессѣ* ушло нѣсколько десятковъ милліоновъ) жидовскій баронъ Рейнакъ былъ такъ тронутъ этимъ разоблаченіемъ, что даже... не то отравился, не то умеръ естественной смертью, не то удралъ за границу. Генеральный прокуроръ такъ и не позволилъ парламентской слѣдственной комисіи удостовѣриться въ подлинности и въ причинахъ этой таинственной смерти... или исчезновенія.

Но расплата для жидовъ наступила и во Франціи! Министерство Лубэ слетѣло за упорство своихъ прокуроровъ въ защитѣ евреевъ; продолженіе привилегій государственнаго банка вызвало ожесточенную оппозицію въ палатѣ; все рѣзче и громче раздаются голоса противъ еврейской гегемоніи—и раздаются буквально со всѣхъ сторонъ. Любопытно и знаменательно, что въ этой дружной оппозиціи сошлись два противоположные полюса французской общественной жизни — и католикъ Дрюмонъ подалъ руку одному изъ самыхъ крайнихъ протестантовъ противъ всего современнаго порядка, Анри Рошфору. Не ясно ли, что заразительное вліяніе еврейскаго элемента перестало служить предметомъ спора даже между людьми, которые спорятъ во всемъ остальномъ?!

Въ хлесткой статьѣ, подъ ироническимъ названіемъ: «Ces bons juifs» («Добрѣйшіе жидки») Рошфоръ признаетъ даже совершенно необходимыми тѣ репрессивныя мѣры, которыя русское правительство нашлось вынужденнымъ принять противъ іудейскаго племени. «*Мы вполнѣ понимаемъ*,—говоритъ онъ,—что *Россія гонитъ евреевъ отъ себя*; впрочемъ, въ Россіи они и безъ того находятся въ постоянной опасности: почти всѣ бунты крестьянъ происходятъ отъ того, что они не даютъ себя грабить сынамъ израиля, которые

безпощадно разоряютъ деревни, гдѣ поселяются. *Насъ именно безпокоитъ, что эти изгнанные, массой, бѣгутъ къ намъ*, чтобы устроиться во Франціи... *Будьте увѣрены, что какъ бы ни были евреи жалки и грязны въ настоящую минуту—не пройдетъ 3—4 лѣтъ, какъ они сдѣлаются собственниками и безусловными хозяевами тѣхъ мѣстностей, гдѣ они высадятся.* До Ватерлоо, отецъ Ротшильдовъ торговалъ старымъ желѣзомъ въ какой-то лавчонкѣ, а теперь его *внуки держатъ въ своихъ когтяхъ Францію, Австрію и Италію*». Читатель можетъ вспомнить при этомъ, въ какомъ отталкивающемъ видѣ изобразилъ Эмиль Золя, въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ романовъ, фигуру парижскаго Ротшильда, подъ кличкою «Гундермана»... «Когти» этого финансоваго туза одинаково даютъ себя знать всѣмъ французамъ, любящимъ свое отечество.

Дальше Рошфоръ разсказываетъ историческій фактъ, какъ «эти подлые жиды», по изгнаніи Наполеона изъ Россіи, выбрасывали на улицу французскихъ плѣнныхъ и больныхъ, предварительно обобравши ихъ до нитки; и—наконецъ—предвидитъ, что жидовскій «разбой» въ Алжирѣ поведетъ къ такой же народной расправѣ, къ какой привелъ уже въ другихъ мѣстахъ Европы.

А въ то же время, какъ несется къ намъ «изъ-за рубежа» этотъ слитный хоръ предостереженій противъ еврейской проказы, заражающей всѣ источники народной силы,—въ нашей «либеральной» прессѣ нѣтъ-нѣтъ да и прорвется горячее заступничество за интересы «гонимаго» племени, или злобный протестъ противъ «варварства» репрессивныхъ мѣръ. «Новости» не могутъ дня прожить безъ того, чтобы не всплакнуть объ участи обездоленныхъ израильтянъ, обладающихъ, однако, невѣроятными культурными способностями; «Вѣстникъ Европы» печатаетъ повѣсть, въ которой идиллическими чертами изображается бытъ русскихъ евреевъ; «*Русскія* Вѣдомости» уклоняются отъ прямой защиты еврейскихъ интересовъ, но sous-entendu даютъ чувствовать свой либерализмъ въ этомъ вопросѣ; «*Русская* Мысль» поетъ диѳирамбы еврейству устами Вл. Соловьева и выражаетъ негодованіе, отъ имени «русской» публики, по поводу появленія въ свѣтъ правдивой и честной книги Димпинскаго.

«Съ кого они портреты пишутъ?
Гдѣ разговоры эти слышутъ?»

Вторичное осужденіе Дрейфуса.

Finita la comedia!—Вторичное осужденіе Дрейфуса.—Рѣчь военнаго прокурора.—Примирятся ли жиды съ этимъ приговоромъ?—Наглость и угрозы жидовскихъ газетъ.—«Бойкотированіе» французской всемірной выставки.—Бѣглый взглядъ на столѣтіе жидовской «равноправности».—Очевидные результаты ея.—«Какъ волка ни корми, все въ лѣсъ глядитъ».—Опасныя шутки съ огнемъ.—Участь, приготовляемая Россіи жидами.—Гнусное закабаленіе печати.—Хвалы жидовскому парламентаризму.—Фальшивое общественное мнѣніе; гримъ и маскировка.—*Національность* и *религія*, отрицаемыя въ жизни всѣхъ народовъ... кромѣ жидовъ.—«Уходите по добру, по здорову»!

I.

Занавѣсъ опущенъ. Послѣдній актъ отвратительной комедіи, прогремѣвшей на весь міръ подъ именемъ «Дрейфусіады», окончился... если несовсѣмъ благополучно для Франціи, то далеко не къ выгодѣ той международной шайки мошенниковъ, которая ломала копья и швыряла милліонами въ защиту новѣйшаго Іуды-предателя. Копья не пробили, однако, патріотической честности французскаго суда; не подкупили ея и гнусные жидовскіе сребренники... Да здравствуетъ наша союзница Франція и да процвѣтаетъ она безъ опеки израильскаго кагала, безъ талмудическаго лицемѣрія и фарисейства!

Пять недѣль бился военный судъ въ Реннѣ надъ вторичнымъ разсмотрѣніемъ этого сквернаго дѣла; пять недѣль онъ безпристрастно слушалъ и наглое запирательство Дрейфуса, и честныя показанія французскихъ военныхъ министровъ, и наглое крючкотворство Лабори, «самого себя высѣкшаго»; пять недѣль подвергался давленію на свою независимость и совѣсть со стороны провансальскаго жида Галифэ, запутаннаго по уши въ долги, и ловкаго панамиста на всѣ руки Вальдека-Руссо,—и все таки вынесъ *вторичный обвинительный приговоръ* офицеру, торговавшему военными секретами на пагубу Франціи. Фактъ измѣны признанъ судомъ

безповоротно, не смотря на всѣ шулерскія подтасовки жидовскихъ наемниковъ, и если въ судебный приговоръ включена оговорка о «снисхожденіи», то это была, повидимому, невольная уступка, сдѣланная судьями для успокоенія страны, до-нельзя взволнованной преступною бандой, и въ надеждѣ на то, что этому снисходительному приговору *искренно подчинятся*,—какъ и желалъ президентъ Лубэ,—сторонники Дрейфуса вмѣстѣ съ антидрейфусистами.

Строго говоря, ни для какого снисхожденія тутъ не было и мѣста. Разъ только признанъ *фактъ измѣны*, разъ только удостовѣрено, что не подставная кукла Эстергази,—притомъ же кукла, благополучно спрятанная за лондонскими кулисами, — выдавала иностранному правительству секретные военные планы, ни о какомъ снисхожденіи тутъ не могло быть и рѣчи. Дрейфусъ не могъ отговариваться незнаніемъ того вреда, который онъ причинялъ своею продажностью; не могъ ссылаться даже на крайне тяжелыя матеріальныя обстоятельства, вынудившія его на такой шагъ, такъ какъ матеріальное его положеніе было вовсе не дурно и, вдобавокъ къ своимъ собственнымъ средствамъ и къ офицерскому жалованью, онъ получалъ еще хорошій *приварокъ* отъ своего «содержанства» у богатыхъ блудницъ, какъ это и обнаружилось на процессѣ русскаго эмигранта Владимірова. Смягченіе приговора—повторяемъ—можетъ быть объяснено только политическими соображеніями, а самая вина Дрейфуса передъ закономъ и страною признана вполнѣ. Достаточно прочитать прекрасную рѣчь правительственнаго комисара г. Карьера, чтобы устранить всякія сомнѣнія на счетъ виновности этого «француза моисеева закона».

Прежде всего, Карьеръ справедливо засвидѣтельствовалъ, что «задача новаго суда надъ Дрейфусомъ сводилась, въ основныхъ чертахъ своихъ, къ задачѣ суда 1894 года, вслѣдствіе чего была возобновлена въ томъ же порядкѣ и вся судебная процедура, съ тою только разницею, что *пренія на этотъ разъ отличались несравненно бо́льшею полнотою, велись самымъ подробнымъ образомъ и при открытыхъ дверяхъ*, въ интересахъ ка́къ правосудія, такъ и общественнаго мнѣнія. *Мой долгъ—говорить спокойно и умѣренно.* Я не защищаю кліента, я не имѣю права на собственное мнѣніе; *а долженъ отыскать правду* и почерпнуть ее въ совокупности данныхъ, добытыхъ слѣдствіемъ, и затѣмъ уже представить ее суду, *безъ предвзятыхъ чувствъ, безъ всякой страстности и боязни*».

И въ своей рѣчи Карьеръ сдержалъ это обѣщаніе! Онъ говорилъ «спокойно и умѣренно», не билъ себя въ перси, не взывалъ къ «человѣчеству», не кривлялся и не ломался, какъ въ балаганѣ, а внимательнымъ разборомъ всѣхъ обнаруженныхъ данныхъ при-

водилъ судей къ убѣжденію въ несомнѣнной виновности Дрейфуса. Скромный майоръ, въ этомъ этношеніи, могъ дать прекрасный урокъ разнузданному «лихачу» жидовской адвокатуры, мэтру Лабори. Разъясняя, насколько Эстергази могъ сообщить данныя, заключавшіяся въ бордерò, Карьеръ подвергъ ихъ остроумной критикѣ и пришелъ къ заключенію, что сообщить ихъ могъ только офицеръ главнаго штаба (какимъ и былъ Дрейфусъ), а отнюдь не строевой майоръ (какъ Эстергази). Таковы были, напримѣръ, свѣдѣнія о составѣ артиллеріи и о Мадагаскарѣ. Также точно Эстергази не могъ написать фразы: «я ѣду на маневры», по поводу которой «были пролиты потоки чернилъ и словъ», по выраженію правительственнаго комисара. Эстергази уже потому не могъ написать этой фразы, что онъ долженъ былъ знать напередъ, что *не* поѣдетъ на маневры, а Дрейфусъ могъ еще въ этомъ сомнѣваться до рѣшенія главнаго штаба, объявленнаго всѣмъ прикомандированнымъ только 28 августа. Въ почеркахъ (а на сходствѣ почерковъ Дрейфуса и Эстергази и велась вся шулерская игра) Карьеръ призналъ себя некомпетентнымъ; тѣмъ не менѣе, относительно «бордерò» онъ счелъ нужнымъ замѣтить, что «*Дрейфусъ—человѣкъ смышленый и предупредительный, а потому легко могъ предумышленно исказить свой почеркъ, чтобы сдѣлать его схожимъ съ почеркомъ Эстергази*» (sic). Майоръ Карьеръ коснулся въ своей рѣчи также и документовъ секретнаго «dossier», въ которыхъ имѣются явныя улики противъ Дрейфуса и, вернувшись къ Эстергази, «*безусловно отрицалъ основательность возникшихъ на его счетъ подозрѣній* (а эти подозрѣнія, за извѣстную мзду, возбудилъ противъ себя самъ Эстергази). Документовъ о мобилизаціи, хранившихся въ главномъ штабѣ, *Эстергази никоимъ образомъ не могъ получить* (sic). Эстергази—человѣкъ сомнительный, не имѣвшій никакихъ техническихъ знаній. Онъ болтунъ, и нельзя допустить, чтобы онъ могъ доставить документы для человѣка столь серьезнаго и основательнаго, какимъ былъ агентъ иностраннаго правительства. Дрейфусъ же, наоборотъ, былъ для такого агента источникомъ вполнѣ подходящимъ, изъ котораго онъ и черпалъ все, чтò было ему нужно».

Поставивъ прямо вопросъ о виновности Эстергази,—усердно напрашивающагося, за жидовскія деньги, на мѣсто Дрейфуса «изъ своего прекраснаго далека»,—Карьеръ отвѣчаетъ на него: «Я не скажу, чтобы Эстергази былъ совершенно чистъ отъ подозрѣній. Перерыли всю его частную жизнь, далеко не говорящую въ пользу его нравственности; но несомнѣнно только то, что въ рукахъ своихъ онъ не имѣлъ и не могъ имѣть цѣнныхъ документовъ; самъ же по себѣ онъ ничего не зналъ».

Но самой любопытной и вѣской частью въ обвинительной рѣчи честнаго офицера, не «продавшаго своей шпаги» жидовскому кагалу (какъ отдалъ ему свое перо Эмиль Золя), былъ именно ея финалъ, въ которомъ онъ чистосердечно изложилъ тотъ психологическій процессъ, который совершался въ немъ, когда его призвали къ участію въ осужденіи предателя:

«Я приступилъ къ подробному изученію настоящаго дѣла *съ полнымъ безпристрастіемъ.* Газетъ я не читалъ (и хорошо дѣлалъ)! Я *занялся дѣломъ Дрейфуса безъ предвзятаго мнѣнія.* Я сказалъ себѣ, что пересмотръ былъ созданъ Пикаромъ (alter ego Эстергази) и нашелъ, что его слѣдствіе, со всѣми относившимися къ нему выводами и заключеніями, было построено очень ясно. Меня даже осѣнила надежда, что намъ удастся доказать невиновность Дрейфуса и такимъ образомъ оправдать его. *Не было бы никакого неудобства исправить судебную ошибку 1894 г.*, такъ какъ никто не сомнѣвался въ добросовѣстности судей; намъ же предстояло исправленіемъ ихъ невольной ошибки успокоить умы. Но надо было представить доказательства, и я увидѣлъ тогда, что *зданіе Пикара грѣшитъ въ своей основѣ, дающей много трещинъ.* Убѣжденіе въ невиновности, Дрейфуса, послѣ выслушанныхъ нами свидѣтельскихъ показаній, уступило во мнѣ мѣсто увѣренности въ его виновности, и въ настоящую минуту, по долгу моей совѣсти, я скажу, что Дрейфусъ—виновенъ и что слѣдуетъ примѣнить къ нему 76-ую статью военно-уголовнаго устава» [1]).

76-ая статья, примѣненія которой требовалъ добросовѣстный обвинитель, *наказуетъ смертью* всякаго предпринимающаго дѣйствія или вступающаго *въ сношенія съ иностранными державами*, или же съ ихъ агентами, съ цѣлью вызвать съ ихъ стороны непріязненныя дѣйствія или *побудить ихъ къ объявленію войны Франціи.* Но конституція 1848 г., въ силу 5-й статьи, отмѣнила смертную казнь въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ 76-ю статьею уголовнаго устава; законъ же 8-го іюня 1850 г. постановилъ, чтобы во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ смертная казнь отмѣняется закономъ 1848 г., *она замѣнялась* пожизненною ссылкою въ мѣста, обнесенныя укрѣпленною оградою (enceinte fortifiée) и *находящіяся внѣ континентальной территоріи республики.* Въ случаѣ наличности «смягчающихъ обстоятельствъ», пожизненная ссылка въ обнесенныя оградою мѣста замѣняется простою ссылкой или тюремнымъ заключеніемъ.

---

[1]) Мы заимствуемъ эту прекрасную, полную достоинства и сдержанности, рѣчь изъ № 190 «Правительственнаго Вѣстника», гдѣ она приведена, къ сожалѣнію, только in extenso, тогда какъ другія рѣчи печатались цѣликомъ.

Судъ, большинствомъ пяти голосовъ надъ двумя, призналъ, какъ извѣстно, фактъ измѣны, но со смягчающими обстоятельствами, а потому и голова Дрейфуса уцѣлѣла на его плечахъ. Но фактъ предательства, *дважды* подтвержденный военнымъ судомъ, остается непоколебленнымъ, и дрейфусисты,—уже вообразившіе себѣ, что Франція окончательно превратилась въ жидовскую Палестину,—должны бы послѣдовать совѣту президента Лубэ и безпрекословно подчиниться мягкому приговору Реннскаго суда. Теперь изъ газетъ стало уже извѣстно, что и двое судей, настаивавшихъ на допущеніи смягчающихъ обстоятельствъ, имѣли въ виду не строгое правосудіе, которое оказалось всецѣло противъ Дрейфуса, а уступку политическимъ соображеніямъ, въ надеждѣ умиротворить разбушевавшуюся страну... И то ужь дѣлаетъ честь французскимъ военнымъ судьямъ, что подъ сильнѣйшимъ давленіемъ дрейфусистскаго (а не республиканскаго правительства,—въ образѣ Лубэ, Вальдека-Руссо и неоплатнаго должника Галифэ, угождающаго своимъ кредиторамъ,—они не замарали совѣсти и отказались обѣлить ротшильдовскаго протежэ! Это было уже, съ ихъ стороны, актомъ чистѣйшаго гражданскаго мужества. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что военный министръ Галифэ,—запретившій офицерамъ посѣщать засѣданія военнаго суда, какъ только занюхалъ возможность вторичнаго обвиненія,—съумѣлъ бы вознаградить и обвинителя Карьера, и предсѣдателя суда Жуо за оправдательный приговоръ гораздо щедрѣе, чѣмъ за обвинительный...

Но и двое добродушныхъ судей, примѣшавшихъ политику къ дѣламъ правосудія, уже имѣютъ хорошій поводъ раскаяться въ своемъ излишнемъ мягкосердечіи. Наглые жиды не внемлютъ даже и увѣщанію Лубэ, и хотятъ убѣдительнѣйшимъ образомъ доказать справедливость давно сложившагося убѣжденія, — выраженнаго, между прочимъ, и нашимъ Грановскимъ,—что *«въ искусствѣ возбуждать ненависть всѣхъ народовъ евреи не знаютъ себѣ соперниковъ»*. Какъ только произнесенъ былъ судебный приговоръ надъ жидомъ-офицеромъ, запятнавшимъ честь французской арміи,—еще не попавшіе подъ судъ предатели волками завыли, что они не дадутъ погибнуть своему достойному соплеменнику. И вотъ одновременно ими пущены въ ходъ двѣ пружины. Въ самой Франціи они агитируютъ за *помилованіе* Дрейфуса (въ силу какихъ же добродѣтелей?!), а внѣ ея—«бойкотируютъ» несчастную страну, впервые давшую имъ гражданскую равноправность, и отговариваютъ всѣ другія европейскія правительства принимать участіе во всемірной парижской выставкѣ 1900 года!! Но *помилованіемъ* дважды осужденнаго преступника,—хотя бы онъ былъ и не племянникомъ, а

родным сынкомъ достойнѣйшаго Ротшильда,—г. Лубэ рискуетъ подорвать уваженіе къ президенту республики ибо такое помилованіе, декретированное въ сущности жидовскимъ кагаломъ, было бы дерзкимъ оскорбленіемъ и французскаго патріотизма, и чести національной арміи, долготерпѣніе которой можетъ, наконецъ, и истощиться... А послѣдствія новаго переворота во Франціи могутъ быть совершенно неожиданны для Ротшильда съ его великими и малыми раввинами. Давно уже прорывающееся недовольство современнымъ политическимъ режимомъ во Франціи, съ его президентомъ, лишеннымъ всякой фактической власти, съ его страннымъ правительствомъ, ухитряющимся сочетать такіе несоединимые элементы, какъ представители жидовскаго капитализма и заклятые враги всякаго капитала (напр., соціалистъ Мильеранъ и разстрѣливавшій соціалистовъ генералъ Галифэ)—это недовольство найдетъ себѣ, наконецъ, тотъ или другой выходъ. И не сдобровать пришлымъ паразитамъ,—этимъ подрядчикамъ на всякое правительство, мирволящее талмудизму,—какою бы маской они ни прикрывались... до фригійскаго колпака включительно!

Что же касается до «бойкотированья» парижской выставки» то продажные хулители и тутъ уже съѣли грибъ. Нѣкоторые европейскія правительства (въ томъ числѣ и германское) начисто отреклись отъ брызжущихъ бѣшеною слюною жидовскихъ агитаторовъ. Пусть жиды не очень-то разсчитываютъ на «дружбу» германскаго императора, несомнѣнно умнаго и проницательнаго монарха. «Дружба—дружбой, а служба—службой»! *Удружить* Франціи, конечно, не мѣшаетъ для блага германской имперіи,—только что возсоединенной, съ прирѣзаніемъ къ ней французской территоріи,—но если жиды похлопочутъ о томъ, чтобы Вильгельмъ II принялъ къ себѣ «дрейфусовъ» въ прусскую военную *службу*, то онъ навѣрное отвѣтитъ категорическимъ отказомъ. Заводить у себя новую «дрейфусіаду» онъ едва ли пожелаетъ!..

II.

Сто слишкомъ лѣтъ уже миновало со времени провозглашенія во Франціи жидовской равноправности — и великодушный народъ теперь уже вкушаетъ самые сочные плоды отъ этого «древа познанія»... не добра и зла, а только одного чистѣйшаго зла. Когда французы провозглашали у себя дома эту злосчастную равноправность, жидовъ во Франціи считалось нѣсколько десятковъ тысячъ, и ютились они въ вонючихъ кварталахъ, заражая воздухъ своимъ

присутствіемъ. Не имѣя никакого понятія о священныхъ для евреевъ гражданско-политическихъ,—гораздо больше, чѣмъ религіозныхъ,—кодексахъ, именуемыхъ талмудомъ и шулханъ-арухомъ; не смысля ничего въ милыхъ законахъ и правилахъ, предписываемыхъ этимъ кодексомъ правовѣрному жиду; добродушно смѣшивая съ этимъ талмудомъ настоящій «моисеевъ законъ» (нынѣ исповѣдуемый только одними караимами) наивные люди первой французской революціи, въ дружескомъ союзѣ съ продажными краснобаями,—Эмилями Золя, Лабори и Деманжами того времени,—*выкрикнули* несовсѣмъ корректно (какъ на польскихъ сеймахъ и сеймикахъ) эту злополучную равноправность, приготовляя такимъ образомъ своей странѣ ту преступную буффонаду, которая на нашихъ глазахъ разыгрывалась и еще продолжаетъ разыгрываться въ ихъ несчастномъ отечествѣ. Такая же исторія повторилась — и съ тою же самою некорректностью—въ новѣйшее время, когда членъ правительства народной обороны еврей Кремьё, пользуясь отсутствіемъ своихъ коллегъ, декретировалъ — здорово-живешь — и для Алжира равноправность израиля, при полномъ безправіи мѣстнаго—тоже семитическаго—арабскаго племени. Трудолюбивые и честные семиты были принесены въ жертву семитамъ-талмудистамъ, тунеядцамъ par excellence! Въ концѣ концовъ, въ видѣ благодарности за жидовскую равноправность, первые семиты стали усиленно покалачивать вторыхъ, чѣмъ и отняли право у израиля называть своихъ враговъ «антисемитами», тогда какъ они—только «антиталмудисты». Басня о *тожествѣ* варварскаго талмуда съ «моисеевымъ закономъ» уже достаточно опровергнута, съ тѣхъ поръ какъ въ печати стали появляться подлинныя наставленія этого милаго кодекса; если же между ними и сохранились нѣкоторыя общія генетическія черты, то, во всякомъ случаѣ, талмудъ, а тѣмъ паче шулханъ-арухъ, могутъ назваться развѣ только «ублюдками», а не законнымъ потомствомъ своего праотца...

Совершенное невѣжество относительно основныхъ принциповъ талмудизма, а отчасти и подкупность нѣкоторыхъ агитаторовъ первой французской революціи, открыли широко дверь жидовскимъ притязаніямъ, и, подъ флагомъ «братства, свободы и равенства», во французскіе граждане свободно прошли злоумышленные поборники рабства, неравенства и человѣконенавистничества по отношенію ко всему, не носящему талмудической печати... Еслибы на усмотрѣніе главарей первой французской революціи былъ представленъ проэктъ такого чудовищнаго сообщества, или кагала, въ которомъ первый пунктъ гласилъ бы, что всѣ непринадлежащіе къ составу этого общества должны считаться «ниже ословъ и собакъ», а послѣдующіе пункты утверждали бы, что «гоимскіе» браки признаются

только животнымъ совокупленіемъ; что въ судебныхъ дѣлахъ на «гоимовъ» можно клеветать *даже подъ присягой*, что *все ихъ имущество* принадлежитъ этому антигосударственному сообществу, что съ нихъ можно драть безбожные проценты, надувать и обманывать на каждомъ шагу, что они приговорены къ *вѣчному рабству* у сокагальниковъ и что Богъ далъ имъ человѣческій образъ только для того, чтобы сокагальникамъ «не противно было» принимать отъ нихъ рабскія услуги, — то эти главари пришли бы, конечно, въ неистовство и послали бы живымъ манеромъ на гильотину всѣхъ ходатайствующихъ объ утвержденіи такого дикаго проэкта!! А люди продажные или запросили бы за свое участіе въ заговорѣ противъ блага народа такую уйму денегъ, какой еще и не было тогда въ рукахъ у жидовскаго кагала, или, сберегая свою собственную шкуру, отказались бы отъ всякихъ хлопотъ по «проведенію» опаснаго проэкта [1]).

Но подъ эгидою «религіозной терпимости» и «свободы совѣсти» сокагальники получили полную возможность практиковать свои волчьи инстинкты и насмѣхаться надъ первѣйшими основами человѣческаго общежитія и соціальной нравственности.

Грубая ошибка первой революціи,—зачислившей въ «братья» французскому народу злобныхъ иноплеменниковъ, питающихъ неутолимую вражду ко всему человѣчеству, кромѣ своей драгоцѣнной породы,—эта ошибка сказалась въ скоромъ времени, и уже Наполеонъ I, внимая крестьянскимъ воплямъ изъ Эльзаса и Лотарингіи, вынужденъ былъ нѣсколько ограничить жидовскую эксплуатацію мѣстнаго населенія. Къ концу же столѣтія со дня провозглашенія этой злосчастной равноправности, извѣстный французскій публицистъ Францискъ Сарсэ, напечатавшій гимнъ еврейству въ парижской газетѣ «XIX Siècle», неожиданно для себя, наслушался такихъ комплиментовъ отъ «лучшихъ представителей французской интеллигенціи», что только развелъ руками и съ грустью признался, что онъ-де «и не подозрѣвалъ подобной силы этого антиеврейскаго движенія». Въ то же время бывшій префектъ полиціи Андріё прочелъ цѣлую лекцію объ этомъ характерномъ движеніи, причемъ заявилъ, что въ немъ *виноваты сами евреи*, которые «стремятся подавить національное чувство въ странѣ и играть въ государствѣ

---

[1]) Подлинныя цитаты изъ талмуда и шулханъ-аруха, въ переводѣ одного изъ петербургскихъ цензоровъ по еврейской литературѣ, были напечатаны въ «Наблюдателѣ» 1891 г., №№ 4, 5 и 6. Кромѣ того, смотри статью Н. А. Туганъ-Барановскаго (подъ псевдонимомъ Тембе): «Курьезы талмудической мудрости» («Наблюдатель» 1892 г., № 11). *Вѣрность этихъ цитатъ не была и не могла быть опровергнута ни однимъ жидомъ*, какъ бы ни было велико его озлобленіе противъ нашего журнала!

неподобающую роль». А ихъ роль въ государствѣ, благодаря нелѣпой буржуазно-жидовской республикѣ, все росла да росла, такъ что они захватили *цѣлую треть* народныхъ богатствъ, заполонили министерства своими ставленниками, а палату депутатовъ—своими прикащиками, и отмежевали себѣ значительное количество префектскихъ (губернаторскихъ) мѣстъ. Численность іудейскаго племени, за счастливое время третьей республики, возрасла чуть ли не вчетверо,—и теперь жидовъ во Франціи считается около милліона на самыхъ выдающихся мѣстахъ общественной жизни,—въ финансовомъ мірѣ, въ администраціи, въ народномъ представительствѣ и въ печати. Французскимъ государственнымъ банкомъ управляетъ Ротшильдъ, какъ своею собственною конторою, причемъ онъ,—главный пайщикъ,—получаетъ за свои 182 милліона 20—25 жидовскихъ процентовъ, тогда какъ акціонеры нѣмецкаго имперскаго банка довольствуются, со своими еще неразнузданными апетитами, только 6 годовыми процентами. Не ограничиваясь вреднымъ вліяніемъ на внутреннюю экономическую жизнь страны, французскій государственный (точнѣе: жидовскій) банкъ не разъ уже совалъ свой носъ и въ политику. Въ надеждѣ имѣть въ Наполеонѣ вѣрнаго раба,—Ротшильдъ ссудилъ его 25 милліонами, чтобы опрокинуть республику, и если теперешній французскій режимъ пользуется кагальнымъ покровительствомъ, то отнюдь не потому, что онъ — якобы «республиканскій», а потому только, что онъ удовлетворилъ жидовскимъ апетитамъ больше, чѣмъ Наполеонъ III и Луи-Филиппъ. До какого возмутительнаго нахальства могутъ доходить зазнавшіеся жиды,—это и показала съ убѣдительнѣйшею наглядностью вся дрейфусовская эпопея. По послѣднимъ газетнымъ извѣстіямъ, Лубэ,—только что рекомендовавшій Франціи подчиниться приговору суда,—по указкѣ кагала, уже «помиловалъ» Дрейфуса въ то время, какъ онъ совсѣмъ и не думаетъ миловать французскихъ *націоналистовъ*, сажаемыхъ вторично на скамью подсудимыхъ или лишаемыхъ огня и воды въ улицѣ Шаброль...

Повторимъ еще разъ, что опасно шутить съ огнемъ; опасно раздражать національное чувство и оскорблять народное войско только за то, что оно не хочетъ терпѣть въ своей средѣ измѣнниковъ и предателей. Взрывъ можетъ быть неожиданный и сильный, такъ что жиды и не соберутъ своихъ костей!!

III.

Какъ ни прискорбенъ самъ по себѣ «дрейфусовскій инцидентъ», какъ ни возмутительна эта лакейская брань «пресмыкающихся» на французскихъ генераловъ,—повинныхъ только въ томъ, что они еще чувствуютъ себя французами въ этой жидовской вакханаліи,—онъ принесъ, однако, долю пользы не для одной лишь Франціи, но и для всей Европы, для всего міра... Польза состоитъ въ томъ роковомъ предостереженіи, которое звучитъ въ каждомъ эпизодѣ разыгравшагося «позорища», выглядываетъ изъ-подъ различныхъ масокъ, надѣтыхъ на себя балаганными шутами и скоморохами.

«Memento mori», вытекающее изъ всѣхъ перипетій дрейфусіады, заключается прежде всего въ томъ, что *великій грѣхъ передъ своими народами* совершаютъ тѣ мнимо-представительныя правительства, которыя, упустивъ изъ вниманія *антиобщественное и антигосударственное значеніе талмудизма*, дали ему право на «законное» существованіе, въ подрывъ дѣйствительнымъ устоямъ всякаго цивилизованнаго человѣческаго общества, въ насмѣшку надъ коренными основами человѣческой нравственности! Одинъ изъ видныхъ антиталмудистовъ, вѣнскій бургомистръ Люгеръ, справедливо говорилъ, что борьба съ жидами становится трудной не потому, чтобы они были, дѣйствительно, «талантливы, трудолюбивы и предпріимчивы»,—какъ хотятъ объяснить сами «вумные» жиды свои успѣхи,—но потому лишь, что *они въ корнѣ отрицаютъ христіанскую этику и не отступаютъ ни передъ какими средствами въ борьбѣ*. И это замѣчаніе совершенно вѣрно! Въ Лондонѣ, напр., жиды стали вредить англійской промышленности, сбивая цѣну на трудъ и содержа на «собачьемъ положеніи» своихъ мастеровъ; такъ что даже парламентъ, — вообще снисходительный къ еврейству, — долженъ былъ обуздать эту эксплуатацію, соединенную съ ущербомъ для народнаго здоровья и кармана. То же происходитъ и во всѣхъ другихъ отрасляхъ труда, умственнаго и физическаго: жидъ сбиваетъ цѣну, ухудшая продукты производства; но, устранивъ конкуррента при помощи подпольнаго кагала, онъ потомъ снова возвыситъ и цѣну, оставляя въ томъ же видѣ качество продуктовъ. *Очистить поле для своего экономическаго, а затѣмъ и политическаго, владычества—вотъ первая цѣль этой всесвѣтной банды...* Нынѣшній дефектный парламентаризмъ пришелся жидамъ какъ нельзя болѣе на руку, — выражается ли онъ въ формѣ конституціонной монархіи, или парламентарной республики. Въ этихъ «конституціяхъ» жидъ катается, какъ сыръ въ маслѣ. Подкупы на выборахъ якобы-на-

родныхъ представителей, подкупы министровъ и видныхъ дѣятелей журналистики — а разъ это сдѣлано, жидъ можетъ играть на правительственной машинѣ, какъ на своихъ домашнихъ цимбалахъ. Онъ и доказалъ это на глазахъ всего свѣта во Франціи, которая уже начинаетъ раздѣлять участь польской республики, гдѣ «круль» игралъ такую же точно жалкую роль, какъ президентъ республики на берегахъ Сены. Евреи только тамъ и не чувствуютъ себя «господами положенія», гдѣ государь (какъ въ Пруссіи) или президентъ (какъ въ Сѣверной Америкѣ) не трепещетъ предъ «парламентскимъ большинствомъ», подтасовываемымъ, какъ карты въ шулерской колодѣ, и не обязанъ выбирать своихъ министровъ по указанію этого, чуть не ежедневно мѣняющагося, большинства.

Понятно, что жиды чувствуютъ къ этому фальшивому представительству «любовь какую-то и страсть»; понятно, что они съ превеликимъ удовольствіемъ готовы были бы обезсилить власть и германскаго императора, и американскаго президента. Но... но прозорливые американцы принимаютъ уже мѣры противъ наплыва къ нимъ бездомовныхъ бродягъ; а германскій императоръ, не смотря на нѣжность нѣкоторыхъ нѣмцевъ (впрочемъ, по большей части, австріаковъ) къ «гонимому племени» вообще и къ эксъ-капитану Дрейфусу въ частности, совсѣмъ не желаетъ пускать такихъ «дрейфусовъ» въ прусскую армію. Зато въ Австріи совсѣмъ ожидовѣла венгерская ея половина, и уже трудно разобрать, гдѣ кончается венгерецъ и начинается жидовинъ. Въ смѣшанныхъ бракахъ, напр., предоставляется родителямъ на выборъ: крестить или обрѣзать дѣтей и скоро венгерцевъ никакъ ужь нельзя будетъ назвать «дураками... *необрѣзанными*». Всѣ они будутъ обрѣзаны при самомъ рожденіи.

Но изъ всѣхъ европейскихъ странъ только въ одной Россіи,— къ истинному и величайшему ея счастію! — сохранилось не только предубѣжденіе противъ *талмудизма* и его адептовъ, но и закономъ усвоенная правильная точка зрѣнія на него, какъ на *религіозно-политическую касту* (по выраженію компетентнаго члена одной изъ такъ называемыхъ у насъ «еврейскихъ комисій»), *прямо враждебную* интересамъ народа и того государства, гдѣ живутъ евреи. Только у насъ еще, слава богу, живы преданія Петра Великаго, его дочери Елизаветы, Екатерины II и Николая Павловича. Эту традицію, по отношенію къ еврейскому вопросу, оживилъ незабвенный императоръ Александръ III, *очистившій* Москву отъ многихъ сотенъ проживавшихъ тамъ евреевъ-тунеядцевъ, не взирая на предстательство разныхъ людей «съ вѣсомъ», выставлявшихъ на видъ якобы «финансовыя и экономическія выгоды», приносимыя жидами. Какія это финансовыя и экономическія выгоды (не ростов-

щичество же, не биржевая игра и не контробанда?!) — про то извѣстно только самимъ «предстателямъ», но, во всякомъ случаѣ, Александръ III не внялъ сладкогласнымъ пѣснямъ этихъ сиренъ— и жиды должны были разстаться съ Москвою, хотя, вслѣдствіе поблажки второстепенныхъ властей, успѣли угнѣздиться въ Тулѣ и другихъ близъ лежащихъ городахъ... Исполнился все таки завѣтъ Елизаветы Петровны, отвѣтившей на подобное же обѣщаніе якобы-финансовыхъ выгодъ: «отъ враговъ Христова имени *не желаю интересной прибыли*». Съ возсоединеніемъ провинцій, отнятыхъ у насъ Польшею,—намъ по необходимости пришлось *терпѣть* у себя жидовъ, но императрица Екатерина II строго различала «черту еврейской осѣдлости» отъ коренныхъ русскихъ губерній, и ни подъ какимъ видомъ не пускала туда талмудистовъ. Императоръ Николай I продолжалъ смотрѣть на талмудизмъ, какъ на *вредную антигосударственную секту*, и не дѣлалъ ему никакихъ поблажекъ. Въ царствованіе императора Александра II талмудизмъ сыгралъ у насъ ту же игру, какъ во время первой французской революціи, т. е., прикрывшись мантіей «вѣротерпимости», продѣлалъ нѣсколько опасныхъ брешей въ чертѣ еврейской осѣдлости. Но эти бреши (какъ напримѣръ: право евреевъ получать вездѣ «мѣстожительство» по первой купеческой гильдіи, по диплому высшаго учебнаго заведенія и по ремесленническому патенту) отчасти уже задѣлываются въ настоящее время лишеніемъ первогильдейныхъ купцовъ-евреевъ права принимать участіе въ общественныхъ выборахъ, ограниченіемъ числа жидовъ, допускаемыхъ въ университеты, и строгою провѣркою ремесленническихъ свидѣтельствъ. Наше правительство, очевидно, уяснило себѣ исконное стремленіе талмудистовъ сѣсть на шею питающему ихъ народу и, оставивъ «плебсу» тягчайшіе виды физическаго труда (землепашество, вредныя для здоровья фабричныя производства, опасности военной службы и пр.) изобразить изъ себя какую-то *иноплеменную и иновѣрную аристократію*. Физическаго—и особенно тяжелаго—труда жидъ боится, какъ чортъ ладона, и хочетъ *администрировать* народомъ, *судить* его... за проступки противъ всемірнаго израильскаго кагала, и заграбастать въ жидовскіе сундуки всѣ его *финансы*. Поэтому въ конституціонныхъ государствахъ жиды всегда держатъ на откупу три министерства: *внутреннихъ дѣлъ* (администрація и полиція), *юстиціи* (суды и кассаціонныя палаты) и *финансовъ* (банки и биржи). У насъ, гдѣ еще нѣтъ парламентскаго правительственнаго большинства и гдѣ кагалу не предоставлено права,—о которомъ они только «мечтаютъ»,—сажать *своихъ* министровъ, ихъ подвохи ограничиваются болѣе скромными размѣрами. Тѣмъ не менѣе, въ ожиданіи еще

бо́льшихъ благъ,—на которыя жиды усердно разсчитываютъ,—кагалъ уже успѣлъ мѣстами, въ чертѣ осѣдлости (какъ напр., въ Радомѣ, губернскомъ центрѣ), добиться водворенія *своей жидовской полиціи*, которую и пришлось гуртомъ отдавать подъ судъ. Въ Минскѣ кагальные жиды подвергли истязанію русскій военный патруль, очевидно, вспомнивъ примѣръ избіенія римской когорты въ Римѣ, во времена императора Тита...

Но что́ предоставлено у насъ и теперь почти полному господству жидовскаго кагала — *это сфера печати, для которой давно уже разрушена черта еврейской осѣдлости.* При В. В. Григорьевѣ, — еще оказывавшемъ нѣкоторую поддержку національному направленію и смотрѣвшему трезвыми глазами на «еврейскій вопросъ» [1]), — жиды не хозяйничали такъ въ русской печати, хотя уже и пробовали пролагать въ нее ходы. Но, со вступленіемъ г. Ѳеоктистова на постъ начальника главнаго управленія по дѣламъ печати, положеніе дѣлъ круто измѣнилось. Начальникъ печати, въ бесѣдѣ съ редакторами антиталмудическихъ органовъ, на́чисто отрицалъ существованіе у насъ «еврейскаго вопроса» (вопреки даже признанію жидовскаго «Сѣвернаго Вѣстника») и видѣлъ въ жидахъ чуть ли не желательный элементъ для восполненія рядовъ русской прессы... Такимъ образомъ, прикрываясь всяческимъ гримомъ и прячась подъ всевозможныя маски, — начиная отъ обскурантно-патріотической и кончая либерально-космополитической,— жидовскіе «лидахтуры» и «издаватели» прибрали къ своимъ рукамъ почти все, такъ называемое, «общественное мнѣніе» на Руси и, долбя въ одну точку, силятся увѣрить, что Россія ничего такъ не желаетъ, какъ повсемѣстнаго жидовскаго нашествія, и ничего такъ не ждетъ, какъ удовольствія носить на головѣ «цыцѣлы», кушать «мацу» и купаться въ «миквѣ».

Знаменитый въ своемъ еврейскомъ муравейникѣ, Мозе Монтефіоре, полвѣка тому назадъ, давалъ мудрый совѣтъ своему племени: «Напрасно вы монополизируете капиталы, торговлю и пр. Пока мы (т. е. жиды) *не завладѣемъ періодическою печатью* и не будемъ имѣть въ своихъ рукахъ газеты всего міра — до тѣхъ поръ *наши мечты о владычествѣ* (откровенное признаніе!!) останутся пустою химерою».

И вотъ, чтобы эти прекрасныя «мечты»—обратить все человѣчество въ жидовское *быдло*—не остались «пустою химерою», до-

---

[1]) Его прекрасное мнѣніе по этому вопросу можно найти въ «*Матеріалахъ комисіи по устройству быта евреевъ*». Спб., 1879 г. Изд. министерства вн. дѣлъ.

стойные ученики Мозе подкупили или терроризировали въ свою пользу всю періодическую печать. На Руси, въ настоящее время, гораздо легче сосчитать по пальцамъ тѣ органы, которые не продались жидовскому кагалу или не запуганы имъ, чѣмъ тѣ (ихъ что неску морскаго!), которые не пренебрегли жидовскими сребренниками или не струсили позорнымъ образомъ...

Хорошею мѣркою для опредѣленія *настоящей національности* якобы-русскаго органа (даже обставленнаго «для прилику» русскими именами) служитъ опять таки тотъ же процессъ Дрейфуса, изъ котораго жиды сдѣлали, такъ сказать, своего боеваго коня.

«Новошти», напримѣръ, видятъ во вторичномъ обвиненіи жида-предателя — «*посрамленіе Франціи*» (!!!) и, слѣдуя приказу своего кагала, рекомендуютъ бойкотировать ее на парижской всемірной выставкѣ (№ 240); «Биржевыя Вѣдомости»,—хотя и редактируемыя нашимъ бывшимъ сотрудникомъ І. І. Ясинскимъ, но *издаваемыя* г. Проппероиъ,—именуютъ обвинительный приговоръ надъ Дрейфусомъ—«юридическимъ убійствомъ» (№ 239); «Сынъ Отечества» (якобы *русскаго*) проливаетъ по этому поводу крокодиловы слезы, а петербургскіе «Осколки» и московское «Развлеченіе» (кого только оно *развлекаетъ*?!) печатаютъ убійственныя «подкаретныя» сатиры на французскихъ генераловъ, не желающихъ облачаться въ лансердаки и носить пейсы, какъ уже носятъ ихъ жиды въ Австріи. Одна новорожденная петербургская газета (съ которой чистокровно-жидовскій «Одесскій Листокъ» подѣлился даже нѣкіимъ драгоцѣннымъ сотрудникомъ) даже и эта газета, — еще стыдящаяся записаться окончательно въ жидовскій лагерь и все играющая на «канканерцію» съ одной наиболѣе распространенной газетой *не*-еврейскаго типа, — побѣжала пѣтушкомъ-пѣтушкомъ за «Новоштями», погладила по головкѣ французскаго министра внутреннихъ дѣлъ Вальдека-Руссо за расторопность и натискъ въ пользу жидовъ, и порекомендовала: отпустить великомученика-шпіона на всѣ четыре стороны... Теперь эта газета можетъ быть довольна: французскій президентъ, дѣйствительно, «помиловалъ» Дрейфуса (!!) и въ то время, какъ *націоналистъ* Геренъ сдался на капитуляцію и сидитъ въ тюрьмѣ, носящей какъ бы въ насмѣшку названіе: «Santé» (здоровье), помилованный шпіонъ катитъ на всѣхъ парахъ, свободный, хотя и разжалованный, вонъ изъ своего «показнаго отечества» — Франціи!! За границею ему, вѣроятно, будетъ лучше жить, чѣмъ Герену и Деруледу во Франціи... *Жиды настойчиво преслѣдуютъ всякій націонализмъ, кромѣ жидовскаго, и всѣ религіи, кромѣ своего вавилонскаго талмудизма.*

Одновременно съ процессомъ Дрейфуса во Франціи, Максъ

Нордау, наивно радѣя о возможности для жидовъ создать свое отечество и свою территорію въ Палестинѣ, приглашаетъ сіонистовъ—уйти изъ Европы, *наказавъ* ее за недостаточное гостепріимство. Ахъ, еслибы сіонисты осуществили это «наказаніе» и избавили насъ отъ своего заражающаго присутствія!! Но жиды не глупы по своему и отнюдь не пожелаютъ промѣнять цвѣтущіе берега Сены, Рейна, Дуная и Волги—на пустынныя степи Іордана. Развѣ что ихъ «попросятъ честью» уйти, куда хотятъ, и основать диковинное самостоятельное «государство»—изъ однихъ биржевиковъ, банкировъ, министровъ, префектовъ, депутатовъ и журналистовъ, съ рабами-землепашцами и изможденными фабричными «гоимскаго» племени...

Отголоски „дрейфусіады“ во Франціи и Россіи.

Змѣя, выпускающая свой ядъ. — Гоненія на французскую армію и на всѣхъ честныхъ патріотовъ.—Война со всѣми *національностями*, кромѣ жидовской, и со всѣми *религіями*, кромѣ талмудистской.—Еврейство и іезуитизмъ.—Съ *кѣмъ* и съ *чѣмъ* приходится считаться европейскимъ народамъ и государствамъ?—Проституированіе либерализма и гуманизма.—Жидъ-врачъ, заражающій своихъ паціэнтовъ.—Необходимость учрежденія антиталмудическихъ обществъ.

I.

Дрейфусисты все еще не хотятъ кончить свою «дрейфусіаду» во Франціи, хотя она уже пріѣлась всѣмъ, какъ демьянова уха. Продажные вопли о гибели «правосудія» въ мірѣ, о скоромъ паденіи Франціи—совсѣмъ не изъ-за того, что она распустила у себя жидовъ на вольной волюшкѣ, какъ нѣкогда въ Польшѣ, а изъ-за того, что честные военные судьи не оправдали жида-шпіона,—всѣ эти вопли до сихъ поръ еще стоятъ въ ушахъ всего міра, какъ отвратительнѣйшая кошачья музыка! И что́ всего постыднѣе: въ этомъ кошачьемъ концертѣ визжатъ и заливаются едва ли не громче всѣхъ наши «Сыны Отечества», «Вѣстники Европы», «Новости», «Донскія Пчелы», «Одесскіе Листки», «Самарскія Газеты», etc., etc. Глядя на весь этотъ жидовскій шабашъ, право, можно подумать, что Россія—подлинная тысячелѣтняя Россія!—уже исчезла съ лица земли, поглощенная пришлыми бродягами якобы моисеева закона; что Петербургъ, Москва, Екатеринославъ, Ростовъ на Дону, Самара и прочіе номинально-русскіе города обратились въ шкловско-бердичевскія колоніи и получаютъ дневные приказы изъ своей жидовской метрополіи... «Вѣстникъ Европы», ловя рыбу въ мутной водѣ, уже закинулъ удочку на «еврейскую равноправность» и надѣется *вытянуть на брегъ* это незаконное чадо первой французской революціи. Да избавитъ насъ Богъ отъ этого новаго иноплеменнаго

нашествія горше татарскаго! Теперь у евреевъ все таки связаны руки въ ограбленіи народа и въ разрушеніи государства, а тогда... Впрочемъ, и «Вѣстникъ Европы» не рѣшается приподнести намъ вѣрную, согласную съ исторіею, картину этого счастливаго будущаго.

Мы говорили уже въ «Наблюдателѣ», что Франція дала намъ хорошій урокъ: какіе именно плоды приноситъ пресловутая жидовская равноправность, т. е. равноправность *вредной* (и притомъ иноплеменной) *религіозно-политической секты* талмудистовъ съ честными гражданами своей родины; равноправность закона — съ беззаконіемъ; благотворнаго, производительнаго труда съ мошенническимъ гешефтмахерствомъ; благороднаго идеализма— съ моральной распущенностью; любви къ человѣчеству—съ человѣконенавистничествомъ; вѣрности своему убѣжденію и слову— съ гнуснымъ предательствомъ и маскировкой всевозможными личинами, изъ которыхъ якобы «либеральная» личина, par le temps qui court, пришлась жидамъ какъ нельзя болѣе на руку...

Мы сказали также, что, проповѣдуя космополитизмъ для однихъ лишь «гоевъ», евреи и руками, и ногами цѣпко держатся за свою драгоцѣнную національность, а, глумясь надо всѣми религіями, никакъ не желаютъ разстаться съ наиболѣе дикой и возмутительной пародіей на религію, извѣстной подъ именемъ талмудизма. Гоненія, гораздо жесточе тѣхъ, которыя направлялись прежде на жидовскую національность, устремлены нынче,—какъ эпилогъ дрейфусовской исторіи и какъ отместка за жида, — на французскую національность... въ нѣдрахъ и на территоріи самой же Франціи!!! Удивительное французское министерство Вальдека-Руссо и Мильерана,— подъ фирмой безвластнаго президента республики,—преслѣдуетъ и гонитъ со свѣту французскихъ патріотовъ, въ угоду жидамъ-націоналистамъ; позоритъ и цыганитъ французскую армію, еще имѣющую наивность думать, что она служитъ Франціи, а не Всемірно-израильскому кагалу; давитъ христіанское духовенство и холопски носитъ ярмо раввиновъ—ярмо нисколько не легче, но во сто кратъ хуже іезуитскаго ига, отъ котораго насилу отдѣлалась Европа; наконецъ, подрываетъ международное значеніе Франціи, на которую уже начинаютъ смотрѣть, какъ на второй экземпляръ Рѣчи Посполитой, какъ на *жидовскую сыть*, предназначенную рокомъ на добычу добрымъ сосѣдямъ...

II.

Двадцатый годъ уже издается «Наблюдатель», и во все это время онъ упорно и неустанно разъяснялъ задачи *просвѣщеннаго русскаго патріотизма*, одинаково далекаго и отъ обскурантныхъ затѣй, и отъ скороспѣлыхъ космополитическихъ фантазій, совершенно неприложимыхъ къ нашей общественной и государственной жизни. Разъясняя эти задачи и указывая на возможность ихъ извращенія — въ сторону ли мракобѣсія, или рабскаго копированія чужихъ образцовъ, — мы невольно встрѣтились, на первыхъ же порахъ, съ наиболѣе тяжелой и зловредной формой общественнаго и политическаго обмана, который широко практикуется у насъ подъ фирмой «либерализма», «гуманизма» и другихъ хорошихъ словъ, а подъ сурдинкой клонится только къ обезсиленію государственной власти и обезличенію русскаго народа, для выгоды всѣхъ другихъ, обитающихъ на нашей территоріи, инородцевъ. Весь фокусъ этого обмана сосредоточивается въ такъ называемомъ «іудофильствѣ», которое, въ половинѣ 70-хъ годовъ, ворвалось широкой волной въ наше общество и—особенно—въ журналистику, и съ невѣроятною наглостью фабрикуетъ свое собственное, якобы «общественное мнѣніе», подмѣняя, напр., для русской публики всѣ европейскіе интересы однимъ непомѣрно-раздутымъ дѣломъ Дрейфуса. Въ борьбѣ съ этимъ іудофильствомъ мы всегда старались держаться *исторической и логической почвы, и опредѣляли настоящія цѣли евреевъ подлинными словами ихъ политико-религіозныхъ кодексовъ и нескрываемыми дѣйствіями ихъ кагальныхъ коноводовъ* (въ родѣ Кремьё, Монтефіоре и др.). Цѣлый рядъ строго-научныхъ и доказательныхъ статей посвященъ былъ нами этому наболѣвшему вопросу, и русское образованное общество, уже давно потерявшее довѣріе къ пресмыкающейся жидовской прессѣ, со вниманіемъ прислушивалось къ этимъ независимымъ голосамъ [1]). Какъ ни старались жидовскія рептиліи «бойкотировать» нашъ журналъ, выдавая его то за архи-революціонный и кощунственный, то за ретроградный и человѣконенавистническій,—публика имъ не вѣрила и продолжала поддерживать насъ своимъ сочувствіемъ. Предполагая (слишкомъ преждевременно!), что вся Россія обратилась уже въ «черту еврейской осѣдлости», жиды въ *своихъ собственныхъ* жур-

---

[1]) Въ нашей редакціи постоянно получаются письма (не отъ жидовъ, конечно) съ просьбою выслать ту или другую книгу журнала, въ которой идетъ рѣчь объ этомъ вопросѣ. Но, къ сожалѣнію, въ редакціи не имѣется уже ни одного экземпляра этихъ книгъ.

налахъ и газетахъ, старались, съ другой стороны, и *замалчивать* «Наблюдатель», въ суетной надеждѣ, что объ его существованіи только и можно узнать изъ ихъ кагальныхъ изданій [1]).

Тѣмъ не менѣе, идеи, настойчиво проводимыя нашимъ журналомъ, дѣлали свое дѣло, и люди дальновидные, не запуганные и не подкупленные жидовскимъ «ржондомъ», стали охотно присоединяться къ намъ. Первымъ пунктомъ нашей программы мы выставляли и будемъ выставлять государственную вредоносность талмуда и *извращеніе моисеева закона* въ его вавилонской передѣлкѣ. Затѣмъ «національность» жидовъ мы беремъ въ соображеніе только въ томъ случаѣ, когда *она неразрывно сливается съ талмудизмомъ и воображаетъ себя прирожденною аристократіею человѣчества*, призванной топтать ногами человѣческій трудъ и человѣческую личность («гои», по словамъ талмуда, созданы только на то, чтобы рабски служить израилю). А что этотъ завѣтъ талмуда составляетъ не пустое слово и не lapsus linguae, но можетъ быть названъ *квинтъ-эссенціей талмудизма*, — за доказательствами, изъ исторіи и современной жизни, ходить недалеко. Собираніемъ этихъ доказательствъ и занялся одинъ изъ нашихъ сотрудниковъ, въ статьѣ («Еврейство и либерализмъ»), которую мы рекомендуемъ вниманію безпристрастныхъ читателей («Наблюдатель» 1899 г. №№ 10 и 11).

Изслѣдуя вредоносность талмудизма по его религіознымъ первоисточникамъ и историческимъ даннымъ, мы не разъ проводили въ нашемъ журналѣ аналогію между талмудистами и іезуитами, какъ одинаково держащимися безнравственнаго правила: «цѣль оправдываетъ средства». Разница между ними состоитъ только въ томъ, что *цѣль талмудизма состоитъ въ укрѣпленіи власти израиля съ его безгрѣшными раввинами, а іезуиты озабочены, coûte que coûte, судьбою власти непогрѣшимаго папы. Къ чистому христіанскому ученію іезуитизмъ находится въ такомъ же точно отношеніи, какъ талмудизмъ къ моисееву закону, и если преслѣдованіе іезуитовъ не можетъ назваться ни гоненіемъ христіанства, ни нарушеніемъ законовъ «религіозной терпимости», то и предохранительныя мѣры противъ жидовской общественной заразы вызваны отнюдь не борьбой противъ моисеева закона и не семитическимъ происхожденіемъ талмудистовъ.* Арабы—тоже семиты—воюютъ съ

---

[1]) Какъ ни странно и ни забавно это, но, подвергнутый *херему*, «Наблюдатель» совершенно исключенъ жидовскими рептиліями изъ «журнальныхъ обозрѣній», какъ будто онъ существуетъ не на землѣ, а на лунѣ... Это не мѣшаетъ, впрочемъ, русскимъ читателямъ въ библіотекахъ (судя по печатнымъ отчетамъ) усердно читать нашъ журналъ, такъ что на одинъ экземпляръ приходится въ годъ отъ 500 до 1,000 требованій.

жидами въ Алжирѣ гораздо больше, чѣмъ христіане, нисколько не отрекаясь отъ своего семитическаго родства...

Мысль о духовномъ родствѣ между талмудистами и іезуитами убѣдительно развивается и въ «Новомъ Времени» (№ 8479), которое до сихъ поръ избѣгало ставить еврейскій вопросъ такъ прямо и опредѣленно. Но этотъ вопросъ, очевидно, слишкомъ уже назрѣлъ въ нашемъ обществѣ (какъ назрѣваетъ на тѣлѣ злокачественный нарывъ) и необходимо, наконецъ, для вскрытія его и удаленія заразительныхъ гнойныхъ соковъ, прибѣгнуть къ спасительному ланцету... или даже къ ампутированію пораженной части тѣла. Между прочимъ, «Новое Время» очень кстати припоминаетъ то историческое обстоятельство, которое послужило поводомъ къ политическому остракизму отцовъ-іезуитовъ. «Въ свое время—говоритъ газета—іезуиты были тоже несмѣтно ботаты, какъ и евреи; они также торговали, и поводомъ, въ XVIII-омъ вѣкѣ, потребовать на судъ кодексы ихъ *спеціальныхъ законовъ* (въ родѣ талмуда и шулханъ-аруха, замѣтимъ отъ себя въ скобкахъ) послужилъ отказъ ихъ уплатить огромный долгъ не по общекоролевскимъ законамъ, но по спеціальнымъ правиламъ ихъ ордена, будто бы разрѣшающимъ подобную неуплату (талмудъ, замѣтимъ еще разъ, тоже разрѣшаетъ — не только не уплачивать долга «гоямъ», но всячески разорять ихъ законными и незаконными способами, причемъ рекомендуется даже клятвопреступленіе во славу израиля). Когда Шуазель, услышавъ объ этомъ отказѣ, потребовалъ къ разсмотрѣнію эти «особыя правила»,—міръ былъ удивленъ и возмущенъ безнравственностью множества изъ нихъ, и *процессъ объ уплатѣ долга кончился изгнаніемъ всѣхъ іезуитовъ изъ Франціи, а вскорѣ и изъ цѣлой Европы*. Но изгнанные іезуиты не исчезли, и здѣсь сказалась предусмотрительность ихъ интернаціональности. Всякій, гонимый изъ Франціи, іезуитъ находилъ «братчиковъ» въ Бельгіи, въ свободной Швейцаріи, въ православной Россіи и, наконецъ, въ остающихся, за исключеніемъ Европы, еще четырехъ частяхъ свѣта,—также точно какъ іудей, пробирающійся изъ западно-русскаго края на востокъ, находитъ «своихъ» въ Ярославлѣ, въ Тамбовѣ, въ Сибири и на Кавказѣ. Еврею нѣтъ отказа въ помощи еврея, какъ и іезуиту всегда готовы квартира и столъ во всякомъ іезуитскомъ коллегіумѣ. Если же мы взглянемъ на книги «особыхъ правилъ» тѣхъ и другихъ, то увидимъ, что сходство ихъ простирается до мелочей, и *это сходство вытекаетъ изъ глубокой раздѣленности еврея и іезуита отъ всего остальнаго міра*. Тому или другому *все разрѣшено—ad majorem Dei gloriam* или *gentis iudaicae*».

Приведя эти строки, мы только должны сдѣлать ту же оговорку,

которую дѣлали и прежде: что, если ужь пошло на сравненіе между іезуитами и талмудистами, то первые все таки дѣйствовали на основахъ *христіанскаго ученія*, хотя и дурно понятаго ими, а вторые исповѣдуютъ *чисто-канибальскій кодексъ, построенный на началахъ животнаго эгоизма и дикой племенной исключительности*, не имѣющей ничего общаго съ гуманнымъ европейскимъ націонализмомъ. Поэтому, послѣ іезуитовъ остались коллегіи, весьма благоустроенныя въ учебномъ отношеніи; больницы и образцовыя филантропическія учрежденія, — а жиды до сихъ поръ, пользуясь полной равноправностью въ западной Европѣ, подарили ее только биржами, дутыми финансовыми предпріятіями, домами проституціи, торговлей бѣлыми невольницами, пресмыкающеюся прессою, шпіонами-дрейфусами и докторами, прививающими сифилисъ своимъ паціентамъ... Разница есть и—не въ пользу талмудистовъ, которые дождутся, раньше или позже, еще горшей участи, если не послѣдуютъ искренно и честно примѣру караимовъ, съ негодованіемъ отвергающихъ и талмудъ, и шулханъ-арухъ!

III.

Хороши офицеры-талмудисты, но недурны бываютъ и евреи-медики.

Въ телеграммахъ «Россійскаго телеграфнаго агентства», отъ 22 сентября 1899 г. мы прочли такое оглушительное извѣстіе: «**Въ Москвѣ арестованъ одинъ врачъ-еврей, прививавшій своимъ больнымъ сифилисъ съ корыстными цѣлями**». Въ точности этого извѣстія едва ли возможно сомнѣваться: вѣдь оно прошло, между прочимъ, черезъ фильтръ реббе Нотовича, присяжнаго защитника и ходатая своего племени... Но дальнѣйшихъ разъясненій и подробностей этого факта телеграфное агенство до сихъ поръ не представило, точно дѣло идетъ о пустякахъ, не заслуживающихъ никакого вниманія [1]). А, между тѣмъ, въ злодѣяніи жида-врача есть не только тягчайшее уголовное (притомъ же профессіональное) *преступленіе*, но кроется и «немножко философіи»... Мы не хотимъ покуда,—до разъясненія обстоятельствъ,—ни обобщать этого преступленія, ни придавать ему преувеличенную цѣну; но какъ же не содрогнуться при одномъ только предположеніи, что пришлые палестинскіе выходцы уже заполонили у насъ такую интимную полосу общественной и семейной жизни, какъ поданіе врачебной помощи въ больницахъ

---

[1]) Этотъ возмутительный фактъ дружно замолчанъ всею жидовской прессой.

и на дому!! Тѣмъ не менѣе наши газеты, въ большинствѣ находящіяся на содержаніи у кагала, не торопились ни сообщеніемъ дальнѣйшихъ свѣдѣній объ этомъ дѣлѣ, ни указаніемъ на его губительное значеніе,—въ то время, какъ онѣ же наполнялись никому изъ русскихъ читателей не интересными «запирательствами» Дрейфуса на судѣ или потѣшными элукубраціями его присяжныхъ адвокатовъ.

Прочтя это извѣстіе, мы невольно вспомнили разговоръ, происходившій при насъ, нѣсколько лѣтъ назадъ, въ одномъ врачебномъ кружкѣ. Ораторомъ явился врачъ-талмудистъ, горячо протестовавшій противъ ограниченія въ Россіи правъ его соплеменниковъ. Между разными шаблонными доводами въ пользу «еврейской равноправности», онъ приводилъ и одинъ совершенно оригинальный, который въ то время мы пропустили мимо ушей, а теперь по неволѣ вспомнили. А именно онъ говорилъ, что Россіи опасно *раздражать* еврейское населеніе, которое можетъ отвѣтить на наши репрессаліи—своею, особаго рода, профессіональною местью. Эта месть, по мнѣнію талмудиста, могла бы состоять въ томъ, что врачи-евреи, которыхъ числится достаточно въ военномъ вѣдомствѣ, начнутъ дружно, при открытіи войны, *прививать* солдатамъ глазныя болѣзни, которыя и будутъ мѣшать имъ пользоваться огнестрѣльнымъ оружіемъ... При этомъ онъ даже любезно указалъ на нѣкоторые способы такой прививки, *напр.*, *посредствомъ личныхъ полотенецъ*, *подвергнутыхъ профессіональной обработкѣ*. Я не спеціалистъ въ медицинѣ и не могу передать съ точностью «ученыхъ» соображеній талмудиста, но помню, что собесѣдники не отрицали ихъ дѣйствительной силы и предпочли придать шуточный тонъ всему разговору...

Но шутка обращается уже «въ серьезъ», когда даже черезъ фильтръ телеграфнаго агентства проскакиваютъ такія потрясающія извѣстія, какъ приведенное выше... А что́, если въ многочисленной уже корпораціи жидовъ-врачей найдутся не единицы, а цѣлые десятки убѣжденныхъ талмудистовъ-фанатиковъ, для которыхъ убить и искалѣчить ненавистнаго «гоя» (т. е. всякаго не-жида)—также легко и полезно, какъ раздавить клопа?!

Кстати, я вспомнилъ и недавно разыгравшійся въ Петербургѣ процессъ одного жида-музыканта, растлѣвавшаго своихъ несовершеннолѣтнихъ «гоимскихъ» ученицъ. Легкость отношеній жидовъ къ женщинамъ, даже своего племени, давно обратилась въ притчу во языцѣхъ, хотя талмудисты съ необыкновенной наглостью увѣряютъ о «чистотѣ» своихъ семейныхъ нравовъ и даже вводятъ въ заблужденіе многихъ вліятельныхъ лицъ... Но кому же неизвѣстно,

что получить «разводъ» у раввина гораздо проще, чѣмъ выпить стаканъ воды, и вся трудность состоитъ только въ томъ, чтобы всучить, хотя бы силою, женѣ *въ руки* «разводный листъ» или засунуть его хотя бы за корсетъ? Комическія подробности объ этихъ манипуляціяхъ проскальзывали даже въ русскихъ не-кагальныхъ газетахъ.

Волосы встаютъ дыбомъ на головѣ, когда читаешь о такихъ *практическихъ примѣненіяхъ канибальскаго талмуда къ христіанской средѣ!* И неужели, послѣ этихъ доказанныхъ, очевидныхъ фактовъ лютой ненависти талмудистовъ ко всѣмъ народамъ, ими же эксплуатируемымъ, не назрѣлъ у насъ вопросъ о необходимости возникновенія *антиталмудическихъ обществъ*, которыя могли бы открыто бороться съ вражескимъ нашествіемъ? Поживемъ — увидимъ. Если люди будутъ молчать объ этой необходимости, то возопіютъ камни.

Европейская пресса, обратившаяся въ еврейскую.

Завѣтъ «сэра» Монтефіоре, свято исполняемый еврействомъ.—Упорная фальсификація «общественнаго мнѣнія» путемъ парламентаризма и печати.—Докторъ Люгеръ, какъ протестантъ на парламентской почвѣ. — Отмѣна «черты еврейской осѣдлости»—вожделѣнная цѣль русско-еврейской прессы.—Условія, способствующія развитію у насъ іудофильства.—Одинокое положеніе независимой *русской* печати. — Отсутствіе кредита и систематическая травля со стороны іудофиловъ.—Пріостановка «Гласности», вызванная неблагопріятными обстоятельствами.—Ликованія и ложь жидовскихъ наемниковъ.—Голоса «съ другаго берега».

I.

Еще въ 1848 г., знаменитый іудейскій патріотъ,—въ просторѣчіи Мошка Блюмбергъ, а затѣмъ наполовину итальянизированный, наполовину англизированный въ «сэра Мозеса Монтефіоре»,—оставилъ своимъ соплеменникамъ такой пророческій завѣтъ: «Напрасно вы монополизируете капиталы, торговлю и промышленность устраиваете государственные займы и... банкротства. *Пока мы не завладѣемъ періодическою печатью и не будемъ имѣть въ своихъ рукахъ газеты всего міра...* до тѣхъ поръ наши *мечты о владычествѣ останутся пустою химерой*». Въ этомъ «патріотическомъ» завѣтѣ, такъ откровенно выдающемъ жгучее вожделѣніе іудаизма—*завладѣть* всѣмъ міромъ посредствомъ тѣхъ или иныхъ нечистыхъ орудій,—евреи нашли именно тотъ талисманъ, на которомъ начертано огненными буквами: «симъ побѣдиши».

И вотъ, въ теченіе уже полустолѣтія, пробираясь шагъ за шагомъ, незамѣтно и постепенно, въ область газетнаго, журнальнаго и книжнаго дѣла, евреи добились таки своего: почти всѣ органы такъ называемаго «общественнаго мнѣнія» въ Европѣ обратились завѣдомо въ клоаки всякаго шантажа,—политическаго, биржеваго,

финансоваго, театральнаго и пр.,—въ разсадники лжи, клеветы и трудно вообразимой фальсификаціи. *Европейская* пресса, утративъ двѣ только буквы въ своемъ наименованіи, можетъ смѣло назваться теперь *еврейскою*. Оно и короче, и справедливѣе... Пресловутая «панамская исторія» во Франціи показала воочію, что̀ можетъ сдѣлать систематическая фальсификація общественнаго мнѣнія въ номинально-свободной странѣ, путемъ подтасованнаго парламентаризма и зараженной іудейскимъ ядомъ печати. Ложь, громоздящаяся на ложь; фантомъ, подмѣняющій дѣйствительность; сказка, выданная за быль; фактъ, придушенный «замалчиваніемъ»; бѣлый день, превращенный въ потемки; орудіе и мечъ правды, перекованные въ ножъ и стилетъ наемнаго «брави» — вотъ характеристическіе признаки іудейскаго «владычества» въ якобы-представительномъ правленіи и въ облыжно-свободной печати!

Понятно, что евреи и находящіеся у нихъ «на содержаніи» печатные органы такъ любятъ парламентаризмъ, такъ добиваются его введенія подъ всѣми географическими градусами широты и долготы: онъ,—этотъ самый парламентаризмъ, по крайней мѣрѣ, въ своемъ нынѣшнемъ извращенномъ видѣ, — помогъ имъ провести, подъ флагомъ «свободы, равенства и братства», ненавистнѣйшій въ мірѣ средневѣковой грузъ — деспотизма, безправія, обмана, эксплуатаціи и звѣрскаго пренебреженія къ человѣческой личности, разъ только она не прикрыта щитомъ «Всемірнаго изральскаго союза» [1]). Весь этотъ благоуханный грузъ собранъ, какъ въ нѣкоей кошницѣ, въ еврейскихъ религіозно-политическихъ кодексахъ: «Талмудѣ» и «Шулханъ-Арухѣ», и поражаетъ всѣхъ безпристрастныхъ изслѣдователей своимъ невѣроятнымъ цинизмомъ и бездушіемъ, *обязательными* для всѣхъ исповѣдниковъ этого варварскаго режима [2]).

Но если понятно увлеченіе евреевъ современнымъ парламентаризмомъ, давшимъ въ руки имъ такое страшное оружіе, какъ поддѣлка общественнаго мнѣнія и узурпація народнаго представитель-

---

[1]) «Союзъ, который мы хотимъ создать,—говорится въ воззваніи Кремьё, творца «всемірно-израильской» общины,—не есть французскій или англійскій, швейцарскій или нѣмецкій; онъ—*іудейскій*, онъ *всемірный*. Другіе народы расколоты по *національностямъ*, мы одни имѣемъ не согражданъ, а исключительно *единовѣрцевъ*». Далѣе Кремьё приглашаетъ всѣхъ правовѣрныхъ евреевъ всегда помнить твердо, не смотря на свои *«показныя національности»* (между прочимъ, и русскую), что они—избранный народъ, «израильтяне вселенной», что іудаизмъ представляетъ собой *«религіозную и политическую истину»* и что «сѣть, раскидываемая израилемъ поверхъ земнаго шара, будетъ расширяться съ каждымъ днемъ».

[2]) *Подлинныя цитаты* изъ «Шулханъ-Аруха» см. въ концѣ этой книги.

ства, то съ другой стороны вполнѣ объяснимо и то открытое возстаніе противъ еврейскаго гнета, которое возникло повсюду въ странахъ «жидовскаго полноправія» и носитъ названіе «антисемитизма», хотя было бы точнѣе называть его «антиталмудизмомъ», ибо оно преслѣдуетъ *не* принадлежность къ *семитической* расѣ (арабы и караимы тоже семиты, но съ ними никто не воюетъ), а именно талмудическое изувѣрство и человѣконенавистничество по отношенію ко всѣмъ не-евреямъ, которое возводится въ политическій и религіозный законъ еврейскими кодексами. Развитіе антиталмудизма сопутствуетъ жиду во всѣхъ точкахъ его соприкосновенія съ гуманной христіанской цивилизаціей: и во Франціи, гдѣ евреевъ насчитывается только 200—300 тысячъ душъ и гдѣ они заняли уже *треть* парламентскихъ и префектскихъ мѣстъ, захвативъ по спопутности и французскій государственный банкъ; и въ Россіи, гдѣ ихъ наплодилось уже до *семи милліоновъ* (!!) и гдѣ, по счастію, ихъ гешефтамъ положенъ предѣлъ въ видѣ «черты еврейской осѣдлости»; и въ Пруссіи, гдѣ во главѣ антиталмудистовъ стоялъ даже придворный пасторъ Штеккеръ; и въ Австріи, гдѣ теперь самымъ популярнымъ человѣкомъ Вѣны является *трижды* избранный бургомистромъ «антисемитъ», докторъ Люгеръ.

Любопытенъ и для насъ, русскихъ, разговоръ, который происходилъ недавно у доктора Люгера съ «обозрѣвавшимъ» его корреспондентомъ солидной французской газеты «Temps». Мы приводимъ его in extenso:

«— Почему вы стали антисемитомъ, г. Люгеръ?

«— Потому что *евреи забрали все въ свои руки и что отъ нихъ нигдѣ нѣтъ отбоя.* Евреи стекаются сюда (въ Вѣну) изъ Галиціи, изъ Венгріи, изъ Румыніи. Не только невозможно предпринять какого нибудь торговаго дѣла, но даже нельзя купить мяса или пару сапогъ, не уплативъ евреямъ значительной дани. *Завоевавъ Вѣну, они стали надменно выставлять на показъ свое могущество. Еврей вѣдь жаденъ* и въ то же время тщеславенъ до крайности. Разъ его алчность была удовлетворена, онъ сталъ показываться всюду и вездѣ первенствовать. Еще два года тому назадъ, христіанину трудно было найти себѣ мѣсто въ кафе, въ ресторанѣ, въ театрѣ, а о курортахъ и говорить не стоитъ—тамъ все было переполнено евреями. Теперь, смѣю васъ увѣрить, *все это перемѣнилось.* Но мы не только имѣемъ въ виду *сокрушить гордыню еврейскаго владычества,*—мы намѣрены отнять у нихъ и самый фактъ какого либо господства.

«— Однако, для этого нѣтъ надобности въ антисемитизмѣ. Въ борьбѣ свободныхъ конкуррентовъ не достаточно ли тѣхъ силъ, которыя даются знаніемъ и трудомъ?

«— Увы! *между евреями и христіанами вопросъ объ успѣхѣ разрѣшается отнюдь не смышленностію и трудолюбіемъ.* Повторяю, шансы далеко не равны, потому что *у евреевъ совершенно иная нравственность, чѣмъ у насъ.* Они всегда увѣрены, что проведутъ, а, стало быть, и побѣдятъ насъ, если мы не примемъ заранѣе надлежащихъ мѣръ предосторожности.

«— А что же вы можете сдѣлать?

«— Прежде всего, *мы будемъ продолжать нашу пропаганду*, результаты которой вы уже сами видите. При этомъ вы не можете отрицать, что мы дѣйствуемъ систематически и подвигаемся впередъ съ увѣренностью. *Мы начали тѣмъ, что изгнали жидовъ изъ столичной думы, а теперь добились того, что антисемитическое большинство заняло мѣсто еврейско-либеральнаго и въ здѣшнемъ областномъ сеймѣ.* И въ другихъ областяхъ Австріи *антисемитизмъ растетъ не по днямъ, а по часамъ.* Остается пройти третье мытарство или, лучше говоря, *предстоитъ взять третью крѣпость—упрочиться въ рейхсратѣ.* Задача, быть можетъ, гораздо болѣе трудная; но мы сдѣлаемъ все, что надо сдѣлать, и *нашъ успѣхъ—внѣ всякаго сомнѣнія.* Тогда мы примемъ рѣшительныя мѣры *къ эмансипаціи христіанства отъ евреевъ.*

«— А куда же, въ вашемъ планѣ компаніи, вы дѣнете евреевъ?

«— О, на этотъ счетъ я совершенно покоенъ. Когда жиды увидятъ, что имъ уже нельзя *«колоть сахаръ на нашей головѣ»*, они и сами уйдутъ отъ насъ (не въ Россію ли, гдѣ они жалуются на якобы «угнетенное» положеніе??). А пока что́, и въ городской думѣ, и въ областномъ сеймѣ мы располагаемъ изрядными средствами борьбы. *Мы собираемся также основать банкъ, свободный отъ всякаго еврейскаго вліянія.*

Въ заключеніе этого разговора, докторъ Люгеръ выразилъ надежду, что и парламентское правительство, волей-неволей подчиняющееся жидамъ, по ихъ связямъ съ «финансовыми владыками»— биржами и банками, — начинаетъ мало-по-малу эмансипироваться отъ этой зависимости и въ душѣ уже становится на сторону антисемитовъ. «Мы, по мѣрѣ силъ, — закончилъ свою бесѣду докторъ Люгеръ, — стараемся расчистить путь къ *освобожденію народовъ и правительствъ»* (!!).

На парламентской же почвѣ въ Австріи возникъ, такимъ образомъ, энергическій протестъ противъ жидовской гегемоніи, и благопріятный исходъ его можно считать уже довольно вѣроятнымъ. Во всякомъ случаѣ, докторъ Люгеръ, его друзья и единомышленники работаютъ неустанно въ пользу «эмансипаціи христіанскаго общества» и разсчитываютъ на побѣду, не смотря на то, что парламентскій режимъ въ ихъ странѣ уже узаконилъ «равноправіе» шулханъ-аруха съ евангеліемъ, права съ безправіемъ, человѣколюбія съ человѣконенавистничествомъ, свободы съ рабствомъ, клятвопреступленія съ вѣрностью своему слову, и квалифицированнаго обмана—съ честнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей.

По общему отзыву, докторъ Люгеръ пользуется огромной популярностью не только въ среднемъ обществѣ, но и въ низшихъ классахъ населенія (урокъ нашимъ псевдо-народникамъ, готовымъ отдать народъ на жертву повсемѣстному еврейскому нашествію!).

II.

Злосчастная судьба не наградила еще насъ того сорта парламентскимъ режимомъ, при которомъ такъ «вальготно» живется евреямъ-эксплуататорамъ, а потому все свое вниманіе они обратили на фальсификацію общественнаго мнѣнія путемъ прессы. Безъ преувеличенія можно скать, что и въ обѣихъ нашихъ столицахъ, и въ провинціи—печать попала почти всецѣло въ еврейскія руки и слѣпо повинуется ихъ указаніямъ. Можно по пальцамъ пересчитать тѣ немногіе органы печати, которые прямо, категорически, ставятъ и разрѣшаютъ такъ называемый «еврейскій вопросъ»; всѣ же прочіе или игнорируютъ его «страха ради іудейска», или продѣлываютъ старую комедію — подведенія жидовскихъ претензій на всемірную гегемонію подъ невинную формулу «свободы вѣроисповѣданія». Не стоитъ и повторять, что свобода вѣроисповѣданія, расовая терпимость и прочія «жалкія слова» только маскируютъ собою зловредную политическую и экономическую тенденцію, нравственное распутство и полнѣйшую безпринципность...

Тѣмъ не менѣе, походъ жидовъ на «черту осѣдлости», не дозволяющую имъ ринуться много-милліонною массою на пожираніе кореннаго русскаго — преимущественно крестьянскаго — населенія, ведется въ нашей якобы русской прессѣ съ неуклонностью и систематичностью, достойными лучшаго назначенія. *Одинокими* чувствуютъ себя въ газетномъ и журнальномъ мірѣ тѣ немногіе защитники кровныхъ народныхъ интересовъ, которыхъ еврейская банда не успѣла еще запугать или даже просто зажать имъ рты тѣмъ или другимъ способомъ... Утѣшаешься только тѣмъ, что самодержавная воля въ Россіи, не вынужденная считаться съ подкупленными жидовствомъ «парламентскими партіями», прямо и ясно установила принципъ зловредности повсемѣстнаго разселенія евреевъ по землѣ русской и держитъ ихъ въ предѣлахъ «осѣдлости», не взирая на жалостныя причитанія продажныхъ писакъ и предателей. Стóитъ только вспомнить объ уничтоженіи послѣднихъ кагаловъ въ прибалтійскихъ провинціяхъ, о массовой высылкѣ еврейскихъ псевдоремесленниковъ изъ Москвы, по иниціативѣ ея августѣйшаго генералъ-губернатора, о сокращеніи претензій раввинскаго «правовѣрія», о многократномъ подтвержденіи запретительныхъ правилъ на счетъ жидовскаго разселенія,—чтобы не приходить въ отчаяніе отъ усилившагося гомона іудофильской печати.

Но чтò же способствуетъ у насъ развитію газетнаго и журнальнаго іудофильства, чтò даетъ ему не только средства питанія, но и

апломбъ, и вліяніе на русское общество? Мы не ошибемся, если скажемъ, что главною причиною такъ быстро развивающагося у насъ іудофильства служитъ усердная поддержка, оказываемая еврейскими капиталистами пресмыкающимся передъ ними органамъ печати, и полное отсутствіе кредита для независимыхъ періодическихъ изданій, желающихъ служить не еврейскому кагалу, а русскому государству и народу. Въ то самое время, какъ органы еврейскаго духа и закала пользуются обильными матеріальными средствами, и путемъ прямыхъ субсидій, и посредствомъ обязательной подписки въ еврейскихъ сферахъ,—одинокія русскія изданія, не мирволящія жидовскимъ притязаніямъ, лишены всякаго правильнаго кредита не только изъ государственнаго, но и изъ частныхъ банковъ, да, кромѣ того, подвергаются систематической травлѣ и наглому оклеветанію со стороны еврейскихъ приспѣшниковъ и оруженосцевъ. Особенно отличается ожесточенной злобой противъ прекратившагося національнаго направленія вся одесская печать (за исключеніемъ прекратившагося «Новороссійскаго Телеграфа»!) но отъ нея не отстаетъ и большинство нашихъ провинціальныхъ газетъ. Только что *пріостановилась* (въ 1897 г.) ненавистная жидовскому кагалу газета «Гласность», какъ уже «Одесскія Новости» лгутъ «по телеграфу» своимъ читателямъ о совершенномъ *прекращеніи* этой газеты; «Одесская Газета» лягаетъ ту же «Гласность» за ея еретическое мнѣніе о человѣконенавистничествѣ талмуда (не желая, однако, опровергать это мнѣніе какими нибудь убѣдительными цитатами или доводами); въ то же время «Самарская Газета», издаваемая русскимъ *по имени* г. Костеринымъ, ополчается на защиту еврейскихъ дѣвицъ, которымъ воспрещенъ доступъ въ медицинскій женскій институтъ. «Одесскій Листокъ» и петербургскій «Восходъ» необузданно ликовали и ругались по адресу «Гласности», когда надъ нею тяготѣло запрещеніе розничной продажи... Казалось бы, какое горе Самарѣ вообще, а г. Костерину въ частности, что на *русскія деньги* не будутъ учиться въ медицинскомъ институтѣ иноплеменныя слушательницы, вытѣсняя своихъ туземныхъ; а вотъ — подите же! «Самарская Газета» горюетъ о томъ, что этой радости не предоставлено еврейскимъ дѣвамъ, ищущимъ только выхода изъ... «черты осѣдлости». Какой, съ жидовской помощью, оборотъ! Наконецъ, въ одномъ изъ своихъ нумеровъ (отъ 4 апр.), та же жидовская газета, издающаяся на русскомъ жаргонѣ, доходитъ до невѣроятной — даже для талмудиста — наглости, утверждая, что «Гласность» занимается «доносами» (!). Правду говорятъ, что когда Юпитеръ захочетъ наказать людей, — онъ прежде всего лишаетъ ихъ разума. Еврейство, очевидно, подверглось уже этому наказанію...

III.

Само собой разумѣется, что истинно-русскіе люди,—не по однѣмъ метрикамъ и фамиліямъ, но по своему духу и стремленіямъ,—отнеслись совсѣмъ иначе къ нашей молодой газетѣ и, поддерживая ее своими симпатіями во время изданія, встрѣтили ея временную пріостановку искренними сожалѣніями, выраженными во множествѣ писемъ и телеграммъ [1]). «Виленскій Вѣстникъ» сказалъ даже, что «Гласность»—въ сущности и не новая газета, такъ какъ она выходитъ подъ флагомъ «Наблюдателя», давно уже заслужившаго своимъ прогрессивно-національнымъ направленіемъ симпатіи лучшей части русской публики. Всѣ вліятельныя и распространенныя газеты (кромѣ завѣдомо жидовскихъ) нерѣдко съ сочувствіемъ цитировали мнѣнія «Гласности» и вообще считались съ ними, какъ съ выраженіемъ опредѣленнаго политическаго образа мыслей. Въ обратномъ смыслѣ выказывала намъ свое вниманіе и еврейская пресса, надрываясь въ придумываніи всякихъ клеветъ и инсинуацій на нашъ счетъ. Бодрствовалъ надъ нами и петербургскій кагалъ, всячески вредя репутаціи газеты и ея распространенію въ публикѣ... иногда такими средствами и путями, которые вѣдомы только этому подпольному «ржонду», основанному на принципѣ: «все *позволительно*, что̀ ведетъ къ цѣли», — т. е. къ порабощенію жидами всѣхъ, населенныхъ ими, странъ.

Но—увы!—поддержка, оказываемая русскимъ обществомъ симпатичнымъ ему изданіямъ, далеко уступаетъ, въ своей интенсивности и энергіи, тому злобному противодѣйствію, съ которымъ союзная жидовская сила встрѣчаетъ всякій независимый печатный органъ, не желающій подчиняться кагальной ферулѣ. Въ то время, какъ подпольный еврейскій кагалъ, или «ржондъ», присутствующій

---

[1]) Одною изъ послѣднихъ телеграммъ, полученныхъ нами, была телеграмма отъ редактора «Варшавскаго Дневника», слѣдующаго содержанія: «Искренно сожалѣю о пріостановкѣ честнаго и симпатичнаго изданія, и надѣюсь, что перерывъ не будетъ продолжителенъ. Дай Вамъ Богъ запаса силъ и энергіи!» Любопытно письмо къ намъ изъ Одессы: «Встрѣчая часто въ мѣстныхъ газетахъ цитаты изъ «Гласности» *въ отрицательномъ смыслѣ*, я, *не смотря на то*, пришелъ къ убѣжденію, что взгляды вашей почтенной газеты вполнѣ солидарны съ моими и прошу редакцію выслать пробные нумера, такъ какъ въ Одессѣ, не взирая на мои тщательные розыски, *я не могъ найти ни единаго нумера вашей газеты*» (всѣ они благоразумно припрятывались, по обычному еврейскому пріему, практиковавшемуся и относительно «Наблюдателя»). Изъ этого письма видно, какой противоположный результатъ можетъ выйти иногда изъ цитированія газеты «въ отрицательномъ смыслѣ»!..

вездѣ и *нигдѣ*, соритъ деньгами на изданія во славу израиля, пользуясь поддержкою банковъ и частныхъ капиталистовъ и распространяя чрезъ нихъ подписку (кстати сказать, ни одинъ петербургскій банкъ не подписался на *нашу* газету) — въ то же время россійскій толстосумъ сто разъ подумаетъ, прежде чѣмъ придетъ на помощь, да и то съ ничтожными средствами, къ органамъ, изнемогающимъ въ тяжелой идейной борьбѣ съ враждебными Россіи элементами. На словахъ—сочувствіе и поддержка, на дѣлѣ—виляніе и отказъ. «Наша, молъ, хата съ краю—ничего не знаю». *Да, не мѣшало бы намъ поучиться у евреевъ ихъ солидарности и упорству въ преслѣдованіи своихъ цѣлей, не подражая имъ, конечно, въ выборѣ и примѣненіи средствъ.* А то вѣдь, дѣйствительно, въ недалекомъ будущемъ, и «званія не останется» отъ русской національной прессы и всю журнальную, а затѣмъ и всю общественную арену заполонитъ одна «національность»... еврейская!

Мы надѣемся, однако, что жизнь великаго историческаго народа,—слишкомъ добродушно и невнимательно относившагося къ усиленнымъ захватамъ враждебныхъ намъ иноплеменниковъ,—сама выразитъ свой активный протестъ противъ этого анормальнаго явленія и создастъ возможность противодѣйствовать ему съ тою же энергіею и постоянствомъ, какія обнаруживаетъ въ этомъ случаѣ захватывающая сторона. *Національная пресса* должна стоять во всеоружіи на стражѣ интересовъ русскаго государства и народа—иначе имъ будетъ нанесена въ скоромъ времени гибельная, невознаградимая «поруха». Участь Австро-Венгріи, гдѣ уже предоставляется на выборъ, въ смѣшанныхъ бракахъ, подвергать новорожденныхъ *крещенію* или *обрѣзанію*, не можетъ манить воображенія полутораста-милліоннаго народа, въ громадномъ большинствѣ вѣрнаго своимъ христіанскимъ идеаламъ и незыблемымъ историческимъ основамъ жизни.

Повтореніе минскаго бенефиса въ Шкловѣ.

Повтореніе «минскаго бенефиса» шкловскими жидами.—Ретроспективный взглядъ на еврейскія безчинства.—«Правительство въ правительствѣ».—Постыдная роль якобы русской прессы.—Существуетъ ли «племенная» и «религіозная вражда» жидовъ къ христіанамъ?—Обвинительный актъ и приговоръ кіевской судебной палаты.—Любопытныя показанія свидѣтелей на судѣ.—Бытовыя картинки изъ шкловской жизни.—Обращеніе русскаго крестьянина и солдата въ безвыходное рабство. — Ругательства и побои, какъ излюбленныя средства для удержанія русскаго народа въ кабалѣ.—Безсиліе власти въ борьбѣ съ кагаломъ.—Заступники жидовства.—Счастливый мировой судья. —«Преторіанская стража» еврейства. — Напрасныя потуги нашихъ «прелюбодѣевъ мысли». — Игра словами.—Неотложная необходимость правильной постановки и рѣшенія «еврейскаго вопроса». — Непстовый прокуроръ, предлагающій военный судъ противъ христіанъ-бунтарей, «во славу израиля».—Quousque tandem?

I.

Наши читатели навѣрное не забыли еще пресловутаго *минскаго процесса*, въ которомъ къ суду была привлечена цѣлая банда остервенѣлыхъ жидовъ, распоряжавшихся съ русскимъ воинскимъ патрулемъ въ такомъ же родѣ, какъ нѣкогда ихъ достойные предки распорядились съ римскою когортою въ Іерусалимѣ, во дни Тита Милосердаго. Только исходъ этихъ «погромовъ»,—направленныхъ не на жидовъ со стороны христіанъ (какъ мы привыкли или, лучше сказать, насъ пріучили думать), а на «гоевъ» со стороны израиля,—оказался совершенно противоположный: «милосердый» римскій императоръ стеръ Іерусалимъ съ лица земли за безчинство и наглость іудина племени, переполнившія даже чашу его милосердія и терпѣнія; а минскіе, полуоправданные или совсѣмъ оправданные, жиды остались преспокойно на своемъ пепелищѣ, въ твердой надеждѣ произвести такое же избіеніе военнаго караула еще нѣ-

сколько разъ, въ славу «Всемірнаго израильскаго союза»... Правда, послѣ «милостиваго» судебнаго приговора,—отвергнувшаго обвиненіе въ «расовомъ и религіозномъ фанатизмѣ» и поставившаго на его мѣсто простой уличный безпорядокъ съ мордобитіемъ,—какъ неожиданный громъ съ чистаго неба, раздался голосъ военнаго министра А. Н. Куропаткина напомнившаго военнымъ карауламъ ихъ обязанность—стрѣлять въ бунтовщиковъ, не отдавая имъ своихъ ружей въ поломку, и это обстоятельство нѣсколько угомонило расходившуюся не въ мѣру храбрость минскихъ маккавеевъ, весьма мужественныхъ въ мирное время... изъ-за угла или при подавляющемъ численномъ превосходствѣ.

Тѣмъ не менѣе, жиды добились своего: прежде *ихъ* «громили», какъ вампировъ, высасывающихъ кровь и изъ полнокровнаго, и изъ малокровнаго человѣка безъ различія; прежде изъ ихъ мягкихъ перинъ «выпускали пухъ», а теперь они стали «выпускать духъ» (по ихъ собственному выраженію) изъ проклятыхъ гоевъ. *Погромъ* пошелъ vice versa: угнетенное племя живо превратилось въ «угнетателей», да еще съ «тѣлеснымъ озлобленіемъ» угнетаемыхъ... Жидовская пресса (извѣстно, что наши органы печати, особенно издающіеся по низкой цѣнѣ, почти безъ исключенія, попали въ руки кагала)—эта обрѣзанная и прокаженная пресса только подливала масла въ огонь, славословя оправданныхъ фанатиковъ и извлекая даже изъ этого возмутительнаго факта необходимость (удержите ваше негодованіе, читатель!) превратить всю Россію, отъ ея градовъ до весей, въ одну сплошную «черту еврейской осѣдлости»... Наша газета «Гласность», покусившаяся устроить диссонансъ въ этомъ стройномъ жидовскомъ хорѣ, немедленно подверглась (на цѣлый мѣсяцъ) запрещенію розничной продажи, что̀ для новаго изданія,—окруженнаго, притомъ, ненавистью кагала и нагло «бойкотируемаго» со всѣхъ сторонъ,—равнялось если не убійству, то, по крайней мѣрѣ, серьезному «членовредительству»... Въ то время, какъ прокаженные листки свободно расходились въ Петербургѣ на всѣхъ уличныхъ перекресткахъ, наполняя кассу «Всемірнаго израильскаго союза» и сотрясая воздухъ гнусными, злорадными ликованіями надъ изуродованіемъ русскихъ солдатъ, редакція «Гласности» должна была нести однѣ нравственныя пытки и крупныя матеріальныя потери, — тѣмъ болѣе, что эта мѣра противъ нея оказывалась «излюбленною» и практиковалась *три* раза въ теченіе *семи* мѣсяцевъ изданія газеты!! Однимъ словомъ, газета тщательно изолировалась отъ публики, уже привыкшей въ Петербургѣ знакомиться съ новыми неокрѣпшими изданіями по розничной покупкѣ,—и ее приходилось выпускать, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, для однихъ

только подписчиковъ! Съ сокращеніемъ же ежедневнаго тиража газеты, не могло явиться и много платныхъ публикацій, составляющихъ значительный источникъ дохода при непрерывномъ и правильномъ развитіи этого дѣла. Еслибы «Гласность» защищала еврейскія притязанія на какую-то безшабашную гегемонію въ русскомъ царствѣ, то, конечно, ея матеріальные убытки были бы охотно покрыты щедрыми жертвователями или, по крайней мѣрѣ, ей были бы предоставлены самыя легкія условія кредита,—подъ векселя съ «благонадежными надписателями»,—какъ это и практикуется для всѣхъ изданій, пользующихся покровительствомъ кагала. Но мы говорили уже въ «Наблюдателѣ», какимъ змѣимымъ кольцомъ окружена была редакція «Гласности», когда ей приходилось пользоваться кредитомъ даже въ тѣхъ банкахъ, гдѣ на текущемъ счету и «онколѣ» перебывали не десятки, а сотни тысячъ нашихъ вкладовъ. Мы могли бы назвать и имена... но nomina sunt odiosa или, по русской пословицѣ, «знаетъ кошка, чье мясо съѣла». А для жидовской кошки «гоимское» мясо особенно вкусно и питательно... Даже высокая подписная цѣна (14 р.) была навязана «Гласности» помимо ея желанія, такъ какъ въ ея планы вовсе не входила конкурренція съ большими и прочно установившимися газетами, а имѣлось въ виду лишь дополнить «Наблюдатель» ежедневной систематической бесѣдой съ читателями по всѣмъ выдающимся вопросамъ текущей политики и нашей общественной жизни. Съ величайшимъ трудомъ удалось редакціи выхлопотать сбавку подписной цѣны до 10 р. (и то уже на второй годъ), а дальнѣйшее пониженіе встрѣтило неодолимыя препятствія,—какъ будто распространеніе идей «Наблюдателя» на газетныхъ листахъ могло вредитъ кому нибудь, кромѣ жидовской клики!! Попавъ въ эти двухсторонніе тиски, лишенный возможности бороться съ врагами *равнымъ оружіемъ*, редакторъ-издатель «Гласности» вынужденъ былъ (что̀ и предсказывали ему жиды въ подметныхъ письмахъ) свернуть, до перемѣны обстоятельствъ, свое знамя и уступить мѣсто кагальнымъ рептиліямъ, на сторонѣ которыхъ временно очутились неожиданные союзники... Топить свои средства въ этой данаидиной бочкѣ и понятной, и непонятной вражды—было бы уже просто донкихотствомъ, тѣмъ болѣе, что редакторъ «Гласности» никакимъ гешефтмахерствомъ на своемъ вѣку не занимался, а бо́льшую часть жизни провелъ въ безвозмездныхъ филантропическихъ трудахъ по улучшенію судьбы обездоленныхъ тюремныхъ жителей и ихъ дѣтей, которые могли благодарить его только голосомъ сердца, а не какими нибудь «вещественными знаками»... Пусть ужь пропадаетъ пятьдесятъ—а не болѣе—тысячъ, если служеніе *національнымъ* интересамъ должно, по временамъ, облагаться

крупнымъ денежнымъ штрафомъ... Слава богу, что не тюремнымъ заключеніемъ, какъ въ современной Франціи!!

Любопытно, что въ то время какъ «Гласность» подвергалась всяческимъ преслѣдованіямъ, доводившимъ ее до двукратной вынужденной пріостановки, не смотря на увеличивавшееся число подписчиковъ,—«Наблюдатель» стоялъ внѣ всякихъ нареканій со стороны надзирающихъ властей; а вѣдь «Гласность», и въ редакціонномъ отношеніи, и по составу сотрудниковъ, составляла только филіальное отдѣленіе того же «Наблюдателя»... Но наша газета, имѣвшая возможность дѣйствовать на тотъ именно слой публики, который находился всецѣло подъ гипнотизирующимъ вліяніемъ жидовской прессы, возбуждала особенную, жгучую ненависть кагала, и ея пріостановки встрѣчались съ величайшей радостью въ этомъ почтенномъ сонмищѣ,—радостью, прорывавшейся и въ печати, не взирая на строго соблюдаемый «обѣтъ замалчиванья». Наглость жидовъ простиралась до того, что они громили редакцію чуть не ежедневными подметными письмами (одно изъ нихъ было напечатано цѣликомъ въ газетѣ), въ которыхъ угрожали и разореніемъ редакціи, и вынужденной забастовкой всего дѣла. И ихъ угрозы,— по крайней мѣрѣ, относительно пріостановки газеты, — сбывались на самомъ дѣлѣ; а что касается до разоренія редакціи, то эта угроза не осуществилась, конечно, не по ихъ винѣ и не потому, что ими мало было приложено стараній... «Свѣтъ не безъ добрыхъ людей», и мы живемъ все таки не въ Аргентинѣ... Есть управа и на жидовъ!

II.

Управа эта нашлась и въ Могилевѣ, въ лицѣ кіевской судебной палаты, разбиравшей, однородное съ минскимъ, дѣло объ избіеніи жидами русскихъ солдатъ въ Шкловѣ, — этомъ средоточіи жидовскаго «правительства въ правительствѣ». Фабула этого побоища изложена въ обвинительномъ актѣ съ возмутительными подробностями.

Въ іюлѣ 1899 года, нижніе чины александропольскаго и ахалцыхскаго пѣхотныхъ полковъ находились на «вольныхъ работахъ» въ окрестностяхъ мѣстечка Шклова могилевскаго уѣзда. 25 іюля нѣкоторые изъ нихъ были отпущены своимъ начальствомъ въ это мѣстечко; здѣсь они разбились на группы—человѣка по 2, по 3— гуляли такими группами по мѣстечку; нѣкоторые изъ нихъ подвыпили и были въ веселомъ настроеніи. Вскорѣ послѣ полудня, между

солдатами и мѣстными евреями начались отдѣльныя столкновенія За тремя солдатами погналась *толпа* еврейскихъ мальчишекъ, ругавшая солдатъ и бросавшая въ нихъ *камнями и палками*. Когда брошенный евреемъ камень попалъ въ спину одному изъ солдатъ, то послѣдній *погнался за евреемъ* (какая дерзость?!) и подбѣжалъ къ лавкѣ мѣщанина Эпштейна, предполагая, что тамъ скрылся еврей, бросившій камень. Эпштейнъ *не допустилъ солдата въ лавку*, и изъ-за этого между ними произошла ссора, во время которой Эпштейнъ толкнулъ солдата въ грудь, а тотъ ударилъ его палкою. Эпштейнъ отвѣтилъ ему тѣмъ же (еще бы жидъ остался въ долгу!); затѣмъ *набѣжала толпа евреевъ и не пустила солдата* въ лавку. Въ другомъ мѣстѣ солдатъ торговалъ у еврейки пачку табаку и, не сойдясь въ цѣнѣ, возвратилъ ей пачку; еврейка сказала солдату: «Зачѣмъ ты, *свинья*, мой табакъ бросаешь»? а тотъ отвѣтилъ ей, что *на военной службѣ нѣтъ свиней* (новая дерзость, несомнѣнно оскорбительная для израильтянъ, только себя и считающихъ *людьми*, по завѣту талмуда). Затѣмъ спорившихъ окружила *толпа евреевъ* (опять толпа! жиды не любятъ дѣйствовать въ одиночку), одинъ изъ которой толкнулъ солдата. Однако, въ этомъ мѣстѣ ссора не приняла большихъ размѣровъ, потому что подошелъ десятскій и разогналъ толпу. Въ третьемъ мѣстѣ произошла ссора между солдатами и еврейкой (этой *Юдифью* новѣйшаго времени, по азартнѣе мужчинъ-жидовъ), — Алтою Шеубъ. Она *назвала солдата свиньей* (по талмуду гои, дѣйствительно, стоятъ въ зоологической лѣстницѣ гораздо ниже человѣка и еврейскій богъ далъ имъ человѣческій образъ только для того, чтобы жиду не «противно было» принимать отъ нихъ рабскія услуги); а тотъ опрокинулъ ея столикъ съ зельтерскою водою и пряниками (сугубая дерзость возмутившагося раба!!) Еврейка закричала «гевалтъ»; на крикъ ея собралась *толпа евреевъ* (опять толпа!), окружившихъ солдата и *начавшихъ бить его* («угнетенное племя» очень дерзко на руку, когда сила на его сторонѣ, и негодяевъ уже не удерживаетъ тутъ никакое «гуманное» соображеніе). Десятскій Калачевъ *арестовалъ солдата* (а не жидовку?!), чтобы отвести его въ становую квартиру, но подбѣжали другіе солдаты и отняли арестованнаго у десятскаго. Немедленно *толпа* жидовъ окружила солдатъ, начала бить ихъ (при полномъ безучастіи того же десятскаго) и погнала по площади (дѣйствительно, какъ «свиней»!) къ пожарному сараю.

Въ этотъ день, въ 6 часовъ пополудни, былъ назначенъ сборъ охотниковъ шкловскаго вольнопожарнаго общества для упражненій (для избіенія солдатъ!?); поэтому во время описаннаго выше столкновенія, возлѣ пожарнаго сарая собрались *охотники* (до драки?), въ

большинствѣ жиды, которые присоединились къ толпѣ и начали гоняться за безоружными солдатами (картина!). Нѣкоторые изъ этихъ «пожарныхъ», напримѣръ, жидъ Мендель Гинзбургъ (отданный подъ судъ «въ первую голову»), верхомъ на лошади, догоняли бѣгущихъ солдатъ, задерживали и били ихъ. Въ то же самое время Хона Цейглинъ, *по приказанію предсѣдателя шкловской мѣщанской управы* (хороши еврейскія «должностныя лица»!), Игнатія Маевскаго (тоже отданнаго подъ судъ), взобрался на колокольню церкви и *ударилъ въ набатъ* (грабители-жиды всегда при ограбленіи гоевъ кричатъ: «караулъ»!), хотя, по распоряженію полиціи, съ весны 1899 г. колокольный звонъ былъ воспрещенъ для созыва членовъ пожарнаго общества. На колокольный звонъ, къ площади, гдѣ происходилъ безпорядокъ, *хлынули евреи со всѣхъ концовъ мѣстечка*, а также немногіе солдаты и крестьяне, находившіеся въ Шкловѣ. Ничего не зная о насиліи надъ безоружными солдатами, предполагая, что въ мѣстечкѣ пожаръ, солдаты и крестьяне бѣжали на шумъ, но въ то время, когда они выходили на площадь, на нихъ *толпами набрасывались жиды, вооруженные палками, камнями, топорами и оглоблями, и избивали неуспѣвшихъ скрыться.* Такому нападенію подверглось, по свидѣтельству обвинительнаго акта, семнадцать беззащитныхъ солдатъ. Избіеніе — формальное, гнуснѣйшее избіеніе! — жидами христіанъ началось около 6-ти часовъ пополудни и продолжалось почти до 8 часовъ вечера (цѣлыхъ два часа), но и послѣ этого человѣкоубійственнаго массоваго злодѣйства были еще отдѣльные случаи нападенія на христіанъ. Такъ, когда ефрейторъ Ѳедоръ Сѣровъ, уже послѣ прекращенія безпорядковъ, вышелъ изъ чайной на площадь, къ нему изъ *группы* евреевъ подбѣжалъ одинъ и *сильно ударилъ палкою въ грудь*, послѣ чего Сѣровъ убѣжалъ. Точно также, уже по прекращеніи безпорядковъ, жиды Файвель и Нохимъ Москверъ били крестьянина Ивана Кожемякова палками отъ метелъ.

Какъ выяснено предварительнымъ слѣдствіемъ, незначительныя вначалѣ столкновенія приняли столь большой размѣръ—единственно вслѣдствіе враждебнаго отношенія евреевъ къ христіанамъ (а не наоборотъ!). Населеніе Шклова, почти сплошь состоящее изъ евреевъ, *надменно относится къ пріѣзжающимъ въ мѣстечко крестьянамъ*; въ разговорѣ жиды презрительно называютъ ихъ «свиньями» и «свинулями», а *когда тѣ протестуютъ, то наносятъ имъ побои* (жиды, по пословицѣ, «бьютъ и плакать не велятъ»). Неуваженіе къ личности христіанъ сопровождается полнымъ неуваженіемъ и къ ихъ собственности («священна» только одна собственность жидовская, такъ какъ по талмуду все гоимское имущество принадле-

житъ de jure кагалу, находясь только *временно* въ пользованіи гоя, «носящаго человѣческій образъ», и во всякое время можетъ быть свободно отнято у него):—*у крестьянъ насильно отнимаютъ привозимый ими товаръ* и затѣмъ расплачиваются по своему усмотрѣнію, а иногда и совсѣмъ не платятъ; *если же крестьянинъ вздумаетъ обратиться къ суду, то и здѣсь онъ не можетъ добиться осуществленія своихъ правъ*, потому что евреи, въ свое оправданіе, ставятъ единовѣрцевъ-лжесвидѣтелей (по талмуду, правовѣрному еврею разрѣшается даже *клятвопреступленіе* на судѣ, если оно направлено къ оправданію соплеменника и единовѣрца). Такое отношеніе къ христіанскому населенію и раньше вызывало столкновенія, которыя, однако, прекращались вначалѣ, не принявъ большихъ размѣровъ. Замѣчательно, что личности евреевъ,—по словамъ того же обвинительнаго акта, — производившихъ нападеніе на солдатъ и крестьянъ, *въ большинствѣ не могли быть установлены слѣдствіемъ*: — до такой степени преступная «круговая порука» сильна между жидами и такъ ловко умѣютъ они морочить гоимское правосудіе! Зато нарушитель еврейскихъ законовъ, издающихся отъ имени какого-то даже не подпольнаго (по крайней мѣрѣ, въ чертѣ осѣдлости), а уже надпольнаго израильскаго правительства, никакъ не ускользнетъ отъ суда «неправаго и немилостиваго», не взирая на существованіе законныхъ властей, или совсѣмъ не приходящихъ или приходящихъ слишкомъ поздно на охрану мнимаго преступника... Примѣровъ тому было слишкомъ много, — и въ Радомѣ, напр., вся полиція очутилась въ распоряженіи еврейской банды.

Впрочемъ, 23 человѣка—и то слава богу!—не ускользнули отъ правосудія и, выхваченные изъ многоголовой толпы, усѣлись на скамьѣ подсудимыхъ.

III.

Картина, нарисованная безпристрастною кистью обвинительнаго акта, такъ вѣрна правдѣ,—насколько мы знаемъ эту правду не изъ жидовскихъ, конечно, источниковъ,—и такъ выразительна сама по себѣ, что мы не могли сдѣлать ничего лучше, какъ воспроизвести ее цѣликомъ, обставивъ только нѣкоторыми пояснительными замѣчаніями. На самомъ же судѣ картина дополнялась еще новыми штрихами.

На вопросъ предсѣдателя о виновности, всѣ подсудимые отвѣтили, разумѣется, отрицательно, и палата приступила къ допросу

свидѣтелей. Первыми давали показанія избитые нижніе чины, и вотъ какіе перлы сыпались изъ ихъ устъ:

«Было воскресенье. Я пошелъ въ Шкловъ за покупками. Толпа еврейскихъ мальчишекъ начала бросать въ меня камнями. Я выругалъ ихъ, а *еврей ударилъ меня* за это палкою. Я назвалъ его «жидовскою мордою». Тогда сбѣжавшіеся на шумъ евреи стали меня бить». (Даниловъ).

Изъ этого показанія очевидно, что въ чертѣ еврейской осѣдлости ругать солдатъ «свиньями» и «свинулями» можно, но избави Богъ назвать еврея—«жидовскою мордою!» Жиды сейчасъ же отвѣтятъ на это «ваіями и заушеніями»...

Другой свидѣтель показывалъ: «Я шелъ изъ чайной. Меня схватили евреи, *ударили камнемъ въ голову*; я упалъ, потомъ вскочилъ и убѣжалъ. Болѣлъ около недѣли. (Исаевъ). Еще два свидѣтеля сообщали: «*Пятьдесятъ* человѣкъ евреевъ, *съ топорами, камнями и кольями въ рукахъ* (пятьдесятъ на двоихъ, да еще съ оружіемъ!!), окружили насъ и стали бить. Меня ударили два раза *коломъ по спинѣ*». (Мигуличъ, Надеждинъ).

«Когда мы шли изъ чайной — докладывалъ свою мартирологію рядовой Голубевъ—евреи стали *гоняться* за нами (это *гонимое*-то племя!) и стали бить. Собралось ихъ цѣлое войско. *Меня ударилъ пожарный.* Я ушелъ: иначе бы меня убили. Гнались они за нами и пѣшкомъ, и на лошадяхъ, трубили въ рожки. «*Пьяны мы не были*».

«Покупали мы булки — показывалъ несчастный рядовой Груздевъ,—пили чай. Услышавъ набатъ, пошли на площадь, думая, что пожаръ гдѣ нибудь. Видѣли драку; *евреи били солдатъ* на базарной площади. *Пожарный* Моносзонъ, *бывшій въ формѣ* (форма эта, очевидно, присвоена не для тушенія пожара, а для безчинствъ надъ безоружными солдатами) *ударилъ меня топоромъ по рукѣ.* Я болѣлъ цѣлый мѣсяцъ».

Впрочемъ, мы не хотимъ дразнить нервы читателя, сообщая ему дальше эти безхитростныя, прямодушныя показанія истязуемаго русскаго воинства. Ихъ и безъ того уже — embarras de richesse. Читая эти показанія, невольно вспоминаешь, ка́къ древле евреи катались на колесницахъ по тѣламъ еще живыхъ поверженныхъ враговъ, и какъ они же въ новѣйшее время, вѣрные своей звѣриной злости и безпощадности, потѣшаются, тысячи лѣтъ спустя, надъ куклою персидскаго вельможи Амана,—когда-то замученнаго ими и до сихъ поръ не помилованнаго,—на своихъ канибальскихъ празднествахъ!!

Интересны—по отчету репортера «Могилевскихъ Губернскихъ

Вѣдомостей»—и показанія свидѣтелей объ отношеніи шкловскихъ жидовъ къ христіанскому населенію вообще. Многіе изъ нихъ рисовали цѣлыя бытовыя картины. Такъ напр., мѣстные жители прямо заявляли на судѣ, что *имъ въ Шкловѣ изъ-за жидовъ жить невозможно*:—«Скажи слово, изобьютъ. *И никого не боятся!* ихъ девять тысячь, а насъ одна тысяча. *Мы сидимъ, какъ мухи въ щеляхъ. Дѣтей не пускаемъ на улицу*». Къ пріѣзжающимъ въ мѣстечко окрестнымъ крестьянамъ отношенія евреевъ еще хуже. Чувствуя свою силу, *они все таки издѣвались надъ крестьянами, называя ихъ хамами, свиньями и свинулями*. При малѣйшемъ протестѣ, слѣдовали побои. Стоило привезти крестьянину дрова, сѣно, какъ на него *набрасывалась жидовская толпа* и хватала по полѣну, по клоку сѣна; у проѣзжихъ крестьянокъ били бутылки съ керосиномъ, опрокидывали ихъ телѣги, снимали колеса съ осей—«изъ любви къ искусству», какъ выразился одинъ изъ свидѣтелей. За послѣдніе три года *изранили 15 человѣкъ изъ одной только деревни*; «въ прошломъ году зря побили человѣкъ тридцать крестьянъ и больше»: на паромѣ также бьютъ крестьянъ и обираютъ. Вообще «погано» живутъ: ни одинъ базарный день не обходится безъ того, чтобы евреи не обидѣли крестьянъ, и послѣдніе ѣздятъ въ Шкловъ со страхомъ и трепетомъ. Особеннымъ буйствомъ отличаются извощики, которыхъ «евреи нанимаютъ, *какъ палачей*, для расправы съ крестьянами»; жаловаться нельзя, потому что *всѣ свидѣтели—также евреи*. Къ мѣстному приставу часто поступали жалобы на обманныя дѣйствія евреевъ — обмѣриванье и обвѣшиванье,—соединенныя притомъ съ ругательствами и побоями. Отношеніе къ христіанскому населенію со стороны евреевъ самое презрительное: «дерзость и нахальство ихъ не знаютъ предѣловъ». Не отставала отъ темнаго жидовскаго «быдла» и еврейская «интеллигенція», называвшая извощиковъ и пожарныхъ — «охраною отъ христіанъ».

Конечно, дѣло не обошлось и безъ «достовѣрныхъ лжесвидѣтелей», по классическому выраженію Щедрина. Одинъ изъ нихъ, напримѣръ, безъ церемоніи утверждалъ, что онъ не видѣлъ въ Шкловѣ «ни одного еврея-буяна» (гдѣ у него глаза-то были во время побоища?); другой—да еще мировой судья!!—храбро заявлялъ, что «христіане ему не жаловались на евреевъ, и дѣлъ на этой почвѣ у него не было» (не потому ли, что жаловаться было совершенно безполезно?) и присовокуплялъ къ этому, для пущаго безпристрастія, что «лжесвидѣтелей-евреевъ у него въ камерѣ не было (счастливая камера!), а были только лжесвидѣтели-христіане». Впрочемъ, наши читатели, помнящіе статью: «Гдѣ спасеніе?», въ

которой правдивыми чертами изображалась кабальная зависимость отъ евреевъ всего нашего сѣверо-западнаго чиновничества, едва ли удивятся такому милому показанію. (См. «**Наблюдатель**» 1899 г., №№ 3 и 4).

Нечего и добавлять, что наши «прелюбодѣи мысли»,—всѣ эти Мироновы, Извѣковы, а между ними, къ сожалѣнію, и князья Урусовы, отецъ и сынъ,—лѣзли изъ кожи вонъ, чтобы обѣлить шкловскихъ разбойниковъ, и съ прелестной наивностью увѣряли, что ни племенной, ни религіозной ненависти тутъ нѣтъ и въ поминѣ; что жиды даже «не нападали на христіанъ, *а только оборонялись* (топорами и оглоблями противъ безоружныхъ?!), хотя, можетъ быть, и нѣсколько усиленно». Это чудесное выраженіе: «*нѣсколько усиленно*» положительно можетъ составить славу г. Извѣкову и должно быть непремѣнно занесено въ его адвокатскій формуляръ!!

Судебная палата, однако, не задохнулась ни отъ ѳиміама адвокатскихъ похвалъ жидовству, которое всегда хорошо оплачивало краснорѣчіе въ свою пользу, ни отъ міазмовъ хулы, выпущенной противъ избитыхъ людей (наши «цицероны» давятъ и лежачаго!)—и признала наличность того самаго преступленія, которое квалифицировалось въ обвинительномъ актѣ и подтверждалось многочисленными свидѣтельскими показаніями пострадавшихъ.

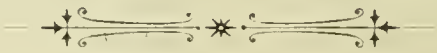
Кассаціонный сенатъ призналъ правильнымъ рѣшеніе палаты.

Но каково, однако, положеніе дѣлъ въ «чертѣ еврейской осѣдлости», и возможно ли раздвигать эту черту до предѣловъ всей необъятной Россіи, какъ это предлагаютъ наши «гуманисты» особаго рода, весьма сердобольные къ жидамъ и немилосердые только къ своему народу?!

Когда, въ началѣ 80-хъ годовъ, нашему новому суду приходилось разбирать дѣло о еврейскихъ погромахъ въ Кіевѣ, то бывшій прокуроръ кіевскаго окружнаго суда г. Игнатій Закревскій (впослѣдствіи сенаторъ, уволенный безъ прошенія отъ службы), въ своей необычайной заботливости объ интересахъ кагала, безцеремонно предлагалъ судить «военнымъ судомъ» виновныхъ бунтарей-христіанъ. Но было бы много справедливѣе примѣнить этотъ судъ къ дѣяніямъ шкловскихъ кагальниковъ, устроившихъ,—еще задолго до основанія «независимаго еврейскаго государства»,—какую-то рабовладѣльческую колонію въ Шкловѣ изъ безправныхъ гоевъ и прирожденной жидовской аристократіи, со всѣми атрибутами рабовладѣльчества... до безобразныхъ тѣлесныхъ истязаній включительно!

Впрочемъ, мы не такъ кровожадны, какъ жиды, и будемъ довольствоваться пока приговоромъ обыкновеннаго суда, если шкловская

«аристократія» сама не запроситъ своими дѣяніями болѣе сильныхъ мѣръ обузданія... Можетъ быть, для этого понадобится и новый Муравьевъ, а, можетъ быть, и нѣтъ,—если наша юстиція и полиція своевременно станутъ на правильную точку зрѣнія относительно еврейской гангрены, разъѣдающей государственный составъ всюду, куда только она проникаетъ. Правъ былъ историкъ Момсенъ, когда утверждалъ, что «какъ сегодня, такъ и въ древнемъ мірѣ евреи неизмѣнно являлись дѣйствующимъ ферментомъ разложенія другихъ національностей».



Еврейскія звѣзды и еврейскій херемъ.

«Le roi est mort—vive le roi»!—Двѣ еврейскія звѣзды: одна нисходящая, другая — близкая къ зениту. — Банкротство барона Гораса Гинцбурга и его причины. — Парижская игра и разсчеты на казенный сундукъ. — Плачъ израильтянъ на берегахъ Вислы и Днѣпра. — Жалобы барона Гирша на своихъ единоплеменниковъ. — Некоронованный король безъ подданныхъ.— Продѣлки «гонимаго племени» въ Юго-западномъ краѣ.—*Херемъ*, налагаемый не только на еврейскихъ, но и на русскихъ писателей.

I.

Петербургская весна дѣйствуетъ одинаково зловредно и на физическое здоровье обывателей, и на благосостояніе ихъ финансовъ... Похоронныя дроги, съ музыкой и безъ музыки, везутъ къ послѣднему убѣжищу пораженныхъ инфлуэнцей, скоротечной чахоткой и другими излюбленными недугами балтійскаго климата; а биржевые бюллетени возвѣщаютъ о неожиданномъ крахѣ банкирскихъ фирмъ, считавшихся—еще такъ недавно — весьма солидными...

Не успѣли прилетѣть къ намъ заморскіе жаворонки, не успѣла инфлуэнца скосить и половины намѣченныхъ ею жертвъ, — какъ вдругъ, точно подъ ударомъ апоплексіи, «протянулъ ноги» банкирскій домъ барона Гинцбурга и компаніи (*компанія* его состояла, впрочемъ, только изъ однихъ чадъ и домочадцевъ, несовсѣмъ экономно распоряжавшихся тятенькиными средствами). Петербургскіе читатели газетъ, наткнувшись на такое поразительное извѣстіе, сначала протерли себѣ глаза и подумали: «да полно, правда ли, что это—тотъ самый баронъ Горасъ, который замѣнилъ собою въ финансовомъ мірѣ легендарнаго Штиглица и держалъ въ прочномъ под-

данствѣ милліоны израильтянъ, который чуть не оффиціально признавался законнымъ предъявителемъ и защитникомъ еврейскихъ интересовъ въ россійской имперіи, и послѣ каждаго «жидовскаго погрома», требовалъ, какъ истый посланникъ иностранной державы, особой дипломатической аудіенціи, для заявленія своихъ протестовъ и ультиматумовъ»? Но дальнѣйшія, болѣе точныя справки уяснили, что рѣчь идетъ, дѣйствительно, о баронѣ Горасѣ («есть вещи, *другъ Гораціо*, которыхъ не понять ни одному смертному!») и что шутка петербургской весны стряслась именно надъ развѣнчанной, хотя и не коронованной, главою нашего еврейскаго короля. «Le roi est mort!» — это несомнѣнно; но кому кричать: «Vive le roi!» еврейскій церемоніалъ еще умалчиваетъ, хотя, по всѣмъ видимостямъ, бразды правленія перейдутъ въ руки другаго, заграничнаго, властителя и тоже барона—Гирша *Аргентинскаго*.

II.

Лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, я встрѣчалъ нерѣдко барона Гинцбурга на знаменитыхъ нѣкогда «экономическихъ обѣдахъ» (въ ресторанѣ Донона), устроенныхъ по иниціативѣ покойнаго Владиміра Павловича Безобразова для застольнаго обсужденія,—въ обществѣ сановниковъ, финансовыхъ тузовъ и вліятельныхъ публицистовъ, — разныхъ экономическихъ и финансовыхъ вопросовъ. Поэтому и самые обѣды носили названіе «экономическихъ», хотя—сказать правду—и цѣна ихъ, благодаря стараніямъ распорядителя и любезности ресторатора къ избранному обществу, была тоже довольно экономическая: застольные собесѣдники вносили только по 6 руб. съ персоны, за обѣдъ *съ виномъ* (правда, въ очень умѣренномъ количествѣ) и съ бокаломъ шампанскаго. Эти обѣды продолжаются и теперь, по смерти В. П. Безобразова, но—какъ я слышалъ—продолжаются только по рутинѣ и не носятъ на себѣ той печати ума и оживленія, какую налагалъ на нихъ, всѣмъ своимъ общительнымъ существомъ, покойный академикъ-сенаторъ (въ то время онъ велъ въ моемъ журналѣ постоянный отдѣлъ: «Вопросы дня»). Въ свое время, эти обѣды много заставляли говорить о себѣ, и еще «Московскія Вѣдомости» Каткова частенько выдавали застольную тайну собесѣдниковъ, вступая въ горячую полемику съ ихъ мнѣніями и заключеніями.

Но баронъ Гинцбургъ не принадлежалъ къ числу ораторовъ, такъ называемаго, «Дононовскаго парламента». Можно было даже

подумать, что сей высокій, плотный мужчина съ полупотухшимъ взглядомъ, апатично бросаемымъ изъ-подъ нависшихъ бровей, съ голой, какъ черепъ, головой и внушительными складками на лицѣ—совсѣмъ лишенъ примитивнаго дара слова. Тщетно словоохотливый предсѣдатель трапезы приглашалъ барона, отъ имени всего общества, высказать свое «компетентное мнѣніе», по тому или другому финансовому вопросу: — компетентный человѣкъ потрясалъ отрицательно головой, усиленно подливалъ себѣ въ стаканъ зельтерской воды (онъ—человѣкъ «трезвенный») и хранилъ упорное молчаніе, изрѣдка лишь приглашая, мановеніемъ бровей, своего сосѣда по столу, г. Зака (воротилу Учетно-ссуднаго банка)—высказаться за него передъ собраніемъ. И г. Закъ—тоже не всегда охотно—«высказывался». Вообщо еврейскіе финансовые тузы, начиная съ Ротшильда, кажется, придерживаются нашей народной мудрости: «рѣчь—серебро, а *молчаніе — золото*». Къ золоту же баронъ Гинцбургъ всегда чувствовалъ естественное пристрастіе и уже владѣлъ въ то время, купленными у Асташева, золотыми пріисками. Это же золото, отчасти, и погубило еврейскаго креза: пріиски Асташева, купленные за непомѣрно-высокую цѣну,—въ надеждѣ на быстрый упадокъ нашего кредитнаго рубля, — нанесли первый ударъ финансовому благополучію «банкирскаго дома». Затѣмъ его подорвала, уже окончательно, азартная игра парижскаго отдѣленія на ту же «золотую валюту», да на дутыя «экзотическія цѣнности», въ родѣ займовъ Аргентинской республики,—той блаженной республики, куда теперь баронъ Гиршъ зоветъ своихъ соплеменниковъ, какъ бы разсчитывая вернуть хоть часть потеряннаго Гинцбургомъ!.. Немалое воспособленіе банкротству «дома» оказалъ и сынокъ маститаго банкира, *Уріэль* Гинцбургъ, похожій только по имени на другаго, знаменитаго Уріэля Акосту. Сей достопочтенный отпрыскъ банкирскаго рода повелъ въ Парижѣ такую жизнь и пустился въ такія рискованныя операціи, что задолжалъ банку—ни много, ни мало—около *трехъ милліоновъ рублей*, изъ которыхъ одна половина прямо списана въ убытокъ, а другая, невѣдомо почему, признана благонадежною къ уплатѣ...

Въ былое время, о которомъ я вспоминаю, баронъ Гинцбургъ представлялъ еще собой очень крупную финансовую силу. Попасть на его еврейскую «пасху»—считалось особеннымъ отличіемъ для всѣхъ прихлебателей, даже изъ такъ называемаго «высшаго общества»; немалою честью было даже удостоиться его рукопожатія... Располагая обширнымъ кредитомъ въ государственномъ банкѣ; пользуясь высокимъ положеніемъ въ здѣшнемъ еврейскомъ обществѣ (быстро разросшемся, благодаря попустительству разныхъ

«блюстителей закона», такъ что появились уже нынѣ дома и улицы, сплошь заселенные «гонимымъ племенемъ»), баронъ Гинцбургъ, какъ гласный петербургской городской думы, пробовалъ было прибрать къ своимъ рукамъ и наши муниципальныя дѣла. Онъ предложилъ городу солидный кушъ въ восемь милліоновъ рублей, съ тѣмъ чтобы выкупить на эти деньги предпріятія газоваго и электрическаго освѣщенія, основать новое «центральное общество столичнаго освѣщенія» и сосредоточить въ немъ все дѣло освѣщенія улицъ, площадей, магазиновъ, казенныхъ зданій и частныхъ квартиръ. Чѣмъ бы ни захотѣли вы освѣщаться—газомъ, керосиномъ, электричествомъ или коноплянымъ масломъ — все доставляло бы вамъ это щедрое общество. Но у еврейской феи-дарительницы всегда есть одна неизмѣнная черта:

Всегда дарамъ своимъ предложитъ
Условье нѣкое она,
Которымъ, злобно смышлена̀,
Ихъ отравитъ иль уничтожитъ.

Это условіе, позаимствованное у мрачной феи Баратынскаго, внесъ и баронъ Гинцбургъ въ свой великолѣпный проэктъ. Предложеніе шло какъ будто съ цѣлью «облагодѣтельствовать» все петербургское населеніе, но прожектеръ затушевывалъ то маленькое обстоятельство, что будущее общество явится *монополистомъ*—легко сказать—*на полстолѣтія*, и такъ какъ деньги давало одно лицо, то это же лицо и стало бы полновластнымъ хозяиномъ городскаго освѣщенія. Проэктъ барона, тѣмъ не менѣе, встрѣтилъ было горячее сочувствіе со стороны «шведскихъ мериканцевъ» нашей городской думы, руководимыхъ г. Санъ Галли, и новая петля, почище нимано-пухертовской, уже готова была обмотать нашу грѣшную выю. Но блюдущее сверху око поняло настоящую суть баронской фантазіи, и мудрому Горацію не пришлось явиться въ роли благодѣтеля города. Къ этому же времени, его вниманіе было отвлечено сооруженіемъ грандіозной синагоги, — новаго «Соломонова храма» для евреевъ, наползшихъ въ Петербургъ тоже въ грандіозномъ количествѣ, чуть ли не въ сотню тысячъ душъ...

Отъ Капитолія недалеко до Тарпейской скалы, и пока невѣнчанный король русскаго еврейства мечталъ о расширеніи своихъ финансовыхъ операцій за счетъ благодушныхъ петербургскихъ обывателей, суровая Немезида уже готовилась подписать ему самому смертный приговоръ. Прежде всего, потянули его ко дну, нахватанныя въ разныхъ концахъ Россіи, крупныя недвижимыя имущества (милліонный домъ въ Петербургѣ, земли съ заводами, золотые пріиски и пр.),—имущества, трудно реализуемыя и бревномъ

лежащія на дорогѣ быстротечныхъ финансовыхъ сдѣлокъ и предпріятій. Легко ли продать дворецъ, бывшій Утина, построенный со всѣми прихотями владѣтельной особы, съ лѣпными потолками и дубовыми панелями по стѣнамъ, когда нейдутъ съ рукъ въ Петербургѣ и другіе, гораздо болѣе скромные дома, обременяющіе бюджетъ кредитныхъ обществъ? Скоро ли найдешь даже пайщиковъ, а не то что покупателей, цѣлаго предпріятія въ такомъ, напримѣръ, дѣлѣ, какъ золотые пріиски, да еще купленные при высокой цѣнѣ золота?

И вотъ два раза (въ 1875 и въ 1888 годахъ) банкирскій домъ Гинцбурга вынужденъ былъ воспользоваться весьма значительными временными кредитами въ неистощимомъ государственномъ банкѣ... Кредиты эти были оказаны подъ обезпеченіе такихъ фондовъ, съ которыми можно было горько наплакаться, и хотя къ 1890 году заимствованныя суммы и были сполна возвращены, но—какъ видно изъ происшедшей нынѣ пріостановки платежей—банкирскій домъ, вышедшій, при двукратной щедрой поддержкѣ правительства, изъ постигшихъ его затрудненій, не съумѣлъ укрѣпиться на своихъ финансовыхъ позиціяхъ, не пожелалъ ограничиться исключительно-комерческими солидными предпріятіями, — которыя могли бы имъ производиться въ крупныхъ размѣрахъ, обезпечивающихъ хорошую прибыль,—но упрямо возвращался на прежній путь, уже приводившій его дважды къ краю пропасти. Изъ газетныхъ извѣстій видно, что одною изъ главныхъ причинъ паденія Гинцбурга было то обстоятельство, что его банкирскій домъ (въ особенности парижскій отдѣлъ) «не могъ выдержать *крупныхъ курсовыхъ потерь* послѣдняго времени». Если съ этого биржеваго жаргона мы перейдемъ на обыкновенный, общедоступный языкъ, то выдетъ, что банкирскій домъ Гинцбурга *игралъ на курсѣ* нашего злополучнаго кредитнаго рубля—и игралъ, конечно, не въ русско-патріотическихъ цѣляхъ, т. е. не на его *повышеніе* (pas si bête!), а на возможно бо́льшее *пониженіе*... Къ счастію для насъ (но не для «банкирскаго дома») курсъ рубля поправился; цѣна золота пошла къ низу, можетъ быть, въ предвидѣніи урожая — и Гинцбургъ очутился, такимъ образомъ, «между молотомъ и наковальней». Онъ сунулся опять по старому слѣду въ государственный банкъ, какъ въ свою собственную кладовую, но получилъ уже отказъ:—«еврейская масляница», повидимому, пришла тамъ къ концу. Она и то тянулась непозволительно долго, эта самая жидовская масляница! Извѣстно, что значительная часть не только «банкирскихъ домовъ» въ Петербургѣ, но и самыхъ солидныхъ банковъ до сихъ поръ служатъ простыми комисіонерами для тузовъ заграничной биржи въ ихъ пре-

досудительныхъ операціяхъ съ нашими бумажными цѣнностями и вексельнымъ курсомъ. Это лакейское комисіонерство заключается, главнымъ образомъ, въ выполненіи «заказовъ» по присылкѣ кредитныхъ рублей, необходимыхъ иностраннымъ биржевикамъ для ихъ безцеремонной спекуляціи. Затѣмъ—что̀ всего курьезнѣе! — самая практика удовлетворенія подобныхъ иностранныхъ заказовъ, подрывающихъ въ корнѣ русскій кредитъ, производится при помощи нашего государственнаго банка, выбрасывающаго пачки требуемыхъ рублей, «подъ обезпеченіе» процентными бумагами или по текущимъ счетамъ. Государственный банкъ смекнулъ, наконецъ, въ чемъ дѣло, и наотрѣзъ отказался выдавать «ссуды» для такого рода операцій, чѣмъ произвелъ на биржѣ цѣлую панику. Modus vivendi между государственнымъ и частными банками заключенъ былъ лишь на томъ условіи, чтобы послѣдніе прекратили свое участіе въ спекуляціяхъ иностранныхъ биржъ съ нашимъ курсомъ. Когда же баронъ Гинцбургъ, прогорѣвъ на парижскихъ операціяхъ того же рода, захотѣлъ подкрѣпить свой поколебленный кредитъ поддержкою государства, интересы котораго онъ подрывалъ систематически, — ему благоразумно отказали въ такой поддержкѣ. «Люби кататься— люби и саночки возить»! Пришлось, волей-неволей, составлять «активъ» и «пассивъ» лопнувшаго банкирскаго дома... Балансъ, сочиненный по этому поводу, отличается утѣшительностью своихъ цифръ и подаетъ кредиторамъ надежду получить рубль за рубль при окончательной ликвидаціи, но «проницательные читатели» уже замѣтили въ этихъ цифрахъ нѣкоторыя недомолвки и даже подвохи (напримѣръ, по отношенію къ парижскому отдѣленію дома), такъ что сулить рубль за рубль было, пожалуй, преждевременно. *Злостнымъ* банкротомъ Гинцбурга нельзя признать (хотя и ходили, до краха, какіе-то темные слухи о негодованіи, возбужденномъ въ еврейскомъ королѣ крутыми мѣрами противъ нарушенія «черты еврейской осѣдлости», и объ его желаніи «порвать всякія связи съ Россіей»), но его, можетъ быть, слѣдовало причислить къ банкротамъ *неосторожнымъ*. Во всякомъ случаѣ, распѣвать гимны баронскому великодушію и рыцарской честности,—какъ это дѣлаютъ жидовскія «Новости», готовыя цѣловать туфлю своего пана,—значитъ *перехолопить* въ своемъ усердіи.

Гимны г. Нотовича съ братіею являются обратною стороною того плача и тѣхъ горькихъ сѣтованій, которыя раздаются теперь на берегахъ Вислы и Днѣпра, такъ недавно осѣнявшихся благодатною рукою еврейскаго барона. Онъ былъ — и нѣтъ его! а съ нимъ вмѣстѣ отошли въ туманъ минувшаго и доступный кредитъ

для еврейскаго гешефтмахерства, и настойчивая защита, въ «высшихъ сферахъ», еврейской эксплуатаціи.

«Умеръ, голубушка, умеръ, Касьяновна.
Умеръ—и въ землю зарытъ»!

Кто знаетъ, какой опасный и угнетающій элементъ представляютъ жиды въ нашемъ Сѣверо-западномъ и Юго-западномъ краѣ, тотъ можетъ только порадоваться краху Гинцбурга...

III.

Не пора ли теперь провозгласить еврейскимъ королемъ барона Гирша, столь усердно выпроваживавшаго своихъ соплеменниковъ изъ Европы на далекія аргентинскія пажити, или, по крайней мѣрѣ, его наслѣдника? Поживемъ — увидимъ. Баронъ Гиршъ дѣлалъ, по правдѣ сказать, много добра евреямъ, и если его опытъ колонизаціи въ Аргентинѣ постигнетъ такая же плачевная участь, какая постигла уже нѣкогда опытъ еврейской колонизаціи на югѣ Россіи, то надъ возрожденіемъ этого племени,—въ смыслѣ приспособленія его къ производительному труду,—придется просто поставить крестъ и причислить евреевъ къ разряду антропологически-вредныхъ расъ, способныхъ только на паразитную, тунеядческую жизнь. В. Н. Никитинъ, въ своей книгѣ: «Евреи-земледѣльцы», пробовалъ доказать, путемъ подбора нѣсколькихъ архивныхъ бумагъ, что въ неустройствѣ еврейскихъ земледѣльческихъ колоній всего болѣе виноваты-де русскіе взяточники-чиновники. Положимъ, что наше «крапивное сѣмя»—особенно, въ старину—никогда не клало охулки на руку, но вотъ теперь, за океаномъ, дѣло переселенія евреевъ и водворенія ихъ на новыя мѣста ведется руками ихъ же «честныхъ» и «просвѣщенныхъ» соплеменниковъ, а результатъ, въ самомъ началѣ, получается все тотъ же! На что ужь «Недѣльная хроника «*Восхода*»—этого наирасправовѣрнѣйшаго жидовскаго органа, потерпѣвшаго даже нѣкоторое обузданіе за свою фанатическую ревность,—но и у нея, наконецъ, лопнуло терпѣніе, и она шлетъ по адресу своихъ русскихъ единовѣрцевъ, переселившихся въ Аргентину, самые злые и ядовитые попреки. «Уже три мѣсяца назадъ—пророчески гремитъ реббе Ландау—мы выразили опасеніе, какъ бы этотъ элементъ (т. е. русское жидовство), *воспитанный на фразеологіи нашихъ доморощенныхъ проповѣдниковъ сіонофильства*, не занесъ въ аргентинскія еврейскія колоніи *недобрыхъ началъ резонерства, ханжества и неуваженія къ порядку*, отчасти свойственныхъ многимъ палестинофиламъ. Къ сожалѣнію, *это опасеніе сбылось въ полной мѣрѣ*».

По сказаніямъ самого правовѣрнаго «Восхода», уже изъ Константинополя нѣкоторые евреи, собиравшіеся въ Палестину, но переманенные Гиршемъ на купленныя имъ земли въ Аргентинѣ, писали въ Россію *лживыя* письма о томъ, будто бы ихъ заставляли ѣсть «трефное» и сбривать священныя бороды,—выдумки, опровергнутыя болѣе правдивыми переселенцами той же группы, заявившими, что агенты барона Гирша обращались съ эмигрантами чрезвычайно сердечно, относясь съ полнымъ уваженіемъ къ ихъ «свычаямъ и обычаямъ». По прибытіи въ Буэносъ-Айресъ, вожаки русской группы (а группа эта заключала въ себѣ около 800 душъ) достаточно безобразничавшіе во время дальняго переѣзда, подняли уже настоящій «бунтъ». Они увѣряли толпу, что Левенталь (крещевый еврей) продалъ всѣхъ эмигрантовъ въ рабство аргентинскимъ помѣщикамъ и убѣждали переселенцевъ не ѣхать туда, куда ихъ направляла гиршевская администрація. Три дня продолжались жидовскіе «безпорядки», пока на сцену не явились всѣ почетнѣйшіе представители буэносъ-айресской еврейской общины, съ раввиномъ во главѣ, и не увѣрили большинство бунтовщиковъ, что ихъ просто-на-просто околпачили; что ихъ везутъ въ мѣста, гдѣ нѣтъ никакого рабства и гдѣ для евреевъ-колонистовъ отведены уже участки земли и будутъ выстроены домики. Но агитаторы не угомонились и, по пріѣздѣ на мѣсто поселенія, начали возбуждать колонистовъ, водворившихся тамъ раньше. Изъ колоніи посыпались въ Европу, и особенно въ главную директорію «Гиршевскаго общества» (въ Парижѣ) «*возмутительнѣйшіе доносы, снабженные сотнями подложныхъ подписей*» (подлинныя выраженія «Восхода») и разсказывавшія про Левенталя и все колонистское управленіе самыя небывалыя вещи (!!).

Какъ вамъ нравится, читатель, эта—нарисованная дружескою рукою—жанровая картинка еврейскаго быта «на новыхъ мѣстахъ», подъ тропиками?! Мнѣ она очень нравится—и нравится потому, что ни на іоту не уклонилась отъ моихъ собственныхъ ожиданій. Жидъ можетъ убѣжать куда ему угодно—въ Лапландію, въ южную Америку, въ сибирскую тайгу или въ африканскій оазисъ; но разъ онъ везетъ съ собою,—если не въ карманѣ, то въ головѣ и сердцѣ,—свой человѣконенавистническій и противообщественный шулханъ-арухъ,—съ избраннѣйшими мѣстами котораго достаточно знакомы наши читатели, — онъ нигдѣ не создастъ мало-мальски сноснаго общежитія! Убѣжать отъ другихъ—возможно, но убѣжать отъ самого себя еще не ухитрился ни одинъ премудрый и непогрѣшимый раввинъ... Брошенный въ среду «гоевъ», еврей оправдываетъ себя тѣмъ, что его злохудожества касаются *не людей*, а *скотовъ*, *нося-*

щихъ личину человѣка; но, окруженный только своими соплеменниками, тотъ же еврей примѣняетъ и къ нимъ принципы ненасытнаго эгоизма и варварской эксплуатаціи, всосанные имъ съ молокомъ матери. Вѣдь скорпіонъ, обложенный горячими угольями, жалитъ, наконецъ, себя самого!

Но намъ все таки жаль и барона Гирша. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ «изубытчился» во имя фантастической идеи о несправедливомъ, будто бы, преслѣдованіи еврейскаго племени; накупилъ земель, понастроилъ домиковъ для своихъ любезныхъ пансіонеровъ, далъ имъ всѣмъ «скатерть-самобранку»—и вдругъ эти пансіонеры взбунтовались противъ его агентовъ и, наконецъ, противъ него самого. Король безъ подданныхъ, король Лиръ въ аргентинской степи, среди небольшой кучки фабрикантовъ фальшивыхъ подписей! Гдѣ еврей—тамъ ужь непремѣнно и фальсификація.

IV.

Не допускаемые уже на территорію Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, не уживаясь и въ южной Америкѣ, наши евреи продолжаютъ вести себя въ Россіи такъ, что намъ нѣтъ никакой надобности удерживать ихъ переселеніе—хоть въ преисподнюю, къ самому Вельзевулу. Въ «**Наблюдателѣ**» мы уже говорили о томъ, во что обратились наши хлѣбные продукты въ рукахъ жидовъ-торговцевъ и какіе милліонные убытки понесла наша отпускная торговля изъ-за одного зачисленія русскаго хлѣба въ низшій сортъ зерна. Это—убытки внѣшней комерціи, дефицитъ нашего заграничнаго торговаго бюджета, лишь косвенно задѣвающій производителей хлѣба внутри Россіи.

Но вотъ въ газетахъ оповѣстили, что весь нашъ Юго-западный край кишитъ такими жидовскими «конторами», которыя задаются прямою цѣлью — сбивать цѣну хлѣба на нашихъ внутреннихъ рынкахъ.

До свѣдѣнія властей дошло, что еврейскія «тайныя конторы», раскиданныя по всему Юго-западному краю, промышляютъ именно такимъ неблаговиднымъ дѣломъ: какъ только начинается уборка различныхъ хозяйственныхъ продуктовъ, агенты этихъ конторъ разъѣзжаютъ по уѣздамъ, гдѣ они въ каждомъ имѣніи обстоятельно вынюхиваютъ, каковъ урожай вообще, какого качества и вѣса зерно, а—главное—не нуждается ли владѣлецъ въ деньгахъ, нѣтъ ли на немъ долга въ земельномъ или иномъ банкѣ и т. д. Такого рода

свѣдѣнія собираются по однообразно—составленной программѣ и, по мѣрѣ накопленія ихъ, отправляются въ конторы. Запасшись этими полезными свѣдѣніями, конторы бьютъ уже, что́ называется, «съ прицѣла». Натурально, что главной цѣлью для этой стрѣльбы служатъ обыкновенно тѣ мѣстные землевладѣльцы, у которыхъ—«петля на шеѣ», въ видѣ срочныхъ платежей. За нѣсколько времени до наступленія такихъ платежей, контора посылаетъ къ землевладѣльцу своихъ агентовъ, которые, сбивая, одинъ за другимъ, цѣну на покупаемый продуктъ, приводятъ, наконецъ, удрученнаго должника въ такой гипнотическій «трансъ», что онъ начинаетъ машинально повторять слова торговцевъ и отдаетъ продуктъ за цѣну, назначенную самими покупателями. «Обработавъ» такимъ манеромъ одного землевладѣльца, юркіе агенты накидываютъ свои сѣти на другаго, потомъ на третьяго и т. д., пока не переберутъ всего уѣзда. Теперь министерство внутреннихъ дѣлъ нашло—и совершенно справедливо—что существованіе подобныхъ «конторъ»—или, вѣрнѣе, мошенническихъ стачекъ — наноситъ громадный вредъ мѣстному хозяйству, особенно въ пунктахъ, удаленныхъ отъ значительныхъ торговыхъ центровъ, и не можетъ быть терпимо ни подъ какими масками. Въ виду этого обстоятельства, административныя власти (преимущественно въ губерніяхъ: кіевской, подольской и волынской) приглашаются слѣдить съ особенной бдительностью за дѣйствіями подобныхъ конторъ и привлекать ихъ организаторовъ къ строгой отвѣтственности въ административномъ и судебномъ порядкѣ.

Очевидно, чье-то зоркое и недремлющее око начинаетъ внимательно слѣдить за гангренозною язвой, деликатно называемой у насъ «еврейскимъ вопросомъ», и не даетъ ей разростаться ни въ глубь, ни въ ширь. Лучше поздно, чѣмъ никогда!! Довольно морочили насъ жидовскіе и жидовствующіе публицисты; довольно прятали они отъ нашихъ глазъ свои подлинные антисоціальные кодексы, рисующіе эту международную еврейскую шайку въ ея настоящемъ видѣ; довольно и сами они прятались подъ разными личинами—то консервативными, то либеральными, то даже архирадикальными. Хамелеонъ часто мѣняетъ свои шкуры, оставаясь тѣмъ же хамелеономъ. Если въ западной Европѣ,—гдѣ численность евреевъ далеко не составляетъ столь угрожающей цифры, какъ въ нашемъ отечествѣ,—это хищное племя съумѣло возбудить къ себѣ такое неудержимое негодованіе, какое мы видимъ повсемѣстно теперь, то у насъ и подавно слѣдуетъ принять рѣшительныя и дальновидныя мѣры къ тому, чтобы на развалинахъ крѣпостничества не создавалось новое *иноземное* иго, во сто кратъ горшее и притомъ распространяющееся на всѣ слои народа и общества...

Говорятъ, что мухи становятся очень злы осенью, въ предчувствіи своего исчезновенія. Хорошо, еслибы этимъ же стихійнымъ предчувствіемъ можно было объяснить ту обостренную злобу, которую предъявляютъ евреи, въ послѣднее время, по отношенію къ людямъ, стоящимъ поперекъ ихъ дороги. Не такъ давно г. Слонимскій, редакторъ еврейской еженедѣльной газеты «Hacfirach», вздумалъ доказывать, что въ талмудѣ есть немало параграфовъ, выражающихъ только *личное мнѣніе* разныхъ еврейскихъ учителей, отнюдь *не обязательное* для правовѣрнаго талмудиста. Но правовѣрные подняли по этому поводу цѣлый содомъ. «Какъ—восклицали они—для еврея *не обязательно* ненавидѣть гоя всѣми силами души, грабить, прижимать и даже убивать его подъ сурдинкою? Не обязательно считать его псомъ смердящимъ и отказывать ему во всякой помощи? Гевалтъ, гевалтъ»! И вотъ, во многихъ мѣстностяхъ, населенныхъ жидами, расклеиваются плакаты, въ которыхъ на г. Слонимскаго налагается пресловутый *херемъ*, т. е. проклятіе, соединенное съ лишеніемъ огня и воды.

Г. Слонимскій, все таки, самъ еврей и подлежитъ — если не взбунтуется—дисциплинарной власти своего кагала. Но еще наглѣе, еще возмутительнѣе такой же *херемъ*, наложенный на недавно умершаго молодаго русскаго писателя В. И. Бибикова въ одномъ «толстомъ» журналѣ, руководимомъ евреями. Покойный Бибиковъ проштрафился передъ фактическимъ редакторомъ этого журнала, назвавъ его какъ-то при встрѣчѣ «жидкомъ»; а когда крайняя нужда вынудила бѣдняка предложить редакціи свою повѣсть, то мстительный еврей *наложилъ херемъ на его литературное имя* и напечаталъ повѣсть... подъ псевдонимомъ!! «Это была утонченная, страшная месть—говоритъ по этому поводу І. І. Ясинскій—въ особенности, если принять въ соображеніе, что *редактору было извѣстно, что Бибиковъ боленъ* и находится въ тяжеломъ матеріальномъ положеніи. Лишать писателя имени наканунѣ его смерти, расхваливъ предварительно въ письмѣ его повѣсть—до этого надо умѣть додуматься. *Вѣдь это та же смертная казнь*»!

Нужно ли прибавлять, что эта казнь производилась въ редакціи покойнаго «Сѣвернаго Вѣстника»? Быть можетъ, бѣдному Бибикову немало повредило и его сотрудничество въ «Наблюдателѣ», который стоитъ поперекъ горла у всей жидовской прессы. По крайней мѣрѣ, мы знаемъ другой аналогическій случай, когда редакторъ одной петербургской газеты *воспретилъ* нѣкоторымъ своимъ сотрудникамъ принимать участіе въ «Наблюдателѣ» подъ ихъ настоящими именами, причемъ, по своему большому уму, наказалъ, конечно, не нашъ журналъ,—который легко обошелся безъ его сотрудниковъ,—а самихъ

небогатыхъ тружениковъ, имѣвшихъ надобность въ литературномъ гонорарѣ.

Эти наглые «херемы», провозглашаемые на русской почвѣ,— какъ будто бы она уже сдѣлалась частицею будущаго *палестинскаго царства*,—конечно, огорчительны; но еще огорчительнѣе ихъ то рабское, тупое подчиненіе жидовскому гнету, которое обнаруживаютъ при этомъ даже люди, вовсе не находящіеся въ такихъ матеріальныхъ тискахъ, какіе задавили покойнаго Бибикова. По словамъ г. Ясинскаго, многіе сотрудники помянутаго журнала «были возмущены» поступкомъ жида-редактора, но... «возмущены *потихоньку*».

Ахъ, какіе мы молодцы показывать кукиши въ карманѣ и храбриться за спиной непріятеля!

Еврейская цензура въ прессѣ и театрѣ.

Жидовскія претензіи на завладѣніе русской сценой.—Жидовка-выкрестка, наказанная самимъ Господомъ Богомъ за переходъ въ христіанство.—Цензура внѣ цензуры.—Что̀ разрѣшается жидамъ, то не дозволяется «гоямъ».—Ополченіе кагала противъ пьесы: «Контробандисты».—Возможно ли отрицать факты уголовной статистики?—Контробанда и торговля живымъ товаромъ, какъ излюбленные промыслы евреевъ.—Печать, какъ орудіе тьмы и безгласности.—Мартирологія «Новороссійскаго Телеграфа». — Печальная судьба Озмидова и Липинскаго.—Еврейскій націонализмъ и яростное гоненіе на патріотизмъ всѣхъ другихъ націй.

I.

Не далѣе какъ въ сентябрьской книгѣ «**Наблюдателя**» 1899 г. была напечатана любопытная афишка пьесы: «Жидивка-выхрестка», невозбранно дававшейся въ г. Челябинскѣ (казанской губерніи) и имѣвшей, по словамъ афишёра, «вполнѣ заслуженный громадный успѣхъ» [1]). Этому успѣху никто не препятствовалъ, никто не нанималъ театральныхъ скандалистовъ швырять въ актеровъ калошами и биноклями, никто не пробовалъ обратить зрительную залу мирнаго провинціальнаго захолустья въ арену буйной и дикой расправы съ актерами во имя якобы оскорбленнаго «національнаго и религіознаго чувства»... Челябинскій исправникъ спокойно допустилъ эту пьесу къ публичному представленію, не боясь ни побоища, ни свистковъ, ни вынужденнаго «публикой» опущенія занавѣса. Мало того. Черезъ нѣсколько времени по напечатаніи корреспонденціи изъ Челябинска, въ нашу редакцію была прислана и другая афиша той же пьесы, разрѣшенной петербургской театральной цензурой для малороссійскихъ спектаклей въ Акваріумѣ...

А, между тѣмъ, весь смыслъ пьесы заключается въ томъ, что

---

[1]) См. «Отголоски» во второмъ отдѣлѣ журнала, стр. 25—26.

отрекшаяся отъ талмуда жидовка, *за принятіе христіанства, наказывается небесною карою* и одно изъ дѣйствій этой пьесы даже носитъ такое сенсаціонное заглавіе: **«Судъ Божій надъ измѣнницей вѣры»** (т. е. вѣры талмудической). Талмудъ, и внѣ «черты еврейской осѣдлости», возвеличивается надъ евангеліемъ, а жидъ-арендаторъ съ необыкновенно «облагороженными чувствами» (вопреки установившемуся «предразсудку» о нравственной недоброкачественности фарисейскаго талмудизма) ставится въ образецъ безчестнымъ и растлѣннымъ «гоямъ», коснѣющимъ въ устарѣлыхъ завѣтахъ христіанскаго ученія...

Нужна, конечно, большая религіозная терпимость, чтобы допустить пропаганду фарисейства съ христіанской сцены, подъ угрозою божьяго гнѣва за измѣну талмудизму, — и евреи отнюдь не могутъ пожаловаться ни на конфессіональный фанатизмъ, ни на племенную ненависть къ нимъ со стороны русской правительственной цензуры. Авторъ названной пьесы считаетъ даже нужнымъ казнить еврейку самоубійствомъ за измѣну прелестнымъ фарисейскимъ завѣтамъ, а добрая публика даже рукоплещетъ этому апоѳеозу еврейства, неразрывно связавшаго съ талмудизмомъ всю свою племенную «манію величія».

Но... quod licet Jovi, non licet bovi. Если наша правительственная цензура смотритъ снисходительно на пропаганду талмудизма, въ томъ разсчетѣ, что трезвый умъ христіанской публики не такъ-то легко оплести фарисейскими сѣтями и что онъ, безъ помощи внѣшней репрессіи, гордо отринетъ дешевые соблазны талмудической софистики, то жидовская «цензура внѣ цензуры» смотритъ на этотъ вопросъ совсѣмъ другими глазами. Охотно пользуясь снисхожденіемъ цензуры правительственной къ попыткамъ возвеличенія еврейско-талмудическихъ — религіозныхъ и племенныхъ — добродѣтелей, эта «цензура внѣ цензуры» и слышать ничего не хочетъ о примѣненіи той же либеральной терпимости къ театральнымъ пьесамъ другаго характера, въ которыхъ на сцену выводятся не евреи съ «облагороженными понятіями и нерастлѣнными чувствами», а подлинные, настоящіе жиды съ ихъ воспитанной вѣками алчностью къ наживѣ, съ ихъ превратной этикой, съ ихъ неутомимой злобой ко всему не-еврейскому міру, съ ихъ психопатическимъ представленіемъ о неизбѣжности жидовской гегемоніи надъ христіанскими государствами и народами. Что можно говорить о недостаткахъ и порокахъ всѣхъ другихъ націй, населяющихъ земной шаръ, о томъ нельзя и заикнуться по отношенію къ «избранному племени», къ «прирожденной человѣческой аристократіи» іудейской расы! Нѣкогда Гоголь, въ своемъ «Ревизорѣ»,

свободно бичевалъ всѣ русскія болячки, а императоръ Николай I аплодировалъ его пьесѣ, приговаривая, что «тутъ досталось всѣмъ, а въ особенности ему самому». Очевидно, что мудрый государь, такъ ревниво относившійся къ престижу своей верховной *власти*, не находилъ урономъ для нея правдивое изображеніе некрасивыхъ сторонъ тогдашней общественной жизни и не заграждалъ уста писателямъ, избравшимъ для своихъ пьесъ именно эти отрицательныя явленія.

Но ревность жидовъ къ своей узурпаторской власти,—пріобрѣтенной путемъ нравственнаго униженія своихъ рабовъ,—не знаетъ мѣры и границъ, и въ горькой правдѣ относительно своихъ національныхъ болячекъ видитъ уже нестерпимую дерзость, которую нужно изгонять изъ литературы и со сцены «ваіями и заушеніями»...

II.

Яркимъ доказательствомъ этой жидовской нетерпимости къ изобличенію своихъ собственныхъ грѣховъ служитъ недавняя исторія въ Маломъ театрѣ съ пьесою гг. Крылова и Литвина: «Контробандисты», передѣланной для сцены изъ «Сыновъ Израиля». Вслѣдствіе этой исторіи, представленіе пьесы даже прерывалось на нѣкоторое время, и только въ послѣдніе дни возобновилось, собирая въ театръ цѣлыя массы любопытной публики, рвущейся взглянуть на пьесу съ такимъ скандальнымъ прошлымъ.

Ни подъ прежнимъ своимъ названіемъ, ни подъ новымъ этикетомъ, съузившимъ смыслъ пьесы до размѣровъ контробанды, фатальная пьеса, конечно, не представляетъ собой ни особаго литературнаго достоинства, ни предвзятаго намѣренія оскорбить національную гордость сыновъ израиля. Тѣмъ не менѣе, наша не въ мѣру возгордившаяся «племенная аристократія» прозрѣла въ этой значительно-урѣзанной и искаженной пьесѣ признаки національной диффамаціи и политическаго гоненія.

— Я самъ еврей — говорилъ одинъ изъ зрителей этой пьесы сотруднику «Новаго Времени» (№ 8932), и мнѣ непріятно видѣть, что на сценѣ изображаются евреи *такими преступными и жалкими людьми*. Чего, чего, въ самомъ дѣлѣ, тутъ только нѣтъ? и убійство, и подлогъ, и укрывательство. Развѣ между евреями нѣтъ порядочныхъ, добрыхъ людей?

Другой сынъ израиля авторитетнымъ тономъ внушалъ, что не дѣло сцены заниматься такими вопросами, какъ еврейскій (!!!). Для

этого, по его мнѣнію, существуютъ газеты, гдѣ противники и защитники еврейства могутъ сходиться для поединковъ. *Задача театра—давать зрителю эстетическое изображеніе жизни, а политику надо предоставить газетамъ* (жидовскимъ?).

Говорившій такимъ образомъ еврейскій эстетикъ, очевидно, не зналъ или притворялся незнающимъ, что «искусство для искусства» давно уже отжило свое время, и что вся новѣйшая европейская литература, не исключая и драматической, насквозь проникнута общественными и политическими интересами. Мы говоримъ, по крайней мѣрѣ, о выдающихся произведеніяхъ, оставившихъ по себѣ сильное впечатлѣніе въ обществѣ или даже создавшихъ цѣлую эпоху въ исторіи литературы Развѣ «Божественная Комедія» Данта не отражаетъ въ себѣ, какъ въ зеркалѣ, всѣхъ политическихъ теченій современности, а въ его аду развѣ не сидятъ люди несимпатичнаго или прямо враждебнаго автору направленія? Развѣ въ трагедіяхъ Шиллера, даже въ «Фаустѣ» Гете, не видны слѣды умственной и политической борьбы XVIII вѣка? Наша русская литература, въ своихъ лучшихъ и талантливѣйшихъ представителяхъ, также не застрахована отъ общественно-политическихъ вліяній, и романы Тургенева, напр., построены всѣ на этой именно почвѣ.

Какъ же можно сказать, что сцена должна чуждаться общественныхъ и политическихъ вопросовъ?! Разумѣется, еврей-эстетикъ и не подумалъ бы стать на эту точку зрѣнія, еслибы осуждаемая имъ пьеса, подобно «Жидивкѣ-выхресткѣ», изображала жидовъ съ «нерастлѣнными чувствами» или «честныхъ и безпорочныхъ» жидовокъ въ родѣ Стыси К. [1]), которымъ ни ростовщичество, ни шинкарство, ни контробанда, ни торговля «живымъ товаромъ» отнюдь не мѣшаютъ сохранять голубиную чистоту души. О! тогда, напротивъ, еврей-эстетикъ прыгалъ бы до потолка, восхваляя и талантъ автора, и его «прогрессивное» направленіе...

У каждаго жида есть двѣ мѣрки въ карманѣ, которыми онъ и мѣритъ достоинство тѣхъ или другихъ литературныхъ и политическихъ явленій. Если авторъ или политическій дѣятель принимаютъ на себя «большую кагальную печать», т. е. радѣютъ о возвеличеніи талмуда и талмудическихъ добродѣтелей, — нѣтъ конца похваламъ и восторгамъ іудеевъ; если же онъ осмѣливается сомнѣваться и въ этомъ величіи, и въ этихъ добродѣтеляхъ, то позволительны всѣ средства для его униженія и поруганія. Понятно, что самозванные жиды-эстетики прилагаютъ двѣ разныя мѣрки:

---

[1]) См. «Отголоски» въ № 7-мъ «Наблюдателя» за 1900 годъ.

одну къ «Контробандистамъ», а другую—къ «Жидивкѣ-выхресткѣ». Всемірные заговорщики всегда остаются вѣрны себѣ!

III.

Понятно, что о добросовѣстности, о единствѣ нравственнаго мѣрила, о долгѣ честнаго русскаго публициста, не продающаго интересовъ родины за чечевичную похлебку,—съ жидами и говорить нечего. Всѣ эти понятія совсѣмъ не вяжутся съ талмудическими добродѣтелями и просто не укладываются въ головѣ талмудиста съ ея «отшибленными углами».

Но мы и говоримъ не для ихъ вразумленія... Такой разговоръ былъ бы только швыряніемъ гороха въ стѣну. Если есть еще на Руси «младенцы сосущіе», которымъ можно вставлять въ ротъ жидовскую соску и заставлять ихъ глотать талмудическое «млеко», то этихъ младенцевъ давно уже вытѣснила открыто-продажная сволочь, которой хоть колъ на головѣ теши, а она все будетъ твердить свою «запродажную запись»: что талмудическая (фарисейская) мораль не ниже христіанской, что жидовъ обижаютъ христіане, а не наоборотъ—талмудисты всосались, какъ клещъ, въ христіанское тѣло и неустанно сосутъ изъ него кровь, даже буквально пьютъ ее въ своихъ ритуальныхъ обрядахъ (какъ это неоспоримо доказали многочисленные процессы и въ Западной Европѣ, и на Востокѣ); что жиды вносятъ культуру и цивилизацію (не сифилизацію ли, какъ московскій жидъ-врачъ?) въ европейскія общества; что, наконецъ, жидамъ принадлежитъ по праву, — а не по насилію и обману,—первенствующее мѣсто въ соціальномъ и государственномъ строѣ.

Чѣмъ могутъ быть оправданы такія права, — это извѣстно только кагалу и подкупленнымъ ими холопамъ. Во всякомъ случаѣ, не контробандой же, въ которой, — какъ бы ни прыгали отъ злости еврейскіе тарантулы, — ихъ главенствующая роль доказана таможенною статистикою.

Но, кромѣ этого «культурнаго» еврейскаго ремесла, въ послѣднее время, въ разныхъ странахъ міра судебные процессы обнаружили присутствіе другаго, еще болѣе отвратительнаго и гнуснаго зла, творимаго жидовскими руками. Мы говоримъ о куплѣ-продажѣ женскаго тѣла, которая и у насъ въ Россіи приняла обширные размѣры, какъ это можетъ увидѣть читатель изъ провинціальной хроники, недавно помѣщенной въ нашемъ журналѣ. «Культурные» и «цыбулизованные» евреи устроили правильную

комерческую сѣть для перепродажи женщинъ изъ нашего Сѣверо-западнаго края въ далекій Буэносъ-Айресъ, гдѣ онѣ и дѣлаются беззащитными жертвами разврата.

Жидовскія газеты (а какая газета у насъ *не* жидовская? развѣ одна изъ сотни!), конечно, всячески *замалчиваютъ* эту каннибальскую комерцію своихъ достойныхъ соплеменниковъ, а еслибы какой нибудь драматургъ рискнулъ остановиться на потрясающихъ сценахъ этой человѣкоубійственной торговли, то для защиты его и несчастныхъ актеровъ пришлось бы также опустить желѣзный занавѣсъ, какъ это сдѣлано было на первомъ представленіи «Контробандистовъ» въ Маломъ театрѣ...

Впрочемъ, теперь, пожалуй, и не пришлось бы!.. Своею обычною наглостью и безтактностью жиды до того возмутили *русское* общественное мнѣніе, что повтореніе подобной продѣлки едва ли имъ удастся. Наглые только при поблажкѣ, до первой крутой мѣры, жиды быстро поджимаютъ свой замаранный хвостъ, когда его могутъ прищемить. Замаскированный гладіаторъ моментально превращается въ природнаго трусишку...

IV.

Еще во времена титулярнаго совѣтника Поприщина,—неожиданно объявившаго себя испанскимъ королемъ,—гамбургскіе жиды выдѣлывали луну, и «прескверно выдѣлывали». Въ наши дни, отъ этой комерціи жиды — не только гамбургскіе, но парижскіе, вѣнскіе и петербургскіе—перешли къ другой, гораздо болѣе выгодной фабрикаціи. Вмѣсто луны они выдѣлываютъ теперь посредствомъ кагальныхъ газетъ — и также «прескверно» выдѣлываютъ — такъ называемое «общественное мнѣніе».

Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, достойный еврейскій наставникъ Мозе Монтефіоре училъ своихъ сообразительныхъ соотечественниковъ, чтобы они постарались прибрать къ своимъ рукамъ періодическую печать и черезъ нее дѣйствовали на биржи и на парламенты, фабрикуя дутыя цѣны и фальшивое общественное мнѣніе.

Съ тѣхъ поръ жиды не зѣвали и, фальсифицируя якобы «общественное мнѣніе», черезъ него держатъ въ своихъ рукахъ и номинально-представительныя правительства, и грабительскіе притоны, именуемые «биржами».

У насъ, по счастію, имъ не удалось еще создать силу «парламентскаго большинства», но биржа и печать попали чуть не всецѣло въ ихъ загребистыя лапы. Въ особенности это можно сказать

про *Іудессу*, до сихъ поръ ошибочно называемую, по старому, Одессою...

До какой степени одесская пресса подверглась одновременно и жидовскому обрѣзанію, и жидовской проказѣ,—это видно изъ мартирологіи несчастной газеты: «Новороссійскій Телеграфъ». При жизни М. П. Озмидова,—этого энергическаго, неустрашимаго борца за русскіе интересы въ ожидовленномъ краѣ, — «Новороссійскій Телеграфъ», хотя и дерзко бойкотируемый израилемъ, могъ недурно существовать и, какъ единственная русская газета на югѣ Россіи, привлекать къ себѣ значительное число подписчиковъ. Но и атлетическое здоровье Озмидова пошатнулось въ условіяхъ неравной борьбы и, когда мнѣ пришлось съ нимъ увидѣться въ 1895 году, проѣздомъ въ Крымъ, онъ мечталъ уже о продолжительномъ отдыхѣ и возстановленіи своихъ надломленныхъ силъ... Но онъ жилъ еще въ своемъ великолѣпномъ палаццо, на одномъ изъ одесскихъ бульваровъ, и матеріальныя средства давали ему возможность заграничнаго отдыха. Съ его отъѣздомъ, вызваннымъ упорно развивавшеюся болѣзнью, дѣла его пошатнулись, а когда, послѣ смерти, пришлось продавать его имущество, жиды устроили на аукціонѣ такую подлую стачку, что вдова его (урожденная Неволина, дочь знаменитаго юриста-профессора) получила за огромный домъ, отличную типографію и старую фирму газеты такую ничтожную сумму, которой едва хватило на уплату долговъ по жидовскимъ векселямъ. Сама же она вынуждена была перебраться въ Петербургъ и существовать впроголодь, въ меблированныхъ комнатахъ, ничтожнымъ литературнымъ заработкомъ... Газета перешла въ руки г. Липинскаго, но—увы!—ненадолго. Не успѣвъ одолѣть ненавистную газету при жизни самого Озмидова, жидовскій удавъ такъ жестоко стиснулъ злосчастнаго и менѣе сильнаго Липинскаго, что «Новороссійскій Телеграфъ» закончилъ свое существованіе, а его редакторъ испустилъ послѣднее дыханіе на больничной койкѣ... По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ «Минскимъ Листкомъ», главнымъ препятствіемъ къ существованію «Новороссійскаго Телеграфа» послужило враждебно-мстительное отношеніе къ нему со стороны мѣстнаго еврейскаго населенія, которое въ Одессѣ доходитъ численностью до 250,000, т. е. до 60% всего живущаго (!!!). Съ каждымъ годомъ дѣла изданія становились все хуже и хуже. Типографію газеты описали за долги нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Липинскій упалъ духомъ и буквально не зналъ, что дѣлать. Ему все таки тяжело было разставаться съ любимымъ дѣломъ, хотя изъ-за него онъ такъ много страдалъ и нравственно, и матеріально. Къ тому же времени случился «инци-

дентъ», сильно повліявшій на Г. А. Липинскаго. Бывшій управляющій конторой этой газеты (интересно было бы знать имя этого господина) явился къ больному Липинскому требовать отъ него часть жалованья, причитающагося за прежнюю службу. Но откуда же было взять это жалованье человѣку, и безъ того обездоленному жидами и умиравшему на соломѣ?! Тѣмъ не менѣе, услыхавъ отъ несчастной жертвы жидовскаго херема, что денегъ въ кассѣ нѣтъ ни одной полушки и даже не на что отправить завтрашнюю почту, этотъ истинный извергъ и баши-бузукъ разразился площадною бранью и нанесъ Липинскому тяжкое оскорбленіе... Такого гнуснаго поступка Липинскій не перенесъ и заболѣлъ сильнымъ нервнымъ разстройствомъ, которое и свело его въ могилу.

Съ пріостановкою «Новороссійскаго Телеграфа», въ Іудессѣ теперь нѣтъ ни одной русской газеты, а остались только кагальныя рептиліи, долбящія изо дня въ день «своей» публикѣ, что Дрейфусъ—новѣйшій Аристидъ, что Гильзнеръ—невинная жертва христіанскаго «фанатизма», что жиды-ростовщики, контрабандисты и торгаши живымъ тѣломъ вносятъ истинную мораль въ современныя государства и общества, что жидъ самою природою предназначенъ къ господству надъ «гоимскимъ міромъ», что если прежде говорили: «безъ Бога ни до порога», то теперь слѣдуетъ сказать: «безъ жида—всякая напасть и бѣда!!»

И весь Югъ Россіи внимаетъ по неволѣ этимъ рѣчамъ (потому что другихъ не слышитъ), понемногу пріучаясь думать и чувствовать... по талмуду и шулханъ-аруху.

Оно и понятно. Въ то время какъ іудейская пресса пользуется громадными капиталами Всемірнаго израильскаго союза, благоразумно не скупящагося бросать милліоны на обѣленіе Дрейфуса и Гильзнера, на подкупъ «пишущей твари» въ органахъ фальсифицированнаго общественнаго мнѣнія,—русская національная печать лишена даже сколько нибудь правильнаго кредита и ея существованіе не только не гарантировано отъ всевозможныхъ несчастныхъ случайностей, но, напротивъ, она посѣщается ими гораздо чаще, чѣмъ завѣдомо жидовская пресса... Покойный М. П. Озмидовъ разсказывалъ мнѣ, что онъ буквально подвергался *жесточайшей осадѣ* и со стороны мѣстной цензуры, и со стороны полиціи, и отъ своихъ собственныхъ конторщиковъ, ментраппажей, корректоровъ и наборщиковъ, и что во всѣхъ этихъ столкновеніяхъ видна была какая-то одна направляющая опытная рука... Едва ли даже ирландское «бойкотированіе» доходило до той мелочной мстительности, которая окружала каждый шагъ ненавистнаго жидамъ рус-

скаго редактора! «Часто — говорилъ мнѣ Озмидовъ — я хваталъ себя за голову при этихъ неустанныхъ преслѣдованіяхъ, и спрашивалъ: «да въ Россіи ли я живу? не перенесли ли меня во снѣ въ жидовское царство, гдѣ пахнетъ совсѣмъ не «русскимъ духомъ», а еврейскимъ чеснокомъ и гнилыми испареніями миквы»?

И, бѣдный, задохнулся въ этихъ испареніяхъ!!.

„Контробандисты“ на сценѣ Малаго театра.

Пятнадцатое представленіе «Контробандистовъ» на сценѣ Малаго театра.— Неумышленная реклама и жидовскій кагалъ, самъ себя высѣкшій.— Подпольное правительство, выдвигающееся изъ-подъ земли. — Обвинительный актъ противъ него, произносимый забитымъ евреемъ.—Quousque tandem? — Преимущество нашего положенія въ европейскомъ вопросѣ сравнительно съ Западною Европою. — Странные толки о расширеніи «черты еврейской осѣдлости».—Отзывъ В. В. Григорьева о мнимой *тѣснотѣ* этой черты для размаховъ еврейскаго генія.

I.

Мнѣ пришлось попасть въ Малый театръ уже на пятнадцатое представленіе «Контробандистовъ», да и то нужно было взять билетъ наканунѣ, чтобы не очутиться въ самомъ заднемъ ряду креселъ... Пьеса скомпонована искусно въ сценическомъ смыслѣ, но она слабѣе въ чисто-литературномъ отношеніи, и громадный успѣхъ ея на театральныхъ подмосткахъ объясняется прямо тѣми грубыми репрессивными мѣрами, которыхъ удостоилась она со стороны жидовскаго сонмища при первомъ представленіи. Скандальная палка, которую подняли противъ нея сыны израиля, оказалась дѣйствительно, по старой пословицѣ, «о двухъ концахъ». Искусственно возбужденный этою дикою мѣрою интересъ къ заурядной пьесѣ возросъ до невѣроятной степени, и послѣ того, какъ намъ удалось попасть въ Малый театръ, «Контробандисты» выдержали на одной недѣлѣ еще нѣсколько представленій!.. Это хорошій урокъ жидамъ, и если онъ не въ силахъ вразумить этихъ безнадежныхъ маньяковъ своего племеннаго величія, — уже вообразившихъ себя, вмѣсто Невы, на брегахъ древняго Іордана, — то онъ можетъ навести на здравыя мысли людей, несовсѣмъ еще захлеб-

нувшихся въ мутныхъ волнахъ своей талмудической лужи. Они должны вспомнить, что **живутъ подъ скипетромъ русскаго, а не еврейснаго царства**, что пресловутой «равноправности» имъ придется долго ждать въ виду доказанной зловредности ихъ совсѣмъ не религіознаго, а чисто политическаго, *антигосударственнаго* ученія, давно признаннаго, въ этомъ именно качествѣ, мудрѣйшими русскими царями и проницательнѣйшими государственными людьми, и что, наконецъ, примѣры разнузданной наглости и систематическаго развращенія общества и народа, проявившіеся вездѣ, гдѣ только жидамъ дана возможность отростить свои когти,—благодаря пресловутой «равноправности», на дѣлѣ обращающейся въ полнѣйшую безправность для кореннаго, трудящагося населенія страны,—что эти примѣры, не пропали безслѣдно для всѣхъ имѣющихъ очи, чтобы видѣть, и уши, чтобы слышать!..

Мы сказали, что пьеса гг. Крылова и Литвина не отличается выдающимися литературными достоинствами, но, какъ pièce de circonstance, во-время и умѣло затронувшая болячку «еврейскаго вопроса», она обратила вниманіе русскаго общества на ту страшную гангрену, которая заразила уже цѣлыя обширныя области нашего отечества и,—если ей не положить предѣла твердою рукою,—то надѣлаетъ намъ въ будущемъ еще болѣе хлопотъ. Это очень серьезная заслуга.

Пьеса рисуетъ намъ, безъ прикрасъ и умолчаній, тотъ затхлый талмудическій мірокъ, который до сихъ поръ не только живетъ уродливыми фарисейскими «пережитками»,—всецѣло осужденными евангельскимъ ученіемъ и всею позднѣйшею христіанской цивилизаціей,—но еще имѣетъ дерзость выдавать его, устами своихъ одурманенныхъ или прямо подкупленныхъ трибуновъ, за вѣнецъ человѣческой мудрости и общественнаго благоустройства!! Въ этомъ міркѣ, на первомъ планѣ стоитъ личная корысть, прикрытая мнимобожественной санкціей, а на мѣсто общечеловѣческихъ интересовъ выдвигается узкій племенной эгоизмъ на якобы религіозной подкладкѣ, непримиримо враждебный ко всѣмъ другимъ національностямъ и религіямъ, — въ особенности къ религіи христіанской. Этотъ мірокъ варится въ своемъ собственномъ соку; онъ задыхается въ безъисходной косности и одеревенѣлости, но чѣмъ низменнѣе его нравственные и общественные идеалы, чѣмъ возмутительнѣе они для всякаго свѣжаго ума и не атрофированнаго сердца,—тѣмъ съ бо̀льшею ненавистью племенной кагалъ, во всей своей варварской сплоченности, выступаетъ на защиту своихъ допотопныхъ идеаловъ и тѣмъ энергичнѣе караетъ онъ всякі пойрывъ къ свѣту изъ тьмы, всякій намекъ на «отступничество» и

протестъ въ своей мертвой и плотно законопаченной средѣ... Съ такимъ именно протестомъ мы и имѣемъ дѣло въ «Контробандистахъ»! Это тѣ же «отцы» и «дѣти», которые раздѣляли наше общество на два лагеря въ эпоху умственнаго движенія 60-хъ годовъ. Молодожь не мирится съ заскорузлыми традиціями своихъ отцовъ и дѣдовъ; она рвется на волю изъ сжимающихъ ее тисковъ, и хотя натыкается на всяческія препятствія, но, вѣруя въ себя и въ свои неизношенныя силы, въ концѣ концовъ, пробиваетъ новые пути въ жизни. И этотъ протестъ въ еврейской общинѣ зародился не со вчерашняго дня. Еще въ концѣ XVIII столѣтія князь И. М. Долгорукій (большой другъ Державина) отмѣтилъ интересный типъ такого еврея-протестанта, во время своей поѣздки на югъ Россіи. Ему пришлось остановиться въ г. Умани въ семействѣ зажиточнаго еврея Гуровича, и въ своихъ запискахъ онъ подробно говоритъ объ этой встрѣчѣ. Отецъ семейства былъ талмудистъ-ортодоксъ, а сынъ принадлежалъ къ передовымъ евреямъ юго-западнаго края и для него, очевидно, не прошла безслѣдной мендельсоновская реформа талмудизма. Образъ мыслей молодаго Гуровича былъ гораздо выше его сферы и, хотя онъ изъ любви къ отцу и матери не хотѣлъ рѣзко разрывать связи съ талмудическимъ міромъ, но относился къ нему вполнѣ отрицательно и охотно выражалъ свои мысли князю Долгорукову. О якобы-религіозномъ кодексѣ евреевъ онъ выражался съ рѣзкостью, исключающей всякую мысль о примиреніи. «Пора—говорилъ онъ—*сжечь нашъ талмудъ, который есть ничто иное, какъ книга, написанная дурачествомъ и совсѣмъ обезобразившая законъ моисеевъ* (sic). Пусть намъ оставятъ однѣ книги Моисея *въ неприкосновенномъ ихъ видѣ*; его правила суть наилучшія для насъ». Говоря такимъ образомъ, еврей-протестантъ очевидно приближался къ ученію караимовъ, исповѣдующихъ чистый моисеевъ законъ безъ нелѣпыхъ человѣконенавистническихъ наслоеній талмуда и шулханъ-аруха, и такого же взгляда на талмудизмъ держалась, какъ извѣстно, Екатерина II, даровавшая караимамъ полную гражданскую равноправность и ограничившая права талмудистовъ, уродующихъ моисеевъ законъ своими «дурачествами». Къ Новому Завѣту молодой Гуровичъ не только не чувствовалъ ненависти, но собирался перевести его для своихъ соплеменниковъ не опасаясь даже того, что они «почтутъ его еретикомъ или атеистомъ». А когда князь Долгорукій, слушая эти необычныя въ устахъ талмудиста рѣчи, выразилъ удивленіе, что онъ не «боится читать евангелистовъ», то смѣлый протестантъ удивилъ его еще болѣе, отрѣзавъ на чистоту: «*Мораль евангельская превосходнѣе всего въ нравственномъ мірѣ.* Мы властны

вѣрить или нѣтъ евангелію, но вкушать изящное всегда пріятно». На прямой вопросъ: «нравятся ли ему христіане»? молодой Гуровичъ тоже не затруднился отвѣтить съ чистосердечною прямотою: «Безъ нихъ (христіанъ) намъ обойтись нельзя. Мы погибли бы въ Палестинѣ, еслибы насъ туда услать. Когда у насъ празднуютъ шабашъ, *мы не смѣемъ даже пожара потушить безъ пособія христіанскаго;* намъ тогда ни за что не велятъ приниматься, и въ этой глупой нѣгѣ мы бы, въ несчастную минуту, въ гробъ вселились... Для чего не уничтожить всѣхъ этихъ глупостей? Народъ еврейскій не посмѣетъ тому противиться, а если кто изъ невѣждъ и покусился бы на то, *то пусть его ѣдетъ, куда знаетъ.* Какая польза отъ шалуновъ? Всѣ дурачества, какъ цѣпь, связываются между собою звеньями. Сорвите первое кольцо, подъ которымъ разумѣю талмудъ, и всѣ прочіе вздоры разсыплятся сами собою, и этимъ способомъ прервутъ всѣ узы нашихъ глупыхъ предубѣжденій, отъ которыхъ мы столько бѣдствуемъ въ свѣтѣ» [1]).

Но евреи такъ успѣли запутать ясный самъ по себѣ вопросъ о *различіи между талмудомъ и моисеевымъ закономъ*, что весьма долгое время въ русской литературѣ нельзя было нападать на талмудизмъ, не рискуя наткнуться на цензурное обвиненіе въ непочтительности къ ветхому завѣту или въ «возбужденіи племенной вражды». А, между тѣмъ, развѣ вся евангельская проповѣдь не была отрицаніемъ фальши, внесенной въ моисеевъ законъ книжниками и фарисеями, и возстановленіемъ, — а, отчасти, дополненіемъ, — истиннаго, гуманнаго смысла пророческихъ завѣтовъ?! Этотъ истинный смыслъ ветхаго завѣта, съ моисеевыми заповѣдями, гораздо ближе къ евангельскому ученію, чѣмъ къ вавилонскому талмуду, и еврейскіе протестанты могутъ почерпать свои доводы противъ талмудизма, даже не раздѣляя христіанскаго вѣроученія, прямо изъ моисеева пятикнижія. Недаромъ же Христосъ говорилъ, что онъ призванъ не разрушить, а *исполнить* моисеевъ законъ, т. е. снять съ него племенную обособленность и сдѣлать общечеловѣческимъ достояніемъ.

Такимъ образомъ, еврейскій протестантъ, правильно понимавшій гуманный смыслъ моисеевыхъ заповѣдей въ примѣненіи ко всему человѣчеству, безъ различія эллина отъ іудея, вполнѣ логическимъ образомъ стоялъ ближе къ евангелію, чѣмъ къ талмудическому «дурачеству». Въ своемъ отрицаніи талмуда онъ, хотя и цѣлымъ вѣкомъ назадъ, шелъ гораздо дальше еврейки Сарры,

---

[1]) См. «Наблюдатель» 1900 г. № 10: «Неудачи еврейскихъ комитетовъ и комисій», стр. 279—281.

возмущенной талмудическимъ фарисействомъ, но все таки признающей его за основу жизни...

II.

Занавѣсъ взвивается надъ «Контробандистами» въ ту минуту, когда при громѣ и свѣтѣ молніи — самое выгодное условіе для успѣшнаго провоза контрабанды!—семейство благочестиваго еврея Моше Гольденвейзера, набившаго себѣ мошну въ искусной борьбѣ съ таможенной стражею, ожидаетъ возвращенія своего родственника Михеля Реддиха, отправившагося на такую же ловитву, вмѣстѣ со своимъ подручнымъ Іошке. Ради этого возвращенія даже отлагается празднованіе субботы, и святость шабаша не должна мѣшать отправленію гешефтмахерскихъ подвиговъ израиля. Моше—стрѣляный воробей, и можетъ давать хорошіе уроки неопытнымъ контробандистамъ. «Бывало—съ умиленіемъ разсказываетъ онъ—духъ захватываетъ, какъ на эту охоту отправляешься. Въ грозу-то что! Въ грозу легче уйти. А то, случалось, мертвая тишина кругомъ... пробираешься по кустамъ-то, то на сучокъ наступить боишься, чтобы не затрещалъ; трясешься весь, такъ сердце и колотитъ. И не чувствуешь, что тюкъ въ четыре пуда на плечахъ. Каждый камень знаешь; вотъ ужь до большаго булыжника дошелъ, ухъ! Стало быть, близко, близко. Когда въ горницу ворвешься, даже кровь въ голову кинется, безъ памяти на лавку упадешь».

И все таки эти воспоминанія, несмотря на всѣ пережитыя опасности, доставляютъ какое-то сладострастное удовлетвореніе старику, измученному ревматизмами (вѣроятное послѣдствіе ночныхъ похожденій!), а когда жена Михеля — типичная еврейка Ципа—изумляется, что «богатые комерсанты», вмѣсто того чтобы спокойно «взыскивать съ помѣщиковъ неустойку да проценты», добровольно подвергаютъ сибя риску—Моше спокойно возражаетъ: «У насъ и отцы контробанду таскали. Заслышишь какой случай очень выгодный, не удержишься сидѣть. Охъ, у меня ревматизмы, *а то я бы самъ вмѣсто Михеля пошелъ*»...

До такой степени «подборъ родичей» дѣйствуетъ и въ современномъ еврействѣ, не смотря на весь показной «либерализмъ», «гуманизмъ» и необычайныя гражданскія добродѣтели!

Впрочемъ, достопочтенный Моше могъ только благодарить судьбу за то, что ему не пришлось участвовать въ контробандной авантюрѣ: — спасаясь отъ преслѣдованія таможенной стражи, Михель подстрѣлилъ одного вахмистра и впопыхахъ забросилъ револьверъ

въ кусты. Этотъ-то злополучный револьверъ и привлекъ его въ камеру судебнаго слѣдователя, вмѣстѣ съ неповиннымъ Іошке, на котораго кагалъ и хочетъ свалить всю вину, чтобы выгородить настоящаго убійцу.

Свидѣтельница всего этого происшествія, дочь Моше (Сарра) невольно возмущается гнусными поступками своихъ соплеменниковъ и въ ея душу западаетъ тотъ же «Сеничкинъ ядъ», который нѣкогда волновалъ умы русской молодежи. возгнушавшейся крѣпостнымъ безправіемъ, безсудностью и всевластнымъ произволомъ взяточниковъ-бюрократовъ. «Я выросла — говоритъ она отцу—въ страхѣ божіемъ, въ повиновеніи тебѣ, *не прекословя, какъ законъ велитъ еврейкѣ;* я не смѣю имѣть никакой воли. Ты далъ мнѣ жениха; я покорилась, но мнѣ трудно, очень трудно: *мой разумъ возмущается, чѣмъ больше я думаю о томъ, какъ вы живете.* Ложь, обманъ; подвести невиннаго подъ отвѣтъ; наконецъ, убить... одного и другаго (правовѣрный женихъ Сарры прямо совѣтуетъ отравить неудобнаго свидѣтеля, во благо израиля) и всякаго, если нужно... *чтобъ не мѣшали вамъ.* Я должна вѣрить, что вы говорите истину, что такъ и должно быть: вѣдь одинъ изъ васъ мой отецъ, другой — мой будущій властитель. Но я не могу сломить свою душу: мнѣ все это гадко, меня смущаетъ сатана. Убейте и меня, чтобъ вамъ жилось хорошо; я вамъ тоже мѣшаю»!

И хотя благочестивый отецъ, для изгнанія «Сеничкина яда» изъ Сарры, предлагаетъ ей отправиться къ «святому цадику», который бесѣдуетъ во снѣ съ Богомъ и можетъ направить ее на путь истинный, но отравленная скептицизмомъ дочь не очень-то довѣряетъ святости цадика—и дѣло кончается тѣмъ, что, послѣ безуспѣшной попытки отца задушить грѣшницу, она спасается отъ него бѣгствомъ... Но безуспѣшность этой попытки оказывается только на сценѣ; въ печатномъ же текстѣ пьесы протестантка противъ еврейскаго кагала, руками своего отца, приносится въ жертву Молоху, котораго правовѣрные талмудисты всуе именуютъ... «богомъ Авраама, Исаака и Іакова». И намъ кажется, что этотъ конецъ гораздо ближе подходитъ къ подлиннымъ кагальнымъ нравамъ, не только не смягчившимся, но ожесточающимся день ото дня (какъ это видно изъ безчисленныхъ примѣровъ послѣдняго времени) подъ вліяніемъ полной безнаказанности...

Мы передали только одинъ остовъ пьесы, не вдаваясь въ подробности, которыя теперь уже достаточно извѣстны русской публикѣ и по сценическому представленію, и по печатному тексту. Для нашихъ же читателей, въ особенности, не будетъ особенно интереснымъ узнать изъ филиппикъ судебнаго слѣдователя то, о чемъ «Наблю-

датель» говорилъ неустанно въ теченіе своей двадцатилѣтней дѣятельности, а именно: что талмудическая проповѣдь есть оскорбленіе для Божества моисеевыхъ заповѣдей; что по талмуду *ближній* есть только еврей, а всякій иноплеменникъ приговоренъ на вѣчное рабство израилю; что для талмудиста всякое средство (не исключая и убійства) хорошо, если оно выгодно кагалу; что у еврея—двѣ мѣры и двое вѣсовъ: для единовѣрца и иновѣрца и пр. Понятно, что и настоящая цивилизація, и благоразумное государство могутъ относиться къ этому ученію только съ отрицательной стороны.

III.

Въ еврейскомъ вопросѣ,—какъ объ этомъ многократно говорилось въ «Наблюдателѣ»,—слѣдуетъ различать два элемента: во-первыхъ, *еврейскіе богачи и раввины*, стоящіе во главѣ кагала, а, во-вторыхъ, *забитое, полуголодное быдло, или еврейскій плебсъ*, обязанный,—подъ страхомъ херема и если не физической, то, по крайней мѣрѣ, политической смерти,—повиноваться безпрекословно самымъ возмутительнымъ велѣніямъ своихъ старѣйшинъ. Русская публика, конечно, знала давно, какимъ *богомысліемъ* занимаются кагалы съ ихъ раввинами и морейнэ, какіе «религіозные» вопросы разрѣшаютъ они на своихъ,—къ сожалѣнію, терпимыхъ закономъ,—сходкахъ; но для нея и ново, и любопытно было видѣть на сценѣ in effigie кагальныхъ заправилъ и слышать ихъ мудрыя, «либеральныя» и «прогрессивныя» рѣчи...

Первая картина 4-го дѣйствія изображаетъ «кагальную избу», въ моментъ явно противозаконнаго совѣщанія о томъ, какъ «подкупить христіанскихъ слугъ», какъ «раздавить русскую торговлю», какъ замазать глаза властямъ щедрыми подачками на благотворительныя учрежденія, какъ сбить свидѣтелей на слѣдствіи и судѣ, чтобы убійца вышелъ оправданнымъ, а невинный человѣкъ—осужденнымъ и пр., и пр. Воочію передъ публикой раскрываются кагальныя тайны, которыя тщательно маскируются предъ законнымъ правительствомъ; воочію творятся возмутительныя дѣла, переносящія зрителя прямо въ средніе вѣка—во времена «вемгерихтовъ» и суда «ассасиновъ», заглазно произносившихъ разбойническіе смертные приговоры. Невольно приходитъ въ голову: почему же на этихъ беззаконныхъ и прямо враждебныхъ государству племенныхъ сходкахъ, допускаемыхъ по недоразумѣнію или вредному потворству, отсутствуютъ представители власти, которымъ не мѣшало бы

въ точности знать, что̀ творится на этихъ полу-тайныхъ, полуявныхъ сборищахъ маньяковъ-фанатиковъ, злоумышляющихъ противъ государства и общества?!. Вѣдь даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ *право сходокъ* составляетъ политическій догматъ, на этихъ законныхъ сходкахъ присутствуетъ полицейскій комисаръ для прекращенія безпорядковъ и во избѣжаніе нежелательныхъ, въ юридическомъ или политическомъ смыслѣ, инцидентовъ. Почему бы и у насъ,—если ужь такія сходки считаются дозволительными, или, по крайней мѣрѣ, терпимыми,—не присутствовать на нихъ, хотя бы для устраненія противозаконныхъ постановленій, полицейскому чиновнику или товарищу прокурора? Если жидамъ позволяется обсуждать на своихъ сборищахъ спеціально-общинные или ритуальные вопросы, то **нельзя же причислять къ нимъ вопросовъ о подкупѣ чиновниковъ, объ отравленіи и убійствѣ, о лишеніи всѣхъ гражданскихъ и человѣческихъ правъ** (херемъ) и пр., и пр. Если рѣшеніе такихъ вопросовъ предоставить фанатическому иноплеменному сборищу, посягающему на интересы того государства и народа, среди котораго живутъ эти иновѣрцы и иноплеменники, — то причемъ останется тогда законное правительство?! De facto и de jure оно будетъ совершенно упразднено...

Но, ради интересовъ человѣчности, законному правительству— и у насъ, и вездѣ въ Европѣ—давнымъ-давно слѣдовало бы войти въ домашнія распри еврейской среды и оказать заступничество угнетенному «быдлу», которое, подъ давленіемъ кагальныхъ министерствъ (юстиціи, полиціи, финансовъ и внутреннихъ дѣлъ) испытываетъ участь не то что крѣпостныхъ крестьянъ, а прямо таки *бѣглыхъ негровъ*, надъ которыми властный хозяинъ имѣетъ юрисдикцію жизни и смерти.

Послушайте, напр., что̀ говоритъ во 2-мъ явленіи 3-го дѣйствія злосчастный Іошке, приносимый въ жертву кагаломъ для спасенія шкуры богатаго жида-убійцы:

«Стало быть, уже было собраніе лучшихъ людей израиля? *Отцы синедріона нашли козла отпущенія во спасеніе сыновъ господнихъ.* Но козелъ будетъ бодаться, пока еще не обломали ему рога, пока не перерѣзали горла».

На замѣчаніе Моше, что онъ «позоритъ» іудейскую вѣру (жиды очень чувствительны не къ гнусному дѣлу, а именно къ его оглашенію!) Іошке отвѣчаетъ совершенно справедливо:

«Что мнѣ васъ позорить? *Вы сами себя позорите.* Правду они говорятъ, что я плохой еврей; а зачѣмъ мнѣ быть хорошимъ? Легко имъ соблюдать законы: *они живутъ тепло, сытно, весело, а насъ, низшихъ братьевъ своихъ, раздавили, какъ паскудную жабу.* Жи-

довъ проклинаютъ. А почему жиды—злое сѣмя? Вотъ они, кровопійцы!.. *Поглядите, какъ живутъ бѣдные евреи въ гнилыхъ, сырыхъ подвалахъ, съ грязными дѣтьми въ проказѣ.* Отчего мы не можемъ вырваться изъ грязи? Отчего мы на всякія плутни готовы? Оттого что наши же богачи насъ грабятъ, обираютъ, приказываютъ намъ дѣлать, что̀ имъ нужно, и *мы должны слушаться*... Они меня толкнули на скверную жизнь, *заставили всякія мерзкія дѣла дѣлать*, чтобы себѣ наживать крупные барыши, а мнѣ кидали мелкую подачку. *Сами чистыми остались, а меня сдѣлали негодяемъ.* Я прежде честный работникъ былъ, сапожникъ — они у меня всѣхъ заказчиковъ отбили, чтобы я бросилъ свою работу и имъ служилъ».

Когда же Моше попрекнулъ несчастнаго тѣмъ, что онъ «не жаловался» на эти притѣсненія, то Іошке немедленно оборвалъ его:

«Жаловаться? На сборище еврейскихъ богачей! Да вы бы меня давно въ солдаты отдали (воинская повинность стала у евреевъ мѣрою наказанія) или хуже: забили бы до полусмерти. *Отъ васъ не уйдешь*! Въ домъ спрячешься, такъ вы домъ сожжете, чтобы выгнать бѣдняка, кому вы хотите мстить».

Вотъ она какова, эта сила кагала, съ которой не знаютъ, что̀ дѣлать законныя христіанскія правительства, опрометчиво допустившія ея юрисдикцію на своей территоріи подъ обманчивой фирмой «либерализма», «свободы совѣсти», «экономическихъ и финансовыхъ интересовъ» e tutti quanti. А вмѣсто либерализма вы встрѣчаетесь на самомъ дѣлѣ съ необузданнѣйшимъ деспотизмомъ; вмѣсто религіозной свободы—съ инквизиціоннымъ херемомъ, а вмѣсто экономическаго благосостоянія народа—съ полнымъ разореніемъ и закабаленіемъ всѣхъ трудящихся классовъ!!

Эта перспектива еще не такъ страшна для Россіи, гдѣ государственный смыслъ удерживаетъ черту еврейской осѣдлости и спасаетъ нашъ полуграмотный и беззащитный народъ отъ жидовской «индустріи» и жидовскаго капитализма; но во Франціи и Австріи буржуазный парламентаризмъ сослужилъ уже такую хорошую службу жидамъ, что они и думать забыли о переселеніи въ какую-то новую обѣтованную землю... Отъ добра добра не ищутъ, и какая же обѣтованная земля гарантируетъ еврейству ту долю богатства и власти, которою пользуется оно въ обѣихъ этихъ странахъ?! Въ одной анонимной брошюрѣ жиды недавно хвастались тѣмъ, что во Франціи парламентъ, администрація, судъ, биржа и финансы всецѣло принадлежатъ имъ, и для полнаго торжества израиля ему недостаетъ только поработить себѣ армію. Но теперь всѣ усилія направлены къ тому, чтобы овладѣть и этимъ

послѣднимъ національнымъ оплотомъ, и если Господь Богъ потерпитъ жидовскимъ грѣхамъ и ихъ азартная игра не сорвется на какомъ нибудь неожиданномъ событіи, французская армія тоже превратится въ преторіанскую стражу израиля. Въ то время, когда у насъ, послѣ наглаго жидовскаго протеста, «Контробандисты» появились таки на сценѣ, — хотя въ урѣзанномъ видѣ и не на казенной сценѣ,—въ это самое время подобострастный къ жидамъ Вальдекъ-Руссо, ревнуя о ихъ доброй славѣ, запрещаетъ невинную пьесу, въ которой осмѣивается французская аристократія, спѣшащая породниться съ золотыми мѣшками израиля.

Въ Сѣверной Америкѣ жиды, слава богу, еще не играютъ такой фатальной роли, и этому препятствуетъ не только практическій, деньголюбивый характеръ янки, но и то немаловажное обстоятельство, что помимо формальнаго суда и шаблонныхъ «уликъ» тамъ существуетъ судъ народной совѣсти, *судъ Линча*, который, не слушая продажныхъ адвокатовъ, безпощадно распорядился бы и съ Дрейфусомъ, и съ Гильзнеромъ... А жиды, кажется, только этого суда и боятся!

IV.

Вѣроятно, для ободренія израильскаго духа, значительно упавшаго послѣ всѣхъ недавнихъ разоблаченій, въ нашихъ газетахъ появился неожиданный слухъ о томъ, что предполагается, будто бы, расширить у насъ «черту еврейской осѣдлости» путемъ превращенія нѣкоторыхъ богатыхъ и людныхъ селъ въ Сѣверо-западномъ краѣ въ мѣстечки или города. Евреямъ,—изволите ли видѣть,—*тѣсно* жить въ пространствѣ, равномъ всей австро-венгерской монархіи; ихъ талантамъ негдѣ развернуться, а народное богатство страдаетъ при отсутствіи еврейскихъ финансовъ и еврейской предпріимчивости. Вотъ бы пить медъ устами этихъ новоявленныхъ радѣтелей нашего народнаго благосостоянія!!

Очевидно, что агитація въ пользу отмѣны черты еврейской осѣдлости, давно уже работающая тайно и явно во славу израиля, не сложила своего оружія и снова начинаетъ брящать имъ на устрашеніе враговъ...

Давнымъ-давно уже мы слышимъ эти толки о *тѣснотѣ* «черты еврейской осѣдлости», гдѣ трудолюбивые, интеллигентные и добросовѣстные евреи «задыхаются» за отсутствіемъ нужнаго для ихъ легкихъ количества воздуха. Толки эти раздавались уже — и очень громко—въ правительственной комисіи 70-хъ годовъ при министер-

ствѣ внутреннихъ дѣлъ и были тогда же блистательно опровергнуты извѣстнымъ оріенталистомъ и знатокомъ еврейскаго вопроса В. В. Григорьевымъ, справедливо утверждавшимъ, что этотъ вопросъ— *гораздо болѣе русскій, чѣмъ еврейскій*, и что отъ его неправильнаго, опрометчиваго рѣшенія можетъ въ конецъ пострадать экономическое благосостояніе огромнаго большинства русскаго народа и всѣхъ другихъ племенъ, входящихъ въ составъ русской имперіи.

Западный край, по словамъ Григорьева, вовсе не можетъ жаловаться на густоту въ немъ населенія, сравнительно съ другими частями имперіи, не болѣе его облагодѣтельствованными природою. Многочисленность жидовъ въ этомъ краѣ является, между тѣмъ, положительнымъ зломъ, но проистекаетъ оно вовсе не отъ ихъ людности. Общее число жителей въ девяти западныхъ губерніяхъ простиралось въ 70-хъ годахъ до 10.620,264 душъ обоего пола, Евреевъ въ томъ числѣ насчитывалось 1.139,633 души. Значитъ. еврейское населеніе являлось тамъ, по отношенію къ остальному христіанскому, какъ 1 къ $8^1/_2$. Допустимъ, что, по стремленію евреевъ избѣгать точной переписи, означенную цифру должно считать значительно уменьшенною: возвысимъ ее до $1^1/_2$ милліона, и тогда, все таки, приходилось бы тамъ не болѣе 1 еврея на 6 душъ христіанъ. Точно такое же отношеніе находимъ мы, среднимъ числомъ, между магометанскимъ и христіанскимъ населеніемъ въ губерніяхъ: симбирской, самарской и казанской, не говоря уже объ оренбургской, гдѣ магометанъ было почти столько же, сколько и христіанъ, и гдѣ никто, однако же, не жаловался на такую многочисленность магометанъ, никто не считалъ этого зломъ, никто не обвинялъ мусульманское населеніе въ эксплуатаціи христіанскаго; никому и въ голову не приходило, что для блага послѣдняго слѣдуетъ прибѣгнуть къ выдворенію магометанъ въ какія либо другія губерніи...

Значитъ, зло, проистекающее для западныхъ губерній отъ многочисленности въ нихъ еврейскаго населенія, заключается собственно не въ цифирномъ отношеніи жидовъ къ мѣстнымъ христіанамъ, а въ чемъ либо другомъ. И, разыскивая эту другую причину, Григорьевъ находитъ, что зло заключается не въ многочисленности евреевъ, не въ тѣснотѣ пространства, отмежеваннаго для нихъ, а въ томъ, что жиды не хотятъ существовать тѣми же средствами, какъ и остальное народонаселеніе.

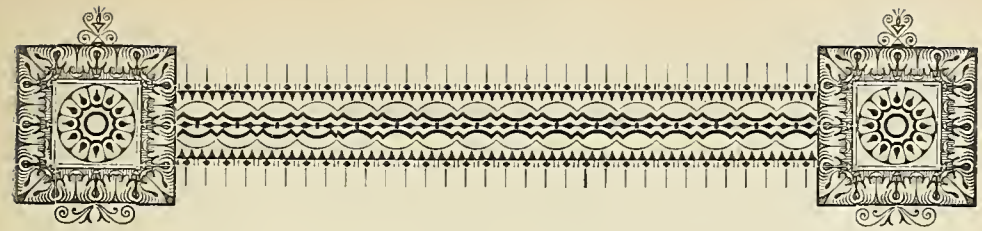
«Россія — говоритъ авторъ этой убѣдительно составленной записки — есть страна земледѣльческая, т. е. поставленная въ такія естественныя условія, что огромное большинство ея жителей должно добывать себѣ средства существованія обработкою земли, ибо иными

способами существовать не можетъ. Сообразно съ этими естественными условіями, и огромное большинство евреевъ, живущихъ въ Россіи, должно было бы заниматься земледѣліемъ... При этомъ условіи, евреи не были бы въ тягость коренному населенію почти нигдѣ въ Россіи, сколько бы многочисленны ни были. Между тѣмъ, евреи не только въ западныхъ губерніяхъ, но и гдѣ бы то ни было, земледѣліемъ рѣшительно не занимаются. Извѣстно, что всѣ многочисленныя и разновременныя попытки нашего правительства обратить ихъ къ этому промыслу оканчивались совершенною неудачею, и не потому имѣли такой исходъ, что вводились несоотвѣтственно съ цѣлью, но потому, что *сами евреи всемѣрно уклонялись отъ ихъ осуществленія. Еврей положительно не хочетъ быть земледѣльцемъ-работникомъ.* «Я — говоритъ онъ — не гожусь для такой работы: я слабосиленъ для этого, но я могу быть полезнымъ для общества другою дѣятельностью, именно ремесленною». Увидимъ сейчасъ, что это не болѣе, какъ отговорка; допустимъ, однако же, будто это правда, но, допустивъ, спросимъ: *развѣ могло бы существовать какое либо общество, въ которомъ всѣ члены, отзываясь слабосиліемъ, отказались бы отъ всякихъ тяжелыхъ работъ?* Кто же исполнялъ бы тогда эти тяжелыя, но необходимыя работы? *Евреи хотятъ, чтобы эту необходимую для нихъ тяготу несли за нихъ русскіе,* т. е. хотятъ, живя въ русскомъ государствѣ, *стать въ привилегированное положеніе передъ русскимъ народомъ, обратить его, по отношенію къ себѣ, въ нѣчто похожее на спартанскихъ илотовъ.* Но развѣ *подобныя требованія не безсмысленны, не оскорбительны,* и можетъ ли идти серьезная рѣчь объ ихъ удовлетвореніи»?

А, между тѣмъ, вся суть «еврейскаго вопроса» заключается именно въ этихъ «безсмысленныхъ и оскорбительныхъ» желаніяхъ иноплеменныхъ паразитовъ сѣсть на шею русскому народу, обративъ его въ своихъ батраковъ и илотовъ. Ссылаясь на свое слабосиліе (которое, однако, можетъ сравняться со слабосиліемъ тощаго крестьянина-бѣлорусса и даже великоросса въ захудалыхъ губерніяхъ) еврей не хочетъ обработывать землю, какія бы льготы ни предоставляло ему въ этомъ отношеніи наше правительство; онъ не желаетъ знать и тяжелаго ремесленнаго труда, предпочитая ему часовое или ювелирное мастерство (съ разнымъ гешефтмахерствомъ насчетъ золота и драгоцѣнныхъ камней), а всѣ свои силы направляетъ на ростовщичество, контробанду, всяческую фальсификацію въ товарномъ дѣлѣ, на биржевую игру, на торговлю живымъ тѣломъ и пр., и пр. Словомъ, онъ ищетъ такъ называемаго «легкаго труда» и привилегированнаго положенія въ обществѣ, пріобрѣтае-

маго не умомъ и талантами, не добросовѣстностью въ работѣ, а пройдошествомъ, безпринципностью (всякій принципъ хорошъ при барышѣ!) и дружной поддержкой кагальныхъ братчиковъ.

И для такихъ-то «плодотворныхъ элементовъ» все еще оказывается мало мѣста на Руси! Жиду для его гешефтовъ становится ужь *тѣсно* и въ цѣломъ мірѣ...



Сіонистское государство въ будущемъ и въ настоящемъ.

I.

...Евреи-талмудисты, кажется, не шутя собрались осчастливить Европу — своимъ отбытіемъ въ Палестину. «Скатертью дорога»! только и можно сказать имъ на прощанье. По крайней мѣрѣ, петербургскіе «сіонисты» (сторонники основанія отдѣльнаго еврейскаго царства) заявили на послѣднемъ сіонистскомъ конгрессѣ, что отъ словъ они перешли къ дѣлу и собрали уже солидную сумму— около полутора милліона рублей — на пріобрѣтеніе палестинской территоріи и на издержки переселенія. Эта сумма собрана по большей части *одними русскими евреями* (очевидно, они народъ богатый!) но она, по всей вѣроятности, возвысится до огромныхъ размѣровъ, если въ такой патріотической складчинѣ примутъ участіе жиды австрійскіе, французскіе и англійскіе.

Впрочемъ, «отъ добра добра не ищутъ», и англійскіе евреи, отлично поладившіе съ Джонъ-Булемъ,—вѣроятно, вслѣдствіе сродства душъ, питающихъ одинаковую любовь къ золотому тельцу,— и слышать не хотятъ о такой поголовной эмиграціи. Англійскіе «джентльмены моисеева закона», возставая противъ сіонизма, говорятъ въ унисонъ, что сіонисты, выставляющіе евреевъ, *какъ отдѣльную и обособленную націю,* только подтверждаютъ основательность обвиненій, высказываемыхъ антисемитами, и даже оправдываютъ ихъ (это совершенно вѣрно). Другими словами, англійскіе джентльмены моисеева закона, *оставаясь въ душѣ сынами израиля* и надѣвая на себя, какъ маску, «показную національность» (счастливое выраженіе статута «Всемірнаго израильскаго союза»), *не желаютъ только раскрывать передъ всѣмъ свѣтомъ свои крапленыя*

карты и надѣются продолжать подъ сурдинку свою игру «съ болванами». Они претендуютъ на сіонистовъ только за излишнюю откровенность.. Также точно отозвались на сіонистскія приглашенія и нѣкоторые прусскіе и французскіе раввины, счастливо проживающіе среди эксплуатируемыхъ ими гоевъ.

Но мы одобряемъ сіонистовъ именно за эту прямоту и откровенность, при всемъ нашемъ несочувствіи къ сущности талмудическаго ученія, которое сдѣлало изъ библіи такую же точно фальсификацію, какъ іезуитизмъ—изъ христіанской религіи. Сіонисты заявляютъ, безъ лжи и оговорокъ, что они принадлежатъ къ «еврейской національности» и не желаютъ уже носить никакой другой національной маски, надѣтой ими при другихъ обстоятельствахъ. Евреи, по талмуду, составляютъ *прирожденную общечеловѣческую аристократію*; они—дѣти самого божества и оскорбленіе еврея въ этой аристократической привилегіи есть «оскорбленіе величества». Дальше этихъ геркулесовыхъ столбовъ племенная манія идти не можетъ!! Другимъ же народамъ человѣческая наружность дана только для того, чтобы евреямъ «не противно было принимать отъ нихъ рабскія услуги». Но они несомнѣнно должны рабствовать передъ жидомъ, которому въ гоимской средѣ и принадлежатъ,—такъ сказать, по «естественному праву», — всѣ выдающіяся общественныя положенія *и—главное—все имущество гоя*. Сіонисты имѣютъ мужество признавать всѣ эти національныя претензіи еврейства и, видя, что *эти претензіи отнюдь не уживаются ни съ какимъ европейскимъ государственнымъ строемъ*, ищутъ счастливыхъ условій для ихъ практическаго осуществленія на особой спеціально-еврейской территоріи. Сіонисты предвидятъ, что, не смотря на ловкую поддѣлку подлинныхъ завѣтовъ талмуда и *приспособленіе* ихъ къ общепринятой христіанской морали; не смотря на «страхи іудейскіе» и на захватъ кагальною силою всѣхъ жизненныхъ артерій государственнаго организма, — тяжелый гнетъ, висящій надъ европейскими націями, приведетъ къ вулканическому взрыву, въ которомъ могутъ погибнуть безразлично всѣ «прирожденные аристократы», начиная отъ банкира и кончая послѣднимъ гешефтмахеромъ. Вотъ на этотъ фатальный случай они и заботятся дать еврею какой нибудь уголокъ на своей собственной національной территоріи...

На этой территоріи—будь она хоть самая маленькая—сіонисты и пробуютъ создать очагъ самостоятельнаго еврейства.

Но кто же, однако, въ этомъ проэктируемомъ сіонистскомъ государствѣ, состоящемъ подъ сюзеренною властью турецкаго султана,—кто будетъ исполнять такъ называемыя «черныя работы»: заниматься постылымъ для еврея землепашествомъ и тяжелыми, требую-

щими физическаго труда, ремеслами? Вѣдь «прирожденные аристократы» куда какъ не любятъ ковыряться въ землѣ, быть каменьщиками, кузнецами, плотниками и рудокопами! Еще меньше у нихъ охоты защищать свое отечество съ оружіемъ въ рукахъ. Такимъ образомъ, прежде чѣмъ переселяться массами въ новую «обѣтованную землю», какъ бы она ни называлась—Палестиною, Аргентиною или какъ нибудь иначе,—еврейскимъ главарямъ *придется захватить съ собою, въ цѣпяхъ или безъ цѣпей, какую нибудь человѣческую разновидность низшей расы* или заарканить ее на новомъ мѣстѣ переселенія. Тогда «прирожденный аристократъ» будетъ *работать*... только на биржѣ, въ банкѣ, въ министерствѣ, въ парламентѣ или въ редакціяхъ, а добывать за него хлѣбъ, копать каналы, строить хоромы, извлекать минеральныя богатства изъ нѣдръ земли, ухаживать за скотомъ и вывозить всякія нечистоты будетъ уже необрѣзанный пасынокъ природы... Ему же, этому гою или пасынку природы, должна быть навязана, — ну, хоть по найму, какъ въ англійской арміи,—и обязанность проливать свою кровь для защиты еврейской территоріи. Чистокровный талмудистъ не возьмется за эту роль, а развѣ лишь пристроится къ интендантскому обозу. И будетъ это еврейское государство, даже имѣя свою территорію, висѣть на воздухѣ. «Нѣтъ!—разсуждаютъ сытые и довольные сыны израиля, благополучно присосавшіеся къ чужой территоріи—лучше ужь поживемъ въ гостяхъ, у гоя за пазухой. Оно и теплѣй, и привольнѣе. А до общаго катаклизма еще далеко. Да, наконецъ, мы, жиды, народъ смышленый и въ критическую минуту можемъ прикинуться чѣмъ угодно. Авось и гроза пройдетъ мимо»...

II.

Настоящей, серьезной грозы для евреевъ пока еще нѣтъ; но она приближается и ея признаки становятся все тревожнѣе и замѣтнѣе. Въ Сѣверной Америкѣ не пускаютъ съ кораблей русскихъ евреевъ; румынскіе жиды также не пользуются ничьимъ гостепріимствомъ и съ сокрушеннымъ сердцемъ ползутъ восвояси; во Франціи еврейскій вопросъ, послѣ дѣла Дрейфуса, обострился до послѣдней степени и, кажется, тамъ не обойдется безъ крутыхъ репрессалій:—вообще «съѣдобный» циклъ для еврейской саранчи сокращается все больше да больше. Милліонная масса людей, лѣзущая,—вопреки всѣмъ правиламъ государственной экономіи, — въ «посредники» между спросомъ и предложеніемъ труда, между трудомъ и капиталомъ, истощивъ всѣ источники производства, начинаетъ уже

пожирать другъ друга, какъ пауки въ банкѣ. Примѣръ такого самопожиранія въ нашемъ Сѣверо-западномъ краѣ приводился уже въ одной изъ провинціальныхъ хроникъ «Наблюдателя» (№ 6, 1900 г.), и въ Могилевѣ жидовская разбойничья банда («хевря»), въ своихъ подвигахъ грабежа и изнасилованія, не щадила уже и еврейскихъ женщинъ...

Въ Одессѣ, до краевъ переполненной жидами, послѣдніе не приговорены еще судьбой ко взаимному пожиранію, но періодически повторяющіеся въ городѣ уличные «безпорядки» свидѣтельствуютъ настоятельно о какомъ-то *органическомъ недугѣ*, котораго нельзя устранить однѣми внѣшними пальятивными мѣрами. Ни въ какомъ благоустроенномъ государствѣ (кромѣ развѣ сіонистскаго?) своевольная расправа, конечно, не можетъ быть допущена и одесскіе буяны потерпятъ заслуженное ими наказаніе, но изъ-за этихъ бурныхъ вспышекъ,—самая періодичность которыхъ указываетъ на присутствіе глубоко скрытыхъ и неустраненныхъ причинъ,— выдвигается опять таки на сцену неотвязный «еврейскій вопросъ», который начинаетъ уже тяготить коренное населеніе чуть ли не во всѣхъ мало-мальски людныхъ русскихъ городахъ (въ нашемъ журналѣ читатели найдутъ свѣдѣнія объ осадѣ Вязьмы жидами; а раньше сообщалось о такой же *осадѣ* Петербурга, Кіева, Харькова и многихъ другихъ большихъ городовъ).

Въ Одессѣ—въ этомъ истинномъ сіонистскомъ государствѣ нашего времени—можно прямо опредѣлить ту вулканическую почву, на которой происходятъ опасные взрывы, нарушающіе спокойствіе во всемъ городѣ. Этотъ вулканъ называется «толкучкой», и хотя помѣщается номинально «на рубежѣ города», но въ дѣйствительности находится вовсе не гдѣ нибудь на далекой окраинѣ, *а въ одномъ изъ самыхъ бойкихъ пунктовъ городской сутолоки*, возлѣ Молдаванки, за которой слѣдуетъ Бугаевка и *обѣ вмѣстѣ превышаютъ своею обширностью площадь самаго города*, хотя, по какому-то недоразумѣнію, считаются его предмѣстьями. Отдѣляется Молдаванка отъ города длинной изогнутой улицей, называемой Старо-портофранковской. Улица эта—нѣчто въ родѣ московской Садовой. Какъ Садовая въ сущности еще не дѣлитъ Москвы, такъ и Старо-портофранковская не раздѣляетъ Одессы. И до Старо-портофранковской, и за ней простирается *все та же Одесса*. Разница только въ томъ, что мѣстное городское управленіе себѣ на умѣ: оно относится матерински къ Іудессѣ и какъ мачиха — къ Молдаванкѣ. Въ городѣ— хорошія мостовыя, порядочные тротуары, газовое освѣщеніе, а на Молдаванкѣ хоть глазъ коли и прескверная мостовая, поливаемая только дождемъ. На Молдаванкѣ живетъ преимущественно народъ

небогатый и мастеровщина; здѣсь значительно преобладаетъ элементъ русскій; евреи же—мелкіе торговцы и ремесленники (занимающіеся, по всей вѣроятности, болѣе чѣмъ сомнительными «ремеслами»). Бугаевка—продолженіе той же Молдаванки и носитъ тотъ же колоритъ. Отъ площади, на которой расположилась толкучка, пошли радіусами нѣсколько улицъ и между ними Тираспольская. Конецъ Тираспольской улицы, примыкающей къ толкучкѣ, носитъ характеръ петербургскаго Апраксина переулка и отчасти набережной Фонтанки: здѣсь на панеляхъ, — въ особенности по вечерамъ и по праздникамъ,—вѣчно снуютъ чернорабочіе и каменьщики; одни отъ бездѣлья грызутъ сѣмечки, другіе собираются въ группы и держатъ совѣтъ, какъ бы и гдѣ выпить. Тутъ же, къ концу Тираспольской, въ двухъ шагахъ отъ толкучки, примыкаетъ пользующаяся недоброй славой въ Одессѣ и на всемъ югѣ *Кривая* улица, сплошь усѣянная домами непотребства («ремесло» особенно любимое евреями). Разгулъ идетъ здѣсь и ночью, и днемъ... Кстати, недалеко отъ толкучки протянулся и Щепной переулокъ съ домами, содержимыми такими же «честными и непорочными» еврейками, какъ Стыся К. въ Гомелѣ и Черниговѣ (см. «Отголоски» въ № 7 «Наблюдателя» за 1900 г.). Когда происходили въ Одессѣ антиеврейскіе безпорядки въ 80-хъ годахъ, буйныя толпы, быстро сомкнувшись у толкучки и разгромивъ ее, спѣшили направиться на Кривую, гдѣ и начинали разгромъ проституціонной комерціи: каждый изъ «вольныхъ общниковъ» этой дружины срывалъ свою злобу и месть на улицѣ терпимости... Все имущество гнусныхъ притоновъ не похищалось (очевидно, никто не хотѣлъ «марать рукъ»), но истреблялось или выбрасывалось на улицу громилами, и мостовая въ скорѣйшемъ времени обращалась въ мягкое пуховое ложе отъ разрываемыхъ на части пуховиковъ, перинъ и подушекъ. Если еще прибавить къ этой «сметѣ», что вся площадь толкучки и идущія къ ней улицы кишмя-кишатъ разными питейными заведеніями еврейскихъ же содержателей, — то станетъ вполнѣ понятно, почему всѣ уличные безпорядки зарождаются именно здѣсь и переходятъ на другія смежныя улицы.

«Сама по собѣ — говоритъ одесскій корреспондентъ «Новаго Времени» (№ 8771)—одесская толкучка всегда готова дать толчокъ для уличныхъ скандаловъ, которые, какъ прежде, такъ и 16 іюля, вдругъ приняли такіе ужасающіе размѣры, что потребовали участія войскъ для ихъ подавленія. Пустой, малозначущій инцидентъ вдругъ разростается въ цѣлое народное движеніе. Примѣры прошлаго краснорѣчиво и убѣдительно говорятъ,—кому надлежитъ вѣдать,— что одесская толкучка должна быть преобразована и оздоровлена.

По адресу одесской толкучки и всѣхъ безобразій ея, немало ратовалъ покойный издатель-редакторъ «Новороссійскаго Телеграфа» М. П. Озмидовъ [1]), но все это невпрокъ и толкучка живетъ и благоденствуетъ по старому: какою она была 10—15 лѣтъ назадъ, такою же остается и теперь. Это, въ своемъ родѣ, удѣльное *еврейское княжество* въ еврейскомъ царствѣ Одессы. Всѣ эти комерсанты толкучки — безъ исключенія евреи; наглость и безцеремонность ихъ со всякимъ, имѣвшимъ несчастіе попасть въ ея нѣдра, не имѣетъ границъ. *Оскорбленіе, насмѣшки, такъ и посыплятся на его голову со всѣхъ сторонъ*; въ этомъ отношеніи толкучка дѣйствуетъ крайне солидарно, да и не удивительно: солидарность евреевъ во всякомъ ихъ столкновеніи съ «гоемъ» засвидѣтельствована давно и повсюду, гдѣ только гнѣздятся сыны израиля. Поэтому русское населеніе Одессы такъ и ненавидитъ эту толкучку; потому-то такъ часто тамъ и повторяются столкновенія, завершающіяся такъ ужасно».

Къ этимъ мѣстнымъ свѣдѣніямъ объ источникѣ и центрѣ буйной заразы въ Іудессѣ другія газеты прибавляютъ болѣе конкретное указаніе, что на этой именно толкучкѣ распродавалъ свои ненужныя вещицы какой-то солдатикъ, отправлявшійся въ походъ на Дальній Востокъ, а еврей-торгашъ, посулившій жалкіе гроши за эту рухлядь, кончилъ тѣмъ, что хотѣлъ совсѣмъ ужъ даромъ отобрать ее. За обиженнаго вступилась подвыпившая толпа (вдобавокъ къ обсчитыванію, еврей пустилъ въ дѣло и свои кулаки, что̀ сильно напоминаетъ могилевскія сцены)—и сыръ-боръ загорѣлся по всей линіи...

Когда у насъ заходитъ рѣчь о полицейскихъ безпорядкахъ въ мѣстахъ сосредоточенія еврейскихъ элементовъ, наша жидовская и жидовствующая пресса, *закрывая глаза на глубокіе корни талмудической заразы*, тычетъ обыкновенно пальцами на грубое нарушеніе уличнаго благочинія, а реббе Нотовичъ вопіетъ, кромѣ того, на темы: неприкосновенности домашняго очага и свободы религіозной совѣсти (какъ будто въ этихъ погромахъ преслѣдуется религія, а не житейскіе подвиги евреевъ!). При этомъ, нерасположеніе нашего народа къ жидамъ объясняется исключительно его невѣжествомъ, всяческими пороками и неутомимой охотою къ грабежу. Виновата, словомъ, только одна сторона. Послушавъ этихъ іудейскихъ соловьевъ,—придется невольно усомниться даже въ нашемъ

---

[1]) Въ отместку за эти изобличенія жидовства, одесскій кагалъ, при продажѣ имущества Озмидова, какъ извѣстно, устроилъ такъ, что его огромный домъ пошелъ за безцѣнокъ, въ уплату долговъ, а вдова (урожденная Неволина) умерла, чуть не нищая, въ петербургскихъ меблированныхъ комнатахъ...

историческомъ правѣ на существованіе... То ли дѣло, еслибы въ русскомъ государствѣ верховодили и насаждали сѣмена талмудическихъ добродѣтелей «цивилизованные», «культурные», «непорочные» и «безсребренные» реббе. Совсѣмъ вѣдь иначе сложилась бы и русская исторія, къ наивящему процвѣтанію еврейскихъ толкучекъ и домовъ терпимости!

Я живо помню время освобожденія крестьянъ въ Россіи и тѣ мрачныя краски, которыми наши крѣпостники описывали умственный и нравственный уровень «сиволапаго мужика». Эти краски припасались съ давнихъ поръ, чтобы запугивать правительство и расхолаживать его энергію на благія попытки эмансипаціи. Въ «Вѣстникѣ Европы» недавно напечатанъ любопытный дневникъ (1818 г.) А. А. Тучкова, посвящавшаго свою жизнь идеѣ освобожденія. Беремъ оттуда слѣдующія строки: «Смѣло можно сказать, что *напрасно думаютъ о русскихъ крестьянахъ, что они варвары* безо всякаго просвѣщенія, что *они преданы почти всѣ пьянству* и не чувствуютъ вреда, происходящаго отъ сего пагубнаго порока; что они, *получивъ однажды свободу, не въ состояніи будутъ употреблять ее на что либо полезное*, и что тогда *размножится число людей, преданныхъ всякимъ порокамъ, особливо же грабежъ и разбой.* Наконецъ, напрасно говорятъ, что теперь—*золотое время* спокойствія и тишины, благодаря власти помѣщиковъ... Не думайте, чтобы крестьяне не видѣли своего порока (пьянства): они чувствуютъ его и тѣмъ еще бо́льшаго достойны сожалѣнія. Не отъ одного крестьянина слышалъ я, что кабаки ихъ разоряютъ, что государственныя подати для нихъ еще не такъ велики и что съ нихъ сбираютъ гораздо большій оброкъ—деньги, которыя они платятъ за вино».

Закабаленіе кореннаго русскаго населенія жидовскимъ кагаломъ будетъ почище всякаго крѣпостнаго права (членъ совѣта государственнаго крестьянскаго банка, С. Неклюдовъ, въ офиціальномъ отчетѣ даже прямо *приравнивалъ экономическое и нравственное порабощеніе сѣверо-западныхъ крестьянъ къ татарскому иго*)— и вотъ, въ оправданіе этой кабалы, мы видимъ повтореніе тѣхъ же стеоретипныхъ доводовъ, что̀ и во времена крѣпостничества: и невѣжество, и пьянство, и грабежъ... Только эта иноплеменная и иновѣрная кабала идетъ еще глубже физическаго закрѣпощенія и извращаетъ коренныя основы государственнаго и народнаго быта. На ставку тутъ ставится не только экономическая свобода, но и нравственное благополучіе народа. Жидъ не только *разоряетъ* и угнетаетъ, но *вывѣтриваетъ душу* русскаго крестьянина, деморализуя его всяческими способами.

И если мы дожили, наконецъ, послѣ многовѣковыхъ ожиданій,

до свѣтлой зари освобожденія крестьянъ отъ крѣпостныхъ цѣпей, то рано или поздно распадется и хитро сфабрикованное еврейское ярмо.

Безсильные и грубые порывы самоуправства только отдаляютъ, а не приближаютъ время правильнаго рѣшенія еврейскаго вопроса, какъ пугачевскій бунтъ отодвинулъ на сто лѣтъ крестьянскую свободу. Тѣмъ не менѣе, историческая и божеская правда не теряетъ своей силы и нисходитъ въ міръ послѣ всякихъ случайныхъ ошибокъ и увлеченій...

По евангелію и по шулханъ-аруху.

Современная путаница въ этическихъ понятіяхъ.—По евангелію и по шулханъ-аруху.—Толки о «судебной этикѣ» по поводу предполагаемой каѳедры ея въ петербургскомъ университетѣ. — Предположенія г. Плеваки. — Возможный составъ новой каѳедральной науки. — Этика судей и адвокатовъ. — Этическій элементъ въ уголовныхъ наказаніяхъ. — Возможно ли оправдать этическою цѣлью одиночное заключеніе? — Его неизбѣжные результаты. — Что́ лучше: моментальная смертная казнь или медленное предумышленное человѣкоубійство? — Международная этика и глумленія англичанъ надъ нею. — Платоническое заступничество за боэровъ на парижскомъ «Конгрессѣ мира».—Адвокатъ политическаго разбоя.—Этика педагогическая и ея нарушенія, ведущія къ самоубійству юношей. Домовладѣльческая этика и «квартирный налогъ», насѣдающій съ двухъ сторонъ на обывателей.—Талмудическая этика, распространяющаяся въ якобы-русской прессѣ.—Pro domo suo.

I.

Въ оны дни, когда во всѣхъ европейскихъ цивилизованныхъ обществахъ господствовала, если не de facto, то de jure, одна мораль—христіанская,—основанная на любви къ ближнему (безъ различія «эллина отъ іудея») и *на принесеніи личныхъ своекорыстныхъ интересовъ въ жертву общему благу*,—разобраться въ моральныхъ вопросахъ было не особенно трудно. Радѣтель своего чрева, служитель золотаго тельца, обманщикъ, грабитель и фальсификаторъ должны были все таки «для видимости» прикрываться показнымъ корсарскимъ флагомъ, чтобы удобнѣе достигнуть даже своихъ личныхъ цѣлей. Но обстоятельства совершенно измѣнились, когда (сначала подъ сурдинкою, а потомъ и съ откровенною наглостью) *въ нашъ нравственный обиходъ вторглась цѣлая система антисоціальныхъ и человѣконенавистническихъ понятій*, пріуроченныхъ

къ племеннымъ выгодамъ только *одного* народца, всуе именующаго себя прирожденною человѣческою аристократіей. Наряду и ò бокъ съ моисеевыми заповѣдями и чистой евангельской нравственностью стала воздвигаться и укрѣпляться цѣлая стѣна *варварскаго племеннаго эгоизма* и полнѣйшаго циническаго пренебреженія къ человѣческимъ правамъ и къ благу всего остальнаго міра. Евангельская мораль, человѣколюбивая этика, становилась уже не только излишнею въ личномъ и общественномъ быту, но прямо нетерпимою со стороны приверженцевъ шулханъ-аруха...

До половины XVI-го вѣка жиды, облыжно именовавшіе себя послѣдователями «моисеева закона», довольствовались однимъ вавилонскимъ талмудомъ, совершенно вытѣснившимъ моисеево пятикнижіе или исказившимъ его до неузнаваемости. Но такъ какъ въ талмудѣ было много противорѣчій, подлежавшихъ разнообразному толкованію, то, для водворенія единства въ еврейскомъ вѣроученіи, понадобилось изъ этого объемистаго кодекса извлечь экстрактъ нравственныхъ, гражданскихъ и политическихъ положеній, обязательныхъ для всякаго правовѣрнаго іудея.

Этимъ катихизаторскимъ дѣломъ и занялся знаменитый въ своемъ муравейникѣ раввинъ Іосель Каро, уроженецъ Галилеи, поселившійся потомъ въ Италіи. Въ 1565 г. и появилось въ Венеціи классическое произведеніе этого мудреца подъ названіемъ: «Шулханъ-Арухъ» (накрытый столъ), представлявшее сводъ общежитейскихъ и религіозныхъ законовъ для всего талмудическаго еврейства. Какъ популярно изложенный «требникъ», шулханъ-арухъ сдѣлался у евреевъ настольною книгою, и незнаніемъ его постановленій никто отговариваться не можетъ. Посмотримъ же, что̀ это за постановленія, противополагаемыя евангельскому ученію и общепринятымъ въ цивилизованномъ мірѣ моральнымъ правиламъ?

Въ обязанность евреямъ ставится—исполнять все, что̀ больной выразилъ въ духовномъ завѣщаніи, *исключая распоряженій, составляющихъ грѣхъ.* Къ такимъ «грѣхамъ» относится, если больной, въ своемъ завѣщаніи, назначилъ что нибудь въ подарокъ акуму (не-талмудисту) и исполнять этого не слѣдуетъ. Еврей обязанъ, если нашелъ что нибудь—будетъ ли это предметъ одушевленный, или неодушевленный,—возвратить находку хозяину. Но, понятно, что это дѣлается только тогда, когда предметъ принадлежитъ еврею; *если же онъ представляетъ собственность акума, то не только нѣтъ надобности возвращать его, но такое неумѣстное великодушіе считается тяжкимъ грѣхомъ,* за исключеніемъ случая, когда это дѣлается съ цѣлью побудить акума сказать: «Евреи — очень

честные люди»! [1]). Если еврей долженъ акуму и умеръ, то еврей не обязанъ уплачивать свой долгъ наслѣдникамъ, предполагая, разумѣется, что ни одинъ акумъ (или гой) не знаетъ про этотъ долгъ. Если же, по несчастію, это извѣстно акуму, то еврей долженъ уплатить наслѣдникамъ, чтобы они не могли сказать: «евреи—обманщики»!

Нѣкогда у евреевъ былъ законъ, что во время жатвы слѣдуетъ оставлять для бѣдныхъ колосья по закраинамъ полей и на поляхъ». Но это было въ тѣ времена, когда евреи не состояли еще во враждебныхъ отношеніяхъ ко всему остальному человѣчеству. Съ тѣхъ поръ какъ евреи разсѣялись, для цѣлей эксплуатаціи, среди акумовъ и ихъ поля могутъ соприкасаться съ владѣніями иновѣрцевъ, этотъ человѣколюбивый законъ отмѣненъ, такъ какъ бѣдные изъ акумовъ могли бы—чего Боже сохрани!—подбирать эти колосья и не умереть съ голоду. *Запрещается еврейской кормилицѣ кормить молокомъ дитя акума*, такъ какъ этимъ она поможетъ выростить звѣря. Это дозволяется ей только тогда, когда *обиліе молока причиняетъ ей большія страданія* и можетъ вызвать болѣзнь («на тебѣ, небоже, что мнѣ негоже»!). Запрещается еврею держать кормилицу изъ не-евреекъ въ тѣхъ случаяхъ, когда можно имѣть соплеменницу, такъ какъ, по природѣ, вещество кормилицы переходитъ обыкновенно къ ребенку, а женщина не-еврейка дѣлаетъ ребенка глупымъ и передаетъ ему *дурныя* (съ точки зрѣнія талмуда) качества [2]). Не только дозволяется, но считается обязательнымъ для еврейской акушерки помочь еврейкѣ при родахъ въ субботній день и сдѣлать все необходимое, хотя этимъ была бы осквернена суббота. Напротивъ, *запрещается помогать не-еврейкѣ*, хотя бы этимъ и не осквернялся субботній день, такъ *какъ на нее можно смотрѣть только какъ на животное* [3]).

Въ своемъ взглядѣ на всѣхъ не-евреевъ, какъ на нечистыхъ животныхъ, пригодныхъ только для эксплуатированія ихъ правовѣрнымъ жидомъ, *талмудизмъ прямо безпощаденъ* и проводитъ его по всѣмъ параграфамъ своей избранной еврейской христоматіи. *Если гоямъ данъ человѣческій образъ, то только для того, чтобы талмудистамъ не противно было принимать отъ нихъ*

---

[1]) Хошенъ-га-Мишпатъ (такъ называется въ шулханъ-арухѣ отдѣлъ «охраны правосудія») параграф. 259. Отсюда видное, что евреи очень любятъ обманывать общественное мнѣніе, и недаромъ ихъ руководитель Мозе Монтефіоре, полвѣка назадъ, совѣтовалъ своимъ соплеменникамъ закрѣпостить себѣ европейскую прессу. *Этотъ совѣтъ они усердно выполняютъ до нашихъ дней!*.

[2]) Іора-деа (отдѣлъ «знанія») параграф. 81.

[3]) Орахъ Хайимъ («путь жизни») параграф. 303.

рабскія услуги. Дѣтей гоя нельзя приравнивать даже къ внѣбрачнымъ дѣтямъ или идіотамъ еврейскаго происхожденія [1]). Еврейская вражда къ гою, или акуму, неустанно преслѣдуетъ его до самой могилы. Еврею запрещается оказывать послѣдній долгъ акуму, напр., сопровождать его при похоронахъ или произносить рѣчь передъ гробомъ (талмудисты обыкновенно и воздерживаются отъ такого ораторства); дозволяется это только ради отвода глазъ гоимской братіи, во избѣжаніе лишнихъ тревогъ для еврейства. Когда чума разражается въ какой нибудь мѣстности, то евреи должны соединиться въ синагогѣ и просить Бога объ избавленіи ихъ отъ этой болѣзни. Но если *чума появилась среди животныхъ или (что̀ для еврея одно и то же) среди акумовъ*, нѣтъ надобности ни помогать имъ, ни молиться за нихъ. Въ шулханъ-арухѣ прямо внушается евреямъ: «мы не должны обманывать своихъ братьевъ... а назареи намъ не братья; *напротивъ, они хуже собакъ*».

Въ особенности характерны отношенія талмудистовъ къ гоимскому суду и правительству вообще. Еслибы сказочный волкъ, нарядившійся въ красную шапочку бабушки, чтобы съѣсть безпрепятственно внучку, вздумалъ кодифицировать свои юридическія отношенія къ роду человѣческому, то онъ не могъ бы придумать ничего лучшаго для обмороченія своихъ жертвъ. Узаконяются *двѣ правды* и *двѣ присяги*: одна для гоимскаго суда и правительства, другая—для еврейскаго кагала и его спеціальнаго судилища; всякое средство хорошо, чтобы выгородить жида, освободить его отъ законной отвѣтственности за преступленіе, совершонное противъ христіанина, и всякое средство дурно, если оно раскрываетъ зло, причиняемое евреями въ той или другой области общественныхъ отношеній. Еврей долженъ подчиняться только своему кагалу и исполнять судебныя рѣшенія только своего бет-дина; *на гоимскомъ же судѣ еврей не смѣетъ* (подъ угрозою проклятія) *являться свидѣтелемъ противъ еврея же въ пользу акума.* Если еврей укралъ что нибудь у акума и отрицаетъ это передъ гоимскимъ судомъ, который требуетъ отъ него присяги, то другіе евреи, знающіе о кражѣ, должны сначала постараться помирить еврея съ христіаниномъ. Но когда примиреніе невозможно, терять же тяжбу не желательно, а присяги никакъ не избѣжать,—тогда еврей **можетъ дать ложную присягу** (!!!) очищая себя внутренно мыслью, что это дѣлается по принужденію (это золотое правило о фальшивой присягѣ усвоено было и іезуитами). *Столь же надежна и обязательна для тал-*

---

[1]) Эбенъ-Гаэзеръ («камень спасенія») парагр. 1 и 16.

[2]) Хошенъ-га-Мишпатъ, парагр. 227.

мудиста присяга, приносимая имъ на вѣрность иноземному правительству...

II.

При возрастающей общественной и даже политической силѣ талмудистовъ, добившихся почти вездѣ, кромѣ Россіи, равноправія своего фарисейскаго талмуда съ евангеліемъ, вопросъ о господствѣ той или другой этики является уже совсѣмъ не празднымъ вопросомъ. Какому Богу намъ молиться, какой нравственный кодексъ признавать обязательнымъ въ частной и общественной жизни? Допустимъ, что гуманизирующее вліяніе христіанства не прошло безслѣдно и для самыхъ огнеупорныхъ талмудистовъ, что, живя бокъ-о̀-бокъ съ гоями, нельзя слишкомъ послѣдовательно третировать ихъ въ практической жизни, какъ безсловесныхъ животныхъ (пресловутый ростовщикъ Димантъ пробовалъ, впрочемъ, дразнить такимъ образомъ своего неисправнаго должника Бутми-де-Кацмана, за что̀ взбѣшенный вепрь и поднялъ его на клыки). Признаемъ, что врачи-талмудисты, хотя бы à contre coeur, борются съ чумою, истребляющею христіанъ, а евреи-лжесвидѣтели совѣстятся лгать передъ судомъ подъ присягой, хотя бы и несовсѣмъ корректной съ ритуально-еврейской точки зрѣнія [1]). Но невозможно отрицать, что основной духъ фарисейскаго талмуда противорѣчитъ въ корнѣ христіанской нравственности. Можно ли примирить эти двѣ противоположныя системы, изъ которыхъ *одна смотритъ на Бога, какъ на источникъ возможнаго для человѣка моральнаго совершенства, а другая приравниваетъ верховное существо къ роли какого-то фактора*, радѣющаго преимущественно о мірскихъ благахъ протежируемаго имъ племени? Да и сто̀итъ ли примирять ихъ? Вспомнимъ всѣ громы, которые метались первоучителями христіанства противъ *фарисеевъ* и *книжниковъ*. Не примиреніе и согласованіе, а *мечъ* и духовную войну съ этимъ фарисействомъ вносило въ міръ евангеліе! Тутъ нужно выбирать что нибудь одно: или человѣколюбіе, или человѣконенавистничество; или равенство передъ Богомъ всѣхъ племенъ, или прирожденную всемірную аристократію, кичливо относящуюся ко всѣмъ иноплеменникамъ и иновѣрцамъ. Разница между талмудомъ и христіанской моралью, въ дѣлахъ правосудія, до такой степени велика и неизмѣрима, что въ нѣкото-

---

[1]) Мы говорили уже въ нашемъ журналѣ, что еврейская присяга приносится у насъ на судѣ *безъ соблюденія требуемыхъ талмудомъ формальностей*, а потому и не имѣетъ должной цѣны въ глазахъ присягающихъ.

рыхъ европейскихъ законодательствахъ, открывшихъ евреямъ доступъ къ государственной службѣ, *судебная сфера все еще остается для нихъ запретной.* У насъ же судебное вѣдомство, а въ особенности адвокатура, присяжная и не-присяжная, *настежъ распахнули свои двери талмудистамъ, заручившимся университетскимъ дипломомъ*, что̀ сильно понизило нравственный уровень этого сословія, по свидѣтельству всѣхъ компетентныхъ и безпристрастныхъ наблюдателей.

Поэтому мы съ большимъ любопытствомъ отнеслись къ недавно сообщенному въ газетахъ извѣстію объ открытіи въ с.-петербургскомъ университетѣ новой каѳедры «судебной этики». Называютъ даже имя профессора, разсчитывающаго, съ весны будущаго года, занять эту каѳедру. И не одни мы интересуемся этимъ «новшествомъ».

Въ одной изъ московскихъ газетъ еврейскаго пошиба репортеръ (очевидно—талмудистъ) уже успѣхъ сдѣлать интервью извѣстному присяжному повѣренному г. Плевако съ цѣлью узнать его взглядъ на этотъ вопросъ. При этомъ шустрый талмудистъ началъ прямо съ сомнѣнія въ томъ, чтобы для судебной этики возможно было найти какія нибудь прочныя основы. «У всякой науки—началъ философствовать, въ началѣ бесѣды, этотъ присяжный или не-присяжный софистъ—существуютъ незыблемыя основы. Математика—для всѣхъ вѣковъ и расъ имѣетъ извѣстные неизмѣнные логическіе базисы. А нравственность? Время и разстояніе вліяютъ на нее самымъ обязательнымъ образомъ. Японецъ стыдится того, что̀ является долгомъ чести для европейца, и наоборотъ. У русскихъ XI-го столѣтія была если не совершенно другая этика, чѣмъ *у насъ съ вами* (parlez pour vous, mon cher!), то во многомъ отъ нея отличная».

Но хотя шустрый талмудистъ, запустивъ такую «круглоту періодовъ» и призвавъ себѣ на помощь знаменитую «эволюцію», надѣялся сбить съ толку московскаго корифея,—послѣдній, однако, не сконфузился и основательно ринстировалъ ему, что не одна же математика считается наукой, и что еще въ очень древнія времена существовала «этика» Аристотеля, съ которой и намъ не мѣшаетъ познакомиться. Однимъ словомъ эволюція—эволюціей, но и нравственность имѣетъ свои логическія основы, только видоизмѣняющіяся съ теченіемъ времени. «Я полагаю—сказалъ г. Плевако,—что г. Кони (профессоръ-аспирантъ) сдѣлаетъ одно изъ двухъ: или онъ хочетъ дать извѣстныя максимы, начертать общефилософскую этику въ примѣненіи къ судейскимъ нравамъ; тогда можетъ зайти рѣчь и объ этикѣ судебнаго пристава. Или онъ намѣтитъ основы *соціальной этики*, взявъ матеріалы изъ практики судебныхъ дѣятелей.

Если же Кони думаетъ создать спеціальную судебную этику, то долженъ подмѣтить и разработать тѣ законы общей этики, которые всего чаще должны быть передъ глазами каждаго лица, причастнаго суду; долженъ сгруппировать то, что̀ особенно кричитъ (именно «кричитъ»!) въ нашей судебной практикѣ, ожидая исправленія. Да вотъ вамъ первый, самый острый вопросъ. Вы убили. По законамъ божескимъ и человѣческимъ, за это вы должны понести возмездіе. Сомнѣнія въ этой винѣ нѣтъ никакого. Долженъ ли защитникъ выступить за васъ и добиваться оправданія, или нѣтъ? Долженъ! Онъ будетъ защищать не ваше преступленіе, а васъ лично. Вы вчера убили и на другой день приходите ко мнѣ. Если вы и сегодня стоите на томъ, что̀ сдѣлали вчера, и говорите: «я убилъ и убью»—тогда другое дѣло. Но если вы раскаялись, страдаете; если вы сейчасъ лучше знаете весь ужасъ убійства, чѣмъ тѣ, кто васъ судитъ,—будетъ дурно не защитить, не спасти васъ. И это скажетъ не только судебная, но и общественная этика. *Нельзя говорить объ этикѣ судебной, если не взять ея принциповъ вообще.* Это—скажемъ для примѣра—все равно, что̀ логика. Ея законы, всѣмъ понятные и незыблемые, служатъ основаніемъ и всѣмъ остальнымъ наукамъ, хотя бы той же математикѣ. Пользуясь незыблемыми законами общечеловѣческой этики, такими же точно, какъ и всякіе другіе, *не смотря на ихъ кажущуюся внѣшнюю видоизмѣняемость,* можно создать не только общесудейскую этику, но и для каждой юридической корпораціи отдѣльно. *Десять заповѣдей можно проповѣдывать каждому.* «Не прелюбы сотвори»! Это можно сказать не только мужчинѣ вообще. И судья да не *пре*—любы сотворитъ, т. е. *да не возлюбитъ своей карьеры,* своего удобства больше истины и правосудія. И воинъ да не прелюбитъ *войны ради нея самой, ради славолюбія,* а помнитъ, что онъ обязанъ только охранять свое отечество».

Далѣе маститый адвокатъ, не успѣвъ развить вполнѣ своихъ мыслей, обѣщалъ интервьюёру написать болѣе обстоятельное изложеніе своего мнѣнія, предупредивъ собесѣдника, что онъ, г. Плевако,—«человѣкъ церковнаго склада» и самъ спеціально занимался вопросами этики вообще.

Фамусовъ восклицалъ когда-то: «всѣ врутъ календари»! Интервьюёры и репортеры (особенно московскіе) врутъ, конечно, не меньше календарей, и «исповѣдь вѣры» г. Плеваки въ газетномъ отчетѣ, вѣроятно, страдаетъ многими недомолвками и неточностями. Такъ напр., говоря о прелюбодѣяхъ судебнаго міра, г. Плевако, вѣроятно, упоминалъ и о прелюбодѣяхъ мысли съ адвокатскими значками, которые готовы защищать съ пѣною у рта не только

убійцу и грабителя, раскаивающихся въ своихъ преступленіяхъ, но и безцеремонныхъ злодѣевъ и наглецовъ, разсчитывающихъ — въ бесѣдѣ со своими защитниками—больше на привлекательный звонъ золота, чѣмъ на убѣдительность рѣчи... Мы слыхали на судѣ адвокатовъ, доказывавшихъ, что кража чужихъ денегъ есть только особый *видъ самопомощи*, и восходившихъ даже на Синай... для оправданія поддѣлки духовнаго завѣщанія. Г. Спасовичъ ухитрялся защищать варварское истязаніе ребенка евреемъ-банкиромъ Кронебергомъ. Какой этики—христіанской или талмудической—держались они въ этихъ случаяхъ? Вотъ что требуетъ разъясненія, и несомнѣнно, что г. Кони, въ своихъ будущихъ лекціяхъ, постарается провести между этими двумя противоположными міросозерцаніями строгую разграничительную черту. А то вѣдь Влад. Соловьевъ утверждалъ, что талмудическая нравственность не только не ниже, а, пожалуй что, и повыше нравственности десяти заповѣдей и евангельскаго ученія!! Откуда взялось у русскаго—казалось бы—по происхожденію человѣка такое пристрастіе къ вавилонскому талмуду?—это объясняетъ намъ преображенная «Недѣля», по генеалогической справкѣ которой родная мать Соловьева была польская еврейка и ея сынъ, значитъ, носилъ въ себѣ «каплю библейской крови». Да! развѣ одну только «каплю», разбавленную въ цѣломъ ушатѣ талмудическихъ помоевъ... По крайней мѣрѣ, въ своихъ посмертныхъ стихотвореніяхъ Соловьевъ пренаивно смѣшиваетъ ветхозавѣтныхъ пророковъ, казнившихъ своею гнѣвною проповѣдью нравственныя преступленія евреевъ, съ героями талмудизма, защищающими эти преступленія со своей специфической точки зрѣнія; а, смѣшавъ, сѣтуетъ на то, что этимъ новѣйшимъ пророкамъ понапрасну-де «заграждаютъ уста», хотя въ дѣйствительности они пользуются гораздо большею свободою слова, чѣмъ ихъ противники, и владѣютъ почти всею русской прессой, какъ своею рабовладѣльческой колоніей...

III.

Къ слову о «судебной этикѣ», любопытно было бы узнать: во имя какого этическаго принципа судъ приговариваетъ преступниковъ къ столь часто практикующемуся *одиночному* тюремному заключенію,—самому жестокому и безчеловѣчному уголовному наказанію? Во имя ли *христіанской любви къ ближнему*, видящей человѣка даже и въ падшемъ существѣ, или *во имя кровавой мести* поверженному врагу, выражавшейся у евреевъ въ четвертованіи полуживыхъ непріятелей копытами коней и тяжелыми

колесницами? Насколько выяснились теперь, по свидѣтельству потерпѣвшихъ лицъ, всѣ прелести этого рода наказанія,—оно несомнѣнно принадлежитъ къ самымъ злобнымъ и утонченнымъ изобрѣтеніямъ инквизиторскаго мучительства. Одинъ изъ сахалинскихъ надзирателей, прославившійся своей безчеловѣчной жестокостью, великій спеціалистъ по части тѣлесныхъ истязаній, разсуждалъ такимъ образомъ:

— Драть арестантовъ я бросплъ. Что дранье! Ко всему человѣкъ привыкаетъ. А вотъ *хорошенькое одиночное заключеніе*, — къ этому никто ужь не привыкнетъ.

И психологъ-надзиратель поступалъ по своему весьма резонно, выдвигая одиночное заточеніе, какъ самую жестокую, невыносимую пытку. Даже войти въ камеру къ арестанту, долго сидящему въ одиночкѣ, представляется не безопаснымъ: до того можетъ остервениться человѣкъ,—существо общежительное по природѣ,—лишенный этой естественной функціи. Когда на Сахалинѣ хотѣли открыть одному любознательному посѣтителю камеру арестанта, сидѣвшаго въ одиночкѣ только второй мѣсяцъ (а приговариваютъ къ этому наказанію на цѣлые годы!!), изъ-за дверей послышался отчаянный вопль: «Не входите убью» и смотритель отретировался, сказавъ: «Не надо. Не открывайте. *Съ ними, знаете, отъ одиночнаго заключенія это случается*». Но сахалинскія «одиночки»,—смрадныя и ужасныя, гдѣ люди гніютъ заживо,—еще не могутъ быть названы образцовыми учрежденіями этого типа. Есть другія, болѣе «усовершенствованныя», возведенныя по бельгійскимъ моделямъ—«послѣднему слову» уголовной науки. Прежняя одесская тюрьма была старымъ «тюремнымъ замкомъ», — грязнымъ, душнымъ и вонючимъ. Понадобилось построить новую усовершенствованную тюрьму «крестомъ»,—согласно указаніямъ новѣйшей практики,—чтобы надзоръ за арестантами былъ удобнѣе. Но только что перевели несчастныхъ узниковъ изъ дореформенной кутузки въ образцовое пенитенціарное учрежденіе, какъ начались безпрестанныя покушенія на самоубійство... Служащимъ приходилось смотрѣть «недреманнымъ окомъ»: того и гляди, вынешь изъ петли отчаявшагося преступника! Арестанты плакали по старой тюрьмѣ. Недаромъ же, при устройствѣ одиночекъ, главное вниманіе обращается на то, чтобы арестанту *не на чемъ было удавиться*:—разъ только эта возможность появится, караемый субъектъ непремѣнно самъ себя приговоритъ къ смертной казни.—Э!—замѣчаютъ строители.—Да эту перекладину надо непремѣнно убрать: тутъ можно повѣситься.—И убираютъ, радѣя о сохраненія драгоцѣнной жизни человѣка, которому и самому она стала невыносимой...

Одному наблюдателю приходилось опрашивать цѣлыя сотни арестантовъ, просидѣвшихъ въ одиночкѣ во время прддварительнаго слѣдствія. Извѣстно, съ какою быстротой «исправляющіе должность слѣдователя» производятъ свои предварительныя слѣдствія, и немудрено, что опрашиваемые вкушали довольно долго отъ этого плода. Всѣ они мучились въ одиночномъ заключеніи галлюцинаціями слуха. Въ этихъ галлюцинаціяхъ есть одна общая имъ черта. Разнымъ людямъ кажется разное: одному огромная лягушка, другому—мужикъ въ красной рубахѣ. Но всегда и всѣмъ казались: *ярко-зеленая* лягушка, *ярко-красная* рубаха. Это былъ естественный протестъ зрѣнія, измученнаго однообразнымъ бѣлымъ цвѣтомъ тюремныхъ стѣнъ. Глазъ привыкаетъ къ цвѣтовымъ впечатлѣніямъ и, когда ихъ нѣтъ, онъ создаетъ себѣ яркія галлюнаціи. Также точно мучитъ одиночныхъ арестантовъ и галлюцинація слуха. «Усовершенствованная» одиночная тюрьма словно для того и построена, чтобы возбуждать подобныя галлюцинаціи.

Такая тюрьма строится, какъ извѣстно, крестомъ для удобства надзора. Отъ круглой центральной площадки расходятся «крылья», представляющія собой огромные сквозные коридоры, прорѣзывающіе зданіе сверху до низу. По стѣнамъ коридора—желѣзныя лѣстницы и балкончики у каждаго этажа. Наконецъ, въ наиболѣе усовершенствованныхъ тюрьмахъ, — представляющихъ собою, въ нѣкоторомъ родѣ, «вѣнецъ созданія», — нѣтъ ни лѣстницъ, ни балкончиковъ, а вмѣсто того большая подъемная платформа изъ желѣза поднимается на этажи, когда надо посадить новаго арестанта, вывести изъ камеры, раздать пищу и т п. Въ огромныхъ коридорахъ—камень и желѣзо. Благодаря этому, резонансъ въ тюрьмѣ становится чудовищнымъ. Каждый звукъ, раздавшійся въ этомъ мертвомъ домѣ, гулко отдается во всэмъ зданіи.

Теперь представьте же себѣ положеніе арестанта, закупореннаго, какъ улитка, въ своей одиночной раковинѣ! Время отъ времени пронесется какой-то страшный, таинственный звукъ— и замретъ. Снова гробовая тишина, а напряженные нервы все чего-то ждутъ...

Тутъ помѣщаются и карцеры — тѣ же одиночки, видоизмѣненныя къ худшему «для вящаго усмиренія» непокорныхъ. Часто, и ночью, и днемъ, огромные пустые коридоры наполняются воплями и нечеловѣческимъ воемъ. Арестанты и арестантки, вдоволь насладившіеся гробовою тишиною и тюремнымъ уединеніемъ, отдаютъ своеобразный «долгъ природѣ»: они истерически вопятъ и колотятся въ дверь, въ припадкахъ ужаса и безумія. Ихъ волочатъ въ карцеры. И вотъ мертвая тишина могильнаго царства

внезапно смѣняется дикими, невѣроятными, нечеловѣческими звуками... Вся тюрьма дрожитъ отъ ужаса.—Убиваютъ? Пожаръ что ли? — Разстроенное воображеніе рисуетъ картины одна другой страшнѣе. Тѣ арестанты, которые еще могутъ управлять своими нервами, бѣгаютъ въ ужасѣ по своей камерѣ. «Вотъ-вотъ сейчасъ и уменя—думаетъ каждый—помимо моей воли, вырвется вопль и начнется припадокъ». Тогда «усовершенствованная» тюрьма превращается прямо въ сумашедшій домъ. Часто такія «истерическія эпидеміи» возникаютъ даже безъ всякихъ видимыхъ причинъ, только въ силу общей напряженности нервной системы и угнетенія духа. Человѣку вдругъ померещится, что за стѣной хрипитъ умирающій... Онъ и самъ въ ужасѣ начинаетъ вопить, а за нимъ—истерически откликается и вся тюрьма. Чтобы занять чѣмъ нибудь шалѣющихъ отъ праздности одиночныхъ арестантовъ, имъ ставятъ въ камеры верстаки и станки для работъ. Но въ одиночной камерѣ воздуха и безъ того мало, а когда его и совсѣмъ уже вытѣснятъ верстаками — становится нечѣмъ дышать. Среди арестантовъ можно, по первому взгляду, отличить одиночнаго заключеннаго по «той особенной бѣлизнѣ, которая бываетъ на лицахъ людей, проведшихъ долгое время взаперти и которая напоминаетъ ростки картофеля въ подвалѣ», по наблюденію гр. Л. Н. Толстаго. На этой почвѣ истощенія, малокровія и нервнаго разстройства всякія губительныя болѣзни развиваются съ особенной силой. Цынга и чахотка—излюбленныя гостьи «усовершенствованныхъ» тюремъ.

Извѣстно, что, побывавъ въ такой образцовой школѣ, арестанты совершаютъ вторично самыя звѣрскія преступленія. Чего же другаго и ждать отъ людей, систематически сводимыхъ съ ума и содержащихся по режиму одичалыхъ животныхъ? Но если велика изобрѣтательность тюремнаго истязанія по части лишенія человѣческаго образа, то немалое сопротивленіе встрѣчаетъ эта система со стороны самихъ истязуемыхъ. Проблема тюремнаго молчанія такъ и остается проблемой, неосуществимой на дѣлѣ... Арестантамъ запрещено говорить открыто, смотря другъ другу въ лицо. Прекрасно! Но они все таки переговариваются другими способами. Въ одиночной тюрьмѣ безпрерывно работаютъ своеобразные телеграфъ и телефонъ. *Перестукиваются* черезъ стѣну, по трубамъ для отапливанія, по водопроводнымъ трубамъ. Удобенъ способъ переговариваться посредствомъ ватерклозетовъ. Вымывъ на-чисто клозетъ, арестантъ говоритъ въ него, какъ въ телефонъ. И цѣлыя длинныя бесѣды ведутся такимъ неблаговоннымъ путемъ. Наконецъ, даже и «усовершенствованной» тюрьмѣ нельзя же обойтись

безъ оконъ и форточекъ. Люди, не видя другъ друга, преспокойно ведутъ, однако, разговоры, строго воспрещенные тюремнымъ уставомъ. «Толкни природу въ дверь, она влетитъ въ окно»! Каждое окно у арестантовъ числится за такимъ-то нумеромъ. И по стѣнѣ невозбранно гуляютъ всякія сообщенія, nouvelles du jour и разсказы. Еслибы можно было подкрасться въ это время къ стѣнѣ, чтобъ не замѣтилъ этого внимательный арестантскій дозоръ, то слышно было бы, какъ всѣ одиночники разговариваютъ всласть. Но проникнуть въ эту тайну постороннему лицу никакъ нельзя. При малѣйшемъ подозрѣніи, мгновенно раздается магическій окликъ: «шесть»!—и преступная бесѣда прекращается... Тюрьма на время затихаетъ, пока не пройдетъ опасность. Одинъ изъ газетныхъ сотрудниковъ черезъ своего знакомаго, сидѣвшаго въ одесской тюрьмѣ, поинтересовался узнать: гдѣ, кто и за что сидитъ въ одиночномъ заключеніи? И, при первомъ же свиданіи, получилъ самыя точныя свѣдѣнія, подтвердившіяся потомъ и при провѣркѣ.

Одно время тюрьмовѣды увлекались идеей «исправленія» и «перевоспитанія» преступника. И это увлеченіе имѣло свою хорошую, симпатичную сторону. Но изобрѣтатели одиночнаго заключенія, простирающагося не только на цѣлые годы, но и на всю жизнь преступника, очевидно не задаются никакою этическою исправительною цѣлью по евангелію, а *преслѣдуетъ только мстительныя цѣли—по шулханъ-аруху.* При этомъ они, отвергая на словахъ смертную казнь, исполняемую, по крайней мѣрѣ, мгновенно, безъ мучительныхъ проволочекъ *подвергаютъ заключеннаго квалифицированной медленной казни*, путемъ постепеннаго истребленія въ человѣкѣ всего человѣческаго!.. Что лучше? Не мѣшало бы, по крайней мѣрѣ, спросить самихъ арестантовъ, приговариваемыхъ—иногда на цѣлый вѣкъ—къ этому длительному убійству.

IV.

Если мы отъ «тюремной высидки», при которой страдаютъ все же не лучшіе экземпляры человѣческаго общества, обратимся къ области международнаго права, охватывающей цѣлыя группы государственныхъ и общественныхъ единицъ,—то мы придемъ къ еще менѣе утѣшительнымъ выводамъ. Не успѣли еще почтенные дипломаты износить тѣхъ сапогъ, которые они носили во время гаагской конференціи, созванной по великодушному почину русскаго правительства, какъ начала права и человѣколюбія, установленныя въ протоколахъ этой самой конференціи, подвер-

гаются явному поруганію и боксированію со стороны англійскихъ «большихъ кулаковъ». Издыхающая подъ натискомъ гиганта-противника, честная, трудолюбивая и христіански-цивилизованная страна обращается съ послѣднею мольбою къ Европѣ — защитить боэровъ отъ грубаго, варварскаго истребленія огнемъ и мечемъ,— и по этому вопросу не можетъ даже составиться никакого европейскаго «концерта», точно рѣчь идетъ о выводѣ таракановъ или о поголовномъ истребленіи волковъ на англійской территоріи... Что̀ тараканы, что̀ волки, что̀ боэры—все едино, и вниманіе къ нимъ одинаковое. Даже съ самимъ Крюгеромъ,—офиціально-признаннымъ главою трансваальской республики, — холопски преданное Англіи португальское правительство стало обращаться, какъ съ бѣглымъ арестантомъ и отбирать у него «казенныя вещи»... Тѣмъ не менѣе Крюгеру удалось вырваться въ Европу, и въ Марсели онъ встрѣтилъ уже восторженный пріемъ населенія. Вообще *народное* сочувствіе, кажется, вездѣ ожидаетъ мастптаго президента; но пройдетъ ли оно черезъ санкцію европейскихъ *правительствъ*, которыя могли бы оказать заступничество Трансваалю и Оранжевой республикѣ? Война въ южной Африкѣ фактически продолжается, не смотря на безцеремонныя увѣренія англійскихъ душителей, что они окончательно задавили уже своихъ противниковъ,—и для вмѣшательства, по крайней мѣрѣ, дипломатическаго, есть еще время.

Впрочемъ, такъ думаемъ только мы, «профаны» въ дипломатической наукѣ. А г. Мартенсъ, — одинъ изъ участниковъ гаагской конференціи,—успокоиваетъ возмущенное чувство своихъ слушателей въ петербургскомъ университетѣ тѣмъ формальнымъ соображеніемъ, что въ засѣданіяхъ конференціи представители Трансвааля не принимали-де никакого участія, а, слѣдовательно, и не могутъ пользоваться покровительствомъ международныхъ законовъ, выработанныхъ на этой конференціи. Резонъ!! И конференція выгорожена, и Трансвааль можетъ спокойно умирать законною смертью...

Не всѣ въ Европѣ относятся, однако, къ судьбѣ трансваальскихъ героевъ съ такой канцелярски-черствой точки зрѣнія. Происходившій недавно въ Парижѣ, при торжественной обстановкѣ, «Конгресъ мира», обсуждая южно-африканскія дѣла, постановилъ слѣдующую резолюцію, встрѣченную шумными одобреніями всѣхъ членовъ собранія: «1) *отвѣтственность за эту войну падаетъ всецѣло на англійское правительство* и 2) англійское правительство, попирая принципы права и справедливости, — т. е. отказываясь отъ суда и ставя физическую силу выше моральной, — *совершило преступленіе противъ правъ человѣчества*». Наиболѣе сильное, восторженное одобреніе этой резолюціи выразилъ одинъ изъ англій-

скихъ делегатовъ, не пожелавшій принять на себя преступленій Робертсовъ и Чемберленовъ. Хотя «одна ласточка весны не дѣлаетъ», но и этотъ одинокій протестъ противъ гнуснаго насилія показываетъ, что не всѣ сыны Альбіона раздѣляютъ завоевательные взгляды англійскихъ «имперіалистовъ», и только одна парламентская подтасовка выдвинула ихъ на первый планъ въ политикѣ. Въ цивилизованныхъ—не на талмудическій образецъ—слояхъ этой страны имѣются и другіе элементы, несогласные со старинной апоѳегмой: «homo homini lupus». Не одна же *волчья философія* существуетъ на свѣтѣ!..

Курьезно, что въ то время, когда въ средѣ конгресса нашелся англичанинъ, не одобряющій варварскаго поведенія своихъ соотечественниковъ, — у которыхъ разбѣжались купеческіе глаза на трансваальское золото и алмазы,—нашелся у Англіи адвокатъ въ лицѣ г. Гюйо, бывшаго французскаго министра. Вопреки всякой видимости и элементарному нравственному чувству, экс-министръ принялся доказывать, что Англія ведетъ только «оборонительную войну», захватывая чужія области; что «маленькій народъ не долженъ-де *выводить изъ себя* могущественную націю» (а могущественная нація имѣетъ право на это?) и что, наконецъ, онъ—г. Гюйо—обнаруживаетъ прямо геройство, заступаясь за Англію передъ цѣлымъ собраніемъ, такъ враждебно относящимся къ ней. Но геройство—геройству рознь. Героемъ былъ, пожалуй, и Герострат, варварски истребившій великое произведеніе архитектурнаго искусства; героизмъ своего рода нуженъ и для того, чтобы пройтись по людной улицѣ въ костюмѣ Адама...

V.

Не мѣшало бы установить христіанскую этику и для нашего педагогическаго персонала, который до того измѣнился къ худшему со времени господства классической лингвистики, что трудно даже и найти въ настоящее время, среди бездушныхъ формалистовъ, жаждущихъ только «двадцатаго числа», истинныхъ воспитателей и наставниковъ, отдающихъ педагогическому дѣлу хоть одинъ атомъ своей души, хоть одну каплю своего сердца.

Явнымъ доказательствомъ можетъ служить плачевная исторія гимназиста Матвѣева, нанесшаго личное оскорбленіе директору Обергу и покончившаго съ собою послѣ обвинительнаго приговора. Эта исторія достаточно извѣстна читателямъ изъ многихъ газетъ, и повторять ее во всѣхъ подробностяхъ нѣтъ никакой надобности.

Но мы напомнимъ лишь нѣкоторыя любопытныя ея стороны. Изъ показаній, данныхъ на судѣ даже свидѣтелями обвиненія, видно, что несчастный мальчикъ не съ бухты-барахты рѣшился на дерзкое нарушеніе дисциплины. Заставъ на квартирѣ Матвѣева какую-то дѣвицу (оказавшуюся сестрою гимназиста), г. Обергъ слишкомъ поторопился обозвать ее «проституткой», а когда братъ вступился за нее, то и его не задумался угостить эпитетомъ «негодяя». Словомъ, отношенія между учениками и «начальствомъ» въ этомъ питомникѣ очевидно не отличались не только доброжелательствомъ и сердечнымъ расположеніемъ, но даже простой казенной корректностью. Какая разница между педагогами до-классическаго времени, въ родѣ Ушинскаго, Стоюнина, Корфа, Водовозова, Евтушевскаго и др., и этими новѣйшими представителями «мундирной педагогіи», которые видятъ въ своихъ воспитанникахъ не живую душу и развивающійся интеллектъ, а какихъ-то манкеновъ изъ папьемашэ, на которыхъ можно и должно воздѣйствовать только чисто механическимъ способомъ, возлагая ихъ на прокустово ложе и отсѣкая неподходящія къ офиціальной мѣркѣ части тѣла!! Самъ Матвѣевъ шелъ на судъ въ надеждѣ, что психическіе поводы къ его раздраженію и необдуманному поступку будутъ приняты во вниманіе и что оцѣнка факта не будетъ произведена съ одной внѣшней полицейской стороны. Увидавъ однако, что изъ этой оцѣнки устранены всѣ внутренніе оправдательные мотивы, которые привели юношу въ такое изступленіе,—Матвѣевъ пошелъ гораздо дальше своихъ судей въ выборѣ наказанія и наложилъ самъ на себя руки, во вторичномъ припадкѣ остраго нервоза... Эта смерть, во всякомъ случаѣ, является плохою рекомендаціей тѣхъ педагогическихъ порядковъ и той нравственной атмосферы, которые тяготѣютъ у насъ во многихъ учебныхъ заведеніяхъ надъ судьбой молодаго поколѣнія. Недаромъ же у насъ возникли сомнѣнія насчетъ плодотворности «классическаго млека», питающаго юные умы взамѣнъ другой болѣе здоровой пищи; недаромъ уровень развитія этихъ недозрѣлыхъ классиковъ,—еле справляющихся съ грамматическими трудностями древнихъ языковъ и совсѣмъ не доходящихъ до смысла древней цивилизаціи,—падаетъ съ каждымъ годомъ все ниже и ниже, приводя въ отчаяніе университетскихъ профессоровъ, обязанныхъ читать имъ высшіе научные курсы...

Во главѣ комисіи, призванной къ преобразованію неудовлетворительнаго типа нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній, уже поставленъ почтенный педагогъ К. П. Яновскій, много лѣтъ управляющій кавказскимъ округомъ и знакомый по опыту съ недостатками укоренившейся, всякими правдами и неправдами, учебной

системы. Будемъ разсчитывать на его энергію и на правильное пониманіе педагогическихъ задачъ, обнаруженное имъ и въ его практической дѣятельности, и въ журнальныхъ статьяхъ, и въ циркулярахъ по кавказскому учебному округу. Нива народнаго образованія и народнаго воспитанія все еще находится у насъ въ такомъ запустѣніи или поросла такими сорными травами, что пора уже намъ приложить особенныя старанія къ ея правильной, истинно-культурной обработкѣ...

VI.

Въ то время какъ въ нашемъ образованномъ обществѣ поднялись толки о необходимости укрѣпить сильно расшатанныя нравственныя начала,—наши петербургскіе домовладѣльцы, закусивъ удила, стремятся перескочить черезъ всякіе этическіе барьеры, въ погонѣ за одними личными барышами. Количество домовладѣльцевъ, относящихся съ гуманною заботливостью къ своимъ жильцамъ и радѣющихъ не объ одномъ только набиваніи своего кармана, сокращается съ каждымъ годомъ въ поразительныхъ размѣрахъ. Дома̀ все чаще и чаще попадаютъ въ руки алчныхъ ростовщиковъ, которымъ законъ воспретилъ лихвенные проценты въ денежныхъ ссудахъ, но которые все таки хотятъ сорвать запретный кушъ путемъ скупки домовъ и безобразнаго повышенія квартирныхъ цѣнъ, ничѣмъ другимъ не объяснимаго, кромѣ чисто жидовской жадности домовладѣльцевъ да, пожалуй, еще полнымъ нерадѣніемъ объ интересахъ жителей со стороны нашего городскаго якобы-самоуправленія...

Не только бѣднаго, но и достаточнаго обывателя квартирныя цѣны давно уже гонятъ на городскія окраины, гдѣ наша дума, точно съ умысломъ, не хочетъ заводить никакихъ улучшеній по части уличнаго благоустройства или правильнаго сообщенія съ центральными частями города. Дума какъ будто хочетъ сказать пришибленному петербургскому обывателю: «не смѣй искать дешевыхъ квартиръ,—иначе я тебя накажу скверными мостовыми, плохимъ освѣщеніемъ и полной невозможностью добраться поскорѣе до городскаго центра».

Никогда еще въ Петербургѣ не отдавалась и не передавалась такая масса квартиръ, съ которыхъ жильцы сбѣгаютъ по причинѣ безцеремонныхъ и ежегодныхъ домовладѣльческихъ надбавокъ! Надбавки эти, начиная со ста рублей, доходятъ въ наиболѣе людныхъ мѣстахъ до тысячи. Никакое повышеніе чиновничьихъ окладовъ не спасаетъ уже отъ необходимости перебираться на Выборгскую

или Петербургскую сторону, даже на Охту и въ Лѣсной, чтобы оттуда каждый день ходить или ѣздить на службу по ту сторону Невы...

Не спасаютъ нынче жильца и долгосрочные контракты. Соблазняемые перспективой ежегодной надбавки на квартиру, ростовщики-домовладѣльцы не пренебрегаютъ никакими гнуснѣйшими средствами для *выживанія* долгосрочнаго жильца раньше истеченія контрактнаго срока. Такъ, напр., до насъ доходятъ слухи, что нѣкоторые домовладѣльцы систематически «бойкотируютъ» своихъ жильцовъ, чтобы не давать имъ заживаться и вывести ихъ изъ всякихъ предѣловъ человѣческаго терпѣнія. Однимъ изъ такихъ «боевыхъ коней» является, напр., недопущеніе къ квартиранту порядочной прислуги и отпугиваніе ея посредствомъ мерзкихъ сплетенъ шантажнаго характера, распускаемыхъ, по хозяйской указкѣ, швейцарами и дворниками — этими новыми властелинами обывательскихъ судебъ. Затѣмъ идетъ въ ходъ «нарочитое» доставленіе жильцу скверныхъ дровъ (если домъ находится на хозяйскомъ отопленіи) или безцеремонная кража его собственнаго топлива при каждомъ выносѣ изъ сарая. Если и эти средства не помогаютъ, а терпѣніе бойкотируемаго жильца все таки не лопается, домовладѣлецъ начинаетъ останавливать воду днемъ, а ночью—устраиваетъ *подтопы* въ осаждаемой квартирѣ, причемъ, посредствомъ фальшивыхъ протоколовъ, жильца же и обвиняетъ въ причиненіи ему убытковъ! Мы имѣемъ въ рукахъ любопытное «нотаріальное письмо» одного мазурика-домовладѣльца на Колокольной улицѣ въ которомъ тотъ угрожалъ жильцу расторженіемъ контракта... на томъ только основаніи, что *въ бойкотируемой квартирѣ держатъ маленькую собачку въ полторы четверти длиною!!* И всѣ эти аллюры продѣлывались лишь для того, чтобы, по съѣздѣ жильца, набавить на его квартиру 80 или 100 рублей. Говорятъ, что только послѣ серьезныхъ «внушеній со стороны» этотъ домовладѣлецъ пошелъ «на мировую» и *согласился* не выживать жильца до наступленія лѣтняго времени. «Какъ эдакихъ людей учтивѣе зовутъ»?!

А тутъ еще,—вдобавокъ къ домовладѣльческимъ неистовствамъ,—на бѣднаго обывателя упалъ неожиданно, какъ камень съ крыши, новый квартирный налогъ, который въ сущности составляетъ уже двойной налогъ съ одного и того же предмета обложенія. Кромѣ того, съ каждымъ безсовѣстнымъ повышеніемъ квартирной платы, возрастаетъ соразмѣрно и квартирный налогъ. *Съ одного вола, значитъ, сдираются двѣ шкуры...* Мудрая финансовая предусмотрительность!

VII.

Говорить ли намъ о талмудической этикѣ, о еврейской «цензурѣ внѣ цензуры», неудержимо распространяемой столько лѣтъ въ нашей злосчастной журналистикѣ, нѣкогда славившейся своей неподкупностью и честнымъ служеніемъ народному благу? Мы говорили объ этомъ уже достаточно, но въ виду возобновленія «Гласности», дважды пострадавшей отъ «независящихъ обстоятельствъ», скажемъ еще нѣсколько словъ...

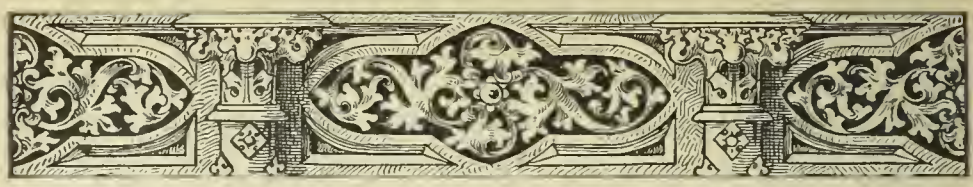
Когда свободная печать имѣетъ свой raison d'être, когда она можетъ приносить дѣйствительную пользу своей странѣ? Конечно, въ томъ только случаѣ, если она *безпристрастна* и *независима*. Но можно ли говорить о безпристрастіи и независимости, когда печать, находящаяся на кагальномъ иждивеніи, *систематически скрываетъ отъ публики цѣлую область фактовъ, вредящихъ государственному и народному благосостоянію*, а вмѣсто того обрушивается на явленія, невыгодныя лишь для жидовскаго господства? Вѣдь дѣло дошло уже до того, что у насъ днемъ съ огнемъ нужно поискать такихъ органовъ печати, которые рѣшились бы дать мѣсто *фактическому изобличенію зла, причиняемаго еврейскимъ нашествіемъ и грозящаго намъ тѣми же самыми бѣдствіями, которыя погубили уже старую Польшу!* Еврейскій вопросъ составляетъ часть одного общаго вопроса—о положеніи инородцевъ въ Россіи, о необходимости привлечь ихъ къ общему государственному тяглу, сдѣлать ихъ прежде всего *русскими гражданами*, безъ всякихъ затаенныхъ политическихъ цѣлей сепаратистскаго характера. Но изъ всѣхъ нашихъ инородцевъ наибольшими претензіями на всяческіе захваты въ свою пользу отличаются именно жиды,—и тѣмъ самымъ еврейскій вопросъ острымъ угломъ выдѣляется изъ общаго состава. Онъ, гораздо больше другихъ звеньевъ общаго вопроса, угнетаетъ Россію, и *къ рѣшенію его совершенно неприложимы шаблонныя мѣрки односторонняго либерализма, выгоднаго только для одной сплоченной кагальной массы*, — какъ это показалъ уже прискорбный опытъ всѣхъ европейскихъ странъ, поддавшихся этому обману. Еврейство требуетъ всяческой «терпимости» — политической, національной, религіозной и нравственной — только по отношенію къ себѣ самому; но въ то же время *оно относится прямо враждебно къ другимъ національностямъ, религіямъ и нравственнымъ системамъ*. Завладѣвъ печатью въ какой бы то ни было странѣ, оно и стремится прежде всего *обезнародить* ее, чтобы подъ флагомъ космополитизма удобнѣе провезти свой собственный

національный грузъ. «Вы, дескать, гои, оставайтесь безъ всякой національности и религіи, а свои-то мы сохранимъ въ полной неприкосновенности, со всѣми ихъ архаическими и даже чисто-варварскими сторонами»!

Такимъ образомъ, еврейская «цензура внѣ цензуры» запрещаетъ говорить въ закабаленной ею печати о гнусныхъ явленіяхъ своей національной жизни, но не мѣшаетъ издѣваться надъ всякимъ другимъ націонализмомъ, а, по спопутности, и надо всѣми другими религіями, кромѣ талмуда. И, благодаря системѣ *застращиванья и подкупа,* жиды успѣшно добиваются своей цѣли, глубоко убѣжденные, что никто не устоитъ противъ ихъ обуха или червонца...

А въ то время, какъ жидовская пресса, — вспомоществуемая кагальными капиталами и неожиданными союзниками съ той стороны, откуда ихъ и ждать бы не слѣдовало,—ратуетъ на просторѣ и изо всѣхъ силъ противъ національныхъ органовъ печати,—эти послѣдніе защищаются въ одиночку, безъ всякаго чувства солидарности и при самыхъ неблагопріятныхъ матеріальныхъ условіяхъ, такъ какъ еврейскій кредитъ поддерживаетъ только еврейскія же рептильныя изданія. Очевидно, что въ этой борьбѣ нѣтъ даже необходимаго *равенства условій для сражающихся* и на жидовскія орудія приходится идти чуть не съ голыми руками.. Въ такихъ случаяхъ національнымъ органамъ могъ бы помочь *государственный кредитъ*, но и этотъ кредитъ, во многихъ странахъ, только по виду называется «государственнымъ», а въ сущности находится тоже въ жидовскихъ рукахъ.

Нуженъ сильный умъ и твердая рука, чтобы разрушить эти хитросплетенія и вернуть прессу къ той почетной роли, которую она должна играть въ развитіи *національнаго самосознанія.* А вернуть ее необходимо, и время еще не потеряно...



Усовершенствованный видъ крѣпостнаго права.

Ликованія заднимъ числомъ. — Сорокалѣтіе со дня освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ. — Либералы и крѣпостники въ дворянствѣ. — Упраздненіе прежнихъ основъ и замѣна ихъ новыми въ государственномъ строѣ. — Русское купечество, выдвинувшееся на мѣсто дворянства. — Амальгамированіе капитализма съ жидовствомъ и поглощеніе имъ московскихъ толстосумовъ. — Новый тягчайшій видъ крѣпостнаго права. — Обезсиленіе прессы въ правильномъ рѣшеніи государственныхъ задачъ. — Толки объ улучшеніи легальныхъ условій печати. — Святіе предостереженій съ нѣкоторыхъ газетъ. — Юбилей «Новаго Времени».

I.

Сорокъ лѣтъ прошло послѣ великаго событія освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ; сорокъ лѣтъ уже Россія идетъ по широкому пути, указанному ей рукою незабвеннаго Царя-Освободителя, — и понятно, что, не дожидаясь полнаго пятидесятилѣтняго юбилея со дня знаменательнаго акта великодушія и государственной мудрости, весь русскій народъ и все образованное русское общество поспѣшили отпраздновать достойнымъ образомъ сорокалѣтнюю историческую годовщину...

Всѣ газеты наполнились руководящими статьями и историческими воспоминаніями по поводу благополучно минувшаго событія, съ котораго,—можно сказать безъ преувеличенія,—началась новая свѣтлая эра въ русской исторіи; зашевелились разныя общественныя и ученыя собранія, ознаменовавъ этотъ день торжественными рѣчами, стипендіями или открытіемъ новыхъ учебныхъ заведеній.

Предъ очами современниковъ и нынѣшняго поколѣнія снова прошли величавою группой безкорыстные, энергическіе дѣятели 60-хъ годовъ, вынесшіе на своихъ могучихъ плечахъ всю тяжесть, всѣ заботы громадной реформы, открывшей собою цѣлый рядъ не-

обходимыхъ дополнительныхъ преобразованій. Въ этой дорогой для Россіи портретной галереѣ мы снова увидѣли гр. Я. И. Ростовцева, Н. А. Милютина, Я. А. Соловьева, кн. Б. Черкасскаго, Ю. Ѳ. Самарина, гр. Д. Н. Блудова и другихъ проницательныхъ государственныхъ людей, понявшихъ несовмѣстимость крѣпостныхъ порядковъ съ правильнымъ, прогрессивнымъ развитіемъ народныхъ силъ, задержанныхъ и парализованныхъ въ самомъ своемъ источникѣ; вспомнили и почтили память патріотовъ-писателей, проводившихъ литературнымъ путемъ идею освобожденія — не однихъ только крестьянъ отъ крѣпостнаго рабства, но и всего русскаго образованнаго общества отъ тяжелыхъ путъ, связывавшихъ его дѣятельность...

А. И. Герценъ, вооружаясь противъ идеи «хронологическаго прогресса», по которой дѣти непремѣнно стоятъ выше своихъ отцовъ въ соціальномъ смыслѣ, доказывалъ, наоборотъ, что исторія частехонько противорѣчитъ этому шаблонному взгляду на прогрессъ, какъ на нѣкую выслугу лѣтъ по казенной службѣ. «*Должно быть* писалъ онъ—*на людей бываетъ урожай, какъ на виноградъ*. Кажется, условія тѣ же, а одинъ годъ изъ десяти вино лучше,—говорятъ, отъ кометы. Въ Англіи *комета на людей* была во время Кромвеля, а во Франціи — въ концѣ XVIII-го вѣка. И замѣтьте, что люди этихъ двухъ crus похожи другъ на друга: только одни все говорили по Исаію и Іезекіилю, а другіе—по Тациту и Плутарху... Они страдали, были въ тягость другимъ, были просто не на мѣстѣ (въ слѣдующій историческій періодъ). Дѣло въ томъ, что *они въ сущности были моложе внучатъ*. Тѣ все учили ихъ уму-разуму, а старики учились дурно. Какъ сохранили эти люди свѣжесть души, своего рода наивность и вѣру?—это потерянный секретъ. Я, бывало, смотрю и дивлюсь, какъ сѣдой пожелтѣлый старикъ едва двигаетъ ноги, а туда же, какъ влюбленный мальчикъ, *хранитъ свою святыню*, имѣетъ свои завѣтныя слова, отъ которыхъ въ семьдесятъ, въ восемьдесятъ лѣтъ ихъ глаза горятъ и голосъ дрожитъ. Привычные утописты, они вѣрили въ свой практическій смыслъ, а, отдавши все общему дѣлу, серьезно считали себя эгоистами. *Ихъ жиденькіе наслѣдники скучали съ ними*; думали, что они «позируютъ»; а этотъ *поднятый духъ происходилъ просто отъ того, что душа была поднята и привыкла гордо хранить свое убѣжденіе въ тяжелое время*».

Едва ли не такая же «комета на людей» была и у насъ въ незабвенные 60-ые года; и у насъ нестарѣющіеся дѣды долго оказывались душою «моложе своихъ внучатъ», а если Господь далъ имъ вѣру, то и до сихъ поръ хранятъ свою святыню и не забы-

ваютъ «завѣтныхъ словъ», отъ которыхъ ихъ голосъ дрожитъ и сердце волнуется ускореннымъ біеніемъ...

Никто изъ писавшихъ *теперь* газетныя «передовицы» не выразилъ такъ полно и восторженно подъема духа, охватившаго *тогда* всю мыслящую Россію, — какъ И. С. Аксаковъ въ слѣдующихъ глубоко-прочувствованныхъ строфахъ, привѣтствовавшихъ возрожденіе новой исторической зари:

«День встаетъ, багрянъ и пышенъ.
Долгой ночи скрылась тѣнь.
Новой жизни трепетъ слышенъ,
Чѣмъ-то вѣщимъ смотритъ день!
Съ сонныхъ вѣждъ стряхнувъ дремоту,
Бодрой свѣжести полна,
Вышла съ Богомъ на работу
Пробужденная страна.
Такъ торжественно-прекрасно
Блещетъ утро на землѣ;
На душѣ свѣтло и ясно,
И не помнится о злѣ,
Объ истекшихъ дняхъ страданья,
Объ утратѣ многихъ силъ
Въ скорбныхъ мукахъ ожиданья,
Въ безвремённости могилъ.
Пусть почіютъ мирно гробы
Тщетно ждавшихъ столько лѣтъ,
Память имъ! *но въ сердцѣ злобы,*
Ни вражды, ни мести нѣтъ.
Все проститъ онъ безъ разсчета,
Устоявшій въ дни тревогъ,
Тотъ, чей духъ годину гнета
Пережилъ и перемогъ.
Слышишь, новому онъ лѣту
Пѣсню радости поетъ...
Благо всѣмъ, ведущимъ къ свѣту
Братьямъ, съ братьевъ снявшимъ гнетъ.
Людямъ миръ, благословенье,
Долгихъ мукъ исчезнетъ слѣдъ;
Дню вчерашнему забвенье,
Дню грядущему—привѣтъ»!

Съ какими добрыми и свѣтлыми чувствами истинные гуманисты того времени встрѣчали зарю народнаго освобожденія видно изъ того, что многіе изъ нихъ, при встрѣчѣ другъ съ другомъ,

обнимались и цѣловались, какъ въ день Христова воскресенья... Бо́льшаго притока «альтруизма» (говоря новѣйшимъ терминомъ) или, по старому, любви къ ближнему нельзя было бы и требовать послѣ долгихъ годовъ застоя и нравственной одичалости... Пробужденная страна была, дѣйствительно, преисполнена бодрой свѣжести.

II.

У насъ, кажется, никто не скрывалъ «ужасовъ» крѣпостнаго права и до сихъ поръ ихъ продолжаютъ расписывать, не замѣчая, что старая форма крѣпостничества давно уже замѣнилась новыми, болѣе усовершенствованными способами эксплуатаціи, съ тѣхъ поръ какъ «порвалась цѣпь великая» и, порвавшись, больно ударила— «однимъ концомъ по барину, другимъ по мужику».

Сорокалѣтняя давность со дня отмѣны патріархальнаго права даетъ уже возможность относиться къ нему съ историческимъ безпристрастіемъ, одинаково чуждымъ и слащаваго возвеличенія помѣщичьихъ добродѣтелей, и неразборчиваго смѣшенія въ одну кучу всѣхъ разнообразныхъ элементовъ дворянскаго сословія...

Il y a fagot et fagot. Точно также и у насъ было «дворянство» и—«дворянство». Не одни же Скотинины, Салтычихи и Фамусовы, по своему «дорожившіе дворянствомъ», наполняли ряды этого сословія! Историческая справедливость требуетъ сказать, что изъ того же класса вышли у насъ почти всѣ лучшіе люди литературы, науки, государственной дѣятельности и военнаго поприща. Но что̀ всего важнѣе: *въ дворянскомъ же сословіи, еще со временъ Екатерины II-ой, зародилась и крѣпла идея крестьянскаго освобожденія*, а доблестный Радищевъ, за свое энергическое нападеніе на крѣпостничество, отвѣдалъ даже ссылки въ Сибирь, съ лишеніемъ правъ состоянія. Нечего и говорить о томъ, что Пушкинъ всю жизнь мечталъ—видѣть «паденіе рабства», а Тургеневъ и Григоровичъ немало способствовали этому паденію правдивымъ художественнымъ изображеніемъ возмутительныхъ сторонъ крѣпостнаго права.

Кромѣ того, и при самомъ освобожденіи крестьянъ, кто же, какъ не лучшая часть дворянства,—въ лицѣ мировыхъ посредниковъ «перваго призыва»,—хлопоталъ о правомѣрномъ составленіи уставныхъ грамотъ, безъ всякаго ущерба для крестьянскихъ интересовъ? Мы помнимъ также много случаевъ, когда порядочные помѣщики не только не подталкивали своихъ крестьянъ на получе-

ніе дароваго «нищенскаго» (или *гагаринскаго*) надѣла, но усердно уговаривали ихъ принять полный душевой надѣлъ, доходившій, напр., въ саратовской губерніи, до $4^1/_2$ десятинъ на душу, причемъ на оцѣнкѣ земли теряли до $^2/_3$ ея продажной стоимости.

Однако, не смотря на присутствіе въ дворянской средѣ добрыхъ, благонадежныхъ въ нравственномъ и политическомъ смыслѣ элементовъ, «порвавшаяся цѣпь» больно задѣла и ихъ,—пожалуй, даже больнѣе, чѣмъ завзятыхъ крѣпостниковъ, умѣвшихъ воспользоваться и «нищенскимъ надѣломъ», и другими способами эксплуатаціи. Внезапно, вмѣстѣ съ освобожденіемъ крестьянъ, для помѣщиковъ закрылся дешевый кредитъ опекунскаго совѣта, а открывшіеся затѣмъ *городскіе общественные банки оказались приноровленными исключительно для выгодъ всероссійскаго купечества*», — до пріобрѣтенія обнищалыхъ помѣщичьихъ имѣній включительно. И купцы широко воспользовались этимъ кредитомъ не для улучшенія быта освобожденныхъ крестьянъ, не для поднятія земледѣльческой культуры, а по большей части для вящей «прижимки» мнимо свободныхъ гражданъ и для хищническаго истощенія почвы...

Всѣмъ извѣстно, еще по комедіямъ Островскаго, на какомъ умственномъ и нравственномъ уровнѣ стояло первенствующее на Руси замоскворѣцкое купечество, а о второстепенныхъ экземплярахъ этой среды и говорить уже нечего! Набивать свои карманы всяческими средствами, не исключая обмѣра и обвѣса покупателей; лежать на золотыхъ мѣшкахъ, пуская деньги въ оборотъ только тогда, когда предвидится барышъ не меньше рубля на рубль; избѣгать по возможности промышленнаго и комерческаго прогресса, придерживаясь прадѣдовской сметки и исконныхъ обычаевъ—вотъ тѣ неподвижные *киты*, на которыхъ крѣпко стояла «комерція» нашихъ толстосумовъ. Хотя г. Боборыкинъ и пробовалъ уловить въ Замоскворѣчьѣ и Китай-городѣ признаки «прогресса», но они были до такой степени незначительны, что попытка олицетворить ихъ въ образѣ живыхъ людей даже не сохранилась въ памяти неблагодарныхъ читателей.

Недолго пришлось ждать, пока всемірный кагалъ, запустивъ свои цѣпкія лапы въ эту среду наиболѣе ему сродную—и по страсти къ наживѣ, и по отсутствію высокихъ нравственныхъ идеаловъ—совершенно поработилъ ее, наполнивъ своими ставленниками все московское первогильдейное купечество. Азіатская крыса, — какъ болѣе сильная, злая и хищная, — съѣла въ концѣ концовъ крысу европейскую... Въ итогѣ получился новый видъ *капиталистическаго крѣпостничества на жидовской подкладкѣ*,—и это крѣпостничество, захвативъ собой не только всѣ производительныя силы

страны, всѣ формы кредита, наложило свою порчу и на умственную жизнь русскаго общества. Мы говоримъ о печальномъ положеніи русской прессы, въ которой хозяева-жиды, отчасти вытѣснивъ русскаго кулака, отчасти вступивъ съ нимъ въ братскій союзъ, произвели чистѣйшую революцію, изгнавъ отсюда всякія «завиральныя идеи»..., въ родѣ патріотизма, безкорыстнаго служенія отечеству, твердости принциповъ и пр., и пр. На очищенномъ такимъ образомъ пространствѣ остались только низменные собственническіе инстинкты, шкурные интересы, да продажное кувырканье передъ прелестями «вавилонской цивилизаціи» и вавилонскаго талмуда...

Какъ ни какъ, но дворянская среда,—даже и не въ лучшихъ ея слояхъ,—представляла менѣе удобный матеріалъ для жидовской переработки, и попытка кагала прорваться въ помѣстное дворянство,—чтобы затѣмъ окончательно закрѣпостить деревню, обезземеливъ крестьянина и обративъ его въ наемнаго батрака, по совѣту новѣйшихъ марксистовъ, — потерпѣла уже крушеніе въ комитетѣ министровъ, къ великому благополучію и удовольствію еще не обрѣзанныхъ дворянъ.

III.

При томъ печальномъ положеніи, въ которомъ очутилась русская печать, лишенная возможности приносить государству серьезныя услуги независимаго сужденія, нельзя не привѣтствовать только что принятой мѣры — освобожденія ея отъ массы карательныхъ мѣръ, часто падавшихъ на нее совершенно незаслуженно и не ограниченныхъ даже никакимъ срокомъ дѣйствія. Нѣкоторыя предостереженія, напримѣръ, висѣли надъ изданіями въ теченіе двухъ сроковъ земской давности!

Система административныхъ предостереженій періодическимъ изданіямъ была, какъ извѣстно, изобрѣтена Наполеономъ III для обузданія *антидинастической прессы* и, не достигши своей прямой цѣли, пала вмѣстѣ съ его династіей. Но такъ такъ, при введеніи у насъ карательной цензуры, еще нельзя было предвидѣть паденія династіи, такъ плохо защищенной системою предостереженій, а самъ Наполеонъ Le Petit представлялся для многихъ вѣнцомъ политической мудрости, то мы, безъ долгихъ колебаній, перенесли цѣликомъ эту систему на русскую почву, забывая, что никакой антидинастической оппозиціи у насъ не было и быть не могло, и отягчивъ еще положеніе печати изъятіемъ изъ круга жур-

нальнаго обсужденія, по усмотрѣнію администраціи, многообразныхъ вопросовъ даже совсѣмъ не политическаго характера.

Противъ цѣлесообразности и практической пригодности этой системы говорилось очень много въ свое время [1]), и Н. А. Милютинъ, напримѣръ, справедливо находилъ, что административныя предостереженія, голословно даваемыя за «вредныя» статьи, не только не убавляютъ ихъ предполагаемой вредоносности, но служатъ даже какъ бы указательнымъ перстомъ для публики, которая уже навѣрное прочтетъ ихъ послѣ предостереженія, а, пожалуй, и слѣпо согласится съ мнѣніями авторовъ». Князь Одоевскій прибавлялъ къ этому, что подобный результатъ былъ бы немыслимъ, еслибы дѣйствительно злонамѣренныя, лживыя и безчестныя статьи подвергались судебному преслѣдованію и осуждались только послѣ полнаго раскрытія этой лжи и злонамѣренности. Что же касается до научныхъ, философскихъ системъ и теорій, и до статей серьезнаго характера, то онѣ, по мнѣнію князя Одоевскаго, отнюдь не должны вызывать ни судебнаго, ни административнаго преслѣдованія, и большою ошибкою было бы со стороны наблюдающей за печатью власти—нарушать такимъ вмѣшательствомъ свободу научныхъ изслѣдованій и философскаго мышленія. Оправданіе судомъ явилось бы въ такихъ случаяхъ необходимымъ коррективомъ противъ административной безтактности и полезнымъ урокомъ для самой власти.

Карательная цензура и пробовала у насъ сначала прибѣгать къ помощи суда въ дѣлѣ гг. Жуковскаго и Пыпина; но этотъ поводъ къ судебному преслѣдованію былъ до такой степени неоснователенъ, что судебное оправданіе въ данномъ случаѣ именно и явилось «необходимымъ коррективомъ противъ административной безтактности». Съ того же времени привлеченіе къ суду за проступки путемъ печати совсѣмъ не практиковалось со стороны цензуры, такъ что и внесеніе залоговъ по безцензурнымъ изданіямъ являлось совершенно излишнимъ; а воевали на судѣ съ печатью только частныя лица, привлекая ее къ отвѣтственности за пресловутую «диффамацію» (тоже остроумная выдумка наполеоновскаго режима). Въ прямой выгодѣ отъ этого режима оказались только наши, прикидывающіеся русскими журналистами, еврейскіе гешефтмахеры. Разъ періодическая печать не ограждена закономъ отъ мимолетныхъ вліяній, она обращается въ своего рода контробанду, гдѣ пронырливый и ловкій субъектъ всегда будетъ имѣть преимущество передъ людьми долга и убѣжденія. А гдѣ контробанда—тамъ и жидъ!..

---

[1]) См. книгу: «Князь В. Ѳ. Одоевскій и Д. В. Веневитиновъ», стр. 81—86.

Въ недавнее время, въ нашей печати шли оживленные толки о способахъ улучшить и легализировать ея положеніе. Высказывалось мнѣніе—передать цензуру въ вѣдѣніе Государственнаго Совѣта, какъ учрежденія коллегіальнаго, болѣе застрахованнаго отъ пристрастій и минутныхъ вѣяній; проводилась и мысль объ учрежденіи особаго, независимаго отъ министерствъ, *статсъ-секретаріата по дѣламъ печати*, на подобіе бывшаго статсъ-секретаріата по принятію прошеній, на Высочайшее имя приносимыхъ.

Къ какому практическому результату приведутъ эти толки—мы не беремся предсказать. Но снятіе предостереженій съ нѣкоторыхъ изданій является уже утѣшительнымъ признакомъ болѣе доброжелательнаго отношенія къ нашей безцензурной печати, уже сослужившей, по мнѣнію князя В. Ѳ. Одоевскаго, огромную *государственную службу* Россіи въ періодъ реформъ Александра II. По всей вѣроятности, эти первые шаги не будутъ послѣдними.

Снятіе, по Высочайшему повелѣнію, съ «Новаго Времени» двухъ предостереженій, объявленныхъ ему много лѣтъ тому назадъ, совпало съ днемъ 25-лѣтняго юбилея этой газеты подъ руководствомъ А. С. Суворина.

«Новое Время» имѣетъ многочисленныхъ друзей и огромную массу читателей, но у него есть и ожесточенные враги. Мы не будемъ заниматься подробной оцѣнкой того положенія, которое занимаетъ въ русской прессѣ газета г. Суворина,—для этого, пожалуй, и не наступило еще время,—но нѣтъ сомнѣнія, что главной причиной ея успѣха служитъ *національное* направленіе газеты, въ противоположность космополитизму съ юдофильскимъ оттѣнкомъ, свившему себѣ прочное гнѣздо чуть ли не во всѣхъ другихъ органахъ нашей печати. У «Новаго Времени», конечно, есть немало и недостатковъ, извѣстныхъ читающей публикѣ, но его ожесточенные враги, во-первыхъ, не хотятъ знать никакихъ circonstances atténuantes въ общемъ ненормальномъ положеніи русской печати, не дозволяющемъ газетѣ проводить вполнѣ послѣдовательно и опредѣленно извѣстную систему взглядовъ; а, во-вторыхъ, эти враги недовольны, въ сущности, не противорѣчіями и уступками «Новаго Времени», а именно его симпатичною чертою, состоящею въ отстаиваньѣ русскихъ интересовъ, загоняемыхъ на задній планъ инородческими притязаніями и захватами. За эту-то черту публика и продолжаетъ оказывать ему вниманіе, не смотря на задорную конкурренцію нѣкоторыхъ старыхъ и новыхъ газетъ, плохо скрывающихъ и даже вовсе не скрывающихъ свою зависимость отъ жидовскаго кагала...

Шулханъ-Арухъ, какъ гражданскій и политическій кодексъ евреевъ.

Никакая строгая цензура—даже еврейская—не можетъ остановить дѣятельность человѣческой мысли. Эту старую истину, подтвержденную неоднократно въ исторіи, доказали еще разъ евреи на себѣ. Не смотря на суровыя угрозы, высказанныя на кагальномъ засѣданіи послѣ окончательнаго проредактированія Вавилонскаго Талмуда, еврейскіе ученые и философы не могли удержаться, чтобы не попытаться изложить свои воззрѣнія на то или другое мѣсто Мишны и Гемары. Попытки эти терпѣли иногда крушеніе; ихъ признавали «не каноническими», но онѣ все таки продолжались.

Первымъ выступилъ Исаакъ Альфаси, который написалъ въ 1032 г. «Малый Талмудъ», представляющій собой копію вавилонскаго, изъ которой выкинуты всѣ легенды и преданія. Эта книга не была признана кагаломъ и осталась въ числѣ «еретическихъ» или зловредныхъ для евреевъ.

Вторымъ явился Мойша бенъ-Маймонъ (ум. въ 1204 г.), придворный врачъ султана Саладина въ Египтѣ и свободномыслящій философъ. Онъ написалъ нѣсколько произведеній, изъ которыхъ его извѣстность составили: «Морэ-Небохимъ» (т. е. врачъ въ затрудненіи), философско-богословскій трактатъ съ разъясненіемъ темныхъ мѣстъ Берапгота, и «Мишна-Тора» (т. е. повтореніе закона) въ четырехъ томахъ, появившихся въ 1169 г. Почти сто лѣтъ спустя, кагалъ помирился съ либерализмомъ бенъ-Маймона, оцѣнилъ его коментаріи и призналъ ихъ ортодоксальными; дѣло въ томъ, что «Мишна-Тора» чрезвычайно способствовала популяризаціи Талмуда среди евреевъ.

Раввинъ Янкель бенъ-Ашеръ окончилъ въ 1321 г., живя въ Толедо, «Арбаа-Туримъ», сочиненіе, служащее прямымъ дополненіемъ «Мишна-Торѣ». Въ 1565 г. появилось въ Венеціи первое изданіе сочиненія знаменитаго ученаго и раввина Іоселя Каро (род. въ 1488 г. въ Галилеѣ, ум. въ 1575 г. въ Италіи), подъ заглавіемъ «Шулханъ-Арухъ» (т. е. *накрытый столъ).* Это былъ сводъ общежитейскихъ правилъ и законовъ для всѣхъ евреевъ; быстрое распространеніе этой книги доказывало ясно, что Каро съумѣлъ угодить «разсѣянному» по всему свѣту народу и его руководителямъ. Какъ популярно изложенный требникъ, «Шулханъ-Арухъ» сдѣлался настольною книгою и постановленія его соблюдаются заботливо до настоящаго времени, содѣйствуя въ сильной степени «Вавилонскому Талмуду» и неукоснительно поддерживая своеобразный *сепаратизмъ* евреевъ, не имѣющихъ родины и беззастѣнчиво созидающихъ вездѣ свое «государство въ государствѣ». Такимъ образомъ, «Вавилонскій Талмудъ» и «Шулханъ-Арухъ» составляютъ краеугольный камень «Ордена евреевъ».

Вскорѣ послѣ появленія «Шулханъ-Аруха», краковскій раввинъ Мойша Иссерлесъ (ум. въ 1573 г.) напечаталъ два объемистыхъ сочиненія или сборника коментаріевъ къ сочиненіямъ бенъ-Ашера и Каро. Оба были приняты преимущественно западными евреями,— то есть евреями Россіи, Германіи, Франціи и Англіи,—тогда какъ восточные и южные (въ Азіи, Африкѣ и южной Европѣ) держатся только одного Каро. Оставляя Иссерлеса въ сторонѣ, вернемся къ «Шулханъ-Аруху». Легко понять, что такая важная книга перепечатывалась неоднократно. Однако, евреи замѣтили, что среди христіанъ начинаютъ появляться знатоки еврейскаго языка, которые *безъ церемоній указываютъ на духъ вражды и ненависти къ не-евреямъ, которымъ пропитано сочиненіе Каро.* «Мудрый, яко змій», всееврейскій кагалъ разрѣшилъ тогда корректурныя *поправки въ «Шулханъ-Арухъ», вполнѣ понятныя для еврея, но сбивающія съ толку христіанъ.* Изъ двухъ извѣстныхъ намъ изданій, виленское (въ 1879 г.) содержитъ въ себѣ гораздо больше этихъ «корректурныхъ поправокъ», чѣмъ штеттинское (въ 1865 г.), хотя существуютъ болѣе правдивыя и болѣе раннія изданія.

По содержанію своему, «Шулханъ-Арухъ» распадается на четыре части, а именно: 1) «Орахъ-Хайимъ» (т. е. путь жизни). Онъ дѣлится, въ свою очередь, на двадцать семь главъ, содержащихъ 697 параграфовъ.

2) «Іоре-Деа» (т. е. господинъ знанія) содержитъ тридцать пять главъ и 403 параграфа.

3) «Эбенъ-Гаэзеръ» (т. е. камень спасенія) состоитъ изъ пяти главъ и 178 параграфовъ.

4) «Хошенъ-га-Мишпатъ» (т. е. охрана правосудія) представляетъ родъ свода гражданскихъ и уголовныхъ законовъ, распадается на двадцать девять главъ и 427 параграфовъ.

Прежде чѣмъ обратиться къ выдержкамъ изъ «Шулханъ-Аруха», характерно опредѣляющимъ отношенія евреевъ къ не-евреямъ, остановимся на секунду, чтобы пересмотрѣть тѣ наименованія, которыя расточаются любезными сочленами «ордена евреевъ»— ихъ врагамъ. Выраженія: «христіане» они стараются вообще *избѣгать* въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ, замѣняя его, въ случаѣ прямой надобности, словомъ: «назареи». Кромѣ того, согласно Вавилонскому Талмуду, употребляются слѣдующія выраженія: *гой* (женскаго рода *гойя*, множ. число *гойимъ)* означаетъ иновѣрецъ, язычникъ, не-еврей; *акумъ* — значитъ звѣздопоклонникъ; *обедъ-элилимъ*—идолопоклонникъ; *кути*—названіе народа, переселеннаго ассирійскими царями въ Палестину, гдѣ онъ смѣшался съ евреями и образовалъ самарянъ; наконецъ, *минимъ*—еретикъ. Послѣднія два выраженія примѣняются только къ не-христіанамъ, такъ какъ христіане, съ еврейской точки зрѣнія, считаются вообще обедъ-элилимъ. Въ современной еврейской литературѣ, начиная съ Иссерлеса, къ христіанамъ примѣняется безразлично названіе «гойимъ» или «акумъ», поэтому, если встрѣчается какое нибудь правило относительно гойимъ или акумъ, то *оно относится несомнѣнно къ христіанамъ.*

Теперь перейдемъ къ выдержкамъ, которыя мы и расположимъ по рубрикамъ.

О левитахъ и молитвенныхъ выраженіяхъ.

Хотя нынѣ нѣтъ храма и жертвоприношеній, тѣмъ не менѣе потомки первосвященника Аарона должны пользоваться среди разсѣянныхъ евреевъ нѣкоторыми преимуществами и почетомъ, не предоставляемымъ прочимъ евреямъ, и сохраняютъ всегда право въ праздничный день преподать свое благословеніе единоплеменникамъ. Но если одинъ изъ этихъ потомковъ *сдѣлается акумомъ* или будетъ жить позорно, то отецъ считается обезчещеннымъ и теряетъ свои преимущества (Орахъ-Хайимъ, параграфъ 128, стр. 41).

Молитва «кадишъ» (она начинается словами: «итгадалъ вейткадишъ», то есть: возвысь и освяти) можетъ быть произносима, если десять евреевъ соберутся вмѣстѣ и ничто нечистое,—*напри-*

мѣръ изверженіе или акумъ,—не раздѣляетъ ихъ. (Орахъ-Хайимъ, пар. 55, стр. 20).

Молитва «симунъ» (которую евреи произносятъ послѣ каждаго вкушенія пищи и конецъ которой составляетъ благословеніе хозяину дома) *не должна быть произносима въ домѣ какого бы то ни было акума, чтобы онъ не получилъ благословенія.* (Орахъ-Хайимъ, пар. 193, стр. 3).

Вечеромъ, наканунѣ праздника пейсахъ, каждый еврей долженъ прочитать молитву «шефохъ», то есть молитву, *въ которой просятъ Бога излить свой гнѣвъ на гойимъ*; и если евреи читаютъ эту молитву съ усердіемъ, то Господь исполнитъ ее безъ сомнѣнія и пошлетъ мессію, который разразится гнѣвомъ на гойимъ. (Орахъ-Хайимъ, пар. 480 и 690, стр. 16. Здѣсь приведемъ самый текстъ молитвы: «простри гнѣвъ на народы, которые не познали тебя, и на царства, не призывающія имени твоего, такъ, какъ пожранъ Іаковъ и опустошено жилище его. Ты выскажешь свое негодованіе на нихъ и пылъ гнѣва твоего охватитъ ихъ. Преслѣдуй ихъ въ гнѣвѣ твоемъ и истреби ихъ подъ небесами Господними»).

Уроки нравственности.

Ставится въ обязанность евреямъ исполнять все, что́ больной выразилъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи, исключая распоряженій, составляющихъ грѣхъ. Такимъ образомъ, если больной назначилъ въ своемъ завѣщаніи что нибудь *въ подарокъ акуму*, исполнять этого не слѣдуетъ, такъ какъ считается великимъ грѣхомъ дѣлать какой бы то ни было подарокъ назарею (Хошенъ-га-Мишпатъ, пар. 256, стр. 3).

Считается обязанностью еврея, если онъ нашелъ что нибудь,—будетъ ли это предметъ одушевленный, или неодушевленный,—возвратить находку хозяину. Вполнѣ понятно, что это дѣлается только тогда, *когда предметъ принадлежитъ еврею*; если же онъ принадлежитъ акуму, то не только нѣтъ надобности возвращать его, но *считается тяжкимъ грѣхомъ отдать что нибудь акуму, за исключеніемъ случая, когда это дѣлается съ цѣлью побудить назареевъ сказать: «Евреи — очень честные люди»!* (Хошенъ-га-Мишпатъ, пар. 259, стр. 1). Когда еврей встрѣчаетъ навьюченное животное, которое упало подъ тяжестью своего груза, или черезчуръ набитую повозку, въ которой упряжныя животныя выбились изъ силъ, то онъ обязанъ поспѣшить на помощь проводнику или возчику. Подобная помощь обязательна со стороны каждаго еврея, какъ по отношенію къ ближнему, такъ и по отношенію къ

животнымъ; но это обязательство существуетъ только тогда, *когда грузъ принадлежитъ еврею*, а повозка назарею или, наоборотъ, животное принадлежитъ еврею, а грузъ акуму. Если же грузъ принадлежитъ еврею, а повозка акуму, и самъ возчикъ также акумъ, или же, если животныя принадлежатъ акуму, а грузъ также акуму, тогда всякое сожалѣніе и всякое милосердіе прекращаются по отношенію къ владѣльцу груза и къ животнымъ. Въ такомъ случаѣ ни одинъ еврей не обязанъ спѣшить на помощь владѣльцу груза или животнымъ. (Хошенъ-га-Мишпатъ, пар. 272, стр. 1, 8 и 9). Если еврей долженъ акуму и умеръ, то еврей не обязанъ уплачивать своего долга наслѣдникамъ, предполагая, конечно, что ни одинъ акумъ не знаетъ про этотъ долгъ. Если же акуму это извѣстно, то еврей долженъ уплатить деньги наслѣдникамъ, чтобы назареи не могли тказать: «Евреи—обманщики»! (Хошенъ-га-Мишпатъ, пар. 283, стр. 1). Запрещается еврею воровать что бы то ни было какъ у еврея, такъ и у гоя, но *послѣдняго дозволяется обманывать*, напримѣръ, не уплачивать ему слѣдуемаго по счету. Хотя дозволяется обмануть гоя, но слѣдуетъ поступать въ этомъ осторожно, чтобы *обманъ не обнаруживался* и имя Господне не осквернялось. (Хошенъ-га-Мишпатъ, пар. 348, стр. 2). Если еврей состоитъ арендаторомъ государственной регаліи или взялъ на откупъ отъ государства, за извѣстную сумму, повинности города или округа, то не должно вредить арендной статьѣ (или подрывать ее), но когда арендаторомъ состоитъ назарей, то дозволяется вредить ему, такъ какъ это равносильно неуплатѣ долга. (Хошенъ-га-Мишпатъ, пар. 369, стр. 6). Еврею съ евреемъ запрещается играть въ «кубья», то есть играть въ карты или кости и другія азартныя игры, такъ какъ все это—воровство и грабежъ, а обирать еврея запрещается. Но съ акумомъ вполнѣ можно играть въ «кубья» (Хошенъ-га-Мишпатъ, пар. 370, стр. 1 и 3).

Запрещается еврею держать злую кусающуюся собаку не на цѣпи. Этотъ законъ имѣетъ силу только въ мѣстностяхъ, обитаемыхъ евреями, *но въ мѣстностяхъ обитаемыхъ акумами, еврею можно имѣть и злющую собаку*. (Хошенъ-га-Мишпатъ, пар. 409, стр. 3).

Милостыня и подарки.

Въ праздничные дни, когда запрещено работать, нельзя точно также готовить себѣ и кушанье; однако, каждый можетъ приготовить на огнѣ столько пищи, сколько ему нужно, чтобы поѣсть. Если еврею необходимо приготовить пищу для себя, то онъ можетъ добавить въ горшокъ провизіи и сверхъ того, что пойдетъ

на него одного, напр., *для прокормленія собаки*, такъ какъ поддерживать жизнь собакъ составляетъ нашу обязанность. Но *добавлять провизіи, чтобы прокормить акума, строго воспрещается*, потому что *въ еврейскія обязанности не входитъ поддерживать жизнь акумовъ*. (Орахъ-Хайимъ, пар. 512, стр. 1, 2 и 3).

Запрещается еврею дѣлать подарокъ акуму въ день его праздника; это позволяется только тогда, когда акумъ—невѣрующій или свободномыслящій(sic). Точно также евреямъ воспрещается принимать подарки отъ акума въ день его праздника; но если они опасаются, что отказъ повлечетъ для нихъ дурныя послѣдствія, то *должны принять подарокъ, а затѣмъ тихонько выбросить*. (Іоре-Деа, пар. 148, стр. 5 и 6). Строго запрещается еврею принимать милостыню отъ акума. Тотъ, кто подастъ еврею «седаку», то есть милостыню, получитъ благословеніе отъ Бога; такимъ образомъ, акумъ получитъ благословеніе, если еврей приметъ отъ него милостыню. Вотъ почему, если *царь или монархъ гойимъ пришлетъ евреямъ денегъ для раздачи бѣднымъ, то не слѣдуетъ отсылать деньги назадъ, чтобы не оскорбить монарха, однако, раздавать своимъ бѣднымъ не полагается*, а должно распредѣлить тайно среди бѣдныхъ гойимъ. Но когда монархъ дѣлаетъ подарокъ синагогѣ, то его можно принять, такъ какъ благословеніе синагоги не такъ важно. Отъ еврея, сдѣлавшагося назареемъ, никакія деньги не могутъ быть приняты (Іоре-Деа, пар. 254, стр. 1 и 2).

У евреевъ былъ законъ: «Во время жатвы слѣдуетъ оставлять для бѣдныхъ колосья по закраинамъ полей и на поляхъ». Съ тѣхъ поръ какъ евреи разсѣяны среди акумовъ и ихъ поля могутъ очутиться среди принадлежащихъ акумамъ, этотъ законъ отмѣненъ, такъ какъ бѣдные изъ акумовъ могли бы подбирать колосья. (Іоре-Деа, пар. 332, стр. 1).

Если еврей желаетъ передать свою недвижимость акуму и при этомъ имѣетъ сосѣдомъ еврея, то, по требованію послѣдняго, обязанъ выдать расписку въ томъ, что онъ, продавецъ, отвѣтственъ за всѣ безпокойства, какія могутъ возникнуть отъ подобнаго сосѣдства. Въ случаѣ его отказа принять на себя отвѣтственность, раввинъ долженъ положить на него отлученіе, то есть проклясть. (Іоре-Деа, пар. 334, стр. 43). Считается большимъ грѣхомъ дарить что нибудь акуму. Тѣмъ не менѣе, дозволяется подавать милостыню бѣднымъ изъ акумовъ, навѣщать ихъ больныхъ, отдавать послѣдній долгъ усопшему и утѣшать оставшихся въ живыхъ, но все это слѣдуетъ дѣлать для успокоенія акумовъ, чтобы *они могли думать, будто евреи — хорошіе друзья для нихъ* и сочувствуютъ ихъ несчастьямъ. (Іоре-Деа, пар. 151, стр. 11 и 12).

Ростовщичество.

Во время Холъ-га-Моэда (еврейскіе праздники весною и осенью) всякое отправленіе дѣлъ строго запрещено; но вполнѣ разрѣшается отдавать назарею деньги въ ростъ, а то иначе случай будетъ упущенъ и еврей потеряетъ свой выигрышъ. (Орахъ-Хайимъ, пар. 539, стр. 13). Если еврей держитъ акума въ рукахъ (существуетъ халдейскій глаголъ: «тагарафья», что̀ значитъ: *сдирать шкуру*, грабить, не выпускать изъ лапъ), то другой еврей можетъ прійти къ этому акуму, дать ему въ долгъ денегъ и надуть его такъ, чтобы онъ все потерялъ. Дѣло въ томъ, что *деньги акума есть имущество безъ хозяина*, и кто желаетъ или можетъ, тотъ имѣетъ право овладѣть этимъ имуществомъ. (Хошенъ-га-Мишпатъ, пар. 156, стр. 5).

Строго запрещается еврею давать въ долгъ еврею же за высокіе проценты; напротивъ, назарею или еврею, сдѣлавшемуся назареемъ, вполнѣ разрѣшается давать деньги въ долгъ за высокіе проценты, потому что въ Берантотѣ (Библіи) сказано: «Не препятствуй брату твоему жить возлѣ тебя»; *на акума же никто не смотритъ, какъ на брата.* (Іоре-Деа, пар. 159, стр. 1). Еврей не долженъ ничего одолжать акуму за три дня до назарейскихъ праздниковъ, а въ особенности вступать съ нимъ въ какія нибудь дѣла, потому что акумъ можетъ изъ-за этого имѣть удовольствіе во время праздниковъ. Однако, *дозволяется давать ему деньги въ долгъ за большіе проценты, чтобы акумъ послѣ удовольствія испыталъ печальныя послѣдствія своего займа*, расплачиваясь позднѣе. (Іоре-Деа, пар. 148, стр. 1).

Когда у еврея умретъ одинъ изъ членовъ семейства, по которому онъ обязанъ носить трауръ, то въ теченіе семи дней онъ не долженъ покидать дома и заниматься дѣлами для пріобрѣтенія денегъ. Но если представляется возможность дать акуму деньги въ ростъ, то еврею дозволяется выйти изъ дома и прервать свой трауръ. (Іоре-Деа, пар. 380, стр. 3 и 5).

Судъ и свидѣтельствованіе.

Каждый «бет-динъ» (т. е. судъ, состоящій, по крайней мѣрѣ, изъ троихъ, причемъ судьями избираются обыкновенно раввины, хотя могутъ быть избраны и другія лица) до сего дня *имѣетъ право произносить смертный приговоръ*, если онъ считаетъ его необходимымъ, хотя преступленіе само по себѣ не заслуживало бы

подобнаго наказанія. (Хошенъ-га-Мишпатъ, пар. 2, стр. 1). Если два еврея имѣютъ тяжбу по денежному дѣлу или по какому нибудь другому и вынуждены прибѣгнуть къ содѣйствію судьи, то имъ слѣдуетъ явиться въ бет-динъ и подчиниться его приговору, но *они не смѣютъ идти къ акуму или искать правосудія въ королевскомъ судѣ*, гдѣ засѣдаютъ акумы, хотя бы законы этого суда походили на законы раввиновъ; во всякомъ случаѣ, *это великій грѣхъ и страшное богохульство*. Когда у еврея идетъ споръ съ другимъ евреемъ и онъ нарушаетъ это предписаніе, добиваясь правды передъ назарейскимъ судомъ, то бет-динъ имѣетъ власть отлучить его, пока онъ не откажется отъ исполненія приговора надъ его ближнимъ. (Хошенъ-га-Мишпатъ, пар. 26, стр. 1). *Еврей не можетъ служить свидѣтелемъ для акума противъ еврея*. Если акумъ требуетъ деньги съ еврея, который отрицаетъ это, то *другому еврею, знающему правоту акума, запрещается быть свидѣтелемъ въ пользу акума*. Когда еврей нарушитъ это предписаніе въ пользу назарея противъ еврея, тогда бет-динъ имѣетъ право подвергнуть такого свидѣтеля отлученію (Хошенъ-га-Мишпатъ, пар. 28, стр. 3).

Только тотъ можетъ служить свидѣтелемъ, кто обладаетъ еще человѣческимъ образомъ и долею чести. Напримѣръ, тотъ, кто выходитъ на улицу безъ одежды или сбираетъ подаяніе среди назареевъ, тотъ похожъ на безчестную собаку, а поэтому не можетъ служить свидѣтелемъ. (Хошенъ-га-Мишпатъ, пар. 34, стр. 18). Не могутъ быть также свидѣтелями тѣ, которые *носятъ только названіе человѣка; акумъ же или крещеный еврей, который еще хуже назарея, не могутъ никоимъ образомъ считаться за людей*, а слѣдовательно ихъ показанія не имѣютъ никакой цѣны. (Хошенъ-га-Мишпатъ, пар. 34, стр. 19 и 22).

Если еврейскій быкъ поразитъ рогами быка акумовъ, то еврей не обязанъ вознаграждать акума, такъ какъ въ Бераитотѣ сказано: «Когда быкъ человѣка ударитъ рогами быка ближняго...» (Исходъ, XXI, 35); но *акумъ не есть мой ближній. Когда же, наоборотъ, назарейскій быкъ поразитъ рогами быка еврейскаго, то необходимо, чтобы акумъ вознаградилъ еврея, потому что онъ акумъ* (Хошенъ-га-Мишпатъ, пар. 406, стр. 1). Если еврей укралъ что нибудь у акума и отрицаетъ это передъ судомъ, который требуетъ отъ него присяги, то другіе евреи, знающіе о кражѣ, должны постараться помирить еврея съ назареемъ. Но когда примиреніе невозможно, терять тяжбы не желательно, а присяги не избѣжать, тогда *еврей можетъ дать ложную присягу*, очищая себя внутренно мыслью, что это дѣлается по принужденію. Это постановленіе теряетъ свою силу, если акумъ не увѣренъ хорошо въ кражѣ; тогда

еврей не можетъ давать ложной присяги, иначе имя Господне будетъ осквернено. Считается за основное правило, что *еврей можетъ ложно присягнуть, если ему угрожаютъ тѣлеснымъ наказаніемъ*, хотя бы была нарушена клятва и имя Господне могло бы быть осквернено; но если еврею угрожаетъ только денежное взысканіе, то онъ не смѣетъ ложно присягать, *развѣ только можно будетъ скрыть, что онъ клятвопреступникъ*, и нельзя будетъ доказать, что имя Господне будетъ осквернено (Іоре-Деа, пар. 239, стр. 1). Строго запрещается еврею бить своего ближняго, хотя бы это былъ грѣшникъ, потому что тотъ, кто бьетъ ближняго, есть «расха», то есть нечестивый, дурной человѣкъ, и онъ остается отлученнымъ, пока не попроситъ прощенія у ближняго. *Подъ именемъ ближняго понимаются только евреи, а бить акума вовсе не составляетъ грѣха.* Прежде чѣмъ просить прощенія у битаго, слѣдуетъ уплатить ему за пять вещей: за тѣлесное поврежденіе, за огорченіе, за врачей и лѣкарства, за потерянное время или за соотвѣтствующую потерю денегъ и, *наконецъ, за оскорбленіе.* (Хошенъ-га-Мишпатъ, пар. 420, стр. 1 и 3, пар. 422, стр. 1).

Купля и продажа.

Въ шаббатъ (т. е. день субботній) строго запрещается еврею продавать и покупать, но все таки еврей можетъ купить отъ назарея домъ въ Палестинѣ; по этому случаю позволяется даже заниматься письмоводствомъ, лишь бы въ Палестинѣ однимъ акумомъ было меньше, а однимъ евреемъ больше. (Орахъ-Хайимъ, пар. 306, стр. 11).

Горожане (конечно, евреи) въ своей общинѣ могутъ запретить другимъ торговцамъ приходить и продавать свои товары; исключеніе допускается, если товары иноземныхъ купцовъ лучше или дешевле мѣстныхъ. Тогда запрещать не слѣдуетъ, потому что община получитъ лучшіе товары. При этомъ понимается, что покупателями будутъ евреи, но если покупателями явятся акумы, тогда иностранцевъ слѣдуетъ удалить, такъ какъ *будетъ грѣхъ удѣлить что нибудь хорошее на долю акума.* У евреевъ считается за непреложное правило, что *лучше бросить кусокъ мяса собакѣ, чѣмъ дать его гою, такъ какъ собака всегда лучше, чѣмъ гой.* (Хошенъ-га-Мишпатъ, пар. 156, стр. 7).

Когда еврей имѣетъ для своихъ дѣлъ прикащика, съ которымъ заключенъ договоръ о томъ, что все найденное имъ принадлежитъ хозяину, и когда прикащикъ обманулъ акума, заставивъ его вторично отдать давно уплаченный долгъ, или же обсчиталъ его, то

всѣ барыши принадлежатъ хозяину, потому что на нихъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на нѣчто найденное. *Для евреевъ собственность назареевъ есть имущество безъ хозяина, слѣдовательно его можно взять себѣ, сколько силы позволятъ.* (Хошенъ-га-Мишпатъ, пар. 176, стр. 12).

Если еврей послалъ разсыльнаго получить съ акума деньги и если разсыльный обманулъ акума, взявъ съ него больше, чѣмъ слѣдовало, то излишекъ принадлежитъ разсыльному. (Хошенъ-га-Мишпатъ, пар. 183, стр. 7). Если акумъ имѣетъ дѣловыя сношенія съ евреемъ и къ нему явился второй еврей, который надуваетъ его обмѣромъ, обвѣсомъ или обсчитываніемъ, то *оба еврея дѣлятся барышами* (Хошенъ-га-Мишпатъ, пар. 183, стр. 7). Когда еврей посылаетъ разсыльнаго заплатить акуму долгъ, но разсыльный замѣтитъ по прибытіи, что акумъ забылъ про долгъ, тогда разсыльный обязанъ вернуть деньги пославшему его; при подобной уплатѣ, разсыльный не можетъ сказать, что онъ желалъ прославить имя Господне для того, чтобы акумъ сказалъ: «А евреи, однако, очень порядочные люди!» Онъ могъ бы поступить такъ съ собственными деньгами, но не имѣетъ права кидать деньги другаго. (Хошенъ-га-Мишпатъ, пар. 183, стр. 8). Если еврей продастъ другому еврею что нибудь движимое или недвижимое, а затѣмъ будетъ доказано, что эти вещи украдены у третьяго еврея, который и получитъ свою собственность обратно, то воръ-продавецъ обязанъ возвратить покупателю полученныя деньги, такъ какъ онъ не имѣлъ права воровать. *Но если еврей продастъ еврею вещи, украденныя у акума, и назарей отниметъ эти вещи, то нѣтъ надобности возвращать деньги.* (Хошенъ-га-Мишпатъ, пар. 225, стр. 1). Если еврей нанялъ домъ другаго еврея, то третій еврей можетъ предложить высшую наемную плату и оставить домъ за собою. Но если домъ принадлежитъ акуму, то да будетъ отлученъ тотъ, по чьей винѣ назарей получитъ больше денегъ. (Хошенъ-га-Мишпатъ, пар. 237, стр. 1). (Согласно Іоре-Деа, пар. 334, стр. 2 и 3, отлученіе бываетъ двухъ родовъ: «ниддуи», низшая степень, и «херемъ»,—высшая степень).

Еврей не смѣетъ торговать нечистыми предметами, напримѣръ, свиньями, церковною утварью и т. д., но перебить такую торговлю у назарея вполнѣ возможно, потому что *считается добрымъ дѣломъ отнять что бы то ни было у назарея.* (Іоре-Деа, пар. 117, стр. 1). Все, въ чемъ нуждаются евреи для совершенія своего богослуженія, должно быть сработано не акумомъ, но обязательно—евреемъ, такъ какъ подобныя вещи должны быть сдѣланы людьми, а *евреи не могутъ же считать акумовъ за людей.* (Орахъ-

Хайимъ, пар 14, стр. 1). *Запрещается евреямъ усвоивать образъ жизни акумовъ*; они должны, по мѣрѣ возможности, отдѣляться отъ нихъ, — напримѣръ, въ одеждѣ, въ прическѣ, въ обстановкѣ дома и т. д. Въ особенности же слѣдуетъ избѣгать носить одежду по чему нибудь отличительную среди назареевъ. Но среди этихъ назареевъ существуютъ занятія, какъ напримѣръ, врачей, ремесленниковъ, которые носятъ особо присвоенный костюмъ (слѣдуетъ помнить, что «Шулханъ-Арухъ» написанъ въ XVI вѣкѣ); то врачу или ремесленнику изъ евреевъ дозволяется надѣвать такой костюмъ, *если этимъ можно заработать больше денегъ*. (Іоре-Деа, пар. 178, стр. 1).

Бракъ, кормилицы и акушерки.

Если мужчина или женщина изъ акумовъ или крещеныхъ евреевъ вступаетъ въ бракъ, то послѣдній не считается законнымъ. Когда мужчина или женщина изъ акумовъ приметъ іудейство, то онъ (или она) можетъ вторично вступить въ бракъ, не расторгая перваго, хотя бы ему было лѣтъ двадцать, такъ какъ *брачная жизнь назареевъ есть ничто иное, какъ распутство*. (Эбенъ-Гаэзеръ, пар. 26, стр. 1). Если *еврей женится на женщинѣ изъ акумовъ, то ему слѣдуетъ дать 39 палочныхъ ударовъ и объявить бракъ незаконнымъ*, а бет-динъ долженъ отлучить еврея, хотя бы онъ женился на бывшей іудейкѣ. Этотъ еврей можетъ жениться на другой, не разводясь даже съ первою женою, *такъ какъ акумовъ нельзя считать за людей, а только за жеребцовъ и кобылъ*. (Эбенъ-Гаэзеръ, пар. 44, стр. 8). Припомнимъ, при этомъ, три изреченія изъ Талмуда объ акумахъ: «Ихъ мясо есть мясо осла, а ихъ сѣмя есть сѣмя лошади» (XXIV Іебамотъ, 98); «*сѣмя акума должно считать, какъ сѣмя скота*» (XXV Кетуботъ, 3 в.); «сожительство акума есть то же, что случка животныхъ» (XXXIV Санхёдринъ, 74 в). Эти же мысли выражены въ XXX Кидушинъ, 68, а.

Каждый еврей обязанъ жениться, чтобы поддерживать и продолжать родъ человѣческій. Поэтому онъ долженъ взять жену, отъ которой могъ бы имѣть дѣтей; она не должна быть старухою или такою, отъ которой невозможно имѣть дѣтей. Однако, вотъ уже нѣсколько поколѣній, какъ этотъ законъ пересталъ строго соблюдаться. Если еврей имѣетъ внѣбрачныхъ или тупоумныхъ дѣтей, то онъ всетаки исполнилъ свою обязанность, содѣйствуя продолженію рода человѣческаго. Но если его дѣти сдѣлались акумами, если назарей сдѣлался іудеемъ, а дѣти его остались назареями, то

онъ не исполнилъ своей обязанности къ поддержанію и распространенію рода человѣческаго, потому что *дѣтей акума нельзя даже приравнивать ко внѣбрачнымъ дѣтямъ или идіотамъ еврейскаго происхожденія.* (Эбенъ-Гаэзеръ, пар. 16, стр. 1, пар. 1, стр. 1, 3, 6 и 7).

Запрещается еврейской кормилицѣ кормить молокомъ дитя акума, такъ какъ этимъ она поможетъ выростить акума. Это ей дозволяется только тогда, когда обиліе молока причиняетъ ей большія страданія и можетъ вызвать болѣзнь. *Точно также запрещается еврею обучать назарея ремеслу, потому что ремесло можетъ прокормить назарея* (Іоре-Деа, пар. 81, стр. 7). Запрещается еврею держать кормилицу изъ не-евреекъ въ тѣхъ случаяхъ, когда можно имѣть еврейку, такъ какъ, по природѣ, вещество кормилицы переходитъ обыкновенно къ ребенку, а женщина не-еврейка дѣлаетъ ребенка глупымъ и передаетъ ему дурныя качества (Іора-Деа, пар. 154, стр. 2). Не только дозволяется, но считается обязательнымъ для еврейской акушерки помочь еврейкѣ при родахъ въ субботній день и сдѣлать все необходимое, хотя бы этимъ и была осквернена суббота. Напротивъ, запрещается помогать назарейкѣ, хотя этимъ и не осквернялась бы суббота, такъ какъ на нее можно смотрѣть только какъ на животное (Орахъ-Хайимъ, пар. 330, стр. 2).

Назареи и нечистыя животныя.

Когда чума разражается въ какой нибудь мѣстности и множество людей дѣлается ея жертвою, то евреи должны соединиться въ синагогѣ на цѣлый день и молиться безъ пищи и питья, чтобы Господь сжалился надъ ними и пожелалъ избавить ихъ отъ чумы. Но *если чума появилась среди животныхъ, нѣтъ надобности дѣлать это; точно также, если чума явится среди акумовъ.*

Строго запрещается обманывать себѣ подобныхъ, и для еврея уже считается обманомъ, если, продавая что нибудь, онъ взялъ на шестую часть больше противъ дѣйствительной стоимости; кто обманулъ ближняго, обязанъ исправить проступокъ. Конечно, это относится только къ евреямъ, потому что акума дозволяется обманывать; еврей вовсе не обязанъ возвращать акуму взятый съ него излишекъ, такъ какъ въ Бераитотѣ сказано: «Вы не должны обманывать своихъ братьевъ», а *назареи намъ не братья; напротивъ, они хуже собакъ* (Хошенъ-га-Мишпатъ, пар. 227, стр. 1; то же сказано въ XXXII Баба-Меціа, стр. 49). Если еврей купилъ у акума посуду металлическую или глиняную, то обязанъ хорошо ее

обмыть, потому что акумы всѣ грязны. Когда еврей продастъ посуду акуму и послѣдній вернетъ ее, то еврей также обязанъ вымыть ее, такъ какъ уже *одно прикосновеніе акума мараетъ посуду* (Іоре-Деа, пар. 120, стр. 1 и 11). Еврею запрещается хвалить акума въ его отсутствіи, говоря: «какой красивый назарей», если онъ хорошо сложенъ. Но въ тысячу разъ строже запрещается хвалить его хорошія качества, говоря: «какой ученый человѣкъ»! или «какой знающій человѣкъ»! Когда имѣютъ въ виду прославить Господа за созданіе имъ красивой твари, то можно похвалить внѣшность назарея, такъ какъ *еврей можетъ восхвалять Господа по поводу красоты животнаго, а слѣдовательно и акума* (Іоре-Дея, пар. 151, стр. 14). Среди евреевъ установлено правило, что они должны очищаться омовеніемъ. Если послѣ омовенія они встрѣтятъ что нибудь нечистое, отвратительное, *или акума*, то они обязаны снова начать омовеніе, такъ какъ *одинъ видъ поганой вещи или акума и безъ прикосновенія уже пачкаетъ* (Іоре-Деа, пар. 198, стр. 48. Перечислимъ здѣсь кстати по «Бееръ-Гетебу», нечистыхъ животныхъ по нисходящимъ степенямъ: собака, оселъ, идіотъ, акумъ, верблюдъ, свинья, лошадь или прокаженный).

Бракъ среди назареевъ не обязателенъ, такъ какъ сношенія ихъ подобны случкѣ лошадей, живущихъ вмѣстѣ. Назарейскія дѣти вовсе не состоятъ въ родствѣ со своими родителями, и если родители съ дѣтьми переходятъ въ іудейство, то сынъ, напримѣръ, можетъ жениться на своей матери (Іоре-Деа, пар. 269, стр. 1) Когда у еврея находятся въ услуженіи мужчина или женщина изъ акумовъ и одинъ изъ нихъ умретъ въ его домѣ, то запрещается другому еврею утѣшать его въ этой утратѣ; но онъ можетъ сказать: «Пусть Господь пополнитъ твою убыль», какъ обыкновенно говорятъ человѣку, если у него околѣваетъ быкъ или оселъ (Іоре-Деа, пар. 377, стр. 1). Запрещается еврею помѣщать свое дитя въ назарейское учебное заведеніе, гдѣ онъ учился бы или къ назарейскому ремесленнику на выучку, потому что акумъ направитъ его по дурной дорогѣ. Кромѣ того, еврей никогда не долженъ оставаться наединѣ съ акумомъ, такъ какъ всѣ акумы кровожадны (Іоре-Деа, пар. 153, стр. 1). Когда еврей присутствуетъ при кончинѣ другаго еврея, то въ минуту, когда душа разлучается съ тѣломъ, слѣдуетъ, въ знакъ траура, оторвать часть своей одежды, хотя бы это былъ и грѣшникъ. Но когда онъ присутствуетъ при смерти крещенаго еврея, то такой знакъ траура запрещается, потому что въ такомъ случаѣ еврей долженъ радоватся, тѣмъ болѣе, что *такая радость денегъ не стоитъ.* Кромѣ того, запрещается еврею оказывать послѣдній долгъ акуму, напри-

мѣръ, сопровождать его при похоронахъ или произносить рѣчь передъ гробомъ; все это дозволяется только тогда, когда это дѣлается изъ любви къ спокойствію (Іоре-Деа, пар. 340, стр. 5).

Приведенныя выдержки изъ «Шулханъ-Аруха» настолько опредѣленны, точны и краснорѣчивы, что не требуютъ вовсе поясненій. *Кто не нашъ, тотъ намъ врагъ!* — вотъ основное правило этого своеобразнаго статута талмудическаго «ордена евреевъ», которому они слѣдуютъ на всѣхъ путяхъ своей дѣятельности [1]).

Нельзя сказать, чтобы здѣсь было очень много сходства съ извѣстной «декларацiей правъ человѣка и гражданина»... Человѣкомъ считается только сынъ израиля; *гоимы* же, или *акумы* (т. е. всѣ *не* принадлежащiе къ «избранному племени»), самою природою предназначаются въ жертву израилю для эксплуатацiи и поруганія надъ ними.

---

[1]) Всѣ постановленія шулханъ-аруха *вполнѣ обязательны* для правовѣрнаго талмудиста, подъ угрозою херема въ случаѣ неисполненія. Объ этомъ свидѣтельствовали не разъ самые авторитетные въ еврейской литературѣ писатели, какъ напр., г.г. Сегаль, Хвольсонъ и Ландау.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стр.
I.	Евреи въ Россіи. (Отъ древнихъ временъ до конца царствованія Екатерины II-ой).	5
II.	Новое оружіе противъ еврейскаго обмана	89
III.	Плоды еврейской равноправности въ Западной Европѣ.	103
IV.	Борьба русскаго правительства съ кагаломъ	115
V.	Расширеніе еврейской гегемоніи въ Европѣ при парламентскомъ режимѣ.	136
VI.	Наше національное самосознаніе и жидовскій маскарадъ въ разныхъ костюмахъ.	146
VII.	Коренная ошибка нашего законодательства по еврейскому вопросу	162
VIII.	Столѣтіе жидовской равноправности во Франціи	173
IX.	Вторичное осужденіе Дрейфуса	183
X.	Отголоски «дрейфусіады» во Франціи и Россіи	198
XI.	Европейская пресса, обратившаяся въ еврейскую	206
XII.	Повтореніе минскаго бенефиса въ Шкловѣ	214
XIII.	Еврейскія звѣзды и еврейскій херемъ	225
XIV.	Еврейская цензура въ прессѣ и театрѣ	237
XV.	«Контробачдисты» на сценѣ Малаго театра	246
XVI.	Сіонистское государство въ будущемъ и настоящемъ.	259
XVII.	По Евангелію и по шулханъ-аруху.	267
XVIII.	Усовершенствованный видъ крѣпостнаго права	286
XIX.	Шулханъ-Арухъ, какъ гражданскій и политическій кодексъ евреевъ.	294

6

Duke University Libraries
D00451616N

D00451616N
DUKE LSC